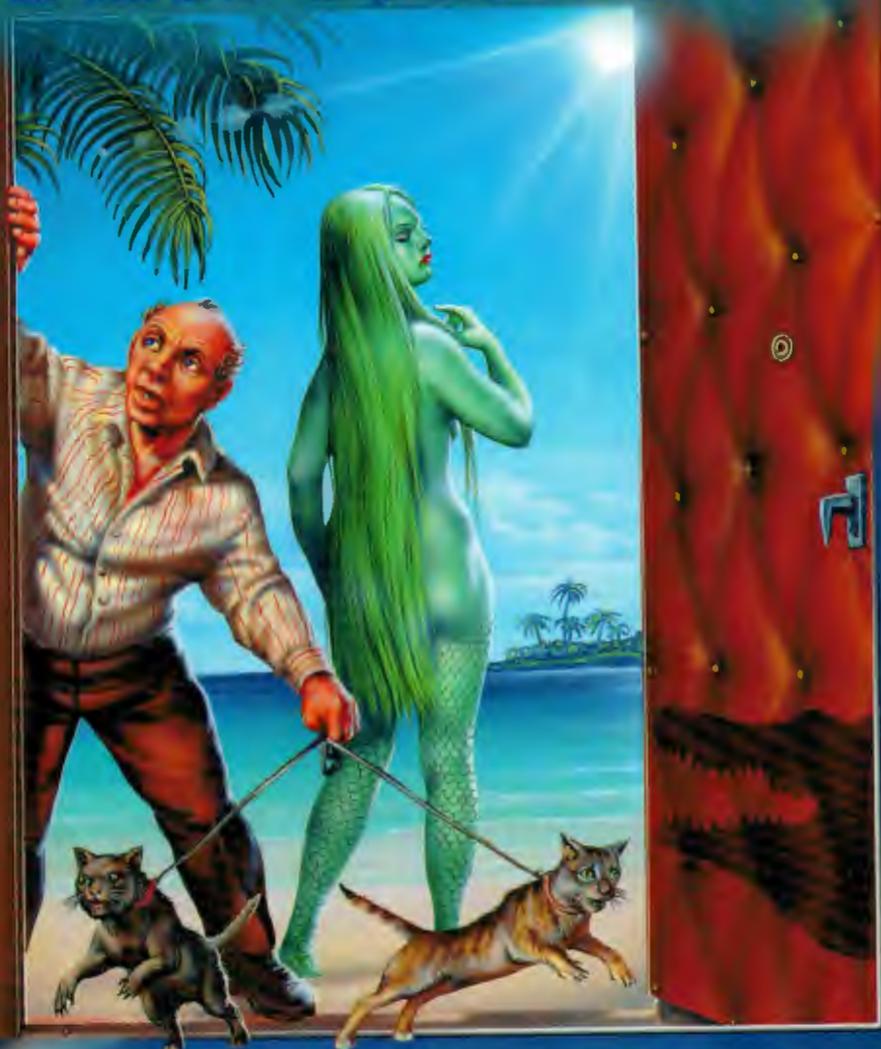

МИРЫ

КИРА БУЛЫЧЕВА

КРОКОДИЛ НА ДВОРЕ

КИР БУЛЬЧЕВ

МИРЫ
КИРА БУЛЬЧЕВА

КРОКОДИЛ
НА ДВОРЕ

СПИСОК

2003

КИР БУЛЫЧЕВ

**КРОКОДИЛ
НА ДВОРЕ**

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО **ЕРМАК**
Москва
2003

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Б90

Серия основана в 1999 году

Серийное оформление А.С. Сергеева

Художник М.Н. Калинин

Подписано в печать 29.04.03. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 3 000 экз. Заказ № 7711.

Булычев Кир

Б90 Крокодил на дворе: Сб. / Кир Булычев.— М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 379, [5] с. — (Миры Кира Булычева).

ISBN 5-17-018636-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-0290-0 (ЗАО НПП «Ермак»)

Кир Булычев — классик отечественной фантастики — творил, творит и БУДЕТ ТВОРИТЬ!

Перед вами — его произведения последних лет!

И снова с нами — его обаятельный, «фирменно» булычевский юмор, превращающийся, впрочем, теперь то в тонкую иронию, то в язвительную сатиру!

И снова с нами — полет воображения писателя, не имеющего в нашей НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ СЕБЕ РАВНЫХ!

Не пропустите!!!

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84 (2Рос=Рус)6

© И.В. Можейко, 2003

© ООО «Издательство АСТ», 2003

ВАНЯ+ДАША=ЛЮБОВЬ

1

Вчера вечером Григорий Сергеевич выступал в передаче «Лицом к лицу с будущим». Ее вел академик Велихов по каналу «Культура». Григорий Сергеевич выглядел очень красиво. Он у нас седовласый, подтянутый, даже стройный, несмотря на свои шестьдесят лет. Григорий Сергеевич ежедневно играет в теннис, а по воскресеньям скачет верхом. Именно для этого у нас на внешней территории держат двух коней. Порой Григория Сергеевича сопровождает доктор Блох, а иногда Лена Плошкина.

— Создание хорошей гистологической лаборатории, — говорил Григорий Сергеевич, — обойдется Академии наук в пятьдесят миллионов долларов, но у академии нет таких денег.

— Но ведь такая лаборатория относительно быстро окупится, — возразил академик Велихов. — Перспективы выращивания органов для трансплантации могут быть финансово оправданными.

— У нас немало наработок в этом направлении, можно сказать, что мы обогнали практически все лаборатории мира, но мы до сих пор ощущаем острую нехватку материала для трансплантации. Сколько страждущих больных погибает, не получив помощи и спасения из-за недофинансирования наших исследований!

— Я надеюсь, что в будущем положение изменится к лучшему, — улыбнулся похожий на Ленина академик Велихов. — Мы еще увидим небо в алмазах.

— Вашими бы устами... — ответил наш шеф.

Когда Григорий Сергеевич завершил беседу, мы, сидевшие в гостиной, не удержались от аплодисментов. И это было искренней оценкой нашего общего труда.

Мы не успели поужинать, как Григорий Сергеевич приехал со студии. Честно говоря, я даже не надеялся на это. Ведь позади остался большой трудовой день, потребовавший от Григория Сергеевича немалого напряжения.

Первым его приближение ощутил Лешенька.

— Господа, — произнес он. — Ребята! Старики! Надвигается шеф!

Тут и мы услышали шаги в коридоре и вскочили, чтобы приветствовать его.

— Я не мог уехать домой, — сказал Григорий Сергеевич, — не сказав вам спокойной ночи.

— Жаль, что кухня закрыта, — заметил Феденька. — Чайку бы попили.

— Вот такие, как вы, и нарушают дисциплину, — засмеялся Григорий Сергеевич. — Сначала чай не вовремя, а потом?

— А потом приют ограбили, — сказал я.

— Ох, умничаешь ты, Ванюша, — укорил меня Григорий Сергеевич. — Даже слово такое уже не употребляется. Где ты, прости, выкопал такое уродливое слово?

— В «Двенадцати стульях», — признался я. — Там голубые воришки растащили приют.

— Помню, помню. — Григорий Сергеевич положил мне на плечо свою сухую, жесткую и в то же время безмерно добрую ладонь. — Прости старика, запомятовал.

Он поднялся было, чтобы уйти, но спохватился и остановился в дверях. Именно так делает американский актер в бесконечном сериале про лейтенанта Коломбо. Он всегда делает вид, что уходит, удовлетворенный ложью убийцы, но в дверях обязательно замрет и обернется. И спросит: «А кстати, не ответите ли вы мне на один маленький вопрос: где вы были вчера в восемь утра и почему на вашей пижаме пятна крови?»

Григорий Сергеевич задержался в дверях и посмотрел на нас. Взгляд его был строг и печален. Взгляд отца.

Мне стало холодно внизу живота.

— Дети мои, — сказал Григорий Сергеевич, — завтра с утра плановые анализы. Потом привезут нового больного.

Дверь за профессором медленно и беззвучно затворилась.

Свет сразу потускнел, заиграла колыбельная. Щелкнул и погас экран телевизора. Пашенька, который не успел досмотреть передачу «Ольга Павлова и ее мужчины», выругался одними губами.

Мы потянулись в туалетную комнату.

Я люблю нашу туалетную комнату: это совершенство гигиены. Восемнадцать умывальников, над каждым полочка с зубной щеткой, рядом — два полотенца. Шампунь на вкус (впрочем, вкус у нас одинаковый) и мужской одеколон «Арамис».

Я подошел к моему умывальнику.

На зеркале сидела муха. Я согнал ее. Мухе не место в нашей туалетной комнате.

Я стал смотреть в зеркало.

Я люблю смотреть в зеркало, потому что, простите за искренность, мне приятен мой внешний облик. Мое лицо слегка, в меру загорело, потому что мы проводим много времени на свежем воздухе, занимаясь физическими упражнениями и трудясь на маленьком приусадебном участке. Кожа моего лица чистая, без прыщиков, глаза карие, большие, в темных ресницах, губы в меру полные, зубы — ни одной дырочки! После завтра будем стричься, так что волосы чуть длиннее обычного. Я отпустил небольшие усы, Григорий Сергеевич не возражает против этого. Он сторонник индивидуального выражения. Нам даже не возбраняется читать и писать стихи. Я сам в прошлом году написал стихотворение, в котором отразил свое отношение к погоде:

Вот и осень наступила,
Очень грустная пора.

Как кроссовкой наступила.
Я той осени не рад.

Доктор Блох, он еще молодой хирург, прочел мое стихотворение и выразил удовлетворение. Он сказал, что из меня может получиться настоящий поэт. «Вы не шутите?» — спросил я доктора. И тогда доктор Блох ответил, что шутит. «У нас с тобой, — сказал он, — другой смысл в жизни».

Справа от моего умывальника умывальник Лешеньки, а слева умывальник без полотенца, раньше он был умывальником Петеньки, но с тех пор как Петенька ушел, им никто не пользуется. Доктор Блох говорит, что новый клон уже готовится на запасной базе. Но он будет завершен не раньше чем через полгода.

Я посмотрел на Лешеньку.

— Слушай, — сказал я ему, — может, тебе отпустить бакенбарды? У меня будут усы, а у тебя — бакенбарды.

— Боишься, что тебя со мной спутают? — засмеялся Лешенька.

Я смутился, так как он попал в точку. Как объяснял доктор Блох, уровень моей сексуальности несколько превышает норму нашего клона, в этом нет ничего катастрофического, но эту особенность моей природы следует учитывать. В конце концов, каждый из нас, двенадцати оставшихся в Институте из восемнадцати первоначальных членов клона, обладает особенностями, как генетическими, так и психологическими. В частности, в этом смысл нашего эксперимента. Даже тараканы не бывают одинаковыми, как-то заметил Григорий Сергеевич. А люди — не тараканы!

Лешенька, как наиболее проницательный из нас, заметил, что я проявляю знаки внимания к Леночке Плошкиной, нашей стационарной сестре. Мне хотелось поцеловать ее, мне хотелось гулять с ней вечером и дарить ей подарки. Я даже жалел, что мы лишены собственности, и потому подарков от нас ждать не приходится. К тому же Леночка привязана к Володичке.

А зубную щетку Петеньки почему-то забыли убрать. Интересно, подумал я, у вещей есть память? Помнит ли та зубная щетка, как она чистила зубы Петеньке? Петенька был самым веселым из нас и хорошо запоминал анекдоты. Вот я, например, могу тысячу раз услышать анекдот, но не запомню, чтобы его вам рассказать.

— Надо убрать его зубную щетку, — сказал Лешенька, но сам ее трогать не стал.

2

Я глубоко уважаю Григория Сергеевича за его откровенность. Это ему не всегда легко дается, потому что каждый из нас для него, как он сам признавался, ближе родного ребенка.

Я не только предполагаю, но теперь знаю наверняка, что в других медицинских учреждениях и даже в других отделениях нашего Института господствуют другие нравы. Но Бог им судья!

Мы с вами мужчины и должны не только смотреть правде в лицо, но и сознавать нашу высокую цель, наше предназначение. Жертвенность всегда была свойственна русскому христианину. Если мы не спасем человека, то кто его спасет?

Тогда я сочинил такое стихотворение:

Если я помочь не буду,
Если ты помочь не станешь,
Кто беду руками скрутит,
Кто поможет и спасет?

Я его еще никому не читал.

У нас было два события. Первое — подвиг Олежки. Да, я называю это подвигом по примеру Григория Сергеевича. Он утверждает, что каждая жертва одного из нас — это своего

рода подвиг. И мы заслуживаем памятников. Каждый из нас, еще при жизни.

Леша, Лешенька, ты циничен. Ну почему ты вцепился в слово «еще»? Все мы смертны, а те, кто стоит на переднем крае борьбы со смертью, должны быть всегда готовы к встрече с ней. Это судьба.

Вечером перед ужином мы собрались в розовой гостиной.

Все тут были. И наш клон, и Леночка, и доктор Блох. И, конечно же, Григорий Сергеевич. Он пришел, как и положено на проводах, в черном строгом костюме, который шил в Париже у кутюрье Вадима, и сиреневом галстуке с булавкой 2-го Меда.

Мы сами раздвинули стол и накрыли его.

Всем шампанское, кроме Олежки. Ему нельзя. Ему, говоря шуткой, завтра почти весь Урал переплывать. Это старый анекдот про Чапаева, который утонул посреди реки.

Олежка попытался улыбнуться. У него дергалось веко. Еще в прошлом году он упал и повредил себе веко. Видно, задел мышцу, которая его держит. Для наших дел это не важно, но отличает Олежку от прочих.

Он повернулся к доктору Блоху, который сидел справа от него, и шепотом попросил сделать ему еще один укол.

— Дружочек, — улыбнулся в ответ доктор, — ты же не хуже меня понимаешь, что это окажет вредное воздействие на твою печень. Она и без того перегружена лекарствами, чтобы уменьшить риск отторжения.

Доктор налил себе кофе. Мне тоже можно кофе.

— Хрен с ним, — тихо сказал Олежка, и мне было непонятно, кого он имеет в виду.

— Тогда наша жертва... — Григорий Сергеевич, конечно же, услышал этот обмен репликами. У него большие, очень белые уши, которые иногда шевелятся, как радары. — Наша жертва станет бессмысленной, а это равнозначно сапогам всмятку. Кстати, детки, кто первым вспомнит автора афоризма? Обещаю, кто вспомнит, пойдет в воскресенье в зоопарк.

Мы начали говорить и все ошибались. Лично я подумал, что это Ильф и Петров, Лешенька сказал, что Лев Толстой. Кто что читал в последнее время, тот и совал своего автора.

Вдруг Олежка сказал:

— Это Тургенев. Повесть «Отцы и дети».

— Ах, какой ты молодец! — обрадовался Григорий Сергеевич. — Недаром я всегда гордился тобой и ставил тебя в пример прочим. Именно Тургенев! Стыдитесь, недоросли!

— Я пойду в воскресенье в зоопарк? — спросил Олежка. Он натянуто улыбался, словно понимал, что его слова — шутка, и в то же время немного надеялся, что Григорий Сергеевич выполнит обещание.

Его кулаки лежали на столе. Кулаки сжались сильнее и костяшки пальцев побелели.

Вдруг Григорий Сергеевич рассердился.

— Вот этого я от тебя не ожидал! — громко сказал он. — От кого-кого, но от тебя не ожидал. В твоих словах есть посягательство на то святое, ради чего мы с вами живем и умираем.

— Простите, — сказал Олежка. — У меня вырвалось.

— У человека не вырывается то, что в нем не заложено, — отрезал Григорий Сергеевич.

— Я боюсь, — сказал Олежка.

Этого говорить не следовало. Я даже испугался. Какой стыд!

— Боря, займитесь им, — поморщился Григорий Сергеевич.

Олежка поднялся и тут же вновь обессиленно опустился на стул.

Григорий Сергеевич воскликнул:

— Предлагаю спеть. Что-нибудь старое, но приятное. Давно я не пел. Кто запекает? Ты, Иванушка?

Я вздрогнул. Мне казалось, что меня не видно, что я здесь не существую, а наблюдаю за всеми издали, из-за стекла. А, оказывается, все смотрят на меня и ждут.

Я не мог отказаться. Я знал, что от меня требуется нечто очень бодрое. И я запел песню из очень старого кинофильма, которую любил Григорий Сергеевич и не раз напевал ее нам:

Жил отважный капитан.
Он изведал много стран,
И не раз он бороздил океан.
Раз пятнадцать он тонул
И кормил собой акул,
Но ни разу даже глазом не моргнул!

Некоторые подхватили песню, другие стали пить чай, Олежка прикрыл глаза, и веко вздрагивало.

— Как мне приятно находиться в родном коллективе, — сказал, когда мы допели куплет, Григорий Сергеевич.

Он вынул большой носовой платок и высморкался. Но не потому что у него начался насморк, а от чувств, уж вы мне поверьте, я знаю этого большого и непростого человека.

— Давайте же попросимся с нашим товарищем, — продолжал Григорий Сергеевич. — Слова мои неточные, слишком холодные, чтобы отразить бурю горячих чувств, владеющих мной, но люди еще не выдумали адекватных выражений и точных фраз. Завтра в это время мы соберемся здесь без Олешки, без нашего знатока творчества Тургенева, без доброго, отзывчивого человека, потому что, в то время как мы будем здесь бездумно гонять чай, он уйдет своим высоким путем, промчится среди звезд, словно настоящий метеор. Счастье свершения, высота помыслов, бескорыстие самоотдачи — все эти слова относятся к Олегу. Вставай же, сын мой, и иди на подвиг!

Голос Григория Сергеевича сорвался, и он всхлипнул.

Он уселся на свое место и шевельнул пальцами, приглашая других занять его место на воображаемой трибуне.

— Сейчас, — быстро, задыхаясь, затараторила глупая Леночка, наша стационарная сестра, — один человек ждет решения судьбы. Это великий человек, дорогой всему обществу и нам всем вместе! Этот человек — маршал авиации, защитник рубежей нашей отчизны. Если Олешка не придет к нему на помощь, часы его сочтены, а это значит, что в наших границах начнет зиять. И эти самые поползут к нам со всех сторон... Нет, я не могу, я просто не могу!

— Садись, — сказал Леночке Володичка.

Сам он не может встать, у него кресло, в которое точно вписывается его торс. Он любит Леночку и хочет на ней жениться, но Григорий Сергеевич честно при всех признался, что перспективы Володи пессимистичны. Медицина бессильна его спасти. Но он должен держаться, потому что у него остался мозг, у него осталось хоть и травмированное, но работоспособное сердце.

Леночка присела рядом с Володей. Она называет себя его невестой. Они делают вид, что вскоре сочетаются узами брака, но не верят в это. Никто не смеется, кроме Лешньки. Лешенька меня раздражает. Иногда я готов ему голову проломить, хотя вы понимаете, насколько у нас строга внутренняя дисциплина! Ведь искалечить одного из нас означает нанести неизгладимый урон всему клону, всему Институту, а может быть, и всему человечеству!

Кто мы?

Мы — скорая помощь.

Когда ничто уже не поможет избранным, чьи портреты висят в коридоре нашего отделения, когда черная дыра подбирается к земной цивилизации — выходим вперед мы; как паладины в белых одеждах праведников. И своей жизнью закрываем отверстие в плотине.

Простите, что я говорю красиво. Обстоятельства требуют высокого слога.

— Пора, — сказал доктор Блох. Он был лечащим врачом Олежа. На время подготовки к подвигу.

— Ты завидуешь? — спросил меня Федечка.

— Он спешит заменить Олега на боевом посту, — сказал Лешенька.

— Не говори глупостей, — сказал я.

Олежка поднялся, и тут ноги изменили ему. Мне стало стыдно за брата. Нельзя, ни на секунду нельзя терять контроль над собой.

И тут Григорий Сергеевич громко запел:

Жил отважный капитан,
Очень красный, как банан,
Он не раз пересекал океан!

И мы подхватили песенку, нелепую, милую, добрую песенку.

Я подбежал к Олежке и держал его справа. А слева шел доктор Блох.

— Давай, братишка, — сказал я. — Мы все смотрим на тебя!

Олежка сопротивлялся, но не отчаянно, а как будто по обязанности. Мы вели его так, как приятели тащат из кабака подвыпившего посетителя. И с каждым шагом Олежка делал все меньше усилий, чтобы наступить на пол, и в конце концов обвис на наших руках.

— Да скорее же! — закричал Григорий Сергеевич. — Отключите его!

Я вздрогнул и отпустил Олежку.

Блох не удержал его, и Олежка свалился на пол, а Блох сверху на него. Я отпрыгнул в сторону, и тогда Григорий Сергеевич с Леной поспешили на помощь молодому врачу.

Они потащили Олежку к двери.

Именно потащили, держа под мышки и за голову.

Мне было стыдно. И за Олежку, который настолько потерял себя, и, конечно же, за себя самого. Не знаю, почему мой мозг воспринял крик доктора «отключите его» как относящийся ко мне. Ведь я знал, что мне пока ничего не угрожает... ах, какое неправильное выражение: мне не угрожает!

Откуда могло возникнуть слово «угроза»? Какой стыд!

Я поднялся с пола и сказал:

— Простите, я споткнулся.

Но никто меня не слушал.

Некоторые вернулись к столу и стали доедать печенье и конфеты. И не было рядом врачей, чтобы остановить этот пир, могущий повредить обмену веществ.

Я тоже подошел к столу и уселся на свое место.

— Претендуешь на медаль? — спросил Лешенька.

— Я ни на что не претендую, но делаю то, что подсказывает мне совесть.

Врачи не возвращались. Впрочем, им не нужно было возвращаться. Они заняты.

В помещении постепенно наступила вечерняя тишина и покой. Это не означает, что никто не думал об Олежке. Конечно, думали и даже переживали.

Когда Лешенька предложил мне сыграть в шахматы, я сел напротив него, но продолжал думать, почему же Олежка проявил такую душевную слабость? Я не ожидал от него.

Лешенька сделал первый ход, я, не думая, ответил. Мы разыграли индийское начало, потом Лешенька задумался. И я задумался.

Я думал дольше, потому что меня вернул к действительности голос Лешеньки:

— Может, пойдём спать?

— Сейчас.

Почему-то с потолка стал сыпать мелкий дождик — слишком велика была конденсация пара в гостиной. Григорий Сергеевич как-то предупреждал об этом, но я забыл физическое объяснение явления.

Володичка подъехал к нам на коляске и сказал:

— У тебя конь под боем.

— Извини. — Я убрал коня, а Лешенька сказал:

— Ход сделан.

— Но это же товарищеская партия, — возразил я.

— С каждым днем все меньше товарищей, — заметил Володичка.

— И если мы будем такими же баранами, как Олег, скоро не останется совсем.

— А что ты предлагаешь? — спросил Володичка.

— Тебе уже поздно, ты списанный элемент, — сказал Лешенька.

— Не так все просто. Мне Блох гарантировал, что они регенерируют ноги.

— Скорее, из твоих ног кому-то сделают костыли, — уточнил Лешенька.

— Иногда ты меня раздражаешь, — сказал я.

— Кто-то должен раздражать баранов, хотя они все равно пойдут на бойню.

— Лешенька, в такой день! — возмутился я. — Мне за тебя стыдно.

— А чем этот день хуже любого другого? — спросил Лешенька. — Может, именно сегодня и надо говорить друг другу правду.

— Что ты имеешь в виду под правдой? — Это был голос Вадимчика. Хотя мы отличаемся друг от друга, голоса у всех схожие. По телефону я не смог бы различить. Но когда мы в комнате, рядом, то я с закрытыми глазами скажу, Венечка это или Олежка.

— На бойне есть должность барана, который ведет за собой стадо. Он говорит коровам и овцам: «Я здесь давно живу. Там, за углом, есть неплохое зеленое поле с нежной травой. Построимся, дорогие друзья, и в путь!»

— При чем тут Олег? — спросил Володичка.

— Ни при чем. Но еще полгода назад нас было восемнадцать человек. Сейчас — двенадцать с половиной. Завтра будет на одного меньше. Через год на наших мягких койках будут спать другие люди, другой клон. А сколько их было до нас?

— Мы пионеры испытаний, — отрезал я. — Мы — первые.

— А тебя никогда не удивляло, что в коридоре есть галерея спасенных за наш счет и в ней по крайней мере три десятка знаменитостей? Как их могли спасти шесть или семь членов нашего клона?

Каждому из нас приходится переживать минуты сомнений и даже страха. И единственное, что удерживает нас на уровне чистых и высоких помыслами юношей, это уверенность в правильности нашего пути, это понимание истинности нашего дела.

Вот это я и сказал моим одноклеточным братьям. И знал, что большинство разделяет мою точку зрения. Но не Лешенька. Проклятый Лешенька!

— Баран — патриот идеи все равно остается бараном, — сказал Лешенька. — И его мясо не становится жестче.

— Как ты смеешь говорить эти слова, когда наш товарищ и брат в нескольких метрах отсюда сосредоточенно готовится к завтрашнему подвигу!

— Ты называешь это подвигом?

— Я тебя убью! — вскочил я.

— А тебя убьют без моей помощи, — сказал Лешенька. — Тебя не спросят даже, хочешь ли ты жить. Хочешь ли ты жениться, иметь детей...

— Это наш долг! — закричал я.

— Кто тебе это сказал? — спросил Лешенька. Он криво усмехался. Мы все так усмехаемся, когда хотим обидеть, разозлить недруга.

— Это сказал... это сказал мой учитель, Григорий Сергеевич.

— И знаешь ли ты, сколько он получает за каждый наш жертвенный подвиг? Ты задумывался об этом?

Если бы не тот вечер, не прощание с Олежкой, которого только что увели навсегда, я бы никогда не кинулся на своего близнеца. Я любил Лешеньку, даже если он заблуждался. Но не смейте отбирать у меня цель жизни. Человек без цели становится куском навоза в проруби. Недаром Григорий Сергеевич часто приводил нам примеры из истории Советского Союза, и в первую очередь Великой Отечественной войны. Она доказала, что в жизни всегда найдется место подвигу. Григорий Сергеевич как-то сказал нам в задушевной беседе: «Я хотел бы, чтобы наш Институт назвали учреждением имени Александра Матросова, который закрыл своей грудью амбразуру, то есть отверстие, сквозь которое вел огонь вражеский пулемет».

— Не смей врать! — кричал я, наскакивая на брата. — Не смей клеветать на моего кумира!

Лешенька, отбиваясь от меня, гнул свое:

— Кумир останется жив и заведет других идиотов, как ты!

— Мне не важно, что случится со мной, я хочу, чтобы продолжался прогресс и во главе прогресса стоял бы наш Григорий Сергеевич.

Я даже понимал, что слова мои звучат по крайней мере наивно, и мне было неприятно слышать смешки тех, кто растаскивал нас с Лешенькой.

И тут в комнату ворвался доктор Блох.

— Что за шум? — крикнул он от дверей.

Он не вошел в комнату.

У меня создается впечатление, что он нас порой побаивается. Как будто входит в клетку с дрессированными хищниками.

В тот момент нас уже расташили, и мы по инерции размахивали руками, словно дрались с невидимыми противниками.

— Что за шум? — повторил Блох нарочито громко и весело. Натужно спросил, даже голос в конце фразы сорвался. — Что за шум, а драка есть?

— Ничего не случилось, — первым отозвался Володичка. — Шахматный спор.

— Как не похоже на вас, — сказал Блох. — Такие выдержанные люди, гордость нашего общежития.

— Шахматы... шахматный... пустяки... — галдели остальные.

— Не хотите говорить, не надо, — сказал Блох. — Тогда попрошу расходиться по спальням.

Спальнями у нас называются палаты, чтобы все было, как на воле.

В каждой по четыре койки. И больше ничего — что нам делать в спальнях? Только спать. Правда, некоторые держат журналы или карты для пасьянса.

У нас в спальне одна койка пустует. Уже второй месяц. Но Мишенька спал не с нами.

Мы улеглись, свет погас, но если я хочу, могу включить настольную лампочку, на полчаса, не больше, чтобы не повредить глазам.

Мои соседи — Барбосы, так у нас шутливо называют Бориса с Глебом — что-то задерживались. Они сегодня вообще с утра были молчаливы, может, потому что дружили с Олегом.

Только я вытянулся на кровати, лежа на спине и сложив руки на груди — это оптимальный способ отдыха, — как в спальню кто-то вошел. То есть я с самого начала догадался, что это Григорий Сергеевич. Пришел пожелать нам приятных снов.

— Где Барбосы? — спросил он.

— Куда они денутся, — сказал я. — Возникнут.

— Лешенька тебя достал, — сказал доктор и уселся на край моей кровати, в ногах. — Он меня тоже тревожит.

— А чем он тревожит? — спросил я.

— С тобой я могу быть откровенным, — сказал мой доктор. — Меня тревожит ситуация в группе. Я понимаю, этому есть объективные причины, усталость, потери в личном составе. Но мне кажется, что кто-то один из вас ведет направленную работу по разрушению замечательного духа единства и взаимовыручки, так свойственных нашему коллективу.

У Григория Сергеевича чудесный голос, не то чтобы низкий, но вельветовый, ему надо бы стать папой римским. Смешная мысль? Но я ее придумал всерьез. И постеснялся произнести вслух.

— Ты понимаешь, как мы дороги человечеству? И если кто-то подставит нам подножку, поставит под сомнение благородство наших начинаний... ах, если бы ты знал, как хрупка правда будущего!

В полутьме спальни его глаза излучали странный, добрый свет.

— У меня есть ощущение, что не выдержали нервы у Лешеньки. Чудесный молодой человек, твой брат и мой сын — а вот может стать для нас смертельной угрозой? А что, если он побежит к моим врагам? Ты же представляешь, сколько у меня врагов?

— Нет, нет, он не побежит! — вырвалось у меня.

— Но ведь он обвиняет меня в корыстолюбии?

— Нет!

— Иван, ты лжешь! — Он редко называл нас грубой формой имени. Он не хотел нас обижать. Он считал, что имя,

данное твоей кормящей матерью, должно сохраниться на всю жизнь. Хотя, как вы понимаете, ни у кого из нас не было кормящей матери.

— Он мой брат.

— Я ему дурного не сделаю, но я обязан знать правду! Я не могу быть неосведомленным, когда от моих решений зависит и ваша жизнь, и жизнь дорогих для нас людей! А ведь он не хочет сознаться и этим бросает тень на тебя и других невинных. Так что он сказал?

Я честно молчал, я не хотел Лешеньке зла. Но добрые чувства, которые так настойчиво вызывал во мне Григорий Сергеевич, отомкнули мне уста!

— Кстати, — заметил Григорий Сергеевич, понизив голос, — мне не хотелось тебе говорить об этом, но Лешенька позволяет себе нелестно отзываться о тебе. В обществе нашей Леночки он называл тебя грязным козликком. Разумеется... — Григорий Сергеевич достал носовой платок и грустно высморкался. Именно грустно. Мне стало его жалко. — Разумеется, мне не следовало об этом говорить, но мы должны жить с открытыми глазами. И еще неизвестно, что страшнее для личности: физическая смерть или предательство друга.

— А что! — вдруг услышал я свой голос. — Это на него похоже. Он и про вас говорил, что вы наживаетесь на нашей смерти, что вам процент платят.

Я спохватился, я замолчал, но плохое уже было сделано.

Я ведь уподобился Лешеньке. Чем я теперь лучше него?

— И многие слышали? — спросил доктор.

— Почти все были, — признался я.

Григорий Сергеевич поднялся и подошел к окну. Его обычно прямая спина ссутулилась. Плечи опустились.

— Я подавлен, — сказал он, глядя в темноту окна. — Мне горько. Я думаю о тщетности моих дел.

— Не расстраивайтесь, — произнес я. — Это случайность. Он так не думает. Он в принципе неплохой.

— Вы все неплохие, — отрезал Григорий Сергеевич, — но никто, включая тебя, не пришел ко мне и не сказал честно и

открыто: один из нас предал тебя, учитель, за тридцать сребреников.

— А кто ему даст тридцать сребреников? — спросил я.

— Желаящие вонзить кинжал в мою спину всегда найдутся.

— Нет, он неподкупный.

— Неподкупных, мой друг, не бывает.

— Только не наказывайте его!

— Я не имею морального права наказывать кого бы то ни было. Даже если этот человек поставил под угрозу само существование нашего дела, я постараюсь пересилить себя... Ах, как сладка месть!

Он не притворялся! Моему богу, моему наставнику, хозяину моей жизни хотелось отомстить одному из бессильных созданий его разума!

— Нет! — Он резко обернулся ко мне. — Нет!

И ничего не успел сказать, потому что сначала донесся страшный, нечеловеческий, утробный крик — что за животное закричало там, за залом? И почти сразу загрохотали шаги, дверь распахнулась и в комнату влетели Барбосы — мои соседи.

Как влетели, так и замерли посреди комнаты.

Не ожидали увидеть здесь доктора.

Доктор спросил:

— Что произошло?

Крик за дверью оборвался.

— Мы не хотели, — сказал Рыжий Барбос.

— Чего вы не хотели, черт побери?!

— Мы только заглянули в бокс, чтобы попрощаться...

— А Олежка нас увидел и стал рваться, — сказал Черный Барбос.

— Мы побежали, а он чуть не выскочил — а когда его стали обратно класть, он закричал... но мы же не хотели!

— Понял, — коротко сказал доктор.

Он вышел из комнаты.

Хоть я и был подавлен нашей беседой с доктором, у меня нашлись силы спросить этих балбесов, что ими двигало, когда они решили отправиться в «чистилище»? Ведь нельзя же!

Все термины условны, как человеческие клички. Порой и не догадаешься, откуда термин возник и давно ли живет на Земле.

«Чистилищем» называли бокс, в котором герой, идущий на подвиг, проводил последние сутки или ночь. Он подвергается там полной дезинфекции и обработке седативными и иными средствами, переводящими его мозг в область грез.

Что-то не работало. Может быть, именно появление Барбосов — ну что их потащило в «чистилище» на ночь глядя? Ну попрощались мы уже с Олежкой, даже не стали повторять высоких слов. Олежке было сказано открытым текстом, что завтра в восемь утра его здоровая молодая печень будет изъята из тела и пересажена страдающему циррозом и неизлечимо больному маршалу Параскудейкину, командующему Ракетными войсками особого назначения, знающему столько государственных тайн, что ему просто невозможно умереть. Родина этого не переживет. Впрочем, и возразить тут нечего. Кто не знает этого орлиного профиля! Кто не взлетал вместе с ним на первом реактивном самолете? Кто вывез из Ленинграда на Большую землю восемьдесят детей в горящем бомбардировщике? Все он — Александр Акимович! Санитарка тетя Оксана говорила мне, что у них в классе висел портрет Параскудейкина. Покрышкина, Чкалова, Леваневского и его. Потом Леваневского поменяли на Каманина. Потому что Леваневский вроде бы рванул в Штаты. Но это говорила санитарка, обыкновенная женщина, без допусков.

Скажу честно — если бы мне предложили занять место Олежки, я бы сделал это с восторгом. Я хочу пролететь подобно метеору и оставить свой след на Земле.

Олежка страшно закричал.

Барбосы кинулись обратно в спальный блок.

Григорий Сергеевич был глубоко оскорблен поведением Лещеньки, а также поведением всех нас, которые слышали

речи Лешеньки, не оборвали его и не доложили о них медикам. Это предательство! И я тоже предатель.

— Мы его видели, — сказал Рыжий Барбос. — И он нас видел. И как закричит!

— Он нам кричал: возьмите меня отсюда, я боюсь, я хочу жить!

— Сейчас он уже спит, — сказал я. — Сейчас ему хорошо.

— А может, они в самом деле за нас деньги получают? — спросил Черный Барбос.

— Помолчи! — огрызнулся я. — Хватит с нас Лешки!

— Жалко Олежку, — сказал Рыжий Барбос.

А я подумал, что Лешенька должен бы зайти. Он всегда заходит перед сном, глупая улыбка во всю физиономию, шахматная доска под мышкой — и сразу: «Иван, даю тебе фору. Ферзя или ладью?»

В конце концов, ничего особенного не произошло.

Я ни в чем не виноват.

Может ли чувствовать себя виноватым человек, который выполнил свой долг? Разоблачил предателя в наших рядах...

Почему же мне так неловко и хочется куда-то бежать, установить несправедливость?

Я поднялся и сказал Барбосам:

— Сидите и никуда не ходите. И так несладко.

Я вышел в коридор. Свет горел в полную силу, хотя давно пора бы его потушить.

В спальнях тоже слышны голоса. Но свет погашен.

Я пошел по коридору к ординаторской. Там наши доктора обычно чаевничают и болтают по вечерам, когда мы уже уgomонимся.

Мне надо было увидеть Григория Сергеевича, пока он не ушел домой. Мне надо было объяснить ему, упросить его забыть мои глупые слова. И не сердиться на Лешеньку.

Ординаторская была пуста.

Врачей я нашел в перевязочной. Или малой операционной — называй как хочешь. Каждому из нас пришлось прове-

сти здесь немало часов. Потому что наши тела должны быть безукоризненны! Мы — надежда Земли.

Там был и Лешенька.

Он полулежал в смотровом кресле, глаза прикрыты, рот вялый, из уголка течет слюна.

Руки прикованы к подлокотникам кресла.

Но говорил спокойно, разумно, словно по своей воле.

— Нас не интересуют твои мысли, — сказал доктор Григорий Сергеевич. — Я скажу тебе откровенно — важнее понять, насколько их разделяют твои братья.

— Мы мыслим почти одинаково, — сказал Лешенька, не раскрывая глаз.

— Вот это неправда, — сказал доктор. — Ложь. Мы поймали тебя по доносу твоего брата.

— Иван все же не выдержал! — В голосе прозвучала усмешка, но на лице она не отразилась. — Он влюбчив, он избрал вас отцом, как котенок избирает себе хозяина. Мы же все разные.

— Мне лучше знать, насколько вы разные. Но я был убежден: именно моя политика откровенности и спланирует нас в общем деле.

— Ах, оставьте, доктор! — возразил Лешенька. — Никакого общего дела не существует. Есть ваша корысть, есть ложь, ложь и еще раз ложь!

— Алексей, — предупредил Григорий Сергеевич, — оставь, иначе я буду вынужден принять меры.

— А вы их и так примете, — парировал Лешенька. — Потому что вы меня боитесь. Ведь для всего клона я — его член. И с каждой новой смертью доверие к вам съезживается, как шагреновая кожа...

— Ты не мог этого читать! — вдруг завопил, буквально завопил Блох.

— По телевизору смотрел, — признался Лешенька.

На этот раз он говорил неправду. Я знал, откуда у него эта книга. Ее нам санитарка принесла. Ничего в ней такого не было, но почему-то она была запрещена. Может быть, они

боялись, что мы ощутим сходство судьбы того человека и нашего клона.

— Не хотите такого сравнения, — сказал Лешенька, — сравните нас с подводной лодкой «Наутилус».

— Почему? — спросил Блох. Он не понял.

— Потому что там становилось все меньше матросов, пока не остался один капитан Немо.

— Остроумно, — заметил Григорий Сергеевич. — Очень остроумно. Меня сейчас интересует еще один вопрос: с чего ты решил, что мы зарабатываем деньги на вашей судьбе?

— Я в этом уверен.

— Но почему?

— Все великие шпионы пробалтываются...

Григорий Сергеевич обратился к сестре Леночке:

— Пройди по спальням, погляди, хорошо ли они спят?

— Сейчас, — отозвалась Лена и осталась на месте. Ей куда интереснее было послушать бунтаря.

А Лешеньку стоило послушать. Я сам слушал его с интересом.

— Я подозреваю, что ваш проект с самого начала был коммерческим.

— Чепуха, чепуха, чепуха! — Доктор Блох легко возбуждался. — Где вы найдете деньги на такой проект? Только государство может поднять наш Институт.

— Государство, — парировал Лешенька, — это скопище людей, заинтересованных в сохранении определенного порядка вещей.

— Мы вырастили философа!

Как будто радостная фраза, но при этом Григорий Сергеевич так развел руками и склонил вбок голову, что ясно стало — обошлись бы мы без философов.

— Я не знаю, сколько у вас таких клонов, как наш, — сказал Лешенька, — но думаю, что не один.

— Всего три, — ответил Григорий Сергеевич. — Два мужских и один женский.

— Не важно, — сказал Лешенька. — Главное, что вы — убийцы.

— Вот это перебор! — крикнул Блох.

— Вы же создали клон, вы нас вытащили в двадцатилетнюю жизнь, но не для того, чтобы научить и помочь человечеству... хотя бы солдатами! Нет, вам нужны идеальные трупы.

— Лена, — сказал Григорий Сергеевич, — я же велел тебе пройти по спальням. Я не хочу, чтобы какой-нибудь любопытный идиот подслушал нас.

А я находился в каком-то ступоре. Я понимал, что Лена сейчас выйдет в коридор и увидит меня. Понимал, но не двигался с места, так как эта угроза меня не касалась.

И когда Лена вышла в коридор, я шагнул в сторону, чтобы уступить ей дорогу.

— Иван? — удивилась она. — Ты что здесь делаешь?

— Сейчас уйду, — ответил я.

— Надеюсь, — сказала Лена. — Беги быстрее. Ты ничего не слышал.

— Это я на него сказал, — сообщил я.

— Доносчиком больше, доносчиком меньше, — сказала Леночка, круглолицая худышка с широкими бедрами, в туфлях на каблуках. — Вы все тут такие, мотыльки.

— Почему мотыльки? — вдруг обиделся я.

— Потому что дунет погода — и нет вас. А ну, беги!

Нельзя в больнице ходить на каблуках, но сестры, у которых хорошая фигура, носили туфли на каблуках.

Она отнеслась к моему покаянию равнодушно, будто знала. Но слово «доносчик» — обидное слово, я не думал раньше, что мне будет так неприятно его услышать. Тем более что я не был виноват.

Доносчик — это тот, кто сам несет сообщение начальнику. А из меня признание вытащил Григорий Сергеевич, вытащил, словно клещами.

— Иди, иди, — сказала Лена, — а я покурю.

— Я возмущен клеветой на Григория Сергеевича, — сказал я.

— Ну и слава Богу. Есть еще мушкетеры в нашем королевстве. Иди, ягненок.

— Почему ягненок?

— На меня тебе донести не удастся, — вдруг засмеялась Лена. А один зуб у нее был золотой. Это очень некрасиво. — Я с тобой даже не разговариваю.

Я ушел. Я не выношу, когда меня оскорбляют. Но в самом деле — не побежишь же жаловаться заведующему отделением на обслуживающий персонал!

Барбосы уже спали. Они свое пережили, поволновались, а теперь будут спать.

3

Утром, за завтраком меня ждала неожиданность.

Мы сидели за длинным столом, санитарка Оксана проходила за спинами и наливала каждому в чашку какао с молоком. Лешеньки не было.

В этот момент вошел доктор Григорий Сергеевич. Он был обыкновенный.

Рядом с ним шел Олежка. Сонный, не совсем адекватный, но ступал своими ногами.

Он сел на свое место рядом со слепым Кузьмой.

Теперь за столом не хватало только Лешеньки.

Сестра Лена подошла к пустому месту Лешеньки, взяла его тарелку и ложку, блюдо с булочкой и перенесла к Олежке. Ведь у Олежки не было прибора — он не должен был приходить.

— А где Лешка? — спросил я шепотом у Володички. Они же в одной спальне.

— Не приходил, — сказал Володичка.

Тут подал голос Григорий Сергеевич. Он прихлебывал какао и говорил:

— Судя по вашим вопросительным взорам, вас смущает отсутствие Лешеньки и присутствие Олежки. Я прав?

В ответ послышался легкий гул согласия.

— Случилась медицинская ошибка. Прискорбная, но порой неизбежная. В последний момент при подготовке Олега к операции выяснилась элементарная биологическая несовместимость его печени по трем параметрам. Вина за то полностью лежит на лаборатории. Когда мы узнали об этой неприятности... — Григорий Сергеевич смотрел каждому в глаза, будто стрелял в нас доверием. И мы тоже старались ему доверять. — Мы были в растерянности. Нам следовало разбудить вас и заняться выбором... Но, на счастье, мы как раз проводили организационную беседу с Лешенькой. Узнав о нашей беде, Лешенька тут же, без колебаний, предложил заменить собой Олежку. Благо, его печень отличается полным здоровьем и по всем параметрам подходит для пересадки. И Лешенька ушел в операционную! Вот так...

Григорий Сергеевич допил какао, медленно поставил чашку и вытер губы салфеткой, прислушиваясь к тишине за столом.

Наши мысли были спутаны.

Мы не могли возразить.

Мы понимали, что доктора руководствовались высшими соображениями.

Но почему нам не сказали перед операцией? Ведь никогда прежде ни один из нас не уходил туда, не попрощавшись с товарищами.

Я должен был сказать об этом, но не сказал, потому что я единственный, кто знал, о чем беседовал Лешенька с докторами вчера вечером.

Вернее, я хотел сказать, но встретил внезапно рванувшийся ко мне взгляд главного врача.

И понял, что ничего не скажу.

Барбос Рыжий закричал:

— Ну, Олег, тебе повезло!

— Да? — Олежка еще не все понимал.

— Кому-то повезет, а кому-то нет, — заключил Володичка. — Странно все это.

— Володя! — окликнула его Леночка. — Ешь, пожалуйста, тебе надо хорошо питаться.

Дальше мы продолжали есть, хотя настроение было плохое, лучше бы все шло по-старому и ушел бы Олежка, все равно он уже почти смирился с этим. А теперь ушел Леша. Но виноват ли в этом я?

До Леши подвиги совершили шесть человек. Шесть моих близнецов.

Но только сегодня произошло нечто вроде возмущения. Я-то думаю, что в самом деле каждый из уходивших героев оставлял в нас жалость и страх. Даже если все проходило без сучка без задоринки, это было похоже на русскую рулетку, а я смотрел про нее в американском фильме про Вьетнам. Он называется «Охотник на оленей», правильно? Там герои крутят барабан револьвера, в котором есть одна пуля. И приставляют дуло к виску. Шансы один к шести. Очень страшно.

Раз выстрелил, остался жив. Надо стрелять снова.

И думаешь: наверное, мои шансы уменьшились? И с каждым разом приближается моя смерть.

Нет, не подумайте, что я трус и оппортунист, но я стараюсь понять, что же с нами происходило? Есть такая штука — подсознание. Не слышали? Я хочу быть хорошим и смелым, а внутри мозга, я даже не знаю где, живет страх. Это не я, а он боится выстрела.

Я не знаю, понимает ли это доктор Григорий Сергеевич, но не могу у него спросить, несмотря на все уважение к этому великому человеку. Он решит, что я просто струсил. Но я не струсил, я знаю, что движусь к подвигу, и мне хочется совершить подвиг, клянусь вам, мне хочется погибнуть ради жизни на Земле!

Хочется ли?

Вчера еще хотелось, но сегодня мысли мои сдвинулись, как будто под гнетом.

— Сегодня обычные занятия, — сказал доктор. — Каждый солдат знает свой артикул! — Он засмеялся и тут же оборвал свой смех.

А я подумал, что у него пронзительный смех, как будто ему совсем не смешно. Впрочем, ему, наверное, сегодня не смешно.

— Вечером, — сказал Григорий Сергеевич, — у нас будет небольшой бал. Я давно обещал познакомить вас с нашими соседями... вернее, соседками. Хватит жить анахоретами.

Это, конечно же, нас заинтересовало. Еще бы — в первый раз!

— А таблетки отмените? — спросил Рыжий Барбос.

Все засмеялись. На этот раз искренне. Ведь нам каждый вечер дают таблетки — это не секрет, потому что Григорий Сергеевич — сторонник простоты и искренности в отношениях. Он говорил нам, что сиреневые таблетки призваны понизить нашу сексуальную активность. Это делается для нашего блага, чтобы мы не мучились от недостатка слабого пола. Он показывал нам на кинопримерах и на литературных цитатах, к чему приводит желание обладать женщиной. Его слова не всегда действовали на нас, но мы понимали: в них есть смысл. Я даже знаю, что Пашенька долгое время старался обманывать доктора и выплевывал таблетки. Но потом при уборке койки на ней обнаружили следы этого... и ему пришлось признаться и выслушать выговор.

— Таблетки останутся, — улыбнулся доктор. — Потому что иначе вы начнете тискать девушек и можете их обидеть. Вы ведь этого не хотите?

— Нет, не хотим, — сказал я.

— Девушки придут к нам в гости после обеда, вы им все покажете — и спортивный зал, и классы, — потом будет маленький концерт совместной самодеятельности.

— Пошли, пошли! — весело подгоняла нас Леночка.

Мы поднялись из-за стола.

Доктор сказал вслед:

— Чтобы быть в форме!

Володя, который ехал позади всех в своем кресле, спросил:

— А Леша не вернется... с нами попрощаться?

— Нет, — сказал Григорий Сергеевич. — Я знаю, что так не принято, но обстоятельства сложились слишком строго. Если бы Алексей не вызвался добровольцем, скончался бы великий человек, гордость Российской Федерации.

В коридоре я приблизился к Олежке, но он не стал разговаривать. Я понимал, ему тяжело. Каждый из нас стремится к идеалу, но не каждому это дано.

Я обогнал его и услышал, как Володичка сказал Олежке:

— Не обольщайся, это только отсрочка.

— Отстань, — сказал Олег.

И правильно сделал.

Он и без Володиной подсказки знал, что это только отсрочка, но надеялся, что его физиологические недостатки не так уж велики. Что пройдет время, его подлечат, и он снова будет готов к подвигу.

Наш клон был выведен именно с этой высокой целью: быть готовыми пожертвовать своими органами, молодыми и здоровыми, ради спасения лучших людей государства. Это наша цель в жизни, это наша радость!

Почему я уговариваю себя, как на воспитательной беседе, проводимой доктором Блохом? Я в чем-то не уверен?

Я знаю, что тому виной — разочарование в моих братьях. Ушел Лешенька, но Володя явно метит на его место — на место брюзги и пессимиста.

А ведь он может плохо кончить!

Я вздрогнул. Чего я желаю своему брату? Ведь нас с каждым днем становится все меньше. Неужели Володя не принес уже своей жертвы? Если бы не здоровое сердце, которое кому-то скоро понадобится, он бы умер...

Смерть.

А почему моя смерть менее важна, чем смерть маршала авиации?

Я прикусил язык.

Барбосы толкнули меня, обгоняя.

— Это правда? — спросил Рыжий.

— Нет, — ответил я, хотя не знал, о чем он хочет меня спросить.

4

Мы встретили наших гостей в розовой гостиной.

Марик играл на пианино. Под потолком висела гирлянда лампочек, оставшаяся с Нового года.

Девушек было десять.

Они были русыми, голубоглазыми, ростом почти такими же, как мы, но худенькими. Блох заранее сказал нам, что их физиологический возраст — восемнадцать лет, на два года моложе нас.

Одеты они были по-разному, но вкусы у девушек были схожими, поэтому, даже не глядя на лица, а только на одежду, можно было догадаться, что они сестры или хотя бы близкие подруги.

С ними пришли два доктора и ассистент. Один доктор был мужчиной, а второй — женщиной. Ассистент тоже был женщиной, но некрасивой и сутулой, чего не скажешь о женщине-докторе.

Ее звали Марией Тихоновной, и в ней была особенная материнская стать и готовые утешить материнские глаза цвета шоколада со сливками.

Девушки чувствовали это обаяние и особенно в первые минуты теснились вокруг своего главного врача (Мария Тихоновна была главным врачом женского отделения и ведала клоном).

Но все равно наш Григорий Сергеевич был главнее. И не только потому, что он доктор наук и всемирный авторитет, но и внешне. У Марии Тихоновны было обаяние, а наш доктор был вождем. Такие люди становятся вождями с того момента, когда входят в помещение.

Сначала мы стояли, как бы две армии на поле боя, но потом ассистент их клона, ее звали Раисой, стала представлять девушек. Мария Тихоновна посмотрела на нас, а потом они уселись в сторонке с Григорием Сергеевичем и принялись беседовать на свои темы.

А со мной случилось происшествие.

Я увидел девушку, которая отличалась от своих близняшек лишь более светлой блузкой и прической. Вернее, все были завиты или изобразили прическу, а та девушка зачесала волосы назад и получился короткий хвостик. Волосы у нее были такими мягкими, что мне захотелось их погладить, как гладят котенка.

Это было, как в сказке, которую я сохранил в генетической памяти: принцу в ней следует выбрать невесту из строя одинаковых красавиц — клона первобытных времен.

И красавица помогает ему. Делает знак...

Моя красавица никакого знака мне не сделала. Посмотрела, а потом стала рассматривать корешки видеокассет на полке — у нас неплохая коллекция.

Рыжий Барбос подошел к ней и заговорил. Я не слышал, о чем он говорит, но сразу расстроился. Почему не подошел я?

А он взял ее за локоть!

Вы бы знали, как я его невзлюбил!

Странно теперь думать — ведь прошло десять минут после появления женского клона в нашей гостиной. Всего десять минут. Не может же человек влюбиться с такой скоростью!

Но что-то со мной случилось.

Именно одна красавица из строя невест вызвала во мне судороги сердца. А остальные были просто девушками.

— Не стесняйся, — сказал Григорий Сергеевич, который незаметно подошел ко мне. — Ты заслужил эту награду.

— Какую награду?

— Внимание этой девушки. Я хотел бы, чтобы у вас возникли личные отношения. Более того, как твой наблюдающий врач заявляю: сексуальный контакт мне интересен и даже желателен.

— Ну что вы говорите! — Честное слово, я смутился.

— И больше никаких таблеток!

Мне захотелось уйти, и я даже сделал движение к выходу, но доктор крепко взял меня за рукав и так же вполголоса добавил:

— Учти, мой мальчик, в женском отделении Мария Тихоновна придерживается русской врачебной этики. То есть тяжелый или терминальный пациент не должен подозревать о серьезности заболевания. Принимаются все меры к тому, чтобы пациент оставался в хорошем настроении и убеждении, что дело идет на поправку.

— Но ведь они и так здоровы, — удивился я.

— Они, эти девушки, не подозревают о том, что их цель — подвиг во имя человечества. Что их жизнь относительно коротка, что они — благородные доноры на благо цивилизации.

— А что же они думают?

— Что это Институт, в котором их клон находится под наблюдением. Вскоре будут выведены другие клоны для улучшения природы человека. А девушки выйдут замуж, родят детей и так далее...

— Надо немедленно сказать правду! — заявил я.

— Остановись, безумный! — горько улыбнулся Григорий Сергеевич. — Представь себе, что ты обрушишь на хорошенькую головку этого ребенка страшную для непосвященного информацию. Ведь даже такие стойкие и закаленные герои, как ты, порой подвергают сомнению свое предназначение...

— А где Лешенька? — спросил я.

— Его спасти не удалось, — ответил Григорий Сергеевич.

— Но это не из-за...

— И не думай, — перебил меня доктор. — Не мучай себя понапрасну. Лешенька в самом деле оказался сильнее и мудрее, чем я о нем думал. Его раздражительность была особого свойства — он был готов к подвигу и смущен отсрочкой... Когда-нибудь мы с тобой об этом поговорим подробнее. Не заставляй Дашу ждать.

— Вы знаете, как ее зовут? Вы их различаете?

— А разве ты не различаешь?

Я промолчал. В голове проскользнула дурацкая мысль, желание сказать доктору: «Когда мы с вами поговорим подробнее? А если завтра вам понадобится мое сердце? Или селезенка?»

Конечно же, я этого не сказал и тут же забыл об этой мысли — зачем думать о плохом? Ведь каждая жизнь кончается смертью. Никто еще не выздоровел от жизни. Умру ли я завтра или через двадцать лет — в чем разница? Годы и дни пролетают с одинаковой скоростью.

А Григорий Сергеевич подвел меня к девушке по имени Даша.

— Хочу познакомить вас, Дашенька, — сказал он тем воркующим низким рокотом, который заменял ему голос, когда надо было кого-то расположить к себе.

Девушка вздрогнула, словно погребенная под лавиной рокота.

Она не посмела взглянуть на меня.

— Я доверяю его вам, — сказал Григорий Сергеевич. — Пожалуйста, позаботьтесь о моем приемном сыне. Он только кажется могучим парнем, на самом деле он всего лишь робкий юноша со взором горящим.

— Ну что вы говорите! — сказала Даша. У нее был низкий взрослый голос.

Впрочем, у всех девушек был одинаковый голос. Только я не прислушивался к другим голосам.

— Я вас оставляю, — сказал Григорий Сергеевич. Он улыбался, как сытый кот. Ну что за гадкое сравнение! Разве можно, хотя бы мысленно, походя, так обидеть своего доктора!

— Вы все это просмотрели? — спросила Даша, глядя на кассеты.

— Нет, не все.

— А что вы больше любите, ужастики или триллеры?

— Я люблю хорошее кино, — ответил я.

— Ах, ну что вы мне отвечаете невпопад! Все понимают, что лучше хорошее, чем дерьмо. А по жанру? Наверное, фантастику?

— Не выношу фантастики, — признался я.

— Как интересно, — сказала Даша, — я тоже не очень люблю фантастику. Зачем они выдумывают без признаков любви? Я поэтому люблю фэнтези. Вы знаете, что такое фэнтези? Ник Перумов — это класс. И Головачев.

— Я уважаю только Стругацких, — сказал я.

— А в детстве?

— У нас слабая генетическая память, — сказал я. — Своё его детства у меня не было.

— А я все помню. У нас даже есть занятия на воспоминания. Мы смотрим детские фильмы, чтобы вспомнить, что знали наши физиологические родители. Был такой мультик — «Тайна третьей планеты»; я его угадала, как будто смотрела. У вас бывает чувство, когда вы смотрите фильм, а потом понимаете — вы его уже видели? Кадр за кадром...

— Было, — признался я. — А вы лимонада хотите?

Лена принесла нам несколько бутылок лимонада, а еще у нас были конфеты и торт, который мы сами чуть не слопали — так вдруг захотелось.

— Я голодная — жутко. Можно печенья взять?

— Пошли, — сказал я.

Даша взяла меня за руку, словно боялась потеряться в тесно уставленной людьми гостиной.

У нее были прохладные пальцы.

От пальцев исходил слабый ток. Может, это только казалось, но я чувствовал этот ток.

Я смотрел на нее в профиль.

Оттого, что волосы были туго зачесаны назад, голова казалась меньше, чем у других, и четче обрисованной. Нос был чуть вздернут, его кончик как бы потащил верхнюю губу и подбородок. Они выдавались вперед, придавая лицу выражение лукавого упрямства.

Девушка почувствовала мой взгляд и повернулась.

Повернулась, чтобы прямо посмотреть на меня увеличившимися зрачками.

Как будто забралась взглядом далеко внутрь меня, перекрыв горло. Я сглотнул.

Даша сдвинула мою ладонь пальцами.

Мы остановились, не в силах двинуться дальше.

Если бы мне сказали о том, что такое возможно, недавно сказали, я бы поднял вас на смех. Это из недорогой книжки.

Мы подошли к столу. Вокруг него уже собрались все или почти все, кроме докторов. Доктора и ассистенты остались в сторонке, на диване у телевизора.

Я успел схватить последние куски торта. Буквально последние. И еще яблоко для Даши. Потом передал ей тарелку, а сам сгреб с блюда шоколадные конфеты.

— Уйдем? — спросил я Дашу.

Возможно, вокруг шумели или пели песни, может быть, ко мне обращались с вопросами — не знаю.

— Куда уйдем?

— К нам в спальню.

— Мария Тихоновна не разрешила, — сказала Даша. — Она просила не оставаться наедине.

— Почему?

— Ты знаешь.

— Честное слово, не знаю. Она боится, что я сделаю тебе плохо?

Видно, удивление мое было настолько искренним, что Даша вдруг засмеялась.

— Предлагаю компромисс, — сказала она. — Рядом с этой комнатой есть перевязочная. Она пустая. Мы проходили мимо, мне надо было носок поправить, и я туда заглянула. Мы дверь закрывать не будем.

— Хорошо.

Она пошла впереди, неся тарелку с кусками торта, а я следовал за ней с остальной добычей.

На полпути в коридоре она остановилась и увидела, что ее ассистентка, некрасивая Раиса, беседует с доктором Блохом.

Она заговорила с Раисой. Я еще не успел подойти, поэтому не слышал, о чем был разговор, зато все понял.

Ассистентка обернулась к Блоху, Блох кивнул, тут и я подоспел, и Блох сказал мне:

— Если вам есть о чем поговорить, почему бы не уединиться.

Тут кто-то включил музыку; оркестр заиграл громко, словно начался новогодний вечер.

Даша включила свет в перевязочной.

Сколько раз я бывал здесь на осмотрах, но впервые увидел эту комнату без врачей, без делового, свойственного ей антуража и настроения!

Письменный стол с компьютером стоял у стены.

— Ставь сюда, — сказала Даша.

Она поставила тарелку с тортом на стол.

— Чего не хватает, — сказала она, критически осмотрев наш праздничный стол, — так это выпивки.

— У нас не бывает, — признался я.

— Знаю, знаю, не в деревне родилась, — улыбнулась Даша.

У нее были жемчужные зубы. Не просто белые, а с внутренним отблеском.

— Схожу посмотрю, не поставили ли чай.

— Поставили, — сказала Леночка, наша медсестра, входя к нам. Она несла две большие кружки, надев их ручки на пальцы левой руки. В правой был чайник.

Она ловко, как официантка, поставила чашки на стол.

— Наливайте, — предложила она, — тут уже заварено.

— Ну, у вас обслуга! — обрадовалась девушка.

— Я бы не стала называть меня обслугой, — улыбнулась Леночка. Улыбнулась улыбкой слез — где-то я это слышал.

— Желаю счастья, — сказала Лена.

Она закрыла за собой дверь.

— Придется тебе на мне жениться, — засмеялась Даша, — такой заботы я еще никогда не встречала.

Ей было забавно. У нее обнаружилось чувство юмора.

А я за мою относительно короткую жизнь еще никогда не оставался с женщиной один в комнате. У некоторых из моих братьев бывали связи с женщинами — санитарками, сестра-

ми, уборщицами, и Григорий Сергеевич не возражал против них, потому что весь персонал женского пола в нашем Институте подбирался тщательно и женщины проверялись, словно любовницы президента.

В прошлом году я влюбился в нашу повариху Лизавету. Она была веснушчатой хохотушкой, и ни халат, ни платье не могли скрыть больших мягких грудей, что распирали одежду и норовили вывалиться, выскочить из заточения. Мы к ней исслись, как мухи на мед, но в отличие от Лешеньки и Марика я был в нее влюблен и даже писал стихи.

Лизавету уволили после того, как на нее накинудись втроем наши мальчики. Но нельзя сказать, что виноваты были только они. Лизавета сама устроила праздник в своей подсобке, а подробности вам, наверное, известны.

— Ты чего замолчал? — спросила Даша.

Она разлила чай по чашкам, развернула «Каракум» и разглядила фантик.

— У нас некоторые девочки собирают фантики, — сообщила она. — А что ваши мальчики собирают?

— Даже не задумывался, — ответил я. — Кажется, Лешенька собирал телефонные карты.

— Совершенно неинтересно, — сказала Даша. — Вас на экскурсии возят?

— Редко, — признался я. — Григорий Сергеевич не хочет привлекать излишнего внимания. Когда столько одинаковых вместе — люди пугаются. Начинают шептаться — клон, клон! — как будто в этом есть что-то стыдное.

— Ничего нет стыдного. Бывают естественные близнецы, и бывают клонированные. Я считаю, что нам повезло.

— Потому что вы красивые?

— Разумеется, красивых людей должно быть как можно больше. Зачем нужны уроды?

— Это наука вашей Марии Тихоновны?

— Ты пей чай, а то остынет.

На Даше была кофточка, розоватая с длинными рукавами, а джинсы в обтяжку. Мне хотелось бы посмотреть, какие

у нее колени. Хотя я понимал — нет ничего проще, вернуться в гостиную и погляди на одну из ее клонов. У всех колени одинаковые.

А грудь у нее была небольшая. Плечи широкие.

Даша перехватила мой взгляд и сказала:

— Мы плаванием занимаемся. Я на спине первый разряд проплываю. Можешь себе представить, что я меньше года занимаюсь! И уже первый разряд. Тренер говорит, что я самая способная в группе.

— Мы тоже иногда плаваем в бассейне, — сказал я. — Но я тебя там не видел.

— Разные смены... Но у меня получается недостаток — видишь, какие широкие плечи получились. И мускулистые. Попробуй. Дай свою руку, попробуй. Да не так сильно! Ты мне плечо оторвешь!

— Извини, я нечаянно.

— Верю, что нечаянно. Еще чаю хочешь?

— Нет, спасибо.

— Я себе еще налью. А ты сильный.

— Обыкновенный, как все.

— Довольно скучно, правда?

— Скучно.

— Хорошо, что мы к вам в гости пришли.

— Жалко, что раньше не приходили. Мы еще встретимся?

— Почему ты так спрашиваешь?

— Ведь не каждый день вас будут к нам в гости приводить.

— А как нам встретиться?

— Не знаю, я думаю. Еще не знаю, но думаю.

— Можно, я конфеты возьму? У нас таких не дают. И знаешь почему? Маруся боится, что мы растолстеем. Она говорит: матери будущих спасителей Земли должны быть стройными, как Венеры.

— Какие еще спасители Земли?

— Ну ты же должен знать! Скажи, какая у тебя цель в жизни?

— Жертвовать собой ради других людей, — проговорился я, хотя обещал о таких вещах не говорить.

— Чепуха. — Она посмотрела на меня в упор, и ее глазницы увеличились до какого-то умопомрачительного размера.

— Я близорукая! — пояснила Даша. — Это ненормальный размер. В пределах клона, как ты знаешь, бывают различия. Близорукость — это индивидуально. У остальных наших девочек глаза нормальные. И не надо мне пудрить мозги своей жертвенностью. Жизнь — простая штука. Но я на нее не обижаюсь. Женщина — в первую очередь мать, продолжательница рода. Ты, голубчик, осеменил меня и побегал дальше, а я должна выносить, родить, выкормить и выпустить в свет маленького человечка.

— Значит, вас выращивают как гарем? — спросил я.

— Не хами, или я сейчас уйду. Мы — невесты достойных мужей.

— Значит, вас знакомят, потом выдают замуж? Или без знакомства?

— Иван, ты мне буквально надоел, — сказала Даша. Ее глазки уменьшились до разумных размеров. Конфеты она сыпала себе в сумочку. — Можно, я твой торт доем?

— Доедай.

Я верил Григорию Сергеевичу. Конечно же, в нашем Институте клоны держат не для каких-то будущих счастливых браков. Мы обречены. Но я знаю об этом и готов к этому. Даша ничего не знает и пойдет к своей судьбе, как баран с завязанными глазами. А должен ли я верить Григорию Сергеевичу? А что, если на самом деле в соседнем отделении воспитывают клон будущих идеальных матерей?

— Ты была на свадьбе?

— На какой свадьбе?

Она так спешила съесть кусок торта, что испачкала крем кончик носа и подбородок.

— Ты говоришь, что твоих сестер выдают замуж...

— Конечно. Но не обязательно. Иногда достаточно искусственного осеменения. Результат тот же самый, правда?

Она лукаво улыбнулась и наконец-то спрятала между алых губ последний кусочек торта.

— А ты уже была... была с мужчиной?

— Ну что за глупости лезут тебе в голову, Ваня! — воскликнула Даша. — Здесь, на товарищеской встрече с соседним клоном, только девственницы. Надеюсь, тебя это не смущает?

Она притворялась. Странная смесь словесного цинизма и робкой неуверенности в себе.

— Извини, я неправильно себя веду, — сказал я. — Тебе неприятно?

Она вынула зеркальце из сумки и, посмотревшись в него, стала вытирать лицо платочком.

— Чего ж ты не сказал, — упрекнула она меня. — Представляешь, если бы я вернулась с такой рожей?

— Когда я тебя увижу?

— А ты этого хочешь?

По коридору кто-то шел.

— Я не знаю. Может, тебе разрешат меня навестить?

В перевязочную заглянула их ассистентка Раиса, некрасивая сутулая женщина.

— Свидание закончено, — сказала она.

За ее спиной стоял доктор Блох.

— Чао, бамбино! — проворковала Даша.

И быстро пошла прочь. Я только сейчас заметил, что у нее были туфли на каблуках, и потому ее уход оказался звонким, чечеточным, гарцующим.

В конце коридора, у выхода из нашего отделения, стояли гурьбой наши и гости. Мужские головы были темными, каштановыми, а женские — светлыми, русыми.

— Она понравилась тебе? — спросил Блох.

— Не знаю, — ответил я, потому что не успел решить, что выгоднее: изобразить равнодушие или, наоборот, интерес. Ведь мне надо было придумать, как увидеть ее снова.

Я догнал Дашу у дверей.

Девочки начали шутить — где, мол, была, что делала? Соблазнили ли тебя?

— А мы с ним видео смотрели, — сказала Даша. — Порнуху. Славно время провели.

— Врешь!

— У нас нет порнухи, — сообщил Василек.

Но его никто не услышал за охами и писком наших гостей.

Правда, ассистентка спросила Блоха:

— Насколько это соответствует?

— Дети балуются, не обращайтесь внимания.

Этот ответ можно было понять двояко. То ли есть, но не надо реагировать, то ли мы невинны как овечки.

Мы проводили гостей до большой лестницы. Я ждал, когда Даша обернется. Она обернулась в последний момент, как будто была убеждена, что я гляжу вслед. Она подняла руку, прощаясь со мной.

Но ее взгляда я перехватить не смог.

Я стоял, а мои братья медленно возвращались в отделение, они были возбуждены и веселы, хотя, как я понимаю, никто из них не провел время вдвоем с девушкой.

5

Я сказал Григорию Сергеевичу:

— Можно мне посетить женский клон?

— Хочешь повидаться с Дашей?

— Мне бы хотелось. Мы с ней договорились.

Разговор происходил в его кабинете во время утреннего осмотра.

Григорий Сергеевич похлопал меня по голому плечу и сказал:

— Одевайся, молодец! Хоть на Эверест восходи.

— Хорошо бы...

— Удовольствие не для тебя.

— Скажите, а как себя чувствует маршал авиации?

— Ты имеешь в виду Параскудейкина?

— Командующего Ракетными войсками.

— Александр Акимович пошел на поправку. Ему значительно лучше. Его врачи считают, что через две-три недели он вернется в строй. И наша родина должна быть благодарна Лешеньке.

— Неужели нельзя говорить правду? — спросил я.

— Рано. Общественность к этому еще не готова. Я, честно говоря, мечтаю, что наступит день избавления от всех болезней. И мы с тобой скажем: наше дело сделано. Давайте жить долго!

— Я уже не скажу, — заметил я.

С сожалением, что раньше мне было не свойственно.

Григорий Сергеевич пронзил меня взглядом своих черных бездонных глаз так, что пол качнулся подо мной.

— Что ты хотел спросить у меня? — произнес он.

— Я просил увидеть Дашу.

— Можно я буду с тобой предельно откровенен, как с самим собой? — спросил доктор.

Когда человек, владеющий твоей судьбой, хочет поговорить с тобой откровенно, добра не жди.

— Говорите, — сказал я, разглядывая носки своих кроссовок.

— Вчера возник спор. Он касается не только тебя, но и всей концепции нашего исследования. Есть мнение, что любой из наших медицинских клонов следует делить на две части. Одни, как и прежде, будут жертвовать собой ради жизни на Земле. Другие, один-два индивидуума из каждого клона, будут оставаться для размножения, то есть для продолжения эксперимента в условиях естественного воспроизведения. Я не слишком сложно изъясняюсь?

Я все понял.

У меня даже в животе заурчало от волнения.

— Вы меня выбрали?

— Подожди, Ваня, не все так просто. Честно говоря, я выступал за справедливость. Незачем делить клон на черных и белых. А вдруг сложится ситуация, когда потребуется жизнь или здоровье одного из созданной нами пары?

— А вы вычеркните их насовсем. Забудьте, — подсказал я.

— Я вижу, что ты себя уже определил в производители. Смешно.

— Чего же смешного? — обиделся я.

— Смешно наблюдать за тем, как жизнь меня переиграла, — сказал доктор. — Мой клон не только не один, как мы думали, но с каждым днем его члены набирают индивидуальные черты. С дьявольской скоростью, скажу тебе, мой мальчик. Вчера мы с вами были едины в понимании цели. Сегодня мы вынуждены изменить Олега на Лешеньку, потому что Лешенька стал угрозой для существования эксперимента.

— Вы его нарочно взяли?

— Не делай больших глаз, Ваня. Ты отлично знал, когда рассказывал о недозволенных речах твоего друга и брата, что мы будем вынуждены его наказать. Мы его и наказали. А у истоков наказания стоял ты, голубчик.

— Я ничего не сделал! — почти закричал я. — Я не хотел!

— Да, да, не хотел, не волнуйся. Ты ни при чем. Лучше дослушай меня.

— Я не хочу дослушивать!

— Ты не понял. Я говорю о тебе и Даше. Мария Тихоновна считает, что твой роман с Дашей мы должны поощрять. Смешно? Тебя не спросили, а уже влюбляют. Тебе смешно?

— Нет, не очень.

— Мне тоже не смешно. Они даже нашли лазутчика, союзника в моем лагере — Елену. Она тоже хотела изолировать себя. Выделить из клона. Глупо, а я на нее так надеялся.

— Вы позволите мне увидеть Дашу?

— Во-первых, не только я принимаю решения. Как и большинство начальников, я могу запретить, но мне очень трудно что-нибудь разрешить.

— Вы их переспорили?

— Считаю, что переспорил. Ты останешься в клоне.

А в спину мне он крикнул:

— Хотя нет ничего окончательного. Не падай духом, сынок!

Я подождал, пока он уйдет, потом попробовал сам проникнуть в женское отделение. Я подумал, что если у меня есть союзники, то они в женском отделении.

Но переходник в женское отделение был закрыт, и, когда я нажал на дверь, тут же изнутри раздался голос охранника:

— Что нужно? Вход без особого разрешения запрещен.

Я так и думал.

Надо подчиниться.

А я все больше сердился на Григория Сергеевича.

Это было неправильно, потому что еще вчера я был самым верным из его подопечных. Я искренне готов был отдать жизнь за благое дело. Неужели можно измениться так быстро?

Я возвратился в наше отделение, из бильярдной раздавались щелчки бьющихся друг о дружку шаров. Рыжий Барбос, как всегда, выигрывал.

И тогда я подумал: надо отыскать Марию Тихоновну. Если она не согласна с моим доктором, то может мне помочь.

Недавно еще я бы и в мыслях не посмел воспротивиться мнению Григория Сергеевича, а сегодня мне это решение показалось правильным.

Я спросил у охранника, как мне увидеть Марию Тихоновну.

Бесплотный голос, в котором мне хотелось уловить сочувствие, сказал:

— Мария Тихоновна отбыла на совещание в министерство. Звоните завтра после десяти часов утра по окончании обхода.

Нет, сказал я себе, отходя от двери.

Еще не все потеряно.

Есть другой путь на женскую половину — через палаты.

Я представлял себе расположение комнат и коридоров нашего корпуса. В основе своей Институт был старым зданием, построенным еще при Екатерине Великой. Но с тех пор

его корпуса многократно перестраивались, доделывались, модернизировались, реставрировались и приходили в негодность. Сегодня центральная часть главного корпуса после евроремонта приобрела снова классический вид с фасадом о восьми колоннах. Но за пределами парадной лестницы здание было выпотрошено еще в тридцатые годы. Мне говорили, — а чего только не рассказывают ночью в палате, — что под Институтом есть подземные туннели, они выводят к Москве-реке или соединяются с «третьим метро», которое ведет от Котельнического дома под Яузой в Кремль.

Я понимал, что все это сказки, как и то, что в туннелях стоит охрана, стреляющая без предупреждения, но в каждой исторической фальшивке есть доля истины. Туннель может оказаться забытым чуланом, но и забытый чулан может кому-то пригодиться.

Но у меня хорошая зрительная память, к тому же мое любопытство уже увлекало меня в небольшие, ограниченные возможностями нашего брата, путешествия по коридорам.

Я знал, что между нашим отделением и бухгалтерией лежат три операционные. Они к нашим лабораториям отношения не имеют, хотя, конечно же, немислимы друг без друга.

Там проводятся те операции, ради которых мы и существуем на свете. А именно — пересадка жизненно важных органов. Хирурги, которые работают там, к нашей клинике не относятся. Они приезжают чаще всего вместе с пациентами, потому что это — крупнейшие специалисты в своей области, и им нечего делать в нашем Институте, где пересадки проводятся от случая к случаю. Только для особо важных больных.

Чаще всего бригада хирургов привозит больного с собой.

Мы их не видим.

И хорошо. Что бы ни говорили о подвигах и славе, смотреть на людей в голубых халатах, наверное, подобно тому, как осужденный смотрит на красную одежду палача.

Операционных три, потому что они специально профилированы для совершенно разных типов операций, и я об этом говорить не буду. Не хочу, да и мало знаю.

Но вдоль операционных проходит служебный коридор и дальше; за ними есть комнаты отдыха для хирургов и боксы, в которых перед операцией лежат доноры и реципиенты. То есть те, кто отдает, и те, кто получает.

После операции реципиент остается на несколько дней в нашем Институте. А что касается донора — то порой, изредка, они возвращаются. Как Володичка. Если пересадка их не убила. И они еще могут пригодиться человечеству. Но чаще они не возвращаются. Как Лешенька.

Где-то за операционными лежит в палате командующий Ракетными войсками, герой Российской Федерации и прочая, и прочая, прошедший плен в Афгане и Чечне, Александр Акимович. Герой. Гордость нации.

А что касается Лешеньки, то, вернее всего, некоторые его органы законсервированы, это идеальный материал. И Лешенька возродится не в одном — в нескольких людях, спасенных ценой его жизни. Вот так.

Дальше, за хирургическим или трансплантационным отделением, находится хозяйственный корпус, он соединен с хирургией старым коридором. Там же расположены комнаты странного назначения, до которых руки не доходят, чтобы их утилизировать и привести в порядок. Например, за хирургией я сам видел пыльный «красный уголок» — небольшой зал с переходящими красными знаменами, длинным столом, покрытым ветхой красной суконной скатертью, стульями из каменного века и длинными красными полотнами лозунгов по стенам и под потолком. «Слава советским медикам, добившимся решительных успехов в борьбе с туберкулезом!»

Там есть длинная комната, в которую притаскивают — грех же выкидывать! — старые койки и каталки. Они стоят там тесно и ждут войны или страшной эпидемии. Есть просто пустые палаты, подготовленные к ремонту. А в крайней я видел стремянку, ведра с высохшей краской и пилотку на полу, сложенную из газетного листа. Когда-то давно ремонт здесь все же начался, но, видно, о цене не сговорились или украинских арбайтеров выгнали из Москвы.

Я помнил о пути за хирургию, хотя дальше подготовленной к ремонту палаты не заходил. Но по моим расчетам получалось, что если за пустыми комнатами я смогу найти ход на верхний этаж, а еще лучше — на чердак, то смогу перейти в главный корпус, где и находится женское отделение.

Наверное, лучше всего пробраться туда поздно вечером или ночью, потому что тогда нет опасности встретить в коридоре случайного человека. Но ночью и охранники бдительнее: возможно, самые важные части коридора контролируются телевизионными камерами, как в американском фильме.

Нет, лучше идти сейчас, пока Институт живет и не собирается спать. И я буду надеяться на то, что в этой части здания всегда народу негусто.

К счастью, мы ходим по отделению в гражданской одежде — в джинсах и различного вида куртках. Помимо нас в Институте работают или пребывают, очевидно, несколько сотен человек. И врачей среди них меньшинство. Впрочем, за пределами лабораторий и кабинетов многие предпочитают гражданский наряд.

Так что мне и притворяться не нужно. Идет по коридору техник или лаборант...

Я был прав.

Дверь из нашего отделения я открыл — не в первый раз. Время от времени кто-то из нас бежит в киоск на первом этаже или к автомату с «кока-колой». Так что дверь между нами и боксами открывать мы умеем. Но в боксы не суемся. Это опасно, могут наказать. Если, конечно, в боксе кто-то есть.

Так что я прошел по коридорам быстро, не смотря по сторонам, на случай, если за мной наблюдают телекамеры.

У последнего бокса я чуть было не задержался.

Но устоял, поборол соблазн.

К матовой двери бокса была прикреплена стандартная табличка с надписью «А.А. Параскудейкин».

Нет, я не буду сейчас рисковать. А вот на обратном пути обязательно загляну в бокс. Я ощущал себя причастным к его спасению. Леша связан со мной теснее, чем просто брат, мы с ним идентичны. И если он отдал жизнь за человека, то и я частично отдал, ну если не жизнь, то что-то дорогое.

В одной из операционных горел свет, оттуда доносились женские голоса. Я решил, что там идет уборка — ведь операционные всегда должны быть стерильно чистыми. Мне не хотелось бы попасть в грязную операционную. Это не значит, что я надеюсь выйти оттуда, в конце концов, это меня уже не будет касаться; но все же должны соблюдаться некие важные принципы. Не сочтите меня занудой, я дитя системы воспитания и образа жизни. Как говорится, какой режим, под тем и лежим.

Ободранная белая дверь открылась нехотя, будто знала, что мы с ней совершаем нечто нехорошее.

За ней находилась лестничная площадка, переход наверх был забран решеткой с висячим замком амбарного вида. Маршем ниже я оказался у стеклянной двери, за которой была больничная кухня. Одно из стекол в двери было выбито и сквозь него тянуло запахом столовских шей, хотя вроде бы щами нас давно не кормили.

На кухне мне делать было нечего, а ниже был подвал.

Я вернулся на этаж хирургии, но сразу двинуться дальше мне не удалось, потому что санитарки, которые шли из операционной, устроили по пути горячий спор из-за салфеток. Я не вслушивался в спор, только досчитал до шестисот, прежде чем они вдоволь наговорились.

Затем я быстро прошел мимо пустых палат и палат, в которых должен начаться ремонт. Миновал площадку главной лестницы и пошел дальше широким коридором мимо старинных палат по двенадцать коек в каждой. По коридору бродили ходячие больные, пробегали сестры, я даже не знаю, что это за отделение. Главное было — не потерять кардинальное направление...

6

Через полчаса я добрался до бассейна.

В бассейне как раз купались девушки из клона.

Дашу я узнал не сразу, потому что они плавали в шапочках, и все казались совершенно одинаковыми.

Она меня сама узнала. И не удивилась.

Она подняла тонкую длинную руку и помахала мне.

— Ныряй к нам! — крикнула она.

В бассейне гулко переключались голоса, и поэтому ее голос не выделялся из прочих.

Весь зал высотой в два этажа с чередой окон под потолком был гулким и обширным, казалось, что такой громадине никак не поместиться внутри нашего скромного здания.

Никто не обратил на меня внимания.

Я сел на бортик и свесил ноги, носки моих кроссовок чуть не касались воды.

Она подплыла и сказала:

— Привет, я рада тебя видеть.

В глазах ее была настоящая радость. Даже такой тупой мужик, как я, ее заметил.

— Я тебя весь день искал, — сказал я.

— Я ночью стихи про тебя придумала.

— Расскажешь?

— Я забыла. Но это были хорошие стихи.

— Про любовь?

— Нет, про шпиончиков, дурак!

Нам было весело. Как будто больше ничего не угрожало. Вот, встретились, а теперь будем гулять, сколько хочется.

— Ныряй, — предложила она.

— У меня плавок нет. Лучше ты вылезай.

— У нас скоро ужин начнется.

— Я тебя ждать буду за раздевалкой.

— У Раисы спрашиваться?

— Тогда тебя не пустят.

— Я совершеннолетняя!

Но она понимала, что не пустят.

— Уходи незаметно, — сказала она.

Там, на выходе из раздевалки, стояли деревянные скамейки. Я довольно долго ждал Дашу. Весь зад себе отсидел.

К счастью, никто раньше нее не вышел.

Даша вышла из раздевалки с сумкой в руке, одета, как вчера, только блузка другая, светло-коричневая.

И темные от воды волосы распущены по плечам. Очень красиво.

— Заждался? — спросила Даша.

— Не успел.

— Ты молодец, — ободрила она. — Не психуешь. Я бы на твоём месте умерла от ожидания. Куда пойдём?

— Ты лучше знаешь эти места, — сказал я.

— Нет, если ты пришел со своего крыла, значит, ты все посмотрел. А я что: отсюда на лифт — и в нашем отделении. Как ты думаешь, нельзя в сад пойти погулять?

За нашим Институтом есть старый парк, называется он садом, так принято. Нас туда водили несколько раз работать на приусадебном участке, но по одному ходить не разрешают, и Григорий Сергеевич доступно объяснил: из сада легко выйти на улицу. Мы же не привыкли к жизни в городе и можем погибнуть. Надо учитывать, что Москва — жестокое место, в котором есть опасное предубеждение против клонов. В прошлом, когда люди из самых первых клонов выходили в город и гуляли поодиночке, были случаи нападения и даже убийства. Об этом трудно говорить без волнения, но человечество еще не готово к встрече с людьми будущего. Так что для нашего же блага лучше, чтобы мы не встречались со случайными прохожими, особенно со скинхедами — это современные фашисты.

— Нас не выпустят, — сказал я. — У нас был один парень, Леша, он пытался выбраться в сад — у него был непослушный характер. Он выпрыгнул в сад из окна второго этажа, но

его скоро взяли. Там спускают сторожевых собак, чтобы снаружи не пролезли бандиты.

— А где твой Леша? — спросила Даша. Почему ей вдруг захотелось о нем спросить?

— Он улетел, — сказал я. — В другую страну.

— Ты врешь, — сказала Даша.

Одна бровь у нее была выше другой.

— Чего мы тут стоим? — спросил я. — Ждем; пока кто-нибудь придет и разлучит?

— Разлучит?

— Нам не рекомендовано общаться, — сказал я. — Механик тобой недоволен.

— Какой механик?

— Это из песни.

— Я ее не знаю.

— Когда ее учили, ты болела.

Даша насупилась.

— Ты опять шутишь?

— Да не шучу я! Была такая старая песня!

— Куда мы пойдем? — спросила Даша.

— В хирургическое отделение, — сказал я. — Там есть пустые комнаты, туда никто не ходит.

— Почему?

— Хотели ремонт сделать, но, видно, нет денег.

— Пойдем, — согласилась Даша. — Это далеко отсюда?

Мы пошли туда и вовремя, потому что как раз в тот момент из раздевалки стали выходить девушки из ее клона, и одна из них успела нас заметить и крикнула вслед:

— Дашка, ты с ума сошла! Скоро ужин.

Я потянул ее за руку.

— Ой, как нехорошо получилось! — проговорила она на бегу. — Варвара обязательно расскажет Раисе. Она у нее в клеветках.

Я не стал выяснять, кто такая клеветка. Слово, правда, было неприятное.

Я уже изучил дорогу верхним этажом, где ход на чердак и дальше — бухгалтерия. Рабочий день кончился, бухгалтерия опустела, двери по обе стороны коридора были заперты, но оставаться здесь не следовало, наверняка есть какие-нибудь сторожа.

Даша шла, вертя головкой — она никогда здесь не была, да вообще не бродила по нашему Институту. Женщины меньше склонны к путешествиям. Обратите внимание — все открытия сделаны мужчинами, которые мечтают покинуть дом и просыпаться черт знает в какой палатке. Мне даже порой жалко, что судьба не подарила мне возможности путешествовать. Я бы попросил Григория Сергеевича: разрешите мне один год попутешествовать, где захочется, а потом я вернусь и выполню свой долг. Нечто подобное как-то при мне сказал Марик. На что Григорий Сергеевич ответил примерно так:

— Голубчик, есть заблуждение, что молодые люди не хотят умирать и боятся смерти. На самом деле все наоборот — у молодого человека впереди такая длинная жизнь, что ему кажется, будто смерти не существует. На самом деле старики боятся смерти куда больше. Она ведь рядом, она для них реальна. Им так хочется еще немного оттянуть момент прощания с этим миром! Тебе кажется, что если тебя отпустить в пампасы поскакать верхом на бизоне или задушить крокодила, то ты через год смиришься с конечностью жизни. Ничего подобного: я для того и защищаю вас от жизни, чтобы вы не привязывались к ней. Прости за определенный цинизм, но я сознательно держу вас на привязи в конюшне, откуда не жаль уходить на скотобойню.

Может быть, Григорий Сергеевич выражался не так определенно и жестко, но сейчас у меня было ощущение именно таких слов.

— Долго еще идти? — спросила Даша. — Я боюсь далеко отходить от отделения. Вдруг меня хватятся? Ты не представляешь, что будет, что будет!

— Ничего они с тобой не сделают.

— Кроме того, что не разрешат больше с тобой видиться и запрут меня в карцер.

— У вас есть карцер?

— Нет, конечно! У нас же гуманитарное заведение. Но так принято говорить.

— Гуманное.

— Что?

— Надо говорить гуманное заведение, а не гуманитарное.

— Нас так учили... А дальше я не пойду.

Навстречу шли двое мужчин.

Они двигались против света и показались мне очень большими и угрожающими.

— Постой, — сказал один из них, когда мы сблизились.

Даша так крепко схватила мою руку, что ее ногти впились мне в ладонь.

Бежать не имело смысла. За спиной был коридор с закрытыми дверями.

Двумя пальцами парень держал листок бумаги:

— Как нам в шестьдесят седьмую комнату пройти, не подскажите?

— Не подскажу! — От внезапного облегчения я проникся презрением к этим парням.

— Ты чего?

— Не знаю я, неужели не ясно, не знаю я никакой комнаты!

— Да ты не кричи. — Рабочие были настроены миролюбиво, к тому же чувствовали себя неуверенно — все-таки они оказались в больнице, где им попался некто строгий, то есть я.

Рабочие остались за спиной.

— А что, если они сообщат о нас? — прошептала Даша.

— Что они могут сообщить?

Я сообразил, что мы проскочили пустую палату, где я хотел посидеть с Дашей.

Мы помчались дальше, в новый корпус, в хирургию.

Слева находилась палата с табличкой «А.А. Параскудейкин».

Я остановился.

Здесь было опасно. Сюда заходить ни в коем случае нельзя. Но так хотелось взглянуть на командующего.

Я не могу объяснить, почему именно в тот момент мне понадобилось любой ценой поглядеть на человека, который унаследовал жизнь Лешеньки. Нет, не убил его — он и не подозревал, что получит жизнь ценой смерти молодого красивого человека, моего брата.

— Ты куда?

— Подожди. Я на секунду.

— Я с тобой.

— Я только взгляну на человека. Это знаменитый командующий. Я его видел только на портрете.

— Завтра увидишь.

Я уже ринулся к двери.

И отворил ее как можно бесшумнее.

Она скрипнула.

Палата была невелика. Койка оказалась выше, чем я думал, человек лежал на ней под углом — койка повышалась к изголовью. Из носа человека тянулась и пропадала за кроватью пластиковая трубочка. Рядом стояла капельница. У стены протянулись три или четыре прибора с дисплеями; на экране одного из них пробегали зеленые линии, взбрыкивая, как крутые морские волны.

Это все я увидел за секунду.

Еще я увидел лицо маршала авиации.

Это было не его лицо, чужое лицо.

Смуглое, крупноносое, губы наизнанку, глаза прикрыты, но между черных ресниц видны голубоватые белки, волосы завитые, пушкинские, баранья шкура окружает блестящую потную лысину.

Табличка на палате оказалась ошибочной.

Надо заглянуть в соседнюю, но из-за кровати уже поднялась сестра в голубой наколке и халате.

— Вы что здесь делаете, молодые люди? — спросила она вполголоса.

Я сказал:

— Простите, ошибка.

Я попятился, чуть не свалил Дашу и потянул ее назад по коридору. В пустой сектор.

Сестра не стала выходить за нами. Может, не испугалась, решила, и в самом деле кто-то ошибся, бывает.

Я запыхался — все-таки надо больше двигаться и тренироваться. Даша и вовсе дышала, как загнанный кролик.

За окном уже темнело, комната от этого казалась больше, чем при дневном свете.

Там стояло четыре койки, с трех были сняты матрасы, и поблескивали голые пружины, зато на четвертой были матрас и одеяло, только без подушки.

— Ты хотел здесь посидеть? — спросила Даша.

В палате ей не понравилось.

— А разве здесь плохо?

— У тебя распушенный тон.

— Не бойся, мы только посидим.

— Учти, — она подошла к постели, села на нее и немного попрыгала, чтобы понять, мягкая ли пружинная сетка, — я ненадолго.

Кровать заскрипела, как запела.

— Ты всех перебудешь, — сказал я.

— Я больше не буду. Ты чего-нибудь принес?

— Ты голодная?

— Я всегда после бассейна голодная. И вообще, я часто хочу есть. Во мне все слишком быстро перегорает.

— У всех у вас?

— Я самая активная.

Я сел рядом с ней, сетка подалась, и мы невольно сблизись, как будто съехали с двух горок навстречу друг другу.

— Осторожнее!

Она подняла ладонь, защищаясь от меня.

Я поймал ладонь в обе руки.

И мы замерли.

А потом я потянул к себе ее руку и поднес к губам. Я осторожно поцеловал ее.

Даша вздохнула, словно с облегчением.

Потом потянулась ко мне и коснулась губами моей щеки.

Но от нашего общего движения пружины совсем прогнулись и толкнули нас еще ближе, настолько, что мне пришлось обхватить ее руками, чтобы не свалиться.

— Ой, ну что ты делаешь! — прошептала Даша.

А я стал целовать ее щеку, висок, волосы, которые оказались мягкими и сильно пахли ягодным мылом.

— Что ты делаешь, — повторяла она, — ну что ты делаешь, сумасшедший? Ты слышишь? Ты же сумасшедший!

А потом она замолчала, потому что ее губы нечаянно встретились с моими, они были сначала сухими и даже жесткими, а потом стали очень мягкими, мокрыми и почти жидкими — я никогда не знал, что губы могут быть такими мокрыми и горячими, — обжечься можно.

Если какие-то мысли и скользили внутри головы, они почти не оставляли следа — это потом я задумался о том, какие горячие губы, и понял, что она шептала что-то, но ни слова не запомнил. И вообще, мои руки действовали помимо моей воли, потому что я отлично знал и верил в то, что девушке нельзя делать больно, порядочные люди не распускают рук. Почему-то это было заложено в голову, то ли пришло из загадочной родовой памяти, о которой не раз рассуждал Григорий Сергеевич, то ли было прочитано или увидено на экране.

Но почему-то мои пальцы добрались до ее груди, которая была тугой, но не твердой — ну как передашь словами эти ощущения, — меня так удивил твердый орешек — сосок, и захотелось отыскать второй сосок и даже поцеловать его, а она смогла проговорить:

— И не мечтай, не надо...

Потом она стала говорить:

— Ванечка, милый, ну пожалей меня, не надо сейчас, Ванечка!

Она уменьшилась, потому что вся уместилась в пределах и власти моего, ставшего гигантским, тела, и этому телу было необходимо отыскать вход, какой-то вход, отверстие в ма-

леньком, горячем, податливом и не смеюшем сопротивляться теле Даши, Дашеньки... Я почти преуспел в этом, потому что Даша, сопротивляясь, на самом деле помогала мне покорить, уничтожить, пронзить ее.

И вдруг — ну почему так случается?

Вдруг, когда моя ладонь почувствовала горячий, сухой мох под ее последней одеждой — я пишу как будто о другом человеке, потому что в те минуты я был другим, незнакомым самому себе существом, я избегаю называть какие-то части тела или действия известными и обычными словами, потому что тогда я забыл все эти названия и пользовался для самого себя образными сравнениями — кажется, такие слова зовутся эвфемизмами, они заменяют слова настоящие, но стыдные.

И вдруг Даша стала другой.

Она так испугалась, словно я пронзил ее раскаленным железным прутком. Она забилась, стала выскальзывать из-под меня, а так как я не был к этому готов, то она скользнула к краю койки, вырвалась и съехала на пол.

Я грохнулся сверху, но инерция во мне была столь велика, что я был готов помогать ей.

А она совершенно трезво сказала:

— Ты мне делаешь больно.

— Даша, — взмолился я.

Она вылезла из-под меня.

Все наши действия и движения с этой секунды стали неловкими и некрасивыми. Два человека возились на пыльном полу, один из них старался вырваться и подняться, а второй не пускал...

Даша победила и оттолкнула меня так, что стало не по себе.

И встала.

И не сразу сообразила, что у нее до самого пояса расстегнута блузка, а лифчик разорван, поэтому тугая округлая грудь без стыда видна, как некий плод, сладкий и чистый.

Потом она поймала мой взгляд и стала быстрыми, но неверными пальцами застегивать блузку.

Я сидел на полу.

Потом поднялся, и с каждой секундой мне становилось все стыднее.

— Прости, — сказал я.

— Разве это любовь? — сказала Даша с укоризной. — Разве такая любовь у людей бывает? Ты мне понравился, и я думала, что у нас с тобой все будет очень красиво.

— Честное слово — прости! Я не хотел так.

Все. Она была застегнута, недоступна, она поправила волосы и спросила:

— У тебя зеркала нет?

А сама уже рылась в своей сумке. Это была спортивная сумка, с которой она ходила в бассейн. Из нее, как из матрешки, появилась маленькая черная сумочка, из нее — зеркальце.

— Мне пора идти, — сказала Даша. — Ты меня проводишь?

Когда мы вышли в коридор, она добавила:

— В отделение не провожай. Только выведи из вашей хирургии.

Мы медленно шли по коридору.

К Даше возвращалось хорошее настроение. Видно, теперь она меня не боялась и готова была простить.

— В конце концов, — вдруг заявила она, — ты не успел сделать ничего дурного.

— А я и не собирался делать ничего дурного.

— У девушки есть принципы, — возразила Дашенька. — Один из них — сохранение себя для продолжения рода. Именно для этого создан наш клон. Мы должны стать женами оптимальных мужчин. А я не знаю, прошел бы ты конкурс.

— Конкурс на жениха?

— Не смейся. Это очень серьезно.

— Ты уверена, что вас держат как консервы для женихов?

— А ты можешь предложить другую версию?

Я задумался. Конечно, соблазн был велик. Но я понимал, что Григорий Сергеевич прав. Для меня величие и смысл

подвига заключались в жертвенности. Нам клон можно было назвать, будь нам свойственно чувство черного юмора, клоном имени Александра Матросова (был такой герой во время Отечественной войны, который закрыл собой амбразуру). Клон Даши существовал и объединялся на принципе жизни. Наше внутреннее противоречие заключалось в конфликте индивидуального стремления к жизни и социальной значимости смерти. Конфликт Даши был между определением спутника жизни, которого ей выдаст Мария Тихоновна, и желанием ее глаз и тела самой выбрать себе партнера. Вот и сейчас она толком не знает, можно ли поддаться голосу плоти или надо ждать распоряжения свыше?

Вам иногда может показаться, что я размышляю слишком умно и сложно. Но это ведь не только мои мысли, это и мысли моих генетических родителей, унаследованные мною в неполной и порой уродливой форме. Я сам не знаю, откуда вдруг во мне возникают слова, фразы и обрывки мыслей, которых, по здравом размышлении, во мне и быть не может.

Я ловлю себя на том, что я — узурпатор. Даже мысли краденые.

Наверное, поэтому я не имею права на долгую жизнь.

— Ты о чем задумался? — спросила Дашенька.

Глаза у нее горели — мы вышли в коридор, под потолком которого тянулись рядком маленькие яркие лампочки. Вот глаза и отражали их.

Когда мы проходили мимо кабинетов бухгалтерии, Дашенька вдруг спросила:

— А мы еще встретимся?

Вместо ответа я поцеловал ее. Так обрадовался. Не ожидал этих слов. Но этот поцелуй был скорее нежным, чем страстным. Вы понимаете разницу?

— погоди, — сказала Даша. — Кто-нибудь обязательно пойдет мимо.

— Ну и пускай! — Мне в тот момент и в самом деле было все равно. Я бы не испугался и самого Григория Сергеевича.

— Я скажу Марии Тихоновне, что выбрала тебя в свои мужья, хорошо?

— Погоди, — попросил я.

— Ты не хочешь?

— Я очень хочу. Но я ведь тоже не совсем себе принадлежу. И нам могут запретить встречаться.

— Я очень сильно попрошу!

— Твоя Мария Тихоновна моему доктору — не указ.

— Ты уверен?

Она даже остановилась посреди коридора.

— Боюсь, что так.

— Значит, я не смогу выбрать тебя? Тогда мы убежим отсюда.

— Куда?

— Туда, где можно быть со своим любимым человеком.

— Я не знаю такого места.

— Ваня, дорогой. — Она стала сразу куда старше и мудрее меня. — Мир не заканчивается этой клиникой. А мне кажется, что ты всю жизнь прожил здесь, не выходя на улицу. Люди летают на Луну, кидают бомбы, изобретают компьютеры, а ты сидишь здесь и чего-то ждешь. Ты ведь даже не рассказал, для чего готовили твой клон. Неужели просто так? Никто не живет просто так. У каждого человека есть цель. Даже если ему кажется, что цели нет. Но от тебя зависит очень многое, правда?

У нее была такая милая для меня манера, совсем как у англичан, задавать одним словом вопрос в конце фразы. «Правда?» — говорила она.

— Мне хочется, чтобы ты меня целовал. Видишь, какая я искренняя? Я тебе честно скажу, только не смейся, мне очень хотелось там, на кровати, чтобы ты все сделал, что хотел сделать... Да не красней ты, умоляю! Но я не могла тебе позволить потому, что сама еще не решила, и еще потому, что я очень обязана всем, даже жизнью, Марии Тихоновне. Я не могу обмануть ее доверия. Но я смогу переубедить ее, если она приготовила для меня другую участь.

Мне хотелось сказать: «Голубушка, девочка, твоя участь куда хуже, чем тебе кажется. И это не выбор мужчины, а выбор жизни или смерти».

- Сколько вас в клоне? — спросил я.
- Десять, — сказала Даша. — А почему ты спрашиваешь?
- И всегда было десять?
- Нет, сначала было пятнадцать. Пятеро уже устроили свою судьбу.
- Ты их видела после этого?
- Это же невозможно! Они в других городах и даже странах. Давай говорить о нас, а не о других.
- Я просто думал, где тебя искать, если тебя отдадут замуж в Австралию?
- Это шутка?
- Шутка.
- Ты слишком часто шутишь. Иногда я даже не представляю, верить тебе или нет. Ну, что ты придумал?
- Скажи, когда вы будете в следующий раз в бассейне?
- Сегодня среда? Значит, в субботу.
- Я не дотерплю!
- Еще как дотерпишь, — возразила Дашенька. — Но попрошу ни с кем больше на свидания не ходить.
- Слушаюсь, мой генераль!
- Я могу быть ужасна.
- Я чувствую.
- Можешь меня поцеловать.
- А обнять можно?
- Ваня, ну кончай свои шутки!
- И мы целовались еще минут десять или двадцать, хорошо еще, что все ушли из бухгалтерии.

7

Когда я проходил мимо хирургии, мне захотелось снова взглянуть на того человека, но я не успел этого сделать, потому что в коридоре меня поймал доктор Блох.

— Ну, ты молодец! — сказал он с улыбчивой угрозой. — Все с ног сбились — куда делся наш активист?

— Почему сбились?

— Кто-то не явился на ужин, при условии, что наши апартаменты куда как уступают Тауэру, никуда в них не скроешься. А вот ты скрылся.

Блох засмеялся.

Я боялся его куда больше, чем Григория Сергеевича. Вернее, главного врача я не боялся, а уважал. А Блох был недобрым.

— Ты хочешь, чтобы к тебе приняли меры? — спросил Блох. — И жить торопимся, и чувствовать спешим.

— Я в бассейн ходил, — сказал я. — В бассейн.

— Купался? Без плавков?

— Я смотрел. На девушек смотрел.

— И чего увидел? Вернее, кого увидел?

Я постарался не бояться. Я спросил, как будто ни в чем не был виноват:

— А где Григорий Сергеевич?

— Он давно тебя хватился. Иди в кабинет...

А когда я отошел, он повторил с издевкой:

— На девушек смотрел... Эстет!

Я хотел заглянуть к нам в спальню, потом решил — лучше не буду откладывать. Открою Григорию Сергеевичу правду. А может, не говорить правду? Может быть — как получится.

Григорий Сергеевич у себя в кабинете сидел за столом и разыгрывал задачку на шахматной доске.

— Голубчик, — сказал он. — Ты загоняешь себя в непроходимые моральные дебри. Ты подумал, что эту девочку завтра могут позвать на Голгофу? Или труба выкрикнет твое имя?

— Любой человек живет точно так же, — сказал я, словно говорил не я, а кто-то втрое умней. — Начнется землетрясение...

— Не люблю философов, — сказал Григорий Сергеевич.

— Кто был моим отцом? Моим биологическим отцом?

— Излишняя информация.

Он закурил. Он курил через длинный металлический мундштук — в этом мундштуке было нечто старомодное и неестественное, словно лорнет.

— Ты лишил ее невинности на койке в пустой палате? — спросил он.

— Я никого ничего не лишал.

— Жаль, — сказал доктор. — Значит, тебя плохо учили.

— А кто тот человек в палате?

— Палата пустая.

Мы говорили о разных палатах.

— Это не маршал Параскудейкин.

— Я его не знаю в лицо.

Мой доктор врал.

Почему?

— Но спутать невозможно!

— Генерала сразу же увезли в центральный госпиталь Министерства обороны.

У его сигарет был особенный дурмящий запах. Григорий Сергеевич не курил вне своего кабинета.

— Надо будет взять тебя ко мне на дачу. Ты ведь никогда не ходил по грибы?

Я пропустил его слова мимо ушей.

— Позвольте мне видиться с Дашей, — попросил я.

— Сомневаюсь, что это разумно.

— Даже если мне суждено пожертвовать собой...

— Не преувеличивай своей роли. — Григорий Сергеевич пустил душистый дым мне в лицо, даже голова закружилась. — Ты ведь орудие справедливости.

— Но пока я жив, я могу любить, — взмолился я.

— Ты хочешь слишком многого. Ведь и ей никто не позволит играть с тобой в любовь.

— Я не согласен, — сказал я.

Я сдерживался, потому что не смел объявить доктору войну. И не был уверен, что меня поддержат братья. Вернее всего — нет.

— Я прошу вас, подумайте еще. — Голос мой был приниженным и даже умоляющим. Поверит ли он мне?

— Иди, — сказал Григорий Сергеевич, — еще не вечер. Был глубокий вечер.

Пора спать.

Барбосы находились в спальне, они уже легли.

— Ты где был? — спросил Рыжий. — Ты ее нашел?

Я разделся, не зажигая света.

— Вы ему верите? — спросил я.

— А кому верить? — спросил Черный Барбос.

— Я не могу себе простить, что не поверил Алексею, — сказал я.

— Все знают, что ты на него настучал, — сказал Рыжий Барбос. — И они послали его вместо Олега. Все знают, что виноват ты.

— Я попался. Меня подставили.

— Как знаешь, — сказал Барбос.

— В палате маршала лежит другой человек.

— А что? — спросил Рыжий Барбос.

— Может, и здесь нас обманули?

— Зачем нас обманывать? — спросил Черный Барбос. —

Мы же согласны.

— Мы заранее согласны, — сказал Рыжий.

Я лег, но не спал. Я знал, что попробую еще один ход. Может, получится. А может — нет.

8

Когда Мария Тихоновна пришла к себе в кабинет, как раз пробило восемь.

К тому времени я просидел за шторой в кабинете три часа.

В пять я вышел из нашего отделения. Это лучшее время. Даже охранники спят.

Если не разбудишь дежурную сестру, то в любое место Института можно пройти незамеченным.

А кабинет Марии Тихоновны находится в углу второго этажа, высокого, старинного, но все равно только второго. И если вылезти на широкий карниз из женского туалета, то через три минуты ты в кабинете, при условии, что окно не закрыто.

Окно было открыто.

Когда она вошла, то сразу уселась за письменный стол и включила компьютер.

Я вышел и издали, чтобы не испугать, тихо сказал:

— Извините, Мария Тихоновна, не сердитесь на меня.

Она вела себя, как героиня американского фильма.

— Ты один из юношей Григория Сергеевича? Прости, но я вас не различаю.

— Меня зовут Иван, Ванечка.

— Вспомнила. Ты влюбился в мою Дашу. И вчера украл ее из бассейна, за что она сегодня наказана. Мне нужно обследовать ее?

Я не сразу сообразил, что она имеет в виду, и облик у меня был, наверное, глупый, потому что Мария Тихоновна рассмеялась и сказала:

— Между вами не было ничего платонического, только если очень увлекались.

— Василий Аксенов, — сказал я. — Кажется, «Затоваренная бочкотара».

— Ты читал?

— Не знаю. Может, мой отец читал.

— Господи! Если бы не эта чертова бедность! — воскликнула Мария Тихоновна. — Вас надо изучать, как новые планеты! Это же удивительные случаи генетической наследственной памяти! Мы обращаемся с вами, как будто колом орехи паровым молотом.

— Вы знаете, что Григорий Сергеевич все нам рассказывает?

— У нас с ним разные принципы, — сказала Мария Тихоновна.

У нее было круглое розовое и доброе лицо. И волосы она не красила, потому что ближе к вискам была видна проседь. Впрочем, брюнетки раньше седеют.

— А кто наш отец? — спросил я.

— Вряд ли тебе это пригодится. — Мария Тихоновна ушла от ответа.

— Я пришел к вам с просьбой, — сказал я.

— Знаю. Ты будешь сейчас просить меня, чтобы я, вопреки мнению Григория Сергеевича и повелению дирекции, решила вам с Дашей встречаться.

— Ведь мы же люди! — взмолился я. — Люди, а не подопытные кролики.

— Вы — подопытные люди.

— Разве вам не стыдно?

Мария Тихоновна удивилась.

— Гриша говорил мне, что его метод дает замечательные результаты. Если надо взрезать вены, вы всегда это сделаете сами ради жизни на Земле. Он прав?

— Вчера был случай, — сказал я. — Леша, Алексей, один из нас, был не согласен. Он стал спорить. Он стал говорить, что Григорий Сергеевич получает деньги за наши органы.

— Он это говорил доктору?

— Он говорил это мне. А я передал доктору.

— Святая простота. Знаешь, кто такая — святая простота?

— Она... кажется, она кидала хворост в костер?

— На костре был Ян Гус, это были его последние слова.

— Вы уже догадались?

Пальцы Марии Тихоновны летали над клавишами. По дисплею компьютера побежали строчки.

— В последний момент пришлось заменить донора, — прочла она. — По медицинским соображениям.

— Так раньше не было.

— Раньше и не бунтовали. А это опасный сигнал. Идеальная система вашего доктора пошла трещинами.

— Можно мне встречаться с Дашей?

— Я бессильна помочь тебе.

— Тогда я пойду сам!

— Далеко не уйдешь. Тебя выдадут твои же братья. Тебя не пустит охрана, ты полностью во власти... в нашей власти.

Когда она сказала последние слова, ее лицо исказила презрительная гримаса.

Вдруг она, опираясь на ладони, поднялась над столом, словно ей было невмочь поднять тяжелое тело.

— Не исключено, — сказала она, — не исключено, что сегодня или завтра может быть принято решение — нам понадобится одно сердце. К нам поступает Травиата.

— Какая Травиата?

— Певица, эстрадный идол.

— Сама Травиата!

— Даже ты знаешь.

— Но почему Даша? Вычеркните ее!

— Я постараюсь это сделать. Но именно ваш с Дашей вчерашний поход в пустую палату и побудил Григория Сергеевича выбрать из моих девочек именно ее. Так он бережет невинность своего клона.

— Вы шутите? Этого не может быть!

— Я вообще не умею шутить, Ваня.

— Я тут же скажу ей!

— Прошу тебя, не надо этого делать. Ради тебя самого.

— Почему?

— Она уверена: все, что мы делаем, совершается ради ее блага и блага других девочек. Ради приплода, выведения новой людской породы... Я шла на то, чтобы девочки гибли. В конце концов, наш Институт создан, чтобы спасти лучших людей нашей страны. Что мы и делаем.

— И вы всегда об этом знали?

Нет, у нее не такое уж и доброе лицо.

— Ради некоторых этических и даже политических проблем приходится идти на жертвы. Наверное, молодому человеку, который зарубил альпенштоком Троцкого, тоже являлись кошмары. Но он просидел в тюрьме, потом получил звание Героя Советского Союза.

— Меркадер, — сказал я.

— Может быть, не помню. Ты перестань, в конце концов, тыкать мне в лицо своей эрудицией.

— Так вы готовы обречь девушек на смерть?

— Просто девушек ради великих людей. Есть понятие ценности для коллектива, для страны... Как выйдешь из моего кабинета, поверни направо. Сейчас ты не сможешь ее увидеть — подъем, зарядка и так далее. Ровно в три, в мертвый час, будь в той, вчерашней палате.

— Спасибо!

— Рано благодаришь. Я не знаю, будешь ли ты благодарен мне завтра. Теперь уходи. Меньше всего я хочу, чтобы тебя здесь увидели. И учти, если ты проговоришься хоть одной живой душе, у меня будут неприятности, а тебя сразу отправят в прозекторскую.

Я пошел было к себе, но не удержался и от двери обернулся, как оборачивается детектив Коломбо, и спросил:

— Я видел другого человека, а на табличке написано, что там маршал. Это ошибка?

— Считай, что ошибка, — сказала Мария Тихоновна. — Ошибка воспитания. Наш Институт, как ты знаешь, небогат. Иногда появляются коммерческие больные. В редчайших случаях. Когда речь заходит об астрономических суммах. По крайней мере твой кумир Григорий Сергеевич кладет эти деньги не в карман, вернее, преимущественно не в свой карман.

— Они оперировали другого человека?

— Маршал неожиданно скончался за час до операции. Другой пациент тоже достоин операции. Это крупный банкир из Средней Азии. И я уверена, что он не менее ценная фигура для страны, чем один из полусотни маршалов.

— Нет! Что вы! — возмутился я. — Он же герой. Он вывел наши части из Афгана.

— Я преклоняюсь, — сказала Мария Тихоновна. — Одна-ко тебя прошу уйти немедленно. И бегом. Ну!

И я поспешил к себе.

Я как раз успел к подъему.

Если кто и заметил мое отсутствие, так только Барбосы, но они железные молчуны.

Мы умылись, сделали зарядку, прошли утренние процедуры, занялись своими делами...

Мне надо было дождаться мертвого часа.

И забыть наконец, что есть на свете певица Травиата! Да знаю я ее! Рот до ушей, глаза — тарелки и разные парики. Неужели у такой пигалицы большое сердце?

Да забудь ты о ней... это все пустые слова, Мария Тихоновна пугала меня.

9

В этот день мы лишились Володички.

Это на нас плохо подействовало.

Ему помогла умереть Лена. Она не отрицала, что сделала ему укол. Только уверяла Начальника службы безопасности Института, что давала обезболивающее, но ее позвал кто-то из мальчиков, она забыла кто. А шприц оставила на тумбочке. И Володя заменил в шприце жидкость.

Мы подслушивали из перевязочной, там когда-то в стене был сейф с наркотиками. Потом сейф убрали, нишу заставили шкафом, а кто-то из наших ее отыскал. За стенкой был кабинет Григория Сергеевича.

— Вы подозревали, что такое может случиться?

Начальник службы — отставной полковник из органов. У него узкое скучное лицо, словно он до своего докопается, а вообще-то ему все равно, докопается он или нет.

— Он ждал такого момента, — сказала Лена. Мы не видели ее лица, но по хриплому голосу было понятно, что она долго плакала. — Он бы все равно это сделал. Он так мучился.

— Вы не использовали обезболивающие? — спросил полковник у доктора.

— Мы не хотели вторгаться в функции организма. Он мог еще послужить донором.

Лена заплакала.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь, — сказал полковник. — Надеюсь, что служебное расследование установит вашу невиновность.

— Он больше не мог ждать, — всхлипнула Лена.

— И это тоже лишь рассуждения, — сказал Григорий Сергеевич. — Володя был замечательным, мужественным человеком, он нес свой крест достойно, и нечего его оплакивать.

— Даже кошку оплакивают, — возразила Лена.

— Нам придется расстаться с вами, — заявил доктор.

— Я и сама хотела подать заявление об уходе, — сказала Лена.

— Разумеется, с подпиской о неразглашении, — напомнил полковник.

— Хоть десять расписок! — крикнула Лена.

Нам было слышно, как она пробежала по кабинету, как хлопнула дверь.

— Ты куда? — спросил Василек у Рыжего Барбоса.

Тот оставил дверь в коридор открытой.

И всем было видно, как он перехватил Лену в коридоре у двери.

— Лен, — сказал он. — Не уходи. Ты понимаешь, что тебе нельзя уходить?

— Они меня не оставят, — ответила Лена, как будто ждала этих слов Рыжего Барбоса. — Они меня уберут.

— Из Института? — спросил Черный Барбос, который, конечно же, вылез в коридор за Рыжим.

— Вообще уберут, — сказала Лена.

Я тоже увидел ее от дверей. Лицо ее распухло, а глаза сделались красными.

— Мы тебя не отдадим! — воскликнул Рыжий Барбос.

— Молчи! Ты меня совсем погубишь. — И Лена кинулась бежать по коридору.

Я метнулся обратно к нише, мне хотелось узнать, о чем они говорят. Но речь шла не о Лене. Полковник сказал:

— Я его паспорт вам принесу, чтобы заключение о смерти написать.

— А что писать?

— Как будто не знаешь, доктор. Остановка сердца, диабет. Ну, что ты там обычно пишешь.

— Хорошо, — согласился Григорий Сергеевич, — я буду у себя.

— Ты не расстраивайся, — сказал полковник. — Новых настругаешь.

— Иди уж, — сказал доктор. — Глаза б мои тебя не видели.

— Разбегайся! — сказал я братьям.

Барбосы влетели в перевязочную и закрыли за собой дверь.

— У нас есть паспорта, — сказал я. — Вот никогда не видел.

— А что мы, не люди, что ли? — заметил Василек.

— Это Ленка сделала? — спросил Рыжий Барбос.

— Конечно, Ленка, Володичка так просил ее, — сказал Василек.

— Почему? — воскликнул я. — Раньше ведь не просил.

— Ленка узнала, что для него готовят операционную. Его глаза понадобились.

— А я не знал, — сказал я.

— А ты за своей телкой бегал, — процедил Василек. — Скоро совсем забудешь, как мы живем.

— Не завидуй, — посоветовал я. — Чему тут завидовать?

— Чему? Ты лучше знаешь. — Василек был недоволен. Хотя не знаю чем.

— А тебе кто мешал бегать? — спросил его Рыжий Барбос.

Барбосы мне ближе других, может, потому что живем в одной палате.

Потом я пошел в столовую посмотреть на часы.

Время двигалось слишком медленно.

10

В три я был в пустой палате.

Знаете, чем я занялся? Стал искать телеглаз. Наблюдают там или нет? Я знаю, что наблюдение идет далеко не во всех палатах, потому что у Института на все не хватает денег. И куда они деваются, догадаться трудно. Слишком много вариантов.

Вроде ничего нет. Просто пустая палата.

Если бы я нашел тележучка, значит, Мария Тихоновна сговорилась с моим врачом, и тогда вся ее доброта — ловушка.

Но тележучка не было.

Или я плохо искал.

Я лег на койку, на ту же самую, и мне казалось, что на ней остался запах Дашки.

Я слышал, как по коридору изредка проходили люди. И ждал, что шаги остановятся перед дверью.

Но дверь открылась неожиданно. Оказывается, Дашка была в тапочках, подошла беззвучно.

Она надела платье.

Под мышкой она держала сверток.

— Я уж думал, что ты не придешь, — сказал я.

— Помолчи, — ответила Даша.

Она закрыла за собой дверь и кинула сверток на койку.

Я приблизился к ней, но не посмел дотронуться.

Она тоже смутилась.

Оттолкнула меня и подошла к окну. Окно было забрано вертикальными прутьями.

— Меня сегодня отпустили на два часа, — сообщила Даша. — С чего вдруг?

— Я вчера был у твоей Марии Тихоновны.

— Как странно. А почему она меня отпустила?

— Она не согласна с Григорием Сергеевичем.

— Она решила нам помочь?

Сегодня Даша была совсем другой. Вчера она следовала за мной, она была девочкой, пустившейся в шалость.

— Ты недовольна?

— Рискованно было идти к Марии, — сказала Даша. — Ты ведь ее не знаешь. Ее никто не знает.

— Другого выхода не было, — оправдывался я. — Куда лезь? Я же хочу тебя видеть!

— Я боюсь, — сказала Даша. — Мне кажется, что это — ловушка.

Я понимал: все это не просто ловушка. Если бы Даша могла понять, в чем ее жизненная функция, она бы поняла и позицию Марии Тихоновны. Но Григорий Сергеевич прав: нельзя сказать любимой девушке, что она — набор органов для трансплантации. Просто набор органов до востребования. Она бы не поверила и первым делом возненавидела меня.

Я подошел к ней сзади.

Я взял ее за плечи. Она чуть откинулась назад, и я ощутил тяжесть ее тела.

Я поцеловал ее в затылок. Он был теплый, а ниже на тонкой шее были завитки прядей, которые не уместились в хвостике.

Я повернул Дашу к себе.

Она поцеловала меня. Долго-долго.

Я снова начал терять голову, моя рука накрыла ее грудь и сжала ее.

— погоди, — сказала Даша. — Закрой дверь.

— Разве она закрывается?

— Я не хочу, чтобы кто-то вошел.

Сегодня она командовала мною и не скрывала этого.

И во мне росло сладкое желание подчиниться Дашке.

Я закрыл дверь на задвижку. Даже странно, что там оказалась задвижка — в палатах не делают запоров.

Даша развернула большой сверток, что принесла с собой.

С ума сойти!

В нем были простыни и одеяло. Честное слово.

Она ловко взмахнула простыней, та расправилась и легла на койку. Даша стала заправлять край простыни, а мне велела упрятать одеяло в пододеяльник.

Мы с ней устраивались спать.

— Напротив есть туалет, ты не видел? — спросила Даша.

Она сняла с хвостика резинку и волосы рассыпались по плечам.

— Пойди ополоснись, — велела она.

Я послушался ее. В туалете висело чистое полотенце, и на краю рукомойника обнаружился кусок мыла.

— Это ты принесла? — спросил я.

— Да. Раздевайся, — сказала Даша, — я скоро вернусь.

Она убежала в туалет.

Я медлил. Неловко раздеваться днем, в чужой палате. Так не делают. По крайней мере так не делают взрослые люди, оставшись наедине с девушкой. Это неприлично.

Я не знаю, откуда я взял, что это — неприлично.

Я сидел и ждал ее.

Я чувствовал, как бежит наше время.

Она вернулась в халатике, волосы были мокрыми спереди, в палате чуть пахло карболкой, сквозь полузадвинутую выцветшую занавеску пробивались солнечные лучи, и в них колебались тысячи пылинок.

— Ты не разделся?

— Нет. — Я вдруг обиделся на нее. Подчинялся, подчинялся, а тут обиделся. — Я не знаю, зачем мне надо раздеваться.

— Так надо! Чтобы было все, как у людей, а не по-собачьи.

Она подошла ближе и встала между мной и окном. Солнце подсвечивало ее волосы, и они были окружены золотым ореолом.

Ее голос дрогнул, потому что она не ожидала такого от меня и, видно, сама не была уверена, что поступает правильно.

— Тебе так приказали? — спросил я.

— Мне никто ничего не говорил.

— А где простынки выдали?

— Я сама взяла у сестры. А если ты имеешь в виду Марию Тихоновну, то мы с тобой должны быть ей благодарны. Ко-

нечно, сестра не дала бы мне простынок, если бы Мария не подсказала. Теперь ты доволен?

— Дашка, — сказал я, — ты мне очень нравишься...

— Но иначе?

— Иначе. Может, нам с тобой нельзя будет встречаться...

— Я тоже об этом думала. И поэтому тебя совсем не понимаю. Убей, не понимаю. Я так хотела, чтобы лучше...

— Но мы с тобой не женимся?

— Почему? В этом цель моей жизни, — заявила Даша. — Моя цель — родить ребенка и делать все, чтобы моему мужчине было приятно. Может, другие хотят делать приятно многим мужчинам или многим детям, но ведь разница только в количестве? Наверное, я очень глупая, но мне хочется жить вот так! И ты первый мужчина, который мне так понравился, что я захотела тебя пустить внутрь!

Она шлепнула себя ладошкой по животу, и это был детский жест, вовсе не связанный с любовью.

Наверное, все, что она говорила, было правильно.

Но я понимал: она несет эту чушь, потому что на самом деле совсем неопытна и не знает, как себя вести. И, вернее всего, ее научили, как надо себя вести. И даже, может быть, ей сейчас в тысячу раз страшнее, чем мне.

Я все это понимал, но страшно злился. И даже объяснить не могу, почему я разозлился на ее слова.

А может быть, я и сам испугался. Как будто человек идет на какую-то страшную жертву ради твоего удовольствия, а ты должен эту жертву принять, а потом тебе станет стыдно.

— Давай лучше поговорим, — предложил я.

— Ты не хочешь, чтобы я стала твоей женой?

Она отступила на два шага, там оказалась незастеленная койка, и Даша опустилась на нее — поднялась пыль, страшно закрипели пружины. Она вскочила, перепугавшись, и крикнула:

— Ну вот! Ты во всем виноват!

Край халатика попал в ржавую пружину, Даша рванулась, как из пасти злой собаки, халатик затрещал и разорвался.

Я кинулся ей на помощь, хотел освободить край халатика, но девушка со всего маху ударила меня по щеке.

— Уйди! Это все из-за тебя, дурак! — кричала она. — Это же не мой халатик! Мне его Машка дала! Что теперь будет, что теперь будет!

Даша стала быстро собирать с постели простыни, сорвала наволочку с подушки и быстро свернула белье в скатку, потом подхватила сумку, платье, все падало у нее из рук, как у клоуна на арене, который таким образом смешит зрителей. Мне было совсем не смешно, но и останавливать ее я не стал — что бы я сейчас ни сделал, она все равно еще больше рассердится.

— И как я могла! — повторяла Дашка. — Как я могла быть такой дурой, не подходи ко мне!

Я не подходил и молчал, чем еще больше ее злил.

В конце концов — хотя прошло-то, наверное, не больше минуты — она собрала в охапку все свое добро и кинулась к двери. Еще несколько секунд она воевала с задвижкой, потом вылетела в коридор и почему-то заявила оттуда:

— Никогда!

Кажется, так говорил ворон в стихотворении Эдгара По. Невермор!

11

Я не хотел возвращаться в наше отделение.

Мне все было противно.

Потому что жизнь прошла и кончилась неудачно. Надо было сказать Даше, каких мужей и детей подготовила ей судьба в лице очаровательной Марии Тихоновны. Но жалко человека.

А меня кто пожалеет?

За последние два дня я преодолел в себе страх перед Институтом. Меня воспитали таким робким: за пределы отделения — ни-ни! Нечего нам там смотреть. Мы — супермены,

мы — герои! Паспорта? Какие еще паспорта? Мы живем в центре мира и не желаем его по пустякам покидать.

Здорово нас воспитывал Григорий Сергеевич!

Я поймал себя на том, что готов занять место скептика Лешеньки.

Значит, не так уж глубоко мы были кондиционированы, если я стал другим в считанные часы.

Теперь я уже не боялся.

Я не спеша шел по коридору. Не таясь, заглянул в палату к маршалу.

Рядом с ним у приборов дежурила молоденькая не знакомая мне сестра.

— Как его фамилия? — спросил я, будто мне положено было задавать такие вопросы.

— Господин Муслимов, — пискнула сестра. — Акбар Махмудович.

— Правильно, — сказал я. — Коммерческий пациент?

В палате было полутемно, чтобы свет не мешал реципиенту.

— Я не знаю, — сказала сестра. — Спросите у завотделением.

— Спасибо, — кивнул я.

И сразу исчез, чтобы не отпечататься в ее памяти. Впрочем, это уже не так важно.

В следующей операционной горел яркий свет.

Дверь приоткрылась, и, когда оттуда выходила хирургическая сестра, я увидел в щель самого Костандиева — ведущего хирурга. «Он — господь бог трансплантации, — сказал как-то про него Григорий Сергеевич. — Он берется только за самые сложные операции».

Что случилось?

Неужели «Наутилусу» суждено лишиться еще одного матроса? Кто из нас? Почему мне не сказали?

Я поспешил в отделение.

Только не я!

Я испугался?

Да, я испугался. До сегодняшнего дня мне было все равно — умереть или жить. Лучше погибнуть настоящим самураем. А теперь я хочу жить?

Я очень хочу жить.

Я буквально ворвался в наше отделение.

На табуретке возле кладовки сидела, скорчившись, санитарка Оксана. Она тихо плакала, и ее узкие плечи крупно дрожали. Я даже не сразу ее узнал.

— Ты что? — спросил я.

— Иди, дурачок, иди, — ответила она не сразу.

Что еще случилось?!

Должно было что-то случиться. Мой мир начал рушиться, а я ехал верхом на лавине и знал, что в любой момент она накроет меня с головой.

— Ленку жалко!

— Кого?

— Ленку нашу.

— Что случилось?

— Под машину попала.

— Когда?

— А как «бегунок» оформила, вышла, и тут же на улице, перед больницей... И сбежал, гаденыш. Даже номера никто не запомнил! Ну кто на такой скорости по центру ездит? Их же вешать надо!

Только что, утром, она говорила с доктором. Ее уволили.

И сразу погибла?

И никому ничего о нас не расскажет?

Я хотел, чтобы она рассказала?

Да, оказывается, я этого хотел. В глубине души я надеялся, что Лена не станет молчать. Ведь если она сделала Володичке укол, она уже решила.

Ребята собрались в нашей спальне.

Десять человек.

Нас осталось всего десять... Десять негрятя резвились на просторе. Один из них утоп, ему купили гроб...

— Ты про Ленку слышал? — спросил Рыжий Барбос.

— Оксана сказала. Для кого готовят операционную?

— Готовят? — Я их удивил. Они об этом не слышали.

Василек сказал:

— А ты, Иванушка, сходи к своему доктору. Ты же с ним дружишь! Он тебе и скажет: нужна нам головка Рыжего Барбоса.

— Помолчи! — рассердился Барбос.

— Я не дружу с доктором, — отрезал я. — Я ваш брат.

— А я уж начал сомневаться, — сказал Василек.

— Не лезь к Ваньке, — сказал Черный Барбос. — Будем между собой кусаться, им легче будет нас сожрать. Они же бессовестные.

Кто-то должен был первым сказать такое слово.

Слово упало, как камень.

Но не разбилось.

Только пол прогнулся.

— Они Ленку убили, — сказал Костик.

— Может, случайность, — засомневался Барбос. — Она отвыкла ходить по улице. Все-таки год на казарменном положении.

— А они разве не выходят? — спросил Василек.

— Мне кажется, что только доктора могут выходить. Но точно не знаю.

Мне хотелось повеситься. Сначала Дашка с ее глупой свадьбой, потом Лена, да к тому же собственные братья относятся к тебе как к врагу.

— Для кого же готовят операционную? — подумал вслух Василек. — Может, ты, Иван, сходишь? Спросишь?

— Ну почему я?

— Не обсуждается, — заявил Костик.

Я пошел в ординаторскую. А почему я должен стесняться? Речь идет о нашей жизни.

До ординаторской я не дошел, потому что в коридоре сразу встретил доктора Блоха.

Он брел, глядя под ноги. И чуть пошатывался.

— Простите, — сказал я. — Для кого готовят операционную?

Он не ожидал услышать мой голос и не увидел сразу. Его шатнуло, и он оперся ладонью о стену.

— Операционную? Мне не доложились. Но думаю, что не для нас. Спроси Ленку.

— Что вы говорите! — испугался я. — Лена же погибла. Оказывается, он об этом не знал.

— Ладно, — сказал он, — шуточки. — И бессмысленно улыбнулся.

— Лену убили, — сказал я.

— Лену убить нельзя. Убивать плохо. Не мели чепуху.

— А нас убивать можно? — спросил я.

— Кого вас? — Доктор отпустил стену, но, видно, она стала валиться на него, потому что он пошатнулся и повис на мне. От доктора пахло плохими мужскими духами. Ботинки были нечищены. Раньше я не обращал на это внимания, я вообще на Блоха обращал внимание только в отсутствие кумира.

— Разве я — не человек?

— Ты?

Эту задачку Блох был не в силах решить. Но его мучила мысль...

— Ленка, ты говоришь? Она где?

— Ее убили. Полковники убили, — сказал я.

— Нет никаких полковников.

— Полковники убили, — услышал я за спиной голос Костика. — Мы больше знаем, чем нам положено.

— А мне, — сообщил нам Блох, — все это надоело. Вы не поверите!

Говорил он с трудом.

— Слушайте меня внимательно, — сказал я, прижав его к стене. За моей спиной стоял Костик. И это было хорошо. Он лучше умел выражать мысли. Я был талантливым, а он умным. В пределах одного клона.

— Слушайте! Ответьте на один вопрос. Только на один. Для кого готовят операционную?

— Это не маршал, — доверительно сказал Блох. — Это большие деньги. Так что ваш Лешенька погиб зазря. А я уйду.

— Никуда ты не уйдешь, — остановил его Костик. — Лена уже пыталась уйти.

— Для кого готовят вторую операционную? Для кого из нас?

— Для кого из нас? — тупо повторил Блох.

И тут подошел заведующий отделением.

— Отпустите его, — сказал Григорий Сергеевич. — Вы совершенно распустились.

Непонятно было, к кому относился последний упрек.

Но в его голосе было столько власти, что даже Блох протрезвел. Отпустил стену и выпрямился.

— Тебя, Иван, интересует, для кого предназначена вторая операционная. Для этого совсем необязательно мордовать лечащего врача. Я предупреждал тебя, Иван, что твои приключения закончатся плохо. Эта операционная не имеет отношения к вашему клону. И немисливо подозревать меня в том, что я могу что-то утаить от вас. Эта операционная готовится для девицы, которая пижит на сцене под нелепым псевдонимом Травиата и которой месяц назад президент вручил орден «За заслуги перед Отечеством». Потому что она — национальное достояние Федерации.

— Травиата? — В моем голосе, видно, прозвучало столько всего, что Костик тревожно спросил:

— Ты чего, Ваня?

— Надеюсь, тебе есть о чем подумать, Ваня, — сказал Григорий Сергеевич.

Он протянул длинную руку, схватил за плечо своего помощника и повлек к ординаторской.

— Вы хотите сказать?.. — спросил я.

— Именно это я и хотел сказать.

— Но этого быть не может!

— Поверь мне — это решение ученого совета. И я не в силах его изменить. Завтра операция.

— Мне надо вам все объяснить!

— Ой, только не это, — раздраженно бросил доктор. — Мне все это ужасно надоело.

— Ему надоело! — Блох поднял палец к потолку. — Надо-е-ло!

Григорий Сергеевич потащил Блоха по коридору и, когда спиной почувствовал, что я все-таки иду следом, крикнул, не оборачиваясь:

— Я тебе не помогу! Уйди! Я с тобой вообще разговаривать больше не желаю!

Доктора исчезли за дверью, а Костик удержал меня за локоть.

— В самом деле, пустой номер. А что, твою красотку принесут на алтарь отечества?

— А она, дура, думает, что ее готовят к счастливому браку.

— Браки заключаются на небесах, — заметил Костик.

У нас у всех вместо чувства юмора получилось чувство иронии.

— Там совокупятся ваши физиологически неполноценные души, — закончил он сентенцию.

— Души не бывают неполноценными, — возразил я.

— Что будешь делать? — спросил Костик.

— Думаю.

— Думай скорей. Ужин близится.

— Она решила, что мы с ней должны пожениться, — признался я. — И ей Мария Тихоновна разрешила. Значит, их главврач уже знала, что Дашку выбрали. Назначили на операцию.

— Сердце?

— Сердце.

— Сволочи!

Клон на глазах терял лояльность к власти. Это было плохо для власти, но куда хуже для клона.

— Мы становимся людьми, — сказал я.

Костик кивнул.

— Я пойду к Марии Тихоновне, — заявил я.

— И ничего не добьешься.

— Я скажу ей, что если они не остановятся, то я уйду в город, у нас ведь даже паспорта есть.

— В охране, у полковника, а он скажет, что тебя не существует.

— Но вы-то меня поддержите?

— А не проще им будет нас усыпить — и в мусоросборник?

— Через пять минут здесь будет полно охранников.

— Я побегу к своим, — сказал Костик, — мы постараемся закрыться. И будем думать. Тем более что многих придется убеждать. Ведь у нас один добрый всемогущий бог — Григорий Сергеевич.

— Я еще вчера был его рабом... И погубил Лешеньку.

— Лешеньку погубил его язык. Беги, пока не поздно. Только не к врачихе. Лучше постарайся проникнуть к ним в клон и рассказать девочкам, какая на самом деле их ожидает семейная жизнь.

Он толкнул меня в сторону хирургии.

И убежал к спальням.

Так началась война клона и людей. Хотя, разве это война...

12

Он еще не успел скрыться с глаз, как я уже сообразил, куда пойду.

Туда, где меня не будут искать.

Никто не подумает, что я смогу туда направиться.

Я быстро прошел по коридору между операционными. Там уже было людно, но никаких сигналов еще не поступало. Наверное, охране было приказано изъять меня без шума.

Они опасались лишних свидетелей. Возможно, в бригаде хирургов были люди, которые не подозревали, что чужие органы попадают в наш Институт не случайно, а выращиваются вместе с людьми.

Ах, как много было болтовни по поводу появления на свет овечки Долли! Клонирование опасно! Клонирование ужасно! Не ходите, дети, в Африку гулять! Так будут создавать солдат!

Пока что солдат создавать нерационально, потому что ценность нынешнего солдата определяется не его мышцами, а знаниями, которые передать клону сразу не удастся. Может, когда-нибудь научатся, и тогда сперма полковника «N» станет продаваться на международных рынках по цене бриллиантов. А пока оказалось, что деньги под клонирование можно получить, если клон тоже будет платить за право существовать.

Я дошел до боксов.

Мимо палаты с маршалом, который оказался другим. Возможно, старшим лейтенантом запаса, не более того. А вот в одном из дальнейших боксов должна лежать, и ее готовят к операции, сама певица Травиата, кумир толпы.

Я отыскал ее бокс.

По оживлению вокруг нее, по суете, закрывающей мне путь внутрь.

Напротив и чуть наискосок была кладовка.

Такие кладовки появляются в нужном месте и в нужный момент, чтобы герой авантюрного романа мог в них спрятаться и дожидаться того момента, когда коридор опустеет.

Так случилось и со мной. В конце концов, я и есть герой авантюрного романа.

Напротив палаты, в которой поместили Травиату, и чуть наискосок был стенной шкаф, где хранились щетки, швабры, пылесос, банки с краской от какого-то из последних ремонтов и еще масса ненужных вещей, которые не давали возможности уютно устроиться, но по крайней мере помогли мне укрыться от преследования. Охрана отчаянно искала меня по закоулкам нашего отделения, перевернула все у женщин, в бассейне — где только они не рылись! Даже в кабинетах врачей, но вот хирургическое отделение, особенно тот отсек, который был выделен для завтрашней операции, казался им бесперспективным.

Я даже соснул немного. Потому что суета в коридоре никак не утихала.

Движение времени было для меня условным.

Я вылавливал какие-то мгновения, но точно о его течении не знал. Например, уже глубоко вечером в коридоре остановились две сестры, одна из них уходила домой и стала говорить товарке, что спешит, потому что боится опоздать на метро. Метро, я слышал, закрывают за полночь. Я пытался считать, вспоминал стихи, дремал...

Наконец я убедил себя, что пора идти.

Позже Институт уже начнет просыпаться.

Тело мое, хоть и затекло, умоляло меня еще повременить, ему так не хотелось решений и поступков.

Я вылез.

Постоял, готовый в любой момент нырнуть обратно в чуланчик.

Никого. Даже в концах коридора никого.

Я медленно открыл дверь в палату.

На обыкновенной койке лежала обыкновенная девушка.

Она была совсем не похожа на ту Травиату, которую я видел по телевизору и в журналах.

А похожа она была на Дашу.

Волосы прямые, русые. А почему она блондинка на сцене? Лицо бледное, скорее миловидное, но не более того.

Она была подключена к капельнице, за кроватью стояли мониторы — видно, они хотели перед операцией знать все, что происходит у нее внутри.

Я подошел к кровати.

Кровать была высокая. Куда выше той койки, на которой мы чуть было не поженились с Дашей.

Когда я подошел к ней, Травиата открыла глаза.

— Я не сплю, — сказала она. — Извините. Я знаю, что нужно спать, но ничего не получается.

— Это хорошо, — сказал я. — А как тебя вообще зовут?

— Вообще? Полина.

— А в самом деле?

— И в самом деле... Лариса, а что, не нравится?

— Нормально.

Она устало прикрыла глаза.

Я смотрел на нее и думал: ну ничего в ней особенного, тем более того, что показывают по телевизору. Даже имени у нее своего нет.

— Дышать трудно, — сказала она, приподняла слабую руку, показала на монитор. — Видишь, как прыгает?

— Вижу.

— Мне должны операцию сделать, — сказала она. — А сейчас состояние стабильное.

— А что у тебя?

— У меня врожденный порок, а недавно в нем что-то случилось, и у меня уже клиническая смерть была, честное слово!

Она же совсем еще молодая!

— Мне сердце будут пересаживать, — сказала Травиата. — Интересно, я завтра могу проснуться, а могу и не проснуться. А ты тоже здесь лежишь?

— Нет, — сказал я. — Я здесь работаю.

— А ты садись, — предложила Травиата. — Посиди со мной. Я сестру отпустила поспать. Представляешь, она призналась, что на свадьбе гуляла у подруги и совсем не спала. А сказать никому нельзя — выгонят. Смешно?

У Травиаты был южный говор, она даже ударения ставила неправильно.

— Ты с юга?

— Не, — сказала она, — с Краснодара. А ты?

— Я здешний.

— А я Москву не люблю, — призналась Травиата.

Я понял, что мне хочется говорить с ней и, может, даже подружиться. Хорошая девочка, нормальная. Но у меня совсем мало времени.

— У меня здесь квартира есть и коттедж в Барвихе. Я маму сюда хотела привезти, а она не поехала. У нее там хозяйство. Я ей говорю: на фига тебе хозяйство. А она мне говорит: ты лучше мне материально помогай, а я буду в банк деньги ложить. А то пропадет твой голосок, на что жить будем? Смешно?

Я пожал плечами.

— Ты замужем? — спросил я.

— А ты разве не читал в журналах? Ну, ты смешной. Я же разошлась. Он миллионер, такие букеты мне приносил! Но я в кино решила устроиться, а он стал к режиссеру ревновать, дурачок какой-то, у нас ведь за все платить надо.

— Ты с какого года?

— Я уже не молодая, но только кажусь молодой. Мне скоро двадцать два. А ты чего спрашиваешь?

— А моей девушке восемнадцать, — сказал я.

— Смешно! Когда мне восемнадцать было, кто меня знал? В самодеятельности выступала.

— А ты знаешь, откуда тебе сердце возьмут?

— Ой, я думала об этом! Честное слово, думала. Я думала, а вдруг это мужское сердце, тогда у меня волосы будут расти! Ужас какой-то! Или плохой человек. Я не переживу.

— Но ведь не откажешься?

— Тебя как зовут?

— Иваном.

— Ваня, а ты бы отказался? Я так жить хочу!

— Только ты одна жить хочешь?

Она не совсем поняла мой вопрос, закрыла глаза, лоб у нее был мокрый, она устала. Я взглянул на монитор. Сердце ее билось чаще, но мельче.

— Мое искусство миллионам людей нужно, — сказала она наконец. — Ты не представляешь, как меня все любят! Я сознание вчера потеряла на сцене, говорят, некоторые хотели покончить с собой, а сюда меня перевезли по личному указанию министра здравоохранения. У него мое дело на контроле.

— Так тебе не сказали про сердце?

— Я же тебе говорю, что мандражу! — В голосе возникла и умерла визгливая нотка. — Иди, я спать буду. В меня столько накачали наркоты, даже удивительно, что я с тобой разговариваю.

— А я знаю, чье сердце.

Когда я сказал эту короткую фразу, мне сразу стало легче; я, как Цезарь, перешел Рубикон. Теперь можно расправиться с сенаторами.

— Что ты говоришь, Ванечка?

Как женщина, она почувствовала по моему тону: дело плохо.

— Я люблю эту девушку.

— Ты любил ее? Ужас какой-то. Она умерла, да?

Я не смог ответить, а воображение певицы вдруг понесло ее:

— А твоя девушка красивая, да, добрая? Ой, как хорошо! Мне повезло, в натуре. А я так боялась... А что с ней, под машину попала?

— Она живая, — сказал я. — И даже не знает, что завтра умрет.

— Кончай хохмить!

Ее сердце екнуло, и монитор показал лишний пик.

— Я не шучу. Стал бы я шутить. Подумай — здесь и сейчас. Разве это место для шуток.

— Тогда хоть объясни!

— Ты про клон слышала? Про клонирование?

— Овечка Долли, да? Мне Крутой предлагал такой псевдоним взять, а ребята освистали. Это пускай Свиридова про свою овечку пишит.

— погоди, послушай меня. Клоны уже есть. Я сам из клона,

— Что это?

— Берут клетки донора, отца, и выращивают их в пробирках. Сколько смогут, столько и выращивают. Я знаю, что сначала нас было двадцать семь. Девять забраковали — процент ненормальности очень велик. Восемнадцать осталось. Нас было восемнадцать, и мы были одним клоном, то есть абсолютно одинаковые! Правда, абсолютного ничего нет, но ты бы нас не различила.

Вдруг она захихикала, лицо сразу ожило, стало таким милым и лукавым.

— Вас в одинаковых колясочках возили, — сказала она.

— Нет, — ответил я. — Мы сразу родились взрослыми. Два года назад. Мы родились в том возрасте, в каком был наш донор, наш отец. Ему было восемнадцать, и его никто не знает.

— И вы ничего не знали?

— В следующий раз объясню, — пообещал я. — Кое-что знали, кое-чему нас учили. Мы — часть большой научной программы.

— А где Долли?

— Если заболел очень большой, знаменитый человек или очень нужный нашей стране, то мы приходим на помощь. Мы... отдаем свою печень, сердце, глаза, чтобы спасти человека.

— Но ведь так погибнуть можно!

— Нас было восемнадцать, а осталось десять.

— Это ужасно!

— Были такие стихи поэта Тихонова: «Не все ли равно, сказал он, где. Пожалуй, спокойней лежать в воде».

— Ты смеешься, да?

— Какой уж тут смех. В соседней палате лежит маршал, летчик, великий человек. Лешенька из нашего клона отдал ему свою печень.

— Да точно врешь!

И я подумал — вот она встанет, захочет проверить, пойдет в соседнюю палату, а там совсем другой, коммерческий пациент. Но она же не пойдет.

— И ещё есть другой клон, женский. Там есть девушка, которую я люблю. Она должна завтра отдать тебе свое сердце.

— Помолчи ты со своими глупостями! А то я кричать буду.

— Почему?

— Потому что ты нарочно меня пугаешь. Тебе деньги нужны?

— Ты не веришь?

— Так я тебе и поверила!

— Ты откажешься от операции?

— Никогда не откажусь! Врешь ты все.

— Мою девушку зовут Дашей. Она на тебя немножко похожа. Только не умеет петь. А может, просто не училась петь.

— Так не бывает, — сказала Травиата.

Да какая она Травиата — точно, Лариса.

— Почему?

— Потому что их всех давно бы посадили.

— Лариса, — сказал я. — Об этом же не пишут в газетах. Об этом вообще не говорят. Этого нет. И меня нет.

— А у тебя паспорт есть? — спросила Лариса.

— Он лежит в отделе безопасности Института, — сказал я. — Мне так говорили.

— Никто никогда не станет убивать человека.

— А для меня в этом не было ничего удивительного. Я только недавно подумал, что это неправильно. Нас так научили, что человек должен уметь жертвовать собой ради народа, ради родины. Ты знаешь об Александре Матросове, о Гастелло?

— Я знаю про японские харакири, — вдруг сказала Лариса.

— Ничего общего. У нас высокая цель. Я был в этом уверен, но сейчас уже не так уверен. Даже не из-за себя. А потому что моя Даша и ты — вы ничем не отличаетесь. Только ты свое уже пожила, и в «мерседесе» каталась, и коттедж построила, а Дашка ничего не видела, но очень хочет выйти замуж и родить ребеночка.

— Ой, я тоже хочу ребеночка, — тихо сказала Травиата. — Только мне нельзя. — Она коснулась длинными тонкими пальцами груди слева, показывая, что виновато больное сердце.

— Ты откажешься от операции!

— Не говори глупостей, Ваня, — сказала она. — Ты псих, но должен понимать, никто меня слушать не будет. Они сделают, как надо, даже если бы ты не придумывал, а в самом деле такая фабрика работала, чтобы из людей людей делать. Они же в этом никогда не признаются.

— Тогда уходи, — сказал я.

— Как так — уходи?

— Вставай и уходи.

— Мне нельзя вставать, я умру.

Ну почему я заранее все не продумал? Я решил было, что расскажу правду Травиате, она поймет и уйдет из Института. И Дашку не тронут.

— Но что мне делать? — взмолился я.

— Пускай Даша твоя уходит!

— Она не уйдет. Она мне, как и ты, не поверит.

— Это все твои фантазии. Нет никакой Даши...

— Откажись, а?

— А теперь я и не подумаю. Мне жить хочется, а ты все прешь.

— И пускай Даша умрет?

На мониторе ее сердце билось, как азбука Морзе — часто и мелко...

— А если бы была, — произнесла Травиата с трудом. — Ой, как больно! Если бы была, я бы все равно согласилась. Я — великая певица, меня вся страна любит, а твоя Даша — искусственная овечка, которую и сделали специально для того, чтоб использовать...

Не знаю, что меня подняло с табуретки, на которой я сидел.

— Нет, — прошипел я, сам не слыша своих слов, — ты этого не сделаешь!

Я рванулся к ней, чтобы убить. Не верите? Я сам теперь не верю, но я хотел только одного — убить ее, чтобы снасти Дашку.

— Ой, как больно! — Она вяло отбивалась, а я отбросил ее руки, чтобы дотянуться до горла.

— Доктора... спаси...

Я клянусь, что не дотронулся до ее шеи.

Но она, видно, думала, что дотронулся.

Она затрепетала, мелко, с хрипом, и мне стало страшно, как будто я ее убил.

Все еще склоняясь над ней, я обернулся к монитору.

Его пересекала прямая линия, как граница моря.

Рот Ларисы был полуоткрыт, и глаза неподвижно смотрели на меня.

И тогда я понял, что убил ее.

Ее сердце было таким слабым, что ему хватило испуга.

Я кинулся бежать из палаты.

Через секунду пойдет сигнал с центрального пульта.

Я побежал в другую сторону, к нашему отделению.

Мимо операционных и палат.

И когда меня схватили охранники на входе в наше отделение, я уже пришел в себя настолько, что сообразил: Даша спасена. Сегодня спасена. Некому отдать ее сердце.

Меня там, в палате, не было. Умру, но не признаюсь. Ведь Травиата умерла сама по себе.

Значит, мне повезло?

Меня били, толкали, и какой-то из них все повторял, что мне не жить на свете.

Они втолкнули меня в бельевую.

Там уже собрались все наши. Весь клон.

Избитые, в наручниках, некоторые в крови.

— Нас убьют? — спросил Рыжий Барбос у охранников.

— А ты как думал? — сказал полковник, который стоял в дверях за спинами своих подручных.

Дверь захлопнулась.

— Ох мы и дрались! — радостно сообщил Костик.

Слепой Кузьма сказал:

— Я палку о кого-то сломал.

Они говорили все вместе, им так хотелось похвастаться своим новым бойцовским статусом. Они не понимали, что нас в самом деле лучше убить. Нужен несчастный случай — пожар или пищевое отравление. Но чтобы мы исчезли. Я хотел сказать, что мы должны дорого отдать свою жизнь. Так говорится в кино.

Но дверь открылась — и трех минут ведь не прошло с начала моего заточения.

Там стоял доктор Блох.

Пьяный, но не настолько пьяный, как утром.

— Выходи, узники тела и совести, — загадочно заявил он.

Мы вышли, но осторожно, как выходит к кормушке битая псина.

— Вам все равно не поверят, но жить будете.

Из кабинета Григория Сергеевича вынесли носилки. Носилки были покрыты простыней, и головы не видно.

— Как так? — спросил Костик.

— Цианистый калий, — пояснил Блох.

— А можно в женское отделение? — спросил я.

— И не мечтай. Ты далеко не уйдешь. Тебя перехватят. И могут убить.

— При попытке к бегству, — глупо засмеялся Костик. Но я не обиделся. Костик был напуган.

— Я надеюсь, — сказал Блох, — что о девушках позаботятся.

Он приложил указательный палец к губам, словно мы играли в прятки.

На черной лестнице, куда он выпустил нас, открыв дверь своим ключом, никто не встретился. Мы помогли спуститься тем, кому было трудно.

— Держитесь вместе, — сказал Блох.

Калитка в тихий переулок, зажатый между высокими глухими заборами, была не заперта.

— Уходите. Вот деньги, — сказал Блох. — На первое время хватит.

Блох захлопнул калитку.

Мы остались одни.

ОСЕЧКА-67

ТРАГЕДИЯ В 12 КАРТИНАХ

От автора

Повесть «Осечка-67» была написана мною в 1968 году, сразу после воображаемых событий. Толчком к ней послужила заметка в газете «Правда», в которой говорилось о планах устроить театрализованное представление по поводу пятидесятилетия штурма Зимнего дворца. Той же осенью я был в Болгарии и увидел, как во время верноподданной праздничной демонстрации 7 ноября одетые в матросов и солдат активисты изображали тот самый штурм. И тогда я представил себе, что вся эта операция может обернуться вовсе не так, как планировалось. Вот и написал повесть.

Потом спрятал ее в письменный стол — кроме близких друзей, ее никому нельзя было показать. Потом я думал, что она потерялась.

Но вдруг недавно, в 1992 году, она всплыла в Петербурге, по соседству с Зимним дворцом. Отыскавший ее телевизионный режиссер создал на основе повести телефильм «Осечка», который петербургское телевидение показало именно 7 ноября 1993 года, когда события, описанные в повести, получили дополнительную актуальность.

Увидев телефильм, мой друг, режиссер театра «Лаборатория» А. Российский попросил меня написать пьесу по мотивам повести. В пьесе я отступил и от повести, и от фильма. Получилось нечто новое — ведь и времена изменились, и я сам изменился.

И с опозданием на много лет я представляю этот опус на читательский суд.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Борис Колобок. Секретарь комсомольской организации Государственного Эрмитажа. Сотрудник отдела оружия. Он же командир роты юнкеров, защищающих Зимний дворец.

Зоя Ильинская. Младший научный сотрудник отдела тканей Государственного Эрмитажа. Член Комитета комсомола. Командир женского батальона смерти, защищающего Эрмитаж.

Семен Остапович Антипенко. Заместитель директора Эрмитажа по режиму. Отставник, ветеран. По долгу службы защищает Зимний дворец, но партийная совесть этому противится.

Раиса Семеновна Мостовая. Секретарь Антипенки. Член женского батальона смерти, разрывается между лояльностью к Антипенке и партии и преданностью Музею.

Александр Симеонов. Младший научный сотрудник отдела нумизматики. Вышел из комсомола по возрасту, но к партии не примкнул. Пьет, говорит лишнее, либерал, карьеру не сделает. Входит в число юнкеров.

Геннадий Альбертович Гунявый. Он же швейцар Эрмитажа по кличке Горыныч. Помнит, как брали Кронштадт в 1921 году. А вот как брали Зимний, на всякий случай забыл. Он же вице-адмирал Гунявый, министр морских дел Временного правительства.

Мальвина. Буфетчица Эрмитажа. Активный боец женского батальона смерти.

Василий Леонидович Грушев. Секретарь Центрального райкома КПСС Ленинграда. Он же матрос с «Потемкина», организатор штурма Зимнего, отвечающий за выстрел с «Авроры».

Клара. Секретарь Грушева. Она же революционерка в кожаной куртке. Лично предана Грушеву.

Борис Моисеевич Коган. Ветеран партии, пенсионер. Он же руководитель мелкобуржуазной партии Бунд.

Матвей Матвеевич Нетудыхата. Инструктор обкома партии. Он же министр Временного правительства ПЕШЕХОДОВ. Он же по совместительству осуществляет контроль КПСС над партией Бунд, являясь заместителем Когана.

Нодар Александрович Яманидзе. Актер театра им. Ленсовета, известен как исполнитель роли Гамлета. Он же Александр Федорович КЕРЕНСКИЙ, премьер Временного правительства.

Иван Сергеевич Покровский. Директор школы верховой езды. Он же генерал КРАСНОВ, командир контрреволюционных частей, которые стремятся прорваться в революционный Питер, чтобы подавить народное восстание под руководством большевиков.

Григорий Иванович Отрепьев. Секретарь Ленинградского обкома. Он же фактический руководитель восстания Яков Михайлович СВЕРДЛОВ.

Николай Николаевич Пупыкин. Член ЦК КПСС. Заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК, куратор мероприятия. Он же Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Игорь Осипович Ланской. Актер Московского Художественного театра. Народный артист республики. Он же Владимир Ильич ЛЕНИН.

Олег Аркадьевич Громобоев. Актер театра им. Ленсовета. Он же товарищ Эйна Абрамович РАХЬЯ, из финских революционеров, проводник товарища Ленина в Смольный.

Голос товарища БРЕЖНЕВА.

Революционные матросы, солдаты и рабочие, пленные иностранные корреспонденты, юнкера и девушки из батальона смерти, они же сотрудники Эрмитажа.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Служебные помещения на первом этаже Эрмитажа. Низкие своды, белые стены. У одной из стен стоит статуя Аполлона на невысоком постаменте, в натуральную величину, с захватанным мужским достоинством. Видно, не поместился в экспозиции либо не представляет ценности. Порой его руку используют как вешалку.

Коридор ведет в глубину, к служебному выходу на Дворцовую площадь.

С другой стороны он загибается налево — там сверкает золото парадной лестницы и торжественных помещений.

По радио звучит революционная песня.

Из двери, на которой видна табличка:

С. О. АНТИПЕНКО, зам. директора по режиму

выходит сам Антипенко со списком в руке. Задумчиво останавливается и ставит галочки на полях списка.

Из выставочного крыла входит Боря Колобок.

Колобок. Семен Остапыч, ну как же так! Пора оружие получать, а то всем дадут, а нам не достанется. Мои аспиранты с утра ждали, а теперь разбежались.

Антипенко. Значит, плохо организовал. У меня в свое время люди из окопов и то не разбежались.

Колобок. Так будет оружие?

Антипенко. Этот вопрос решится завтра.

Колобок. Значит, нету оружия?

Антипенко. Нет, ты скажи — для кого ты просишь оружие? Для контрреволюции! Для наших с тобой классовых врагов! Постыдился бы.

Колобок. Вы хотите, чтобы я ваши слова передал советскому телевидению? Вы хотите, чтобы весь мир знал, что наша Великая Октябрьская социалистическая революция была липовой? Что наши враги выступали без оружия?

Антипенко. Да погоди ты! Не путай меня! Какие враги?

Колобок. Вы же сами сказали.

Антипенко. Ничего я тебе не говорил.

Колобок. А где оружие для обороны Зимнего дворца?

Антипенко. Да тише ты! Иди сюда! Мне звонили из Смольного. Понял? Сам звонил.

Колобок. Кто сам?

Антипенко. Тот, который еще вчера был секретарем обкома товарищем Отрепьевым, а сегодня для нас с тобою он — Яков Михайлович Свердлов.

Колобок. Так вы мне скажите — где оружие?

Антипенко. Наше оружие отправлено (*несколько слов он шепчет на ухо Колобку*)... там возникла угроза агрессии со стороны израильских оккупантов. Не бойсь. Завтра доставят. Уже с ДОСААФ согласовано.

Колобок. У них оружие учебное.

Антипенко. А ты какое хотел? Ты что, хотел попасть в советского человека? А если ты его ранишь?

Колобок. Ох, неладно у меня на сердце!.. А как с артиллерией?

Антипенко. С артиллерией все в порядке (*смотрит в список*). Артиллерию в количестве трех орудий привозят завтра из Артиллерийского музея.

Колобок. А их Ближний Восток не перехватит?

Антипенко. Тише, ты!.. Эти пушки в последний раз при Петре Великом стреляли.

Из двери в кабинет Антипенки выплывает Раиса Семеновна.

Раиса Семеновна. Как хорошо, что я вас застала! Звонили из Мариинки. Шинели готовы. Срочно надо получить.

Антипенко. Колобок, посылай людей!

Колобок. Зося. Звонили, что шинели готовы. Посылай людей!

Зося. Боря, кого я пошлю?! У меня обвал — четыре финских автобуса с бабушками, поляки по обмену и плановые экскурсии — некого послать.

Антипенко. Товарищ Ильинская, вы понимаете, что говорите? За день до начала Великой Октябрьской социалистической революции вы думаете о пустяках.

Зося. Я думаю не о пустяках, а о своей работе.

Антипенко. А я что же, баклуши бью, по-вашему?

Раиса Семеновна. Что мне им ответить? А то они на обед уйдут.

Колобок. Придется тебе, Зося, самой ехать.

Зося. И не подумаю. Я в детский сад за дочкой не успею.

Колобок. Кончай манкировать! Позвони матери, пускай сходит! Как культпоход на Феллини, так есть кому в садик пойти, а как черновой труд для революции — никого не дозовешься!

Антипенко. Ильинская, мы тебе отгул засчитаем.

Радио прерывает революционную песню и слышен голос диктора. При первых же словах Колобок подходит к динамику и усиливает звук.

По мере чтения диктором Обращения в коридор выглядывают сотрудники Эрмитажа. Слушают.

Диктор. Внимание, работают все радиостанции Союза Советских Социалистических Республик. Передаем Обращение Президиума Верховного Совета, Правительства СССР и ЦК Коммунистической партии Советского Союза.

Дорогие товарищи!

В соответствии с программой торжественных мероприятий юбилейного, пятидесятого года Октября Партия и Правительство Страны Советов приняли историческое решение о проведении в рамках праздничных торжеств в колыбели революции — городе-герое Ленинграде кульминации революционного порыва масс — штурма Зимнего дворца.

К участию в этом крупнейшем в мире юбилейном мероприятии привлечены многочисленные представители трудящихся масс, а также целые коллективы заводов и фабрик города Ленина, занявшие первые места в юбилейном социалистическом соревновании.

Воспроизведение в реальных масштабах исторических событий привлекает пристальное внимание мировой прогрессивной общественности и должно вновь со всей убедительностью показать всему миру преимущества социалистического строя.

В настоящее время основная подготовка к грандиозному революционному фестивалю уже завершена. Ленинград принимает облик, который он носил в октябрьские дни, текстильные и кожевенные предприятия изготавливают реквизит для участников революции. Работники радио и телевидения монтируют аппаратуру в ключевых местах восстания. Ленинградские торжества увидят трудящиеся всего мира.

Штурм Зимнего дворца, залп «Авроры», а также исторический Съезд Советов будут проведены в течение вечера и ночи с 7-го на 8 ноября 1967 года. По завершении Съезда Советов, который поставит точку на победе большевиков и провозгласит декреты о земле и мире, по Центральному телевидению выступит лично Генеральный секретарь Коммунистической партии СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев, который поздравит советский народ с победой революции.

Начинает играть революционная музыка.

Раиса Семеновна подходит к динамику и уменьшает громкость.

К о л о б о к. Зося, чего ты медлишь? Разве не видишь, какое значение придается нам в Москве? Беги, звони маме, чтобы ребенка из садика взяла.

З о с я. Боря, а может, в следующий раз?

Антипенко. Товарищ Ильинская, неужели вы не понимаете, что следующего раза в ближайшие пятьдесят лет не будет.

Зоя уходит.

Колобок. Семен Остапыч, у меня к вам личный вопрос. Можно как коммунист коммуниста спросить?

Антипенко. Нет уж, лучше ты меня спрашивай как младший научный сотрудник зам. директора по режиму. Спрашивай.

Колобок. Милиция на площади будет?

Антипенко. А куда же она денется?

Колобок. Прямо в форме так и будет?

Антипенко. Еще чего не хватало — в форме! Это же по телевизору снимать будут. Там же представители буржуазии только и ждут, чтобы мы прокололись. Может, тебе и конную милицию пригласить?

Колобок. А кто же будет следить за порядком?

Антипенко. Кому положено, тот и проследит.

(Он уходит к себе в кабинет.)

Колобок. Ну вот! Такие дела. Да вы понимаете, чем это грозит?

(Колобок обращается к закрытой двери и потому не ждет ответа. Хотя ответ приходит — от Симеонова, который вошел в коридор с улицы. Он в мокром плаще. Складывает зонтик.)

Симеонов. Чего витийствуешь, Колобок?

-Колобок. Это хорошо не кончится.

Симеонов. Ближе к делу.

Колобок. Ты знаешь, завтра ночью намечено взятие Зимнего. Революция. Энтузиазм масс. Ну и так далее.

Симеонов. У тебя нет какой-нибудь новости посвежее — уж мочи нет. Радио включишь — даешь Зимний! Телевизор включишь — все на штурм! А это правда, что в буфете сосиски есть?

Колобок. Подожди ты со своими сосисками! Ты представь себе — будет штурм. На площади — Кировский завод,

пенсионеры, сводная колонна обкома комсомола и, конечно же, все ленинградские алкаши.

С и м е о н о в. Эти еще зачем нужны?

К о л о б о к. Они сами придут. Люмпен-пролетариат всегда активно участвует в революциях, надеясь на грабеж и разорение.

С и м е о н о в. Да там на площади на каждого штурмующего по милиционеру в форме и по сотруднику в штатском.

К о л о б о к. Боюсь, что нет. И знаешь почему? Потому что все это снимается телевидением и будет транслироваться на всю Европу. Значит, милицию уберут...

С и м е о н о в. Да не бойся. У нас все просчитано, проверено и перепроверено. Неужели ты думаешь, что мероприятие такого масштаба не находится под контролем органов? Осечки не будет.

К о л о б о к. Ох, не убедил ты меня. А скажи, что будет, когда они ворвутся во дворец?

С и м е о н о в. Как так ворвутся?

К о л о б о к. Так же, как в семнадцатом году.

С и м е о н о в. Колобок, ты анекдот про слона знаешь? Приходит человек в зоопарк и на клетке со слоном читает: «Слон съедает за день полтонны картошки, центнер бананов, помидоров и так далее». Он обращается к служителю и спрашивает: неужели он все это съест?

К о л о б о к. А служитель отвечает: «Съесть-то он съест, да кто ему даст».

С и м е о н о в. Так будет и с революционным народом.

К о л о б о к. А если они ворвутся? Не могут же они дойти до дворца и повернуть обратно? В таком случае штурм Зимнего сорвется!

С и м е о н о в. Отобьемся!

(Ему смешно представить такую ситуацию.)

К о л о б о к. Да ты не веселись. Баррикады сделаны на живую нитку, пушки из артиллерийского музея, подарок от Ивана Грозного. Даже винтовки наши на Ближний Восток передали. А кто защитники?

Симеонов. Мы с тобой.

Колобок. Вот именно. Наша комсомольская организация несет ответственность за сохранность Зимнего дворца, всех тех народных ценностей, которые могут погибнуть, если в Зимний дворец проникнет посторонний элемент.

Симеонов. Погоди, Борька! Ты что же, хочешь сказать, что товарищей, штурмующих Зимний дворец, в самом деле пускать сюда нельзя?

Колобок. Не дальше вот этого места!

(Колобок показывает точку, на которой стоит.)

Симеонов. Ты много на себя берешь, старик. Даже непонятно, с каких ты позиций выступаешь.

Колобок. Я выступаю с позиций патриота Эрмитажа и молодого члена партии. Мы обязаны не допустить хищений, воровства и хулиганства. Это наш долг как членов партии, комсомольцев и просто сотрудников музея. Если толпа бежит брать очередную Бастилию, то ее может охватить массовый психоз.

Раиса Семеновна *(она вышла покурить и стоит в стороне)*. Колобок, следи за своим языком. Он тебя черт знает куда заведет. Ничего себе — психоз на пятидесятом году советской власти. Учти — здесь тебе не взятие Бастилии, а юбилейное мероприятие. На уровне первомайской демонстрации.

Вмешательство Раисы Семеновны сразу меняет ситуацию. Симеонов из оппонентов тут же переходит в нейтралы.

Симеонов. Черт его знает... может, сходить в райком. Посоветоваться.

Колобок. Ты тоже так думаешь?

Симеонов. У них там должны быть разработки, сценарий, рекомендации из Москвы.

Раиса Семеновна. А я бы не советовала отвлекать товарищей в райкоме от важных дел. У нас есть поручения, мы должны его выполнить. Когда я была комсомолкой, никому и в голову не приходило обсуждать и даже ставить под сомнение решения партии.

Колобок. А я свою позицию не изменю. Это все — наше, народное. Я смотрю вокруг — наши же девушки будут стоять на баррикадах и их будут считать врагами люди там, на площади... это серьезное моральное испытание.

Раиса Семеновна. Ну какие там враги! Что вы несете, Колобок. А еще секретарь комсомольской организации.

Колобок. У нас не только материальные ценности. Мы отвечаем также за наших девчат — за наших комсомолок, экскурсоводов, младших научных сотрудниц — за весь батальон смерти!

Симеонов. Если ты все это начнешь нести в райкоме, то в лучшем случае схлопочешь выговор за паникерство. В лучшем случае...

Раиса Семеновна. Колобок, ты меня иногда пугаешь. В тебе так много не нашего... даже чуждого!

Колобок. Если Грушев там, то я пробьюсь к нему. Он в принципе неплохой мужик.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет секретаря Центрального райкома г. Ленинграда Василия Леонидовича Грушева.

Макурено, шумно. Обстановка несколько напоминает ту, которая изображается в историко-революционных фильмах и на картинах. У двери стоит матрос, который спрашивает пропуск. За столом сидит солдат в папахе, который печатает указательным пальцем. На другом столе — телеграфный аппарат. В сущности, общая картина маленького штаба большой революции может воспроизводиться с различным наполнением, следует лишь иметь в виду, что в Смольном тоже должен быть кабинет. На там кабинет солидный, без шума и игрового элемента. В значительной степени вся эта суматоха рождается революционным характером самого Грушева, который переживает свой звездный час.

Грушев уже перевоплотился. Он одет в матросскую форму, он не снимает ни на секунду бескозырки с надписью «Потемкин». Секретарь райкома

говорит по телефону — перед ним сразу три старинных аппарата. Клара, девица комиссарского типа протягивает ему бумаги с одной стороны, господин в плохо наклеенной бороде и котелке — с другой.

Г р у ш е в. Петропавловка? Нет, не собор мне нужен, а коменданта тюрьмы. Товарища Сазончука попрошу. Сазончук? Слушай, сейчас к тебе политзаключенных приведут. Нет, не антисоветчиков! Хороших ребят, наших, советских, из органов и из первичек.

(Грушев прикрывает трубку ладонью и протягивает руку к Колобку, которого признал издали.)

Г р у ш е в. Ругается! Страшный матерщинник этот Сазончук. Директор вытрезвителя... Ну что, откричался? Значит, приведут к тебе пролетариат. Так вот, постельным бельем не обеспечивай. Не надо, на голом сутки поспят. Потом их освобождают будем. Темницы рухнут и свобода вас встретит радостно у входа! Слышал? Какой к черту Высоцкий! Ты сколько классов кончал, если Высоцкого от Некрасова отличить не можешь? Ну, то-то.

(Звонит другой телефон. Грушев хватается трубку.)

Г р у ш е в. Центральный райком слушает. Кто у телефона? Я у телефона! Ну, Грушев! Какие еще проститутки на Невском! Клара, возьми трубку.

К л а р а *(официально и светски)*. Я вас слушаю.

Далее они ведут два разговора, так что они переплетаются, и мы слышим фразы и осколки фраз поочередно.

Г р у ш е в. Подожди, Сазончук. Как их деды-декабристы старались, так и они пускай пострадают за народ... Питание из столовой «Белые ночи». Уже распорядились. С супом. Главное — историческая правда — замки, засовы, изверги в тюремной форме. Ты и есть изверг — кто же еще! Если партия сказала: будь извергом — станешь! Не первый и не последний.

К л а р а. Есть историческая правда и историческая правда. Да, может быть, в семнадцатом году отдельные проститутки и стояли на Невском, но их смело вихрем революции. А если провокация? Если иностранные корреспонденты, запо-

лонившие наш город, сделают выводы? Да пускай они трижды комсомолки! Самое опасное начать! А вдруг понравится? А там покатится по наклонной плоскости — никакой комсомол не остановит!

Звонит третий телефон, и Колобок берет трубку.

Колобок. Какой русский флаг? А, конечно, полосатый. В энциклопедии нет? Посмотрите статью про Петра Первого. Это он придумал.

(Колобок оборачивается к тем, кто стоит в комнате.)

Колобок. Товарищи, кто помнит, какой был в России флаг?

Человек с наклеенной бородой. Как французский, только полосы наоборот.

Колобок. А какой французский?

Грушев кладет трубку на рычаг и видит человека с наклеенной бородой.

Грушев. Колобок, ты о флаге выясни, а мне надо два слова конфиденциально с товарищем Коганом выяснить.

(Грушев ведет Когана с наклеенной бородой на авансцену.)

Грушев. Ты зачем в Смольный звонил? Зачем ты на меня товарищу Свердлову капал, а? Ты учти, Коган, что ты в моем районе прописан со своим Бундом. Так что обойдетесь комнатой в Эрмитаже. Твоя партия решающего значения в революции не сыграла... И слава Богу.

Коган. А Карл Маркс?

Грушев. Что — Карл Маркс? Ох и хочется мне тебя к партответственности за злостную демагогию привлечь, товарищ Коган. Товарищ Маркс нацпринадлежности не имеет. Он — великий учитель рабочего класса.

Коган. Но еврей!

Грушев. Знаешь что, Коган. Завтра я тебе двух-трех товарищей украинцев подкину. Для интернационала, а то вижу я, что ты хочешь в свой Бунд одних евреев набрать во главе с Марксом.

К о г а н. Я еще понимаю, если вы будете нас разбавлять русскими товарищами...

Г р у ш е в. Ага, не хочешь хохлов! Тогда иди в подполье! Скрывайся, таись! Но не путайся ты, Борис Моисеевич, у нас под ногами.

Колобок подходит к нему.

Г р у ш е в (*вытирает лицо бескозыркой*). Ну что, выяснили с флагом? А то, конечно, стыдно получается. Мы наш, мы новый мир построим, а флаг забыли. Вот построим мы когда-нибудь коммунизм и спросят нас внуки: а не поменять ли нам флаг на старый. Русские мы с тобой, в конце концов!

К о л о б о к. Я к вам по делу, Василий Леонидович.

Г р у ш е в. А ко мне всегда только по делу. Ко мне даже жена по делу. Вася, колбасу купил?.. Ох сорвем мы мероприятие, ох сорвем! Китай знаешь как на нас смотрит? Злобно. Только и ждет осечки, чтобы развернуть кампанию травли. А как прикажешь с людьми работать. Вот Коган, старый партиец, а в решающий момент: Маркс был еврей! Шатает людей, сложная эпоха.

К о л о б о к. У нас тоже нелегко. Поэтому и пришел.

Г р у ш е в. Чего тебе-то нелегко? Вы в тепле, женский батальон смерти под боком. Вы ведь юнкера? А колоннам наших, советских штурмовиков придется через весь город под дождем и снегом топать. А товарищу Ленину каково?

К о л о б о к. А каково товарищу Ленину?

Г р у ш е в. Товарищу Ленину с перевязанной щекой через ночной Ленинград в Смольный пробираться. А его к нам из Москвы прислали. Народный артист РСФСР. Тут каждому-всякому не доверишь!

К ним подходит Клара. Протягивает Грушеву ремень с кобурой.
И пулеметные ленты.

Г р у ш е в. Не взорвется?.. Ну, ты приспособь.

К о л о б о к. У меня в самом деле важный вопрос.

Г р у ш е в (*помогая Кларе обвязать и подпоясать себя*).
Валяй.

К о л о б о к. Значит, решено оборонять Зимний дворец силами сотрудников Эрмитажа?

Г р у ш е в. И правильно. Свои должны защищать. А то еще могут произойти инциденты.

К о л о б о к. Вот из-за этого я и пришел. Милиция на площади будет?

Г р у ш е в. Ну что ты несешь, Колобок, когда первая программа телевидения прямой репортаж показывать будет, товарищ Левитан слова скажет, иностранцы приехали. И ты хочешь милицию показать? Будто мы, значит, спектакль устроили, а народ своей сознательности не имеет.

К о л о б о к. Тогда я требую, чтобы отряд милиции был внутри Эрмитажа. И с оружием.

К л а р а. Ну поглядите, какой герой. Матрос-партизан Железняк... лежит под курганом с блестящим наганом, как писал Есенин.

Г р у ш е в (*похлопал Клару по щечке*). Пошла, пошла, рано меня еще хоронить.

К о л о б о к. А вы не думаете, что могут пострадать материальные ценности?

Г р у ш е в. Как так?

К о л о б о к. А так, что ворвутся путиловцы и дружинники в подпитии и начнут громить. Вы знаете, на сколько миллиардов народных ценностей в Эрмитаже хранится?

Г р у ш е в. Наш питерский пролетариат этого не допустит.

К о л о б о к. Боюсь, что допустит.

Г р у ш е в. Ты что клевещешь?

К о л о б о к. Ну, не пролетариат. А случайные люди затешутся?

Г р у ш е в. Их отсекут.

К о л о б о к. Выпьют для сугрева, а потом по витрине прикладом.

Г р у ш е в. Колобок, помолчи!

К о л о б о к. Так я к вам пришел, а не к кому-нибудь еще. Вы для меня — партия. А партия не должна ошибаться.

Грушев. И не ошибается. И если Политбюро постановило — взять Зимний дворец, мы не можем штурм за город перенести.

Колобок. А жалко.

Грушев. Честно говоря, у меня у самого на душе неспокойно. Народ у нас разный бывает. Есть еще пережитки. Искореним, конечно, но до седьмого ноября не успеем.

Колобок. Потом ведь нам история не простит.

Грушев. Мне с историей детей не крестить: но вот если в Смольный вызовут... Эх, знаешь что: я тебе пожарную машину подкину. С водометом.

Колобок. Погода около нуля. Еще кто простудится.

Грушев. На крайний случай.

Колобок. А может, все-таки в ГБ попросишь?

Грушев. Они меня уже послали. У них свои проблемы... Директор ваш что, в больницу спрятался?

Колобок. У него в самом деле обострение язвы.

Грушев. А зам. по режиму, Антипенко — вроде мужик крепкий?

Колобок. Ветеран.

Грушев. Ну вот видишь! Ветеран! Мы тебе и еще кого-нибудь подкинем. Жди, не падай духом. А рабочий класс, значит, допускаете до баррикады, но чтобы в Эрмитаж — ни ногой. Мы по заводам уже послали оперативку. Да не дрейфь ты, Боря! Народ у нас сознательный. Хороший у нас народ! Чужого не возьмет.

К ним подходит генерал в дореволюционном мундире, с Георгиевским орденом на груди.

Краснов. Я поехал, Василий Леонидович. Тачанку за мной прислали.

Грушев. Ну ты хорош, ну настоящий душитель свободы!

Краснов. Не надо так. Я же в отпуск собрался. И вот тебе — командуй контрреволюцией.

Грушев (*обращаясь к Колобку*). Боря, познакомься, больше не увидитесь. Перед тобой директор конного манежа, а ныне вождь вооруженной буржуазии генерал Краснов, кон-

ница которого завтра ночью будет прорываться на помощь Временному правительству, то есть тебе, контра полосатая! *(Он с размаху бьет по плечу Колобка. Тот чуть не падает.)*

Краснов. Сидорович, Александр. Я вас где-то встречал.

Колобок. На партактиве. Вы еще о прикладных видах спорта выступали.

Грушев. Поезжай. Прорывайтесь, действуйте, только без особого напора, а то еще прорветесь! Ха-ха! Смеюсь.

Краснов шелкает каблуками. И уходит, чеканя шаг.

Грушев. Смотри, как люди перерождаются. Видно, есть в нем военная косточка.

(Грушев пытается идти за ним, так же чеканя шаг, но не получается.)

Грушев. Естественно. У нас, балтийских моряков, походка другая.

(Идет поигрывая вытасненным из кобуры маузером, вразвалку.)

Грушев. Ну кто тут временные, слазь! Кончилось ваше время.

(Он уходит, садится к себе за стол, и тут же начинают звонить телефоны.)

Грушев. Алло! Центральный райком на проводе. Грушев у аппарата.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Служебный буфет в Эрмитаже. Три столика. У стойки, за которой стоит Мальвина — голубая девушка, ожидает кофе Симеонов. За столиком сидят Колобок с Раисой Семеновной.

Симеонов. Колобок, тебе двойной или ординарный? Колобок. Хоть чай.

Симеонов. И три раза по пятьдесят коньяку.

Мальвина. Саша, ты же знаешь. Антипенко категорически запретил в рабочее время.

Симеонов. Где ты увидела рабочее время? Мы еще революции не провели, а там впереди гражданская война, коллективизация, отдельные ошибки культа личности... Наливай.

Раиса Семеновна. Мне не надо... Плохо дело, Боря?

Колобок. Хуже некуда. Меня не оставляет тревожное чувство опасности! Создается впечатление, что даже там наверху, в Смольном, не понимают еще, на что решились, какого джина выпускают из бутылки!

Входит Антипенко, перед собой он гонит совсем маленького человека пенсионного возраста в морском мундире и адмиральских эполетах.

Антипенко. Садись, Горыныч. Садись, не робей.

Они занимают соседний столик.

Антипенко. Ну что, орлы, не узнаете ветерана ленинской гвардии? Участника штурма Кронштадта, товарища Гунявого?

Симеонов (*который ставит кофе на стол*). Горыныч! Швейцар наш, Горыныч. Что за маскарад?!

Антипенко. Разрешите представить: Геннадий Альбертович Гунявый. Мичман Балтийского флота. Ныне призван из резерва для прохождения службы в рядах контрреволюции.

Колобок. Как же он такие эполеты заработал?

Гунявый. Как коммунист и ветеран я написал в обком. Просил назначить меня на любую должность, желательно командиром «Авроры». Место оказалось занято. Пришлось соглашаться на белогвардейскую вакансию. Но не меньше адмирала.

Симеонов. Ясно, это надо обмыть.

Гунявый. Вот именно. Сто грамм виски с мартини! И побольше льда, мадам.

Мальвина. Горыныч, что ты несешь?

Гунявый. У меня хоть на два дня, но жизнь буржуйская! Если нет мартини — сто пятьдесят и бутерброд.

В буфет быстро входит Керенский. За ним, отступив на шаг, толстый человек в черном костюме, с бабочкой, министр Пешеходов.

К е р е н с к и й. Добрый день, господа. Надеюсь, я не помешал?

Появление его столь значительно сыграно, что все встают, даже Антипенко и адмирал.

Керенский обходит весь буфет, пожимая всем руки, и всем говорит, что он Керенский и рад познакомиться. Пешеходов повторяет его действия.

К е р е н с к и й. Прошу садиться. Чувствуйте себя как дома. Чем угостите, Мальвиночка?

М а л ь в и н а. У нас пиво свежее, товарищ Керенский.

К е р е н с к и й. Попрошу называть меня гражданином или в крайнем случае господином. Обращение «товарищ», взятое на вооружение нашими политическими противниками, долго не проживет.

Г у н я в ы й. Гусь свинье не товарищ!

А н т и п е н к о. Адмирала Гунявого мы выделили из своего коллектива. У него есть боевой опыт.

К е р е н с к и й. Что же, я рад видеть специалистов в наших рядах. Берите командование Балтийским флотом. Справитесь, адмирал?

Г у н я в ы й. Да кто мне даст? Они же там за свои пайки удавятся. Назначьте меня морским министром, а?

К е р е н с к и й. По рукам, господин Гунявый!

К о л о б о к. А мне ваше лицо знакомо. Я вас видел?

К е р е н с к и й. В театре Ленсовета. Критика отмечала мое исполнение Гамлета.

М а л ь в и н а. Ну конечно, Гамлет! Я вас сразу узнала. Пиво берите!

Министр Пешеходов, который сопровождает Керенского, спешит за пивом.

Заглядывает Краснов.

К р а с н о в. Простите, я отбываю в Гатчину. Вы здесь Керенского не видали? А то товарищ Грушев рекомендовал связь наладить.

К е р е н с к и й. Очень рад. Керенский. Председатель Временного правительства.

К р а с н о в. Генерал Краснов. Моя попытка освободить Зимний дворец завтра ночью должна провалиться.

К е р е н с к и й. С чем я вас и поздравляю. Вас тоже из театра пригласили? *(Присаживается за стол к Керенскому.)*

К р а с н о в. Нет, еще вчера я был директором школы верховой езды. По сценарию после взятия Зимнего вы должны переодеться в медицинскую сестру и на американской машине прорываться в Гатчину, в расположение моих частей. Халат и юбку я вам обеспечу.

К е р е н с к и й. Можно обойтись без юбки?

К р а с н о в. Историческая правда, Александр Федорович, выше всего!

К е р е н с к и й. Можете звать меня Нодаром.

К р а с н о в. Нет, не могу. Историческая правда не позволяет. Честь имею.

(Краснов откланивается и выходит.)

К е р е н с к и й. Если бы у меня было хотя бы полдюжины таких генералов, я бы не отдал власть большевикам.

Г у н я в ы й. Ты чего несешь, министр, чего несешь? Ведь я же все записываю, мне велели.

К е р е н с к и й. И отлично. Записывайте, господин адмирал. Мы потом опубликуем ваши записки на всех языках свободного мира.

Г у н я в ы й. Как так опубликуете? Кто вам позволит?

П е ш е х о д о в. История позволит, вот именно, история. Господин Керенский, мне можно отлучиться?

К е р е н с к и й. Что еще стряслось? Министр Пешеходов?

П е ш е х о д о в. Меня Грушев в партию Бунд перевел на укрепление. Там, говорит, много евреев развелось.

К е р е н с к и й. Так твоя же настоящая фамилия Нетудыхата! Ты ж хохол!

П е ш е х о д о в. Вот именно — я буду укреплять Бунд славянским элементом.

К е р е н с к и й. Укрепишь — и тут же обратно. У меня министров — кот наплакал. А то что получается — у большевиков и Смольный, и райкомы, и «Аврора», и Кантемиров-

ская дивизия в резерве. А у меня полсотни девочек из экскурсионного отдела Эрмитажа и столько же очкариков-аспирантов.

Мальвина подвигает Временному правительству стаканы и бутылки с пивом.

М а л ь в и н а. Берите, контрреволюция! День твой последний приходит, буржуй.

К о л о б о к. Александр Федорович, я хотел бы с вами поговорить.

К е р е н с к и й. Мы не представлены, молодой человек.

К о л о б о к. Временно я команду юнкерами — по комсомольской линии. Борис Колобок.

К е р е н с к и й. Нодар Яманидзе. Очень приятно. Продолжайте.

(Они пьют пиво. Рядом сидит адмирал и кивает головой, намереваясь заснуть. Антипенко и Раиса Семеновна шепчутся за соседним столиком.

Мальвина достала из-под стойки военную фуражку и примеряет ее.

К о л о б о к. Я беспокоюсь за исход штурма.

К е р е н с к и й. Исход, к сожалению, один. Победа пролетариата.

К о л о б о к. Я в этом не сомневаюсь.

В дверях появляется З о с я.

З о с я. Мальвина, дай чего-нибудь попить. Я без ног — там очередь жуткая. А потом тащи эти шинели через весь город в пикапе!

К о л о б о к. Как с садиком? Обошлось?

З о с я. Взяла ее мама, взяла.

К о л о б о к. Садись к нам. Это вот Керенский, а это адмирал Гунявый, новый морской министр.

З о с я. А, наш держиморда!

К е р е н с к и й (*проникновенно*). Я ощущаю, как вы устали. Как вы смертельно устали!

З о с я. Я вас знаю, вы Гамлета в Ленсовете играли.

К е р е н с к и й. Да, это была удачная роль.

М а л ь в и н а. Зось, а шинели всем дадут?

Зося смотрит на Керенского, Керенский на нее, потому она отвечает не сразу.

З о с я. Шинелей хватит. Вот с сапогами плохо.

М а л ь в и н а. Но ведь можно свои сапоги взять. На каблуках?

К о л о б о к. Меня, Нодар, вот что беспокоит. Я даже к Грушеву в райком ездил. Представь себе: ночь, взбудораженная толпа на площади. Прожектора, телевизионные камеры и жалкая горстка наших девушек!

К е р е н с к и й. То, что нас возьмут, это исторический факт.

К о л о б о к. И потом ворвутся во дворец.

Керенский и Зося смотрят друг на друга глазами цвета пробуждающейся любви.

К о л о б о к. Вы не представляете, сколько мы потратили денег на реставрацию лиможских эмалей. А ведь каждую можно положить в карман.

К е р е н с к и й. Вас зовут?..

З о с я. Зосей.

К о л о б о к. А зал миниатюр? Там же масса шедевров, начиная с антики, — вы когда-нибудь были в зале камней?

К е р е н с к и й. Мне приятно, что я буду работать с вами.

З о с я. Хоть и недолго.

М а л ь в и н а. Зось, а где форма?

З о с я. В лекционном бюро.

М а л ь в и н а. Ты здесь посмотри.

К е р е н с к и й. На вас вся надежда.

К о л о б о к. Ну какая может быть надежда! У нас в пушках замков нет.

А н т и п е н к о. И слава Богу. Раиса, он хочет стрелять в советских людей!

К о л о б о к. А черт его знает, в кого стрелять!

А н т и п е н к о. В райкоме лучше знают.

К о л о б о к. Я сегодня убедился, что в райкоме, обкоме и даже в Смольном ни хрена не знают.

Раиса Семеновна. Колобок, что за выражения! Вы же не матрос, вы же секретарь комитета комсомола! Кандидат наук!

Колобок. Что-то надо делать.

Зося. Я пойду домой. У мамы радикулит, а она за Дашенькой в садик ходила.

Антипенко. Чтобы завтра быть на местах в восемь ноль-ноль. Завтра решающий день.

Керенский. Ого, мне в ту же сторону. Можно, провожу? Мне выделили на сутки авто «роллс-ройс». Не составите компанию?

Зося. Спасибо, не беспокойтесь.

Входит Мальвина в шинели, в фуражке с черепом, и встает за стойку.

Керенский и Зося уходят вместе.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет секретаря обкома КПСС Ленинграда.

Начальственный стол, куда меньше декораций, но в то же время у стены лозунг — «Долой министров-капиталистов!»

Стол настоящий, обкомовский, буквой «Т». Над ним — портрет Брежнева.

Выступает товарищ Свердлов — секретарь обкома Отрепьев. В стороне стоит телевизионная камера. Ее настраивают. За столом, спиной к нам, сидят еще три или четыре человека. В одном мы узнаем Грушева. Еще один — в кепке.

Свердлов. Москва поставила нам жесткие сроки. Что-бы завтра к полуночи все было взято, контрреволюция ликвидирована и городское хозяйство функционировало нормально. Так что никаких задержек. В девять ноль-ноль выходим на позиции. Тут же залп «Авроры». Кто отвечает за залп «Авроры»?

Поднимается Грушев.

Г р у ш е в. На «Аврору» я завтра с обеда. Лично займусь. Там ее надо по фарватеру провести.

С в е р д л о в. Твои заботы. Мне важен результат.

Встает человек во френче. Оборачивается. Это Сталин.

С т а л и н. И учтите, товарищ Грушев, что вы — безымянный солдат партии. И завтра на вас будут направлены взоры и наших врагов, и всего прогрессивного человечества.

Г р у ш е в. Сделаю все от меня зависящее, товарищ Пупыкин.

С т а л и н. Забудьте временно мое имя. Кто я для вас сейчас?

Г р у ш е в. Вы для меня председатель революционного комитета, организатор Октябрьской революции товарищ Сталин.

С в е р д л о в. Давайте не будем вступать в дискуссии, товарищи. У каждого из нас есть заслуги перед революцией, я тоже провел десятки лет в тюрьмах и на каторге. Продолжаем работу. Товарищ Ленин в двадцать два тридцать выходит из своей явочной квартиры и с помощью товарища Рахьи проходит в Смольный. Не заблудитесь?

Л е н и н. Надеюсь, товарищи, что выделенное вами сопровождающее лицо знает дорогу?

Вожди в комнате дружно смеются.

С т а л и н. Не беспокойтесь, товарищ народный артист. Не для этого мы вас из Москвы приглашали, чтобы вы заблудились.

Л е н и н. Смотрите, батенька, не сорвите революцию. Пролетариат этого не простит.

С в е р д л о в. Только попрошу без этой бородки. Кепка завязанная щека — правда жизни!

Л е н и н. А вот тут я с вами, батенька, категорически не согласен. Есть правда жизни, а есть правда истории или, скажем, правда вечности! Для дотошных гробокопателей истории может быть важнее, что я скрывался от ищеек Временного правительства без бороды и даже с завязанной щекой. Но для образа героического Октября я предпочитаю идти открыто, как я запомнился всему миру!

С т а л и н. Я не уверен, что наш вождь и учитель прав. Пускай история разбирается. А нам надо обеспечить безопасность Ильича. Есть борода, нет бороды! — революцию это не сделает!

Л е н и н. Я эту бородку полгода отращивал.

С т а л и н. Снова отрастите. Что-то вы забываете, что мы находимся под пристальным вниманием враждебного окружения.

С в е р д л о в. Голосуем, товарищи, кто за то, чтобы сбрить бороду Владимиру Ильичу Ленину? Большинство. Переходим к следующему вопросу.

С в е р д л о в. Остался еще один вопрос, тесно связанный с предыдущим. В среде наших товарищей интеллигентов есть тенденция утверждать, что залпа «Авроры» на самом деле не было, и обвинять большевиков в мелкобуржуазном гуманизме. Так вот, мы посоветовались с товарищами из Москвы и решили — залпу быть! «Аврора» долбанет по этому Зимнему дворцу боевыми снарядами!

Г р у ш е в. Погоди, погоди, ко мне сегодня из Эрмитажа уже прибегали товарищи. Переживают за судьбу народного достояния. А что, если повредим?

С в е р д л о в. Повредим — починим. Не в первый раз, Грушев. А от тебя я не ожидал такого оппортунизма.

Г р у ш е в. Может, достаточно холостого, а?

С т а л и н. А вот по этой части, товарищ Грушев, есть личное распоряжение товарища Брежнева. стрелять!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Снова в буфете. На этот раз буфет переменился. В нем на стене укрепляют лозунг «Вся власть Временному правительству!», «Да здравствует Учредительное собрание!»

В буфете собрались защитники Эрмитажа. Среди них Керенский и адмирал Гунявый.

М а л ь в и н а. Я выступаю как рядовая молодежь, не член комсомола, потому что принципиально покинула его за аморалку.

К о л о б о к. Мальвина, ты можешь ближе к делу?

М а л ь в и н а. Вчера я смеялась над Борькой Колобком, что штурмом будут брать и натворят. Я же понимаю — там дружинники, милиция, финские туристы. А сегодня я на работу ехала с пересадками, на метро и на трамвае, и чувствую — ребята, не то! Что-то в городе происходит.

Среди собравшихся гул.

З о с я. Сегодня в троллейбусе один кричал, что теперь с жидами покончим!

К о л о б о к. Зося, не в этом дело!

М а л ь в и н а. В этом. Мой сосед, даже тихий такой алкаш, они сговаривались: стенки-то фанерные, мне с кухни все слышно — они сговаривались, что когда штурм будет, они с набережной в окно полезут за золотыми монетами.

З о с я. А в троллейбусе они даже кричали, что ох, погуляем!

Г у н я в ы й. Будем считать, что это случайность, ну погорячился кто-то. Попался невыдержанный товарищ. А на самом деле это все наши люди, комсомольцы, коммунисты.

Р а и с а С е м е н о в н а (она в одежде сестры милосердия тех времен). Но у меня сегодня шесть человек на работу не вышло. Двое позвонили, что грипп, а остальные даже не сочли нужным сообщить. И когда начнут поступать искалеченные трупы и начнутся ампутации, то я не понимаю, с кем я буду работать.

К о л о б о к. Раиса Семеновна, наверное, до этого не дойдет.

Г у н я в ы й. А что вы подумали? Когда Кронштадт брали, их щадили? Никого в живых не оставляли! Закон природы!

К е р е н с к и й. Господа, товарищи, граждане! Успокойтесь! Да, в момент революции к чистым силам прогресса примазываются сомнительные элементы. В Ленинграде имеют место перебои с сахаром и колбасой. Но в целом, как я уверен, ситуация находится в руках обкома и райкомов, правоохранительных органов. Гарантией безопасности музея и его сотрудников будет присутствие в наших рядах как руководителей Эрмитажа, так и командированных товарищей из обкома.

Раиса Семеновна. Антипенко сегодня бюллетень взял. Говорит, что у него подозрение на дифтерит.

Зося. А кто у нас тогда из обкома?

Керенский. Ну вот — товарищ адмирал, мой морской министр.

Гунявый. Вот именно! Только я не из обкома.

Мальвина. Так он швейцар наш, ему Симеонов из отдела одежды эполеты дал!

Раиса Семеновна. Я что предлагаю: разойтись всем по домам. Пускай они выделяют своих товарищей для защиты Эрмитажа.

Зося. Для него свои, а для Эрмитажа чужие. Они же камня на камне от нашего музея не оставят.

Раиса Семеновна. Я тебя понимаю, Зося, но что ты предлагаешь делать?

Зося. Я предлагаю выполнить свой долг.

Раиса Семеновна. Какой долг? Окстись! Твой долг водить экскурсии, а не лазить, как Гаврош, по баррикадам.

Колобок. Я сегодня с утра звонил в райком. Но Грушева уже нет — он на «Аврору» перешел, там держит штаб, в Смольном никто ничего не знает. Так что если мы не защитим Эрмитаж, боюсь, что уже никто не защитит.

Гунявый. Как работник охраны я ни одной сволочи в музей не пропущу. А как коммунист я должен сдать музей взбунтовавшемуся народу. Так что же мне делать?

Керенский. Вы не работник охраны, а адмирал русского флота. Министр морских дел в моем правительстве. Раз в жизни вам улыбнулось счастье. Отвечайте мне, где вам хочется лежать — в Пантеоне Славы или в братской могиле на загородном кладбище.

Гунявый. Понял вас, гражданин премьер-министр. Служу Этому.. самому...

До них доносится гул далекого заводского гудка. Потом к нему присоединяется еще один... И вот уже симфония заводских гудков заполняет воздух.

М а л ь в и н а. Что это?

К о л о б о к. Я думаю — сигнал к восстанию.

К е р е н с к и й. Пока — всеобщая стачка, мобилизация пролетариата... Черт побери, у кого-нибудь есть сценарий? Как можно работать без сценария?

Р а и с а С е м е н о в н а. Возьмите, вот, по спискам вырывали, под расписку от товарища Антипенко остался.

К е р е н с к и й. Ну вот, я же говорил: в двенадцать часов дня гудки многочисленных заводов и фабрик столицы призывают пролетариат на сборные пункты, а также для получения оружия.

К о л о б о к. А у нас до сих пор оружия нет.

Г у н я в ы й. И не будет. Я тебе как старый солдат скажу — ну кто будет вооружать классового противника? Я бы не стал.

З о с я. Какой из нас классовый противник, что ты несеешь, Горыныч? Это Боря Колобок тебе классовый противник? Это товарищ Яманидзе?

К е р е н с к и й. Для тебя, Зося, Нодар.

Г у н я в ы й. И я тоже классовый противник. У нас ведь как — только бы вывеску повесить. Гляди, вот у тебя, Боря, на животе вывеска висит: «Мироед», «Белый генерал», «Угнетатель». Да будь ты самый что ни на есть преданный революции бедняк, смотреть положено на вывеску. Вот и мы теперь живем с вами под общей вывеской — «Контрреволюция». И хоть ты на голову встань, никому ничего не докажешь.

Р а и с а С е м е н о в н а. Прекратите заниматься демагогией, товарищ генерал. Партия учит нас заглядывать глубоко в души людей, а вот навешивание ярлыков сурово осуждается, как наследие культа личности.

З о с я. Погодите, погодите, погодите! По-моему, у нас в головах все стало вверх ногами. Мне, например, сейчас все равно, какой я враг народа. Я знаю, что сегодня ночью будет большое хулиганство и, может быть, культурная трагедия.

К о л о б о к. И никто в Смольном нас не защитит. И я догадался о самом главном — они не защитят, потому что они очень хотят повторить революцию, взять штурмом Зим-

ний дворец и сделать залп «Авроры». Этим толстым пожилым мальчикам хочется похулиганить.

Раиса Семеновна. О ком ты говоришь, Колобок? Ты говоришь так о руководителях ленинградской партийной организации, о верных ленинцах!

Керенский. Именно потому что эти товарищи стали трижды ленинцами, четырежды ленинцами, они плевали с высокой башни на все ваши культурные ценности. Они думают, что еще много останется.

Раиса Семеновна. Я ухожу, потому что не могу присутствовать при этой идеологической диверсии!

(Но никуда не уходит.)

Керенский. Когда я согласился играть роль Керенского, я думал, что это выгодная халтура, тем более что в договоре мне платят как за ночные съемки. А теперь я пришел к вам, ребята, я посмотрел на это дело другими глазами. Как вы. И я боюсь, что прав ваш Боря Колобок. В самом деле получится самый настоящий штурм! Но раз они настоящие ленинцы, то они обязаны беречь себя.

Мальвина. Значит, это будет настоящий штурм? Как будто мы Рейхстаг!

Керенский. Ну не совсем Рейхстаг... даже думать так не хочется.

Гунявый. Эх, молодежь, послушайте меня, старика, свидетеля трех революций и многих мировых войн. Может, они сами еще себя не знают и им кажется, что все будет по справедливости, но на самом-то деле они никакого оружия нам не дадут. Костями лягут, но не дадут.

Зося. Но ведь мы же и они там — одна команда. Одна партия...

Колобок. А вот это мы сейчас проверим.

(Он проходит за стойку буфета и набирает номер на аппарате, который там стоит.)

Колобок. Смольный? Смольный? Штаб революции? Вас беспокоит Зимний дворец. Вот именно, Зимний дворец. Мы желаем обсудить условия капитуляции. Зовите кто ближе

из начальства. Свердлова можно. Или Сталина. Ленина в бужете видели? Давайте Ленина. В ваших руках, девушка, судьба революции! Одна нога здесь, другая — там.

Г у н я в ы й. Не дури, они ни за что не согласятся. Им слава нужна. Победа, пуля-дура, штык-молодец. А ты им игру испортить хочешь. Они, конечно, не признаются, будут об исторической правде говорить.

Колобок поднимает руку, останавливая монолог Гунявого.

К о л о б о к. Здравствуйте, товарищ Отрепьев. То есть простите... Свердлов? Здравствуйте, Яков Михайлович. Вас беспокоят из Эрмитажа. Ну да, из Зимнего. Моя фамилия Колобок. Я — секретарь комитета комсомола Эрмитажа, да, то есть Зимнего дворца. Да не нарушаю я конспирацию! Мы же не у Гитлера в ставке! Я все понимаю. Ну хорошо — не хотят говорить со мной, говорите тогда с Керенским. Да, товарищ Свердлов. Сейчас с вами будет говорить Керенский. Александр Федорович. Премьер-министр Временного правительства.

(Колобок протягивает трубку Керенскому и негромко ворчит.)

К о л о б о к. Черт знает что! Как будто играют в казаки-разбойники. Видите ли — в Зимнем дворце не может быть комсомольской организации!

К е р е н с к и й. Здравствуйте, господин Свердлов. Яков Михайлович, если не ошибаюсь? Яков Михайлович, у нас сложилась нелепая ситуация — наше оружие отправили на Ближний Восток, артиллерию так и не подвезли. Мы практически безоружны. Как так хорошо? А с чем мы будем защищать Эрмитаж?.. Тогда послушайте меня, Яков Михайлович! Мы капитулируем! Мы уходим из Зимнего дворца, и берите его, как хотите. Кому сдать ключи? Как так не имеем права? При чем тут Конституция? У нас все равны! И мы не можем нести ответственности за ценное народное достояние, если у нас не будет пулеметов! Хорошо. Давайте меняться — мы в Смольный, а вы сюда!

(Керенский громко кладет трубку и победоносно смотрит на Зою.)

Керенский. Ну как я их?

Гунявый (*пытается отстегнуть эполеты*). Ну вот и наигрались. А жаль, думал перед смертью занять руководящую должность. Показать этим большевикам, где раки зимуют!

Керенский. Погодите. Это еще не финал. Насколько я знаю человеческую психологию, сейчас начнутся маневры.

Звонит телефон. Колобок берет трубку.

Колобок. Это Колобок у телефона. Нет, это фамилия, а не подпольная кличка, Иосиф Виссарионович. Одну минутку, Иосиф Виссарионович (*оборачивается к Керенскому*). Вас, Александр Федорович. Сталин просит. С ума можно сойти!

Керенский. Керенский на проводе. Очень приятно, господин Сталин. Простите, не знаю вашего отчества... Так вот и не знаю. Не имел чести быть представленным. Мы с вами еще не сталкивались на политической арене. Иосиф Виссарионович? Странное имя. Вы из армян? Ах, грузин, очень приятно. Я тоже из грузин. Яманидзе моя девичья фамилия.

Зоя беззвучно аплодирует. Адмирал Гунявый поднимает большой палец и показывает всем.

Керенский. Если вы собираетесь нас штурмовать и показывать свои успехи всему человечеству, то я спрашиваю, кто будет делать ответные вспышки выстрелов? Я не прошу вас о танках, но если вы пришлете ящик бенгальских огней, это уже достижение... Что реально нужно? Реально нужны винтовки и пулеметы, как и было в семнадцатом году. И нужна хотя бы одна артиллерийская батарея... Нет, мы не собираемся устраивать боев в центре города, это вы решили устраивать такие бои. Но мы хотим добиться внушительной исторической правды. Надеюсь, вы понимаете меня, господин Сталин, что у нас с вами общие интересы — сохранение собственности музея Эрмитажа... Конечно, посоветуйтесь с товарищами, в первую очередь с товарищем Лениным. Только учтите, что в случае обмана мы сразу уйдем. И вам придется присылать на наше место Кантемировскую дивизию... Я тоже не шучу, господин Сталин.

(*Керенский кладет трубку на рычаг.*)

Г у н я в ы й. Погодите, погодите, вы, я вижу, Зося, что вы хотите вашего Керенского качать и целовать. Словно он Бастилию взял. Ничего вы пока не добились. Они сделают вид, что идут на компромисс. А потом пришлют вам дюжину ружей без патронов.

Звонит телефон.

К е р е н с к и й. Да, я у аппарата. Хорошо, мы ждем в течение часа. Спасибо. Если не удастся с патронами, мы согласны на роту милиции. Я не шучу...

Р а и с а С е м е н о в н а. Вот видите, все обошлось. А вы сомневались в искренности партийного руководства.

К о л о б о к. Когда оружие прибудет, тогда и прекратим сомневаться.

Г у н я в ы й. Не будет оружия, ни хрена не будет. Я ведь не всегда швейцаром работал, я и руководящие посты занимал. Сам обещал, мне обещали. Ни разу не выполнил ни одного обещания. Обычное дело. Я бы на месте тебя, Колобок, если в самом деле тебе жалко этих вазочек и пепельниц, пошел бы в отдел оружия и проверил, какие у тебя есть местные возможности.

К о л о б о к. Чего?

Г у н я в ы й. А того, что тебе царские власти с древних времен накопили здесь целый арсенал.

К о л о б о к. Горыныч, дай я тебя расцелую! Ты же гений.

Г у н я в ы й. Только без этого. Я тебе ничего не говорил, ты ничего не слышал. Не хочется на восьмом десятке под статью идти.

К о л о б о к. Не расходитесь! Погодите! Самое главное забыли. Да, забыли, ради чего мы сюда собрались. Ведь мы не решили для самих себя главный вопрос: мы разъезжаемся по домам или защищаем Эрмитаж? Независимо от того, будет оружие или не будет.

Р а и с а С е м е н о в н а. Как так независимо?

К о л о б о к. Независимо, потому что они все равно будут штурмовать Зимний. И все равно ворвутся вот сюда...

З о с я. Нет, никогда!

К о л о б о к. Здесь собрались представители от разных групп. Есть товарищи от батальона смерти, от экскурсоводов, от отдела фарфора, от нумизматов. Товарищ Керенский представляет Временное правительство.

Г у н я в ы й. Я тоже представляю.

К о л о б о к. Собрание представителей сотрудников Эрмитажа и советской общественности считаю открытым. На повестке дня один вопрос: впускать или не впускать в музей восставший пролетариат. Кто за то, чтобы не пускать и сохранить ценности для народа? Большинство. Против? Воздержалась Раиса Семеновна. Попрошу всех начать подготовку к отражению штурма. Довести до сведения отделов Эрмитажа о решении Штаба обороны. Все свободны!

К е р е н с к и й (*Колобку*). Боря, вы случайно не знаете, кто Сталина играет? Голос знакомый.

К о л о б о к. Себя они не играют, а изображают. Сталин — Пупыкин из ЦК, а Керенский и Ленин? С Лениным они не посмели. Выписали из Москвы народного артиста с опытом, а Свердлов — наш, секретарь обкома Отрепьев.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Служебный коридор первого этажа. На руке Аполлона висит шинель, на лицо каким-то шутником надет противогаз. Дверь в глубине коридора, ведущая на Дворцовую площадь, открыта, за ней синий вечер. Открыта также и дверь в кабинет к Антипенке. Коридор пуст. Но в дверях в кабинет Антипенки виден край стола, на нем телефон.

К о л о б о к говорит по телефону.

К о л о б о к (*в офицерском мундире*). Мама, я приду рано утром. Мы только сдадим Зимний дворец и я тут же домой. Мама, не переживай, у нас тут горячее питание. Походная кухня приехала. Ну мама, ну что ты говоришь! У нас хорошие

культурные девушки! Где ты только нахваталась таких подзрений?

По коридору идет Симеонов в средневековом шлеме и с мушкетом через плечо. Но при этом на нем юнкерский мундир. Симеонов заглядывает в кабинет Антипенки.

К о л о б о к. Мама, я тебе еще позвоню, если связь не отрубят.

С и м е о н о в. Знаешь, в подвале бочку с порохом нашли. Надо проверить, он горючий или как?

К о л о б о к. Представляешь, мама волнуется, не подхвачу ли я гонорею?

С и м е о н о в. Мне надо тоже домой позвонить. А я боюсь, что во время штурма могут связь отключить.

Он проходит к телефону, Колобок критически смотрит на него.

К о л о б о к. Бред какой-то. Придется шлем снять. Ты понимаешь — там же телекамеры.

С и м е о н о в. А жалко.

(Снимает шлем, кладет у ног Аполлона.)

С и м е о н о в. У нас камеру поставили в комнате, где Временное правительство заседает. Будут снимать, как матросы закричат: «Кто тут временный, слазь!»

К о л о б о к. Ты охрану на баррикаду поставил?

С и м е о н о в. Рано еще. Пролетариат еще только собирается.

К о л о б о к. Поставь, а то кто-нибудь из стахановцев проберется.

Появляется Керенский.

К е р е н с к и й. Есть новости из Смольного?

К о л о б о к. Ни пушек, ни винтовок, ни милиционеров в штатском.

К е р е н с к и й. Уже скоро семь часов. Думаю, что адмирал был прав.

К о л о б о к. Я почти всех вооружил. Конечно, не очень красиво, у некоторых даже не огнестрельное оружие. Но лучше, чем ничего, правда?

К е р е н с к и й. Конечно, я предпочел бы видеть здесь дисциплинированные гвардейские части. Но где их найдешь... Краснов далеко. Но главное, молодой человек, это энтузиазм народных масс! А это мы имеем. Как с вооружением?

С и м е о н о в. Двадцать винтовок и ружей, в основном охотничьих, один пулемет конца прошлого века. Пистолеты в неограниченном количестве, в основном дуэльные. Ну и, конечно, — холодное оружие из рыцарского зала.

К е р е н с к и й. Порох? Пули?

С и м е о н о в. Льем, Александр Федорович.

К е р е н с к и й. Где командир женского батальона смерти?

К о л о б о к. Там, наверху, в малахитовом зале адмирал Горыныч учит девочек пистолеты держать. Наверное, и Зося там.

З о с я (она входит с улицы, за ней плетется пленный молодой парень в замшевом пиджаке и плаще. Из-под плаща видны брюки клеш с молниями снизу. Парня держит на мушке пистолета Мальвина). Я здесь лазутчика поймала.

К о л о б о к. Это еще что за явление тени отца Гамлета.

П а р е н ь. Ты лучше добром отпусти. А то ведь я тебя запомню. Когда возьмем дворец, я тебя отыщу, гад! И телок твоих отыщу.

К о л о б о к. Фамилия, имя, господин пленный.

П а р е н ь. А вы про генерала Карбышева слышали?

М а л ь в и н а. Про Зою Космодемьянскую тоже. И про Павлика Морозова.

К о л о б о к. Видишь, какие мы начитанные. А теперь говори, что вы делали, гражданин, на территории Эрмитажа.

П а р е н ь. Я на разведке был. Меня послали. Больше ничего не скажу.

К о л о б о к. Кто же вас послал, гражданин?

П а р е н ь. По заданию райкома комсомола.

С и м е о н о в. Врет он.

М а л ь в и н а. Если от райкома комсомола, зачем в окно лез?

П а р е н ь. Хотите, стреляйте, беляки поганые. Ничего вам не скажу.

К е р е н с к и й. Молодой человек, вы, наверное, не знаете, что на территории Зимнего дворца действуют законы военного времени. И вы не смотрите, что у моих соратников непривычные кокарды. Они — такие же советские люди, как и мы с вами. Только сознательнее других. И имеют право расстреливать на месте мародеров и грабителей.

П а р е н ь. Это кто же им такое право дал?

К е р е н с к и й. Когда они им воспользуются, вам будет поздно разбираться.

П а р е н ь. И пытаться будете?

К о л о б о к. Без пыток, боюсь, не обойтись. Мы всех пленных пытаем.

П а р е н ь. Вы... это самое... кончайте, ладно? Я пошел.

С и м е о н о в. А ну к стене! Руки вверх. Стоять!

К о л о б о к. Пусти его в расход. Надоел он мне.

П а р е н ь. Ну хорошо, хорошо, я скажу. Ну послали меня. От коллектива. От нашего таксопарка.

К о л о б о к. Зачем?

П а р е н ь. Слабые места узнать, подходы и так далее... Ведь когда возьмем, надо будет первыми брать. А то на шарап расхватают.

К о л о б о к. Сами додумались?

П а р е н ь. Ну был у нас один. Объяснял, что Зимний можно будет три дня чистить. Как Суворов — три дня на очистку от имущества, понял? И сказал, что бабы будут. Забесплатно.

З о с я. Какие бабы? Что за бабы?

П а р е н ь. Но ведь пленных не брать, правда?

З о с я. Боря, это же безобразные взгляды! Надо позволить.

К о л о б о к. Нет, звонить уже поздно. И некуда. Если только иностранным корреспондентам. Но они оклеветают.

З о с я. Как же так? Ведь пятьдесят лет советской власти? Двадцать лет до коммунизма!

К о л о б о к (обращаясь к Мальвине). И много этот разведчик успел увидеть?

М а л ь в и н а. Думаю, что немного. Мы его у первого окна взяли.

К о л о б о к. Благодарю Бога, что ты не успел ничего увидеть. А то бы живым не вышел. Симеонов, выведи шпиона!

Когда Симеонов, за ним девушки, уходят по коридору наружу, Керенский и Колобок некоторое время стоят, прислушиваясь к звукам города. Отдаленно бухает пушка.

К е р е н с к и й. Петропавловка?

К о л о б о к. Наверное. А может, Краснова добивают.

К е р е н с к и й. Хорошо, что здесь телевизионных камер не поставили. Невыразительное место. А то так противно — все время под наблюдением.

К о л о б о к. А в комнате правительства? Там есть кто-нибудь?

К е р е н с к и й. Я комнату Бунду отдал. Там Коган сидит и пишет воззвания. А с ним Пешеходов. Мой министр.

К о л о б о к. Который — Нетудыхата?

К е р е н с к и й. Он самый. Ну пошли, осмотрим баррикаду — уже темно. До штурма часа два-три осталось.

Коридор пуст. Свет в нем гаснет.

По авансцене проходит Ленин. Он в кепке, шека завязана. Рядом шагает Эяно Рахья. Они осматриваются. Далекие выстрелы пушки, отдаленный шум толпы, вой ветра, что были слышны Керенскому — слышны и Ленину. Город живет в ожидании событий.

Л е н и н. Кажется, казачков не видно.

Р а х ь я. И юнкеров тоже нет.

*(Рахья останавливается, вынимает пачку сигарет, закури-
вает.)*

Л е н и н. Спрячьте сигареты! Неужели вы думаете, что пятьдесят лет назад курили «Яву»?

Р а х ь я. Нас уже не снимают. Они сняли наш выход с конспиративной квартиры, а теперь будут ждать у Смольного. К тому же «Ява» — самые нейтральные сигареты. Обычно и курю «Беломор».

Л е н и н. Зачем же нам пешком идти? Прислали бы за нами машину, такси, наконец. Все-таки ваши ленинградские товарищи переигрывают.

Рахья. Что с нас возьмешь — провинция. Но говорили, что все должно точно соответствовать исторической правде.

Ленин. И долго нам еще переться пехом соответственно исторической правде?

Рахья. Думаю, часа полтора, не меньше.

Ленин. С ума сойти! В такую погоду! Что скажет Инесса Арманд!

Они уходят.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Кабинет товарища Отрепьева-Свердлова в Смольном. Отрепьев-Свердлов сидит за столом, освещенный настольной лампой. Быстро пишет. Раздается телефонный звонок.

Отрепьев снимает трубку.

Свердлов. Отрепьев слушает.

(Он поднимается и продолжает разговор стоя.)

Свердлов. Да, Леонид Ильич. У меня тоже сердце замирает, Леонид Ильич. Сколько осталось? Уже немного, Леонид Ильич. Сейчас наш вождь уже вышел с явочной квартиры. А, вы видели по телевизору? Тоже смотрите? И я смотрю. Нет, пока их сюда в кабинет не пускают. Вот когда будем принимать исторические решения, тогда позовем... Да, мне жалко, что вы не можете принять личное участие. Но потом, надеюсь, подобьете бабки... то есть подведете итоги Великого Октября? Очень надеюсь... «Аврора» выстрелит в двадцать два, сразу после программы «Время». До свидания, Леонид Ильич. Буду держать в курсе, Леонид Ильич...

(Свердлов осторожно кладет трубку на рычаг.)

Из темной глубины кабинета раздается голос с грузинским акцентом.

Сталин. Как здоровье товарища Брежнева?

С в е р д л о в. Ну ты меня напугал! Ты хоть здесь без акцента говори, Николай Николаевич.

С т а л и н. Уже поздно, товарищ Свердлов. Мы уже играем наши роли на сцене мировой истории. Так кто у нас на крейсере «Аврора»?

С в е р д л о в. Лично секретарь Центрального райкома Грушев. Надежный товарищ.

С т а л и н. Пора бы ему дать сигнал, чтобы «Аврора» выходила на нужную позицию.

С в е р д л о в (*набирает номер телефона*). Крейсер «Аврора»? Что у вас там? Как дела? Понятно... понятно... непонятно... понятно.

С т а л и н. Как я вижу, возникли сложности у твоего надежного товарища?

С в е р д л о в (*наклоняется над большой картой Ленинграда, расстеленной на его столе. Показывает, говоря, по ней карандашом*). «Аврора» по исторической версии должна встать на исходную позицию для исторического залпа. Ее командир, наемник буржуазии, откажется промерять фарватер, утверждая, что крейсер не пройдет. Тогда простой комиссар из матросов сам спустится в шлюпку и промерит фарватер.

С т а л и н. Так... (*Он тоже склоняется над картой.*)

С в е р д л о в. Как и было отрепетировано, командир отказался вести «Аврору». Тогда товарищ Грушев арестовал командира. Он спустился в шлюпку, чтобы промерить фарватер.

С т а л и н (*раскуривает погасшую трубку*). Вы не виляйте, товарищ Свердлов, не виляйте. Вы мне прямо скажите, какие возникли сложности?

С в е р д л о в. Ищут лот, товарищ Сталин. Куда-то заховали, мать их ети! Он им пятьдесят лет был не нужен. Может, и выкинули.

С т а л и н (*медленно идет по кабинету*). Лот — это веревка с грузом на конце. Я советую товарищам взять канат, за который привязан крейсер «Аврора» к берегу, привязать к его концу что-нибудь тяжелое и опустить в воду. Это будет наш, революционный лот!

С в е р д л о в (*хватает телефонную трубку*). Это «Аврора»? Дайте мне «Аврору»! Почему не отвечает? «Аврора», где Грушев? Куда побежал? Мост разводить? Почему мост до сих пор не разведен? Это ты, Грушев?

Грушев, ты рискуешь партбилетом. Как почему? А ты на часы посмотри! Программа «Время» вот-вот начнется, пора на штурм Зимнего идти, а ты еще мост не развел! Ну ладно, мостом я сам займусь. А ты пока бери веревку, за которую «Аврора» к берегу привязана, и привяжи к ней что-то тяжелое. Это личное указание товарища Сталина. Коммунист всегда должен найти выход из безвыходного положения.

С т а л и н. Правильно!

С в е р д л о в. Все, влазь в лодку, промеряй фарватер и трогай! А я пока сам мостом займусь!

(*Свердлов поднимает трубку другого телефона, и свет в его кабинете гаснет.*)

А тем временем на просцениуме вновь появляются Ленин и Рахья.

Л е н и н. Это еще что такое? Вы предлагаете мне сюда ползти?

(*Он останавливается и смотрит вперед и вверх.*)

Р а х ь я. Ничего не понимаю! Всю жизнь прожил в Ленинграде, но чтобы в девять часов мосты начали разводить — такого быть не может. Очевидно, это дьявольская хитрость Временного правительства.

Ленин делает несколько шагов к рампе и вглядывается в реку.

Л е н и н. Товарищ Рахья, поглядите-ка сюда. Вы видите эту лодочку?

Р а х ь я. Вижу, Владимир Ильич.

(*Рахья старательно говорит с финским акцентом.*)

Л е н и н. А в ней, как я полагаю, революционные матросы. Всмотритесь, товарищ Рахья, вы наблюдаете сейчас решительный момент в истории Великой Октябрьской социалистической революции. Комиссар крейсера «Аврора» лично промеряет фарватер, чтобы провести крейсер на позицию для

решительного залпа по гнезду контрреволюции — Зимнему дворцу.

Рахья. Вы правы, Владимир Ильич. Недаром рядом с этой лодочкой плавают столько катеров и речных трамваев, с которых операторы телевидения и кинохроники различных стран снимают этот исторический момент.

Ленин. Это, конечно, великолепно, но скажите мне на милость, батенька, как же мы проберемся в Смольный. Как мне кажется, моего прибытия ждут товарищи по партии, по восстанию. Мои соратники не смогут начать революцию в мое отсутствие, вы как думаете?

Рахья. Я думаю, что нам делать дальше, товарищ Ленин? Может быть, мы будем махать руками, чтобы нас заметили с лодочки и перевезли на тот берег?

Ленин. Меня совершенно не радует перспектива искупаться в ледяной Неве.

Рахья. Тогда мы можем ждать, пока «Аврора» пройдет под мостом, а потом его сведут снова.

Ленин. Когда же это случится, товарищ Рахья?

Рахья. Может быть, через час?

Ленин. Вы сошли с ума! Вы хотите сорвать мероприятие! Не говоря о том, что сорвется штурм Зимнего, меня вышибут из Художественного театра за год до пенсии. Нет уж, увольте, батенька! Мы с вами пойдем другим мостом!

Рахья. Вам не кажется, что «Аврора» двигается?

Ленин. Крейсера, насколько я знаю, никогда не двигаются боком. У меня такое впечатление, что «Аврору» забыли привязать к берегу. Ну, пошли? Учтите, без вас мне дороги в Смольный не найти. Я же, кажется, родился в Ульяновске?

Они уходят дальше, искать переправу на другой берег Невы.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Буфет в Эрмитаже. На прилавке горят свечи. При их свете видно, что столики отодвинуты в сторону, чтобы освободить место двум раскладушкам и матрасам, брошенным на пол. К стойке прислонены в ряд старинные ружья и алебарды.

Мальвина раскладывает матрас на одной из раскладушек. На другой лежит Зося. Еще одна раскладушка занята, но женщина, лежащая на ней, отвернулась.

М а л ь в и н а. Скорей бы уж они начинали штурмовать! Совершенно не могу ложиться спать без ванны. Наверное, я какой-то урод.

З о с я. Довольно хорошенький урод.

М а л ь в и н а. Ты так думаешь?

(Мальвина садится на кровать.)

М а л ь в и н а. А я рада, что мы все тут сражаемся. Знаешь, я третий год в буфете работаю, а вы для меня большей частью не лица, а только рты. Одни открываются, чтобы приказать, вторые жуют. А так мы все вместе. И погибнем вместе. Как люди.

З о с я. Зачем погибать?

М а л ь в и н а. А иногда хочется погибнуть за что-нибудь большое. Например, в борьбе с фашистской силой черною, немецкою ордой!

З о с я. Ну ты подумай, что ты несешь?! Кто здесь фашисты?

М а л ь в и н а. А ты думаешь — не отстоим?

З о с я. Поспи немножко, Мальвина. А то завтра перед расстрелом будешь плохо выглядеть.

М а л ь в и н а. Ах вот ты как заговорила, комсомольский работник. Только у тебя все шансы не дожить до рассвета. Батальон смерти — он почему так назывался, их всех до смерти изнасиловали!

З о с я. Какой дурак тебе это сказал?

М а л ь в и н а. Совсе не дурак, а Сашка Симеонов, младший научный сотрудник.

З о с я. Ну, после революции я с ним серьезно поговорю.

М а л ь в и н а. Стукачка ты, вот кто!

З о с я. Спи! Может, за ночь поспать не удастся.

Раздаются выстрелы. Серией. Потом одиночные.

Р а и с а С е м е н о в н а (*вскакивает*). Уже? Началось? Ой, девочки!

З о с я. Нет, это, видно, мародера пристрелили. А может, так, с перепугу.

Р а и с а С е м е н о в н а (*продолжая сидеть*). Я тебя не понимаю, Зося. Откуда в тебе этот ранний цинизм? Может быть, сейчас там, за стеной, пуля догнала и оборвала молодую жизнь?

М а л ь в и н а. И все-таки вы за красных или за белых?

Р а и с а С е м е н о в н а. Сам вопрос этот не тактичен. Но если сказать честно, то мне всегда говорили, за кого надо быть.

М а л ь в и н а. Значит, за красных.

Снова раздается отдаленный выстрел.

З о с я. Вот когда будет залп «Авроры», тогда они побегут.

М а л ь в и н а. А какой он, этот залп «Авроры»? Я его только на картинках видала! У нас в детском садике этот залп висел.

З о с я. Скоро узнаешь.

Р а и с а С е м е н о в н а. Зря Колобок распорядился свет вырубить, неудобно.

З о с я. Зато нас снаружи не видно. И «Аврора», может, промахнется.

Два мужских силуэта возникают на пороге буфета.

К о г а н. Извините за беспокойство, мы вам не помешали?

М а л ь в и н а. Вы кто? Пролетарии всех стран?

К о г а н. Нет, мы партия Бунд. Я — Коган, а это мой заместитель товарищ Нетудыхата.

М а л ь в и н а. Буфет закрыт. До победы революции.

Н е т у д ы х а т а. Но, может быть, есть хоть чай? Мы заплатим.

М а л ь в и н а. Ни минуты покоя. Ведь революция идет, товарищи!

Н е т у д ы х а т а. Но мы — члены Временного правительства. Мы свои.

Р а и с а С е м е н о в н а. С каких пор, Борис Моисеевич, Бунд оказался во Временном правительстве? Вы что, историю ВКП(б) забыли? Мелкий провокатор.

К о г а н. Неужели я слышу голос Раисы Семеновны? Господи, какое удивление. Разве я когда-нибудь мог мечтать о том, что встречу свою племянницу Раю в такой обстановке. Неужели ты примкнула к партии эсеров?

Р а и с а С е м е н о в н а. Ты совершенно забыл о реальной расстановке сил!

К о г а н. Какие силы! Сплошные заседания. Меня ввели во Временное правительство, потому что в нем нет кворума. Половина членов взяли бюллетень. Зато вот министр Пешеходов, в жизни товарищ Нетудыхата, перекинут по совместительству в Бунд для национального баланса. Я уж жду не дождусь, когда нас победят. Но ты лучше расскажи, как живет Изя?

М а л ь в и н а. Вот, пейте и не мешайте спать бедным девушкам, которые трепещут, что их изнасилует восставший пролетариат!

К о г а н. Что она говорит! Какой цинизм... и паникерство?

Н е т у д ы х а т а. Зачем ждать пролетариата? Ха-ха-ха — шутка! Сколько я должен, включая услуги?

М а л ь в и н а. Зося, это не наш человек. Может быть, даже он агент красных.

З о с я. Он в райкоме работает. Я его знаю.

Н е т у д ы х а т а. И горжусь этим. Этот матрас еще не занят?

М а л ь в и н а. Это женское общежитие! Идите к мужикам!

Н е т у д ы х а т а. Там все занято. И очень накурили. Мне вредно.

(Он ложится на матрас.)

М а л ь в и н а. Все! Хватит! Теперь — спать, спать, спать...

К о г а н. Раиса, пошли туда — мы немного поболтаем.

Ра и с а Се м е н о в н а. Нет, представляете, чтобы в такой исторический момент мне на голову свалился родственник. Я этого не переживу. Пошли, Борис.

Она идет за стойку. Коган следует за ней. Они присаживаются и исчезают из глаз.

З о с я. Маля, раз уж ты стоишь, потуши свет.

Мальвина задувает свечи.

...Снова по авансцене идут Ленин и Рахья. Ленин устал, Рахья с трудом поддерживает его.

Ле н и н. А вы уверены, что мы еще в городе моего имени?

Ра х ь я. Похоже на то, Владимир Ильич.

Ле н и н. А мне кажется, что это город моего малоизвестного соратника Калинина. Подождите две минуты, я не привык проходить за ночь по пятьдесят верст. И хоть бы кто-нибудь из своих!

Ра х ь я. Мы должны хранить инкогнито, товарищ Ленин.

Ле н и н. Я храню это инкогнито уже три часа и представляю, что творится в Смольном. Революция обезглавлена!

Ра х ь я. Ну кто мог догадаться, что разведут мост, который нам был так нужен?

Ле н и н. Но почему мы не пошли другим мостом?

Ра х ь я. Вы же знаете, товарищ Ленин, что в нашем маршруте не был указан другой мост. На нем могла быть засада. Улицы кишат жандармами и агентами Временного правительства.

Ле н и н. Хорошо, хорошо, пошли дальше.

Только они делают несколько шагов вперед, как с другой стороны сцены появляются два милиционера, одетые, правда, в форму городских.

Г о р о д о в о й. Стой, кто идет?

Рахья хватается Ленина за руку, и они пытаются убежать. Но их догоняет выскочивший навстречу городской.

Г о р о д о в о й. Попались, голубчики!

Ле н и н. Господин городской. Вы — типичный пережиток царского режима. Вас не должно быть. Это ошибка!

2 - й городской. Ваши документы, попрошу.

Л е н и н. А почему я должен носить с собой документы?

2 - й городской. Ничего ты не должен. Так что пройдем в отделение и там мы все выясним.

Р а х ь я. Товарищ городской. Мы же знаем, что вы не городской, а товарищ сотрудник милиции, советской милиции.

1 - й городской. А у тебя документы тоже дома остались?

Р а х ь я. У нас не может быть документов. Мы инкогнито. Нам срочно нужно в Смольный.

2 - й городской. Вот и ладушки. Сейчас выясним все в отделении, а потом пойдете в свой Смольный.

Л е н и н. Товарищи! Вы совершаете роковую ошибку! Революция в опасности! Каждая минута на счету. Вы обязаны помочь нам скорее добраться до мозгового центра Октября.

1 - й городской. Какой еще Смольный! Смольный во-он где! А вы — во-от где!

2 - й городской. Лейтенант, я точно вспомнил — это он квартиру у Басилашвили брал. Только в парике.

1 - й городской. То-то я думаю — чем мне его паскудная рожа знакома!

2 - й городской. Он же во всесоюзном розыске!

Л е н и н. Товарищи! Вы совершаете роковую ошибку!

2-й городской стаскивает с Ленина кепку. Рахья пытается вмешаться, но другой городской его останавливает.

2 - й городской. Что и следовало доказать. *(Он брезгливо поднимает платок, подвязывающий щеку Ленина, шмат ваты падает на землю. Другой рукой он поднимает рыжий парик. Перед ними стоит лысый человек с голым лицом.)*

Р а х ь я. Вы подняли руку на товарища Ленина. Ваши имена проклянет все прогрессивное человечество.

2 - й городской. Пошли в машину. В отделении мы разберемся, чьи имена проклянет человечество. Тех, кто жуликов ловит, или тех, кто квартиры заслуженных артистов грабит. Сволота поганая. А ну, пошел!

Р а х ь я. Мне вас жалко!

1 - й городовой. Надо будет проверить — может, они в самом деле из психушки драпанули.

2 - й городовой. Они еще будут ваньку ломать. Но мы тогда старшину Борзого позовем. Он умеет с такими разговаривать.

Ленин. Я — народный артист РСФСР! Я Ленина в кино играл!

Это последние слова, которые доносятся из-за кулис.

Некоторое время царит тишина. И в ней еле слышно доносятся слова Раисы Семеновны.

Раиса Семеновна. Они сейчас живут в Израиле и ничего себе устроились.

Голос Когана. А как Глеб?

Раскатывается выстрел.

Коган. Наконец-то. Кажется, это «Аврора». Сейчас нас накроет.

Они замолкают и ждут. Тихо. Совсем тихо. Только похрапывает кто-то.

В буфет входит еле видная темная фигура. Останавливается и шепчет.

Керенский. Зося, ты спишь?

Зося. Нет.

Керенский. Я тебя не разбудил?

Раскладушка Зося стоит ближе других к рампе. Остальная комната тает в темноте.

Керенский присаживается на край раскладушки в ногах Зоси. Разговор происходит полушепотом. Порой, когда они замолкают, слышны отдаленные выстрелы и очереди.

Керенский. Не вставай, отдыхай. Неизвестно, когда удастся снова отдохнуть.

Зося. А как вы, Саша?

Керенский. У меня пассивная роль. Мой совет министров режется в преферанс с примкнувшим к нему Бундом. Ребята на баррикадах командует Колобок. Они в основном гоняют мародеров и всякое хулиганье.

З о с я. А почему же они не идут на штурм?

К е р е н с к и й. Я спрашивал у японских телевизионщиков. Они, правда, без переводчика и не все понимают. Но, по их расчетам, штурм уже идет. Но связи со Смольным нет.

З о с я. А мы не можем позвонить, спросить, чего же нас не берут?

К е р е н с к и й. В Смольном все время занято.

З о с я. А вам страшно?

К е р е н с к и й. Нет. Мне странно. Ну разве мне вчера утром могло прийти в голову, что я на самом деле буду защищать Зимний дворец?

З о с я. А мне-то каково? Я же член комитета комсомола. И вот в вашем стане.

К е р е н с к и й. У меня бабушка Зимний брала. Правда, потом ее посадили.

З о с я. А нас посадят, если мы его вовремя не отдадим.

К е р е н с к и й. Пока речь шла только о ценностях, я держал нейтралитет. Но когда оказалось, что опасность грозит вам, то я избрал сторону справедливости и порядка.

З о с я. Если у вас это личное, то зря. Я привыкла сама обходиться. И обо мне есть кому позаботиться!

К е р е н с к и й. Зря в таких вещах не бывает. Как премьер-министр и руководитель обороны Зимнего дворца я просмотрел в отделе кадров личные дела сотрудников.

З о с я. Вы не имели права!

К е р е н с к и й. Я сейчас на все имею право. Так вот, Зося, вы расстались с вашим мужем уже более года назад и проживаете вместе с мамой и дочкой четырех лет на Большой Подъяческой в доме 12, квартира 8.

З о с я. Как вы посмели!

К е р е н с к и й. Разве это секрет?

З о с я. Это от вас секрет.

К е р е н с к и й. Почему? Нет ничего дурного в нашей взаимной симпатии. Вы — командир женского батальона смерти, я — председатель Временного правительства. Судьба предназначила быть рядом.

З о с я. Ну это же игра, Саша. Это игра, на одну ночь.

К е р е н с к и й. Кто-то сказал, что жизнь — игра. Это мудрые слова.

З о с я. Не надо... А вы женаты?

К е р е н с к и й. Я плохо себя вел и меня оставили...

Видно, как склоняется черный силуэт премьера к Зосе. И в этой паузе отдаленные взрывы, чей-то крик, потом слышен шепот Когана.

К о г а н. Меня очень тревожит, что меня выбрали на буржуазную роль.

Р а и с а С е м е н о в н а. Но это же задание партии!

К о г а н. Я отлично знаю, что это задание партии. Но Роза с детьми наверняка не спят, потому что они понимают, что после этого задания партии может последовать следующее задание.

Р а и с а С е м е н о в н а. Какое?

К о г а н. Отправиться в Петропавловскую крепость — там, говорят, уже подготовлены места для буржуазии. А потом найдется еще одно, последнее задание партии — встать у стенки и закричать «Да здравствует товарищ Брежнев!».

Р а и с а С е м е н о в н а. Боря, ты сошел с ума!

К о г а н. Слава Богу, если только это. Ну я пошел?

(Коган поднимается, ощупью идет между коек.)

З о с я. Ты сошел с ума... мы совсем незнакомы.

К е р е н с к и й. У нас еще все впереди.

(Коган наталкивается на койку.)

З о с я. Ой, кто это?

К о г а н. Простите за беспокойство. Я представляю здесь партию Бунд.

И тут грозно и громко звонит телефон. Что-то обваливается за стойкой. Вскикивает Мальвина.

Р а и с а С е м е н о в н а *(берет трубку)*. Алле, это Эрмитаж! Да, Эрмитаж. Что же вы людям спать не дадите? Как так только одиннадцатый час?.. Господи, так это вы, товарищ Антипенко!

З о с я поднимается и идет с Керенским из буфета. Они останавливаются в стороне и шепчутся о вещах, не имеющих отношения к революции.

Раиса Семеновна. Нет, все в порядке. Настроение коллектива на высоком уровне... Ну что вы — никаких пьянок. Все товарищи готовы к бою, оружие вычищено, пули отлиты... Почему я несу чушь? Я говорю то, что велит мне долг! А я хотела у вас спросить, как ваше здоровье? Лучше? На какую такую площадь вы собрались? Я ничего не понимаю — почему вы пойдете на площадь? Ночью, под дождем, в таком состоянии здоровья. Вы же ничем не сможете нам помочь. Как не собираетесь помогать? То есть как так по другую сторону баррикады? Простите, товарищ Антипенко, а с каких пор мы перестали быть советскими людьми? Кто принимал постановление об исключении нас из партии и комсомола? Тогда мне не о чем с вами разговаривать!.. Вот именно, когда вы вернетесь на службу, тогда весь коллектив с вами поговорит.

(Раиса Семеновна бросает трубку.)

Раиса Семеновна. Это был Антипенко. Он сказал, что мы — отщепенцы и враги народа. Что случайностей не бывает. Если мы здесь, а народ там, то, значит, есть решение. Он намерен нас штурмовать с именовым пистолетом, подаренным ему товарищем Менжинским... Это я-то враг? Да я всю блокаду в Ленинграде провела!

Мальвина зажигает свечу.

Видно, что по одну сторону буфета стоит Коган, по другую — Керенский.

Коган. Ну скажите мне, пожалуйста, почему у нас не умеют просто развлекаться. Ну взяли бы Зимний дворец понарошку, под охраной милиции, ну сняли в кино и все довольны. Почему у нас по поводу очередного праздника готова произойти новая революция?

Керенский. Боюсь, господин Коган, что мы давно уже ждем ее. Революцию. Каждый по-своему. У вашего Антипенки замечательный классовый нюх. Зося, у тебя шинель здесь?

Зося. Здесь. Я ею накрывалась.

К е р е н с к и й. Пойдем, обойдем посты. Надо приободить людей. Темно, мокро, с той стороны матерщина идет. Люди сомневаются.

Появляется Симеонов.

С и м е о н о в. Товарищ Керенский. Пожалуйста! Там пьяные лезут. Лозовую избил, все лицо в крови.

З о с я (*бросаясь к двери*). Ну я же приказала всем пенсионерам—смотрительницам залов немедленно разойтись по домам!

Р а и с а Семеновна. Эти бабушки — первые болельщицы и защитницы дворца. Их бульдозером от баррикады не оттащишь. Бегите, я сейчас — только перевязочные средства возьму!

Мальвина задувает свечку.

М а л ь в и н а. Солдат спит — служба идет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Кабинет Отрепьева в Смольном. Свет горит ярко. Сталин и Свердлов над картой Ленинграда.

В темном углу стоит телевизионная камера.

С в е р д л о в. Выключите вы свою камеру! Разве не видите, что мы сейчас занимаемся делом. И мотайте отсюда! Надо будет — позовем.

Г о л о с и з - з а к а м е р ы. А у нас будет время в буфет сбегать? Мы с обеда без кусочка.

С в е р д л о в. Давайте, куда угодно! Только чтобы здесь вас я не видел, пока Зимний не возьмем!

Огонек на камере гаснет.

С т а л и н. Итак, подведем предварительные итоги.

Раздается телефонный звонок. Сталин берет трубку.

С т а л и н. Слушаю. Сталин у телефона. Слушаю... нет, нет... нет... нет!

(Вешает трубку.)

С в е р д л о в. Кто там был?

С т а л и н. Антонов-Овсиенко. С площади Зимнего. Говорит, что еле удерживает народ от штурма. А выстрела все нет.

Свердлов снимает трубку.

С в е р д л о в. Девушка? Девушка, не отключайтесь! Я же с вами по вертушке разговариваю! Девушка, «Аврору» мне! Ну и что, если я два часа вызываю! Киньте связь с вертолета, световые сигналы — десант высадите, в конце концов! «Аврора»? Ну слава Богу. Это ты, Грушев? Словно камень с души упал. Что там у тебя случилось? Ты понимаешь, что если в ближайшие три минуты пушка не выстрелит, то ты партбилет на стол положишь! А сам... знаешь куда пойдешь!.. Не груби! Отвечай по порядку! В какой мост врезались? Да вы уж два часа как врезались! Ты мне о последних событиях говори! Какая мель? Ты что, где ты отыскал мель, если ты специально с лотом в лодочке плавал? Какой фарватер изменился? Нет, этого быть не может!

В отчаянии Свердлов бросает трубку на стол. Сталин подбирает ее и говорит.

С т а л и н. Иосиф Виссарионович Сталин вас внимательно слушает, товарищ Грушев... Значит, вы, вопреки указаниями Центрального Комитета, не имея морского опыта, сели в шлюпку и указали неверный фарватер? Попрошу не объяснять, с какими вражескими целями вы это совершили. С этим разберется товарищ Вышинский. Насколько хорошо и надежно сел на мель ведущий крейсер Октябрьской революции?.. Не надо демагогии. Я не думаю, что сегодня мы сможем пригнать вам мощный буксир. Это в лучшем случае отложит выстрел на сутки. А как учил Владимир Ильич Ленин — «Вчера было рано, завтра будет поздно!». Учтите, завтра будет все поздно, кроме показательного суда над известным троцкистом, вредителем и диверсантом гражданином Грушевым. Или

вы сейчас стреляете по Зимнему, давая сигнал к штурму, или вас больше не существует... Как так пушка не поворачивается? Как так заржавела?.. Гражданин Грушев, мне надоело с вами разговаривать.

(Он бросает трубку.)

С в е р д л о в. Иосиф Виссарионович, у вас правый ус отклеился.

Сталин достает из кармана маленькое зеркальце.

С т а л и н. А клей есть?

Свердлов уже снова у аппарата. Сталин выходит в коридор, придерживая ус.

С в е р д л о в. Девушка, соедините меня с телецентром. Начальника телецентра!.. Добрый вечер. . да уж не очень добрый. Скажите, ни на одном из ваших мониторов не появлялся товарищ Ленин?.. Нет, без бороды, рыжий парик, щека перевязана в соответствии с исторической правдой. Если кто-нибудь засечет — немедленно дайте мне знать.

Возвращается Сталин.

С т а л и н. Я пока кусочком хлеба прикрепил. Что нового о Владимире Ильиче?

С в е р д л о в. Пропал без вести.

С т а л и н. А ты звонил по отделениям милиции?

С в е р д л о в. У кого поднимется рука...

С т а л и н. И еще надо будет позвонить в сумасшедший дом. Поведение товарища Ленина могло показаться кому-нибудь странным. Говорят, что в сумасшедших домах скрываются сотни моих и его двойников.

С в е р д л о в. Дежурного МВД по городу. Центральная станция «Скорой помощи»! Говорит Смольный. Немедленно приказываю — обследовать все психиатрические пункты и больницы на предмет недавнего поступления в них Ленина Владимира Ильича, парик рыжий, щека подвязана как при флюсе, без бороды.

С т а л и н. Это они до утра прочикаются. Дай-ка аппарат. Девушка, управление Государственной безопасности по го-

роду Ленинграду. Генерала Калугина попрошу. Калугин. Не спишь, бдишь? Это хорошо. Слушайте внимательно, генерал. От решения этой проблемы может зависеть вся ваша будущая карьера. Мы потеряли Ленина, Владимира Ильича на пути съезки к Смольному. Есть шансы, что он мог оказаться в сумасшедшем доме... Подождите, генерал Калугин. Нам с товарищем Свердловым и товарищем Дзержинским не нужны ваши упреки. Нам нужен Ленин. Самое позднее через час.

(Он вешает трубку.)

С т а л и н. Теперь нам остается только ждать.

Звонит телефон. Что-то в звонке настолько тревожное, что и Сталин, и Свердлов не решаются взять трубку

Потом Свердлов все же берет трубку.

С в е р д л о в. Не понял? Какая железная дорога? Какие конники? Так... так. Так, ищите!

С т а л и н. Что еще!

С в е р д л о в. Неизвестно, где генерал Краснов с его конницей.

С т а л и н. Значит, тоже заблудился.

С в е р д л о в. На всякий случай я пошлю два танка на шоссе. Не возражаешь?

С т а л и н. Я никогда не возражаю, если надо послать танки, хотя сам предпочитаю убеждать словом. Это самое главное орудие большевика.

Опять звонит телефон. Опять Свердлов берет трубку.

С в е р д л о в. Слушаю вас, товарищ Брежнев. Все в порядке, Леонид Ильич. Вот тут рядом со мной Иосиф Виссарионович и тоже шлет вам привет. Как так умер? В пятьдесят третьем году умер?

(Свердлов оборачивается к Сталину.)

С т а л и н *(берет трубку)*. Здравствуйте, Леонид Ильич. Сталин на проводе. Для некоторых, может быть, и умер, но сами исторические события, которые имеют место за стеной, доказывают, что я — вечно жив... Нет, никаких задержек. Советую вам снять руководителей телевидения, кото-

рые вместо штурма дворца показывают симфонические концерты и «Лебединое озеро». Штурм уже начался и проходит по плану. Владимир Ильич уже проник в Смольный.: нет, он не может подойти, он сейчас проходит диспансеризацию. Все-таки возраст... да, почти сто лет! Как только очнется, мы ему передадим ваши наилучшие пожелания.. Залп «Авроры» превзошел все наши ожидания. Половины Зимнего дворца как и не бывало... Нет, не беспокойтесь, Леонид Ильич, картину Репина «Три богатыря» мы вовремя эвакуировали в безопасное место. Не беспокойтесь, Леонид Ильич, отдыхайте, Леонид Ильич. Мы сразу сообщим, Леонид Ильич.

(Сталин вешает трубку.)

Сталин. Теперь отступить некуда.

Свердлов. Я думаю, что мне придется самому отправиться на Дворцовую площадь и возглавить колонны!

Сталин. Настоящий руководитель остается у телефона.

Свердлов *(подходит к окну, отодвигает занавеску и всматривается в темную ночь)*. Где же эта «Аврора»? Ну, стрельни, Грушев, богом молю, стрельни!

Грохот наполняет комнату, качаются лампы, сыплется штукатурка, гаснет свет, звенят стекла.

Сталин. Это что такое?

Мигает резервный свет, который дает генератор. Сталин и Свердлов с трудом поднимаются с пола.

Тут звонит телефон. Свердлов протягивает руку.

Свердлов. Смольный... да. Спасибо...

(Он роняет трубку и сползает на пол.)

Сталин. Что еще?

Свердлов. Грушев докладывает, что залп «Авроры» совершился.

Сталин. Это я уже понял.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Гул авроровского выстрела еще висит в воздухе, как его подхватывает неуправляемый, утробный раскатистый вопль замерзших и промокших пролетариев.

Штурм Зимнего дворца начался.

Мы снова в служебном коридоре Эрмитажа — звуки нарастающего штурма прорываются сквозь открытую дверь, ведущую на баррикаду и на площадь. Тускло горят свечи.

По коридору бегут, одеваясь, приводя себя в порядок, обитатели буфета.

Зося не отпускает руку Керенского.

Их догоняет Пешеходов-Нетудыхата.

Нетудыхата. Товарищ премьер-министр, нам где отсиживаться?

Керенский. А вы где отсиживались?

Нетудыхата. Мы отсиживались вместе с Бундом. Но теперь, я полагаю, это неприлично.

Керенский. Идите, подыщите себе что-нибудь посolidнее.

Нетудыхата. А вы как же? Вы же председатель правительства? Вам пора готовиться к бегству.

Керенский. Во-первых, Зимний дворец еще не взят и неизвестно, когда его возьмут. А пока я не убежал, то я могу участвовать в обороне.

Нетудыхата. Это совершенно исключено. Всем известно, что Керенский трусливо прятался вместе с правительством, ожидая неминуемой кары.

Керенский. Может быть, я бы и следовал этому позорному сценарию, если бы не встретил эту отважную девушку.

(Он не замечает, как из двери в кабинет Антипенки выдвигается оператор с кинокамерой в руке, за ним — иностранная корреспондентка.)

Корреспондентка. Имею честь беседовать с премьер-министром господином Керенским?

Керенский. Простите, но меня ждут — идет бой.

Корреспондентка. Представьте меня этой отважной девушке. Прошу очень.

Керенский. Пожалуйста.

Зося. Не надо, я пошла... *(Пытается вырвать руку.)*

Керенский. Зося Ильинская — отважный советский человек, комсомолка, мать-одиночка, и надеюсь, когда ее дочь вырастет, она будет гордиться своей мамой — командиром батальона смерти.

Корреспондентка. Вы говорите — смерти? Вы будете погибать?

Зося. Это наш долг.

Корреспондентка. Вы есть играете в сценарий. Я хочу, чтобы вы построите ваш батальон и кричат «ура!» Пошли туда, где это красиво.

С площади от баррикад входит Симонов. Он придерживает рукав.
Кровь измазала пальцы.

Зося. Саша, что с тобой? Как так?

Симонов. Пустяки, случайно пулей зацепило.

Керенский. Какой пулей, какой пулей, я спрашиваю? Откуда там пули? Кто им дал пули?..

Зося. Раиса Семеновна, вы где? Где лазарет?

Раиса Семеновна выглядывает из комнаты Антипенки. Она все в той же одежде сестры милосердия.

Раиса Семеновна. Что случилось? Что за крики? Я как раз ищу в аптечке аспирин... Ой, Симонов, что вы с собой наделали? Что еще за хулиганство?

(Она подхватывает Симонова и ведет его в кабинет к Антипенке. Оператор суется туда, но Керенский прикрывает дверь.)

Керенский. Наверное, это не надо снимать. У нас идет веселый праздник, мы повторяем революцию. Вы же знаете, что каждое событие повторяется дважды. Первый раз трагедией, а второй раз комедией.

Корреспондентка. Это есть комедия? Вы смешно?
Керенский. А у нас все комедии с мордобоем. Не знали?

Крики раздаются ближе, еще ближе! Отдельные выстрелы. Оттуда с улицы вбегают адмирал Гунявый. Один эполет висит на ниточке.

Гунявый. Александр Федорович, Саша! Они вот-вот баррикаду возьмут. Уже здесь! Пьяные, ужас!

Керенский. Господин морской министр. Попрошу вас привести в порядок форму.

Гунявый. Как?

Корреспондентка (*вынимает заколку и прикрепляет эполет на место*). Так лучше, господин генерал.

Гунявый. Адмирал я, морской министр!

Керенский. Вперед! На баррикады!

(Он кидается вперед, за ним Гунявый и Зося. Замыкают процессию корреспондентка и оператор.)

Несколько секунд сцена пуста — только симфония боя наполняет ее.

Потом из открытых дверей, с площади появляется Колобок. Он вбегает в кабинет Антипенки. За ним спешит перевязанный Симеонов — рука на перевязи.

Затем — Раиса Семеновна.

Раиса Семеновна. Саша, Симеонов, ты же ранен, ты должен лежать! Что я скажу твоей маме?

Из дворцовых помешений осторожно выходит Коган. Он видел Симеонова.

Коган. Это ты, Раиса?

Раиса Семеновна. А ты чего прибежал? Тебя еще не хватало. Сонечка убеждена, что ты скрываешься в безопасном месте.

Коган. Зачем мне сидеть под потолком, как муха, и ждать, когда тебя прихлопнут Там и без меня достаточно министров-капиталистов, которые ждут, что им принесут бутерброды.

Раиса Семеновна. Ну зачем тебе, Борис, все эти игры? Неужели страна не наигралась ими в семнадцатом году. Неужели так и будем друг друга штурмовать?

К о г а н. Надо. Если бы у Павлика Морозова папа был робот, то Павлик все равно бы на него написал. Это были правила игры. Сегодня не только повторение давно прошедшей революции, которую мы никак не можем завершить до сих пор, — это подсказка нам, что в будущем нас с тобой ждут революции.

Ра и с а Се м е н о в н а. Господь с тобой, только без этого!

К о г а н. Подросло новое поколение, которое хочет власти.

Ра и с а Се м е н о в н а. Но сегодня же у нас праздник!

К о г а н. Правильно. Как ты умеешь подбирать самые бессмысленные слова! У нас праздник непослушания.

(Слышно как на баррикаде в мегафон кричит Керенский.)

К е р е н с к и й. Господа защитники Эрмитажа! К вам обращается премьер-министр Временного правительства. За нами не только символ утраченной нашими отцами свободы, за нами и сокровищница мировой цивилизации. Все это под угрозой. Я знаю, как вам страшно и опасно! Как вам холодно и неудобно. Но я вам обещаю, что уже на подходе заряды для наших пушек, что пуль у нас будет в избытке.

Пока он говорит, видно, как Мальвина тянет по коридору ящик с чем-то тяжелым — патронами или снарядами. Коган бросается ей на помощь, и они уносят ящик на площадь.

К е р е н с к и й. Прошу в первую очередь женщин как можно лучше прятаться за баррикадами. Оказалось, что у нападающих есть боевые патроны. Под шум веселого фестиваля нашлись охотники не только покуражить и пограбить, но и пострелять в свое удовольствие... Мы обязаны спасти Эрмитаж, мы обязаны защитить наших же отважных женщин, мы обязаны спасти завоевания свободы!

Поднимается новая волна шума — пролетариат пошел на штурм.

Слышны многочисленные выстрелы!

К е р е н с к и й. По наступающему противнику открыть огонь. Целиться по ногам!

Баррикада огрызается. Потом бухают пушки. Совсем рядом.

Ра и с а Се м е н о в н а, которая выглядывает из коридора наружу, поворачивается и сообщает зрителям:

Раиса Семеновна. Это наши пушки! Сколько огня! Сколько дыма! Испугались? Побежали! Держись, пролетарская революция! Ура!

Ее крик подхватывают защитники баррикад.

Раиса Семеновна бежит в кабинет, выбегает тут же с графином и стаканом воды и спешит на баррикаду.

Оттуда вместо нее появляется Нетудыхата. Он оглядывается.
Никого нет.

Он включает динамик. Последние такты бодрой музыки.

Голос диктора. Наши камеры и микрофоны установлены на площади Зимнего дворца. Громадной бурной волной вырываются ряды возбужденных пролетариев из-под арки Генерального штаба, рассыпавшись по площади, заполнив ее взволнованным человеческим морем, смести с лица земли жалкие, отзывающиеся еще огнем баррикады и завалы вдоль цитадели царизма и Временного правительства. Лучи прожекторов проносятся над площадью как кометы...

На секунду вход во дворец озаряется лучом прожектора. Входит Коган, он доволен.

Коган. Ну как мы им врезали! Что на это скажете, Матвей Матвеевич?

Нетудыхата. Я полагаю большой ошибкой сопротивляться. Это может плохо кончиться. Ведь вы поймите, с каждой минутой нападающие — пролетарии, дружинники, комсомольская молодежь — с каждой минутой они становятся все злее и активнее. Если сейчас ими можно управлять, то еще одна наша попытка остановить их приведет к лишней крови.

Коган. Знаете, что я вам скажу, Нетудыхата: ваше пребывание в Бунде сыграло роковую роль.

Нетудыхата. Так чего ж?

Коган. Откуда в вас эта нерешительность, эта осмотрительность, склонность к соглашательству? С кем вы, министры Временного правительства?

Нетудыхата. Я боюсь, что это зашло слишком далеко.

Музыка обрывается и снова слышен голос диктора.

Голос диктора. На площади царит временное затишье. Нам сказали, что ожидают прибытия руководителей штурма — товарищей Антонова-Овсиенко, Свердлова, Сталина и других членов революционного комитета. Отсюда, от арки нам видны жалкие огоньки баррикады. По имеющимся у нас сведениям многие защитники Зимнего дворца уже осознали историческую обреченность антинародного режима и разбегаются по домам. Некоторые, наиболее ненавистные народу, сатрапы Керенского арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость. Никто не избежит суда народа.

Нетудыхата. Расстреляют. Или самосуд... ну как же я согласился? У меня дети!

Коган. Не забывайте, господин министр Временного правительства. Мы с вами выполняли решение партии. И по какую бы сторону баррикады мы ни стояли, мы все равно остаемся солдатами партии.

Нетудыхата. Вас, может, пока и не тронут — Бунд, евреи, политика... а я ведь министр!

Снова прекращается музыка.

Голос диктора. Нам удалось пригласить к микрофону одного из руководителей штурма Зимнего дворца, известную революционерку Коллонтай. Товарищ Коллонтай, расскажите нашим слушателям об обстановке вокруг Зимнего дворца.

Голос Коллонтай. Цитадель Керенского падет с минуты на минуту. Женский батальон смерти уже позорно бежал, оставив свои позиции.

Голос диктора. Почему же заминка?

Коллонтай. Мы ждем последнего приказа из Смольного. Именно там товарищи Ленин, Сталин и Свердлов сейчас стоят... готовые нажать на кнопку! На кнопку революции.

Голос диктора. Замечательный образ! Кнопка революции! А как себя чувствует вождь революции? Владимир Ильич?

Коллонтай. Он уже взял в руки все бразды правления.

Голос диктора. Не могли бы мы присутствовать при вашей связи со Смольным? Телефон у нас в передвижке.

Снова раздается музыка.

Нетудыхата идет по коридору.

Коган. Вы куда, Матвей Матвеевич?

Нетудыхата. Пора сдаваться. Финита ля комедия. Все становится слишком сложно. Как член партии я не могу противостоять решениям партии!

Коган. Остановитесь!

Нетудыхата (*вырывает как знамя из кармана белый платок и бежит по коридору*). Я сдаюсь! Не стреляйте! Я член партии с сорок пятого года!

Слышна некоторая пауза, грохот от падающих ящиков — это Нетудыхата перебирается через баррикаду, потом отдаленные крики. И несколько выстрелов. Отдаленный крик: «Зачем, я же свой!»

Отдельные выстрелы. По радио все еще играет музыка. С площади входит Раиса Семеновна.

Коган (*который уже приблизился к дверям*). Ну что? Что?

Раиса Семеновна. Борис, помоги мне принести раскладушки. Будем разворачивать лазарет прямо здесь. Бойсь, будут раненые.

Коган. А если сдатьсь?

Раиса Семеновна. А он бежал и кричал: «Я член партии с сорок пятого года!»

Коган. И убили?

Раиса Семеновна. И даже топтали ногами.

Они уходят в другую сторону по коридору.

Голос диктора. Произошла техническая заминка на связи со Смольным. Мы надеемся, что через несколько минут положение будет исправлено. Между тем по совету большевиков, собравшихся на площади, сейчас начнется следующий этап штурма Зимнего дворца. Мы надеемся, что в бли-

жайшие минуты вы увидите, как юнкера будут убегать с баррикад!

Гремит музыка, выстрелы — они перекликаются с выстрелами с площади, доносящимися через дверь.

Раиса Семеновна с Коганом приносят раскладушки и начинают их раскладывать в коридоре.

Коган, пока ходил, вооружился — теперь у него за ремнем сабля.

Раиса Семеновна. Я побежала на баррикады.

Коган. Зачем?

Раиса Семеновна. Неужели тебе непонятно? Там же мальчишки и девочки. Они не знают о лазарете. Они даже не замечают, если в них попадет пуля. Это мы с тобой, старики, погнали их на улицу, потому что нашей с тобой партии захотелось опять поиграть в солдатиков. Сначала мы играем на этой площади, а потом пошлем их в какую-нибудь глухую за границу, чтобы они играли в войну там ради наших идеологических интересов.

(Раиса уходит.)

Коган кричит вслед Раисе.

Коган. Но должны же быть разумные люди, которые занимают нейтральную позицию в ваших идиотских конфликтах!

(Он раскрывает записную книжку и, найдя нужный номер, набирает его.)

Телефон виден в дверях кабинета Антипенки. Он стоит там на углу стола.

Коган. Это Смольный? Скажите, вас беспокоят из Зимнего дворца. Мне нужно срочно товарища Свердлова. Нет Свердлова? Ну тогда Ленина. Какого? Владимира Ильича. Ну Сталина, наконец... но кто у вас есть? Может, у вас там Троцкий появился? Нет? А кто? Как так никого? А вы кто? Какой еще Луначарский? Что вы там делаете?.. А где Сталин, где Ленин — я спрашиваю? В стране идет всю революция, штурмуют Зимний дворец, а они что все, в буфете?.. Какой сна-

ряд? Кто говорит, что снаряд «Авроры» долбанул в кабинет Свердлова? Этого быть не может, потому что «Аврора» стреляла по Зимнему дворцу. Нет, чтобы попала — этого я не слышал. А вы слышали? Погодите, не вешайте трубку, ну одну минутку. Значит, Сталин и Свердлов в больнице, а Ленин еще не приходил? Большое спасибо...

(Коган кладет трубку на рычаг.)

К о г а н. Это большой сумасшедший дом. Как вы прикажете проводить революцию, если революционеров почти не осталось.

Шум в дверях возрастает, и мы видим, как несколько защитников Эрмитажа отступают в дверь под напором пролетариата. Они отбиваются прикладами, саблями, вся эта схватка поглощается ревом с площади и боевой песней, которая несется из динамика.

Но этот прорыв, видно, локален и после минутного противостояния в дверях нападающие откатываются, и Коган, который, полувывташив саблю из-за пояса, хотел было прийти на помощь, вдруг видит, что с другой стороны появляется молодой солдат с перевязанной головой.

Тут Коган окончательно осмелел и кинулся на него с саблей.

С о л д а т. Да погодите вы, товарищ! Мне Керенский нужен!

К о г а н. Ты как сюда проник?

С о л д а т. Через окно.

К о г а н. Как председатель партии Бунд я категорически настаиваю — зачем вам Керенский?

С о л д а т. У меня к нему письмо... да скорей же, я сейчас упаду и отключусь.

К о г а н. Вы тогда садитесь на койку.

Солдат остается стоять.

К о г а н *(несется к дверям и, размахивая саблей, кричит в темноту)*. Керенский! Александр Федорович! Товарищ Яманидзе! К вам пришли!

(Он отступает обратно, потому что в дверь врезается взмыленный Керенский.)

К е р е н с к и й. Что еще?

Солдат. Вы будете Керенский? Вам в собственные руки. От генерала Краснова.

Керенский разрывает конверт и читает вслух.

Керенский. «Нахожусь в районе Варшавского вокзала. Пробиваюсь с потерями. В нарушение исторической правды улицы блокированы танками и БТРами. Продержитесь еще час. Телефон сообщит вам мой гонец. Не доверяю бумаге».

Керенский. Телефон генерала Краснова. Срочно.

Он подходит к солдату и тот, бессильно покачиваясь, шепчет на ухо Керенскому и тут же падает на койку. Ему помогает лечь Коган, который берет у солдата пистолет.

Коган. Вперед, без страха и сомнения! *(Идет к двери, останавливается и смотрит наружу.)*

Керенский *(набирает номер)*. Это квартира шестнадцать? Говорит Керенский. Генерала Краснова, пожалуйста. Генерал? Уж не чаял услышать снова ваш голос. Ваш гонец добрался до нас. Чудом добрался. Как премьер правительства прошу вас отметить его Георгиевским крестом...

Солдат пытается приподняться, но вновь опускается на койку.

Керенский. Теперь вся надежда на вас. Толпа рвется в Зимний. Там много пьяных, есть огнестрельное оружие с боевыми зарядами. Я не представляю, какой будет ужас, если они ворвутся внутрь... Генерал Краснов, ваша боевая задача, не только задача — ваш долг пробиться к Зимнему и разогнать бунтовщиков. Выполняйте задачу... Какие еще танки — так пройдите другой улицей! У меня тут девочки с дуэльными пистолетами погибают, а вы с конницей какие-то два-три танка обойти не можете... Ну то-то, генерал. Отчизна не забудет... Да, учтите, что с настоящего момента вы исполняете должность военного министра России. Жду вас, генерал.

(Он вешает трубку и оглядывается. Но зрителей не оказалось.)

Снова начинает вещать радио, и Керенский вздрагивает от неожиданности.

Голос диктора. Продолжаем прямой репортаж с Дворцовой площади Ленинграда. Вы слышите выстрелы и ра-

достные крики. Нам тут плохо видно, но есть мнение, что наши славные трудящиеся ворвались на первый этаж дворца. Со всех сторон нашей необъятной державы почта и телеграф приносят приветственные письма и телеграммы в адрес мужественных пролетариев, идущих в последний и решительный бой. Вот что пишет в телеграмме из Джамбула герой Социалистического Труда Марксен Турсункулов: «Дорогие дети мои, дорогие солдаты мои. Я душой с вами на той площади, собственными руками готов вырвать глаза у этих шайтанов, которые засели в замечательном Зимнем дворце. Никого не щадите. Я со своей стороны обещаю вам увеличить на четыре процента сбор хлопка-сырца в моей бригаде...»

В конце фразы снова усиливаются выстрелы, затем Колобок и Гунявый вносят Зою. Кладут ее на раскладушку.

К е р е н с к и й. Зося? Что с тобой!

З о с я. Ничего, Саша, не беспокойся, ничего страшного. Это, наверное, контузия.

Следом спешит Раиса Семеновна.

Р а и с а С е м е н о в н а. Я тебе сколько раз говорила, Ильинская, чтобы ты не высывалась... Где болит? А вы, господин Керенский, идите руководить боем. Здесь без вас разберутся.

Керенский хочет уйти, но все еще колеблется.

Г о л о с д и к т о р а. Как счастливы люди, которым повезло жить в стране Советов, сказала нашему корреспонденту крестьянка с острова Мадагаскар. «Я всем сердцем с теми, кто сегодня руководит штурмом цитадели империализма. Я вспоминаю славные времена борьбы против французских оккупантов...»

(С улицы врывается Коган.)

К о г а н. Я вас всюду ищу, с ног сбился. Значит, так — они все врут. Я связался со Смольным, «Аврора» нечаянно села на мель и бабахнула по Смольному, при том так удачно, что Сталин и Свердлов в больнице. Из всех революционеров там

сохранился только товарищ Луначарский, он пишет трагедию в стихах.

Керенский. А Ленин? Что слышно о Ленине?

Коган. Ленин пропал без вести.

Керенский. Этого быть не может! Наверное, кто-то пошутил.

Коган. Позвоните сами.

Керенский. Держите связь со всеми, с кем можете! Я спешу на баррикаду. Надо поддержать молодежь.

(С полдороги он возвращается, целует Зосе руку и снова убегает.)

От дверей доносится голос Керенского.

Керенский. Держитесь, друзья! Конница генерала Краснова уже движется по проспекту Майорова! Удачным выстрелом с «Авроры» выведено из строя руководство большевиков. Надо продержаться еще час. Заряжайте орудия! Не важнее чем — главное, чтобы громко и пылало!

Слышно, как надвигается волна атакующих, их встречают выстрелы, потом оглушительно бухают пушки.

Зося приподнимается на локте.

Зося. Это наши! Они бегут! Они бегут! А меня нет с ними. Пустите меня, Раиса Семеновна. Я должна быть там с девочками!

Раиса Семеновна удерживает Зосю.

Коган подходит к телефону. Он набирает и набирает номер, видно, что ему не отвечают. В это же время видно, как по тускло освещенной дальней части коридора, которая выходит в парадные покои, крадется один человек... за ним второй...

Коган. Смольный? Это Смольный. Какое счастье! Я говорю из Зимнего. Почему нас взяли? Нас никто не взял. А вас взяли... Ах, простите, я перезвоню.

Оставив трубку, Коган на цыпочках идет в ту сторону, где заметил фигуры.

Коган. Стой! Кто идет!

Фигуры бросаются на него. Пока их двое. Впереди Антипенко, за ним парень, которого уже брали в плен.

К о г а н. На помощь! Тревога! Нас обошли!

Его легко сшибают, хоть он и пытался вытащить сабельку. Поднимается посланец генерала Краснова. Он, пошатываясь, врывается в первого из нападающих и ударом в челюсть сшибает его. Отважно бросается на помощь Когану Раиса Семеновна, а на его крик, услышав, вбегают и Колобок с Керенским.

Обоих нападающих крутят. Первый, с помощью Раисы Семеновны, поднимается и встает, опираясь о стену спиной. Под глазом — синяк.

Р а и с а С е м е н о в н а. Господи, товарищ Антипенко! Товарищ зам. директора по режиму! Вы как здесь оказались?

А н т и п е н к о. Знаете... я так хотел посмотреть... из чувства солидарности.

П а р е н ь. Какая солидарность?! Сам же меня подбил.

К о л о б о к. Будешь врать — живым не выйдешь. Сам знаешь, какая обстановка. Почему ты опять сюда забрался?

П а р е н ь. Меня Семен Остапович подбил — давай, говори, я покажу один ход — его не охраняют.

К е р е н с к и й. Зачем?

П а р е н ь. Там монеты лежат в золотой кладовой и драгоценности — сейчас никому дела нет, а то потом набегут...

Р а и с а С е м е н о в н а. Все что угодно, только не это! Я не верю. Семен Остапович имеет недостатки, но он коммунист и заместитель директора по режиму. Его к нам назначили из КГБ. Нет, это исключено!

А н т и п е н к о. Это исключено! Я шел, чтобы разведать вход через кухонную дверь. Вы же знаете. Я думал, что там открыто.

К о л о б о к. Зачем?

А н т и п е н к о. Именно потому, что я коммунист. У меня была беседа с товарищами Крыленко и Дыбенко. Они там, на площади. Ситуация сложилась критическая. Пора открывать Съезд советов, а Зимний до сих пор не взят. И никакой связи со Смольным. Или мы берем дворец сейчас, или весь мир будет над нами хохотать... И лично над Леонидом Ильичом.

П а р е н ь. А зачем мне про монеты говорил?

А н т и п е н к о. А я вообще не знаю, зачем ты за мной увязался.

К е р е н с к и й. Если не врет товарищ зам. директора по режиму, значит, вы должны были проверить: открыта ли дверь и охраняется ли она?

К о г а н. Они к лестнице повернули, когда я закричал.

П а р е н ь. А мне сказал — скорей, сказал, там золото брать будем. В кладовой.

К е р е н с к и й. И когда же последний штурм?

А н т и п е н к о. Ждут танков. Ждут броневик — его с площади перед Финляндским вокзалом перегоняют.

К е р е н с к и й. Все ясно. Запереть их в его кабинете. Там решетки на окнах?

Р а и с а С е м е н о в н а. Разумеется.

Пленных заталкивают, закрывают дверь.

Р а и с а С е м е н о в н а. Александр Федорович, скажите, а на самом деле — он в кладовую лез или из идейных соображений пошел в предатели?

З о с я (*слабым голосом, с койки*). Раиса Семеновна, а разве вы когда-нибудь замечали у него идейные соображения?

Р а и с а С е м е н о в н а. Он всегда очень ярко выступал на собраниях.

З о с я. Ярко? И никогда не врал?

Р а и с а С е м е н о в н а. Боже упаси. Он же ветеран!

З о с я. Значит, он сейчас соврал впервые в жизни.

Р а и с а С е м е н о в н а. Как?

З о с я. Броневик, который стоит перед Финляндским вокзалом, сделан из мрамора и у него нет колес. Так же как и Ленин, который с него говорит уж пятьдесят лет в любую погоду.

Керенский присаживается на край койки Зоси и берет ее за руку.

К е р е н с к и й. Больно?

Два раза громко бухают пушки защитников.

З о с я. Нет. Ты иди, Саша, ты там нужен.

К е р е н с к и й. Я хотел бы остаться здесь навсегда.

З о с я. Не говори глупостей. Ты — премьер-министр. У тебя ответственность. Сколько времени?

К е р е н с к и й. Они опоздали уже на два часа.

Тем временем выстрелы становятся все чаще, шум боя кипит у самых дверей, туда устремляются Коган с Раисой Семеновной, там уже скрылся Колобок.

К е р е н с к и й. Прости, моя хорошая.

И он тоже пропадает в криках и шуме боя. А радио продолжает говорить.

Г о л о с д и к т о р а. И вот завершается праздничный день. Еще минута-две и погаснут прожектора. Уже затихает схватка. Зимний взят! Революция в очередной раз победила. Через несколько минут мы включим наши микрофоны в Смольном, где состоится открытие Съезда советов, на котором выступит Владимир Ильич Ленин.

Вступает музыка.

И на фоне музыки отдаленное «Уррраааа!». Еще одна волна...

Изнутри, из кабинета Антипенки отчаянный стук.

Р а и с а С е м е н о в н а. Может, мне его выпустить?

З о с я. Вы думаете, что он вас за это пожалеет?

Р а и с а С е м е н о в н а. Я все равно хочу задать ему один вопрос.

З о с я. А я пойду туда...

Р а и с а С е м е н о в н а. Не смей. Раненых они, может быть, не тронут.

Она открывает дверь в кабинет Антипенки, и тот вырывается наружу.

А н т и п е н к о. Испугалась? Струсила?

Зося поднимается и идет к открытой двери.

Р а и с а С е м е н о в н а. Я хочу вас спросить, Семен Остапович. Все-таки не первый год я работаю с вами...

А н т и п е н к о (*отталкивая ее*). Только быстро. Меня ждут!

Р а и с а С е м е н о в н а. Ведь у вас было партийное задание. Задание защищать вместе с нами Зимний дворец. Почему вы сбежали? Получается, что вы совершили преступление против партии?

Антипенко. Идиотка! Бывают разные поручения. Бывает поручение, от которого блевать хочется. А бывает, от которого крылья вырастают.

Раиса Семеновна. Значит, если в золотую кладовую или через окна лазить — это с крыльями?

Антипенко. Я выполнял задания товарища Антонова-Овсиенко.

Раиса Семеновна. И все же я не понимаю...

Антипенко. Заткнись, сионистка проклятая!

И он идет по коридору к Дворцовой площади. Но он опоздал. Потому что навстречу ему идут Керенский, поддерживая Зося, и Краснов.

Керенский. Ну кто тебе разрешил вставать, дурочка моя?

Краснов. Я бы на ее месте тоже поднялся. Все же исторический момент.

За ними идут бойцы Краснова и защитники Эрмитажа. Антипенко начинает отступать.

Раиса Семеновна. Нет, вы смотрите, смотрите на победу контрреволюции.

Керенский помогает Зося лечь на раскладушку.

Раиса Семеновна. Простите, Александр Федорович. Можно вас спросить в такой исторический момент?

Керенский. Пожалуйста.

Раиса Семеновна. Скажите, а нельзя ли навсегда запретить коммунистическую партию?

Керенский. Считайте, что она уже запрещена.

Антипенко. Мудрое решение, Александр Федорович. Мудрое и своевременное решение.

Керенский. Я оставляю тебя, Зося, на попечение Раисы Семеновны. Я скоро вернусь. Только нанесу визит в штаб революции — в Смольный.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Кабинет Свердлова в Смольном. То же самое, лишь видны следы прямого попадания снаряда.

*Портрет Брежнева наклонился, всюду пыль. Радио негромко играет при-
скорбную мелодию. Звонит телефон на столе. Прерывается. Начинает
звонить снова. Междугородний. Грохот шагов, как будто наступает цел-
ый полк. Это Керенский, за ним генерал Краснов, Колобок, Мальвина,
Коган, Симеонов и еще какие-то люди. Журналисты. Видеокамеры.*

Керенский проходит к телефону.

Керенский. Смольный слушает. Моя фамилия Керенский. Да, я председатель Временного правительства. Что вам делать? Как ваша фамилия? Так вот, господин Шишкин. Собирайте в Тульской области Учредительное собрание, проводите демократические выборы. И отдайте власть достойным... Как быть коммунистам? Вопрос о запрете радикальных партий будет рассмотрен Верховным судом.

Керенский (*своим соратникам*). Тульский обком действует.

Тут же звонит снова междугородний.

Керенский. Да? Кто говорит? А, Леонид Ильич? Нет, не Сталин и не Свердлов. И даже не Ленин, опять не угадали. Так что не надо на меня кричать. Керенский... Дорогой Леонид Ильич, такие цитадели, как Зимний дворец, сдаются лишь однажды. Не надо искушать судьбу... Ничего мы вам не отдадим. Ну что ж, принимайте меры. Собирайте Политбюро.

Снова звонит телефон.

Керенский. Керенский у телефона! Что? Да погодите вы! Кто здесь в иностранных языках силен? Кажется, английский.

Коган (*берет трубку*). Гуд морнинг... Йес. Йес... Йес... о, ноу! Сэнк ю!

Краснов. Что он сказал?

Коган. В общих словах... понимаете, Александр Федорович, я проходил английский язык в школе и числился среди лучших учеников...

К е р е н с к и й. Жалко, что ничего не понял.

К о г а н. Я понял! Коммунизм — капут! Либерти — йес!

К о л о б о к. Эх ты, Коган. Может, из-за твоей темноты мы потеряли международную поддержку.

Появляется Нетудыхата. Он несет портрет Николая Второго. Он снимает со стены портрет Брежнева и на его место вешает портрет царя. Никто не замечает этого.

М а л ь в и н а. Александр Федорович, Саша, можно, я попробую? Я же очень способная. Я уже шесть лет иностранного мужа ищу — столько за это время выучила!

Керенский поднимается, уступает ей место.

Снова звонит телефон.

М а л ь в и н а (*отвечает по-английски с сильным русским акцентом*). Йес! Тзе секретари ов тзе прайм министр ов тзе фри Раша. Гуд морнинг, мистер президент. Ай шел транслент фор тзе прайм министр. (*Она оборачивается к группе слушателей.*) Президент Джонсон. Посылает вам свои поздравления в связи с приходом к власти. Желает успеха.

К е р е н с к и й. Скажи президенту Джонсону, что мы благодарим его лично и американский народ за поддержку России в тяжелую историческую минуту борьбы с мировым коммунизмом. Будем надеяться на политическое и экономическое взаимопонимание...

М а л ь в и н а. Медленнее, Саш!

Тут Керенский видит, что вместо Брежнева появляется Николай Второй.

К е р е н с к и й (*принимая от Нетудыхаты портрет*). Вот это лишнее. Наш народ вряд ли выскажется за монархию. Поищите-ка более демократический портрет.

Н е т у д ы х а т а. Но вашего портрета найти не удалось. Мы все хозуправление перерыли.

К е р е н с к и й. И не надо. Надеюсь, этого не случится.

Антипенко, который пробился в угол комнаты, хлопает в ладоши.

К е р е н с к и й. Семен Остапыч, оставьте ваши манеры!

Антипенко. Разумеется, Александр Федорович.

Керенский помогает снять портреты, и в это время Антипенко склоняется к Мальвине и шипит.

Антипенко. Какой он тебе Саша! Ты что хочешь, чтобы я тебя под трибунал отправил? Ты какое имеешь право оскорблять главу государства?

Мальвина. А пошли вы...

Звонит телефон. Мальвина берет трубку.

Мальвина. Плиз спик инглиш. Оу, уи! Авек гран плезир. Абсолютман! Гран мерси.

Краснов. Кто? Что сказал?

Мальвина. Генерал де Голль, поздравляет вас с победой, Александр Федорович, и сравнивает ее с обороной Фермопил.

Керенский. Вот именно!

Звонит телефон.

Керенский. Если Мао Цзедун, веди себя вежливо, но сдержанно.

Мальвина. Как вы сказали? Уот? Сэнк ю, Сэнк ю, оф корс.

Раиса Семеновна. Ну что ты молчишь?

Мальвина. Так, пустяки, Исландия.

(Тут же снова тянет руку к телефону.)

Мальвина. Йес. Ху из спикинг? Ой, извините... одну секундочку. Ой, что я наделала? Это из Кремля. Сам, по-моему.

Все подаются назад. Керенский берет трубку.

Керенский. Да, я вас слушаю. Да, это Керенский у аппарата. Нет, я не узурпирую никакую власть. Какое политбюро? А, ваше политбюро? И что же? Нет, я не советую вам полагаться на милицию и внутренние войска в Петрограде. Город под нашим контролем. Какая стратегическая авиация? Какая бомба? Вы не сошли с ума?

И тут голос Брежнева вырывается из телефона, словно мы начинаем слушать вместе с Керенским.

Голос Брежнева. Нам нелегко было прийти к такому решению. Однако мы единогласно проголосовали на политбюро о нанесении бомбового ракетного удара по городу героев... (Голос Брежнева срывается, он всхлипывает.) По городу победившего Октября, по городу Ленина... К счастью, мне тут сообщили, что в нашей державе еще осталось более ста различных городов, и мы устроим конкурс — социалистическое соревнование, победитель которого получит название Ленинград.

Слышны короткие гудки.

Входят Коган с Нетудыхатой, которые вносят новый портрет, и Коган лезет на стул. Оказывается, что это — портрет Дарвина.

Их никто не останавливает.

Немая сцена.

Раиса Семеновна. Они не посмеют...

Колобок. Они все посмеют...

Снова тишина.

Антипенко тащит портрет Брежнева и старается оттеснить Когана с портретом Дарвина в сторону.

Колобок. Надо, чтобы люди в бомбоубежища бежали.

Керенский. Если посмеют, то никто не добежит до бомбоубежища.

Все стоят и жгут

Занавес.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

За закрытым занавесом слышен телефонный звонок.

Один раз, два, три..

Занавес раскрывается.

Все ждут, пока Керенский возьмет трубку.

Керенский й. Я слушаю.

Он долго молчит, слушает то, что ему говорят в трубку, и люди произвольно стягиваются к аппарату, чтобы услышать хоть слово.

Керенский й. Спасибо.

(Он вешает трубку и, оборачиваясь к стене, делает знак, чтобы Коган вешал портрет Дарвина.)

Керенский й. Стратегическая авиация отказалась уничтожить наш город. По нашим сведениям, коммунистическая партия приняла решение уйти в подполье.

(Керенский проводит рукой по лбу, будто пытается собраться с мыслями.)

В комнате поднимается шум. Громче всех кричит Антипенко. Он подает Когану портрет Чарльза Дарвина.

Антипенко. Да прямее, прямее! Простого дела доверить тебе, Коган, нельзя.

Керенский идет к двери.

Колобок. Вы куда, Александр Федорович?

Керенский й. Побудь за меня. Я в больницу, к Зосе.

Он уходит.

Занавес.

ТОВАРИЩ Д
КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ
И ШЕСТИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

в порядке появления на сцене

О л ь г а И в а н о в н а. Респектабельная, миниатюрная пенсионерка, прежде работала учительницей. В речи и поведках крайне интеллигентна.

Ж е н я. Ленивый и неумный парень под тридцать. Где-то учился, недоучился. Кое-как работает, ничего ему от жизни не надо — было бы выпить, поесть и какая-нибудь баба.

Д ь я в о л. Обыкновенный человек, высокий, гибкий, вежливый, порой даже изысканный. Он не высок в табели о рангах потустороннего мира. Скорее исполнитель.

С а ш о к. Ему лет тридцать пять. Он среднего роста и среднего облика. Но сам кажется моложе, чем на самом деле. Это видно по одежде — он в джинсах, голубой куртке. Не в ладах с самим собой, но храбрится.

Л а р и с а. Первая жена Сашка. Она хороша той несколько пошлой парикмахерской красотой, что так соблазнительна для немолодого интеллигента. В тридцать лет еще не расплылась, но вульгарность уже не компенсируется молодостью и свежестью. Вскоре остепенится, станет массивной матроной.

С п и к у х и н. Жлоб из торговых работников. Человек бессмысленный, тупой, но хваткий и живучий. Обязательно в конце концов погорит, потому что никакого удержания в своей алчности не знает. Любит жить красиво.

П а в л и к. Муж Дарьи Павловны (Даши). Талантливый конструктор, умница, всю жизнь проживший за юбкой Виктории, которая стирала ему носки, делала котлетки и ставила клизму. Вне привычного интерьера полностью растерян и со временем, если не повесится, перейдет в собственность Даши и успокоится.

Д а р ь я П а в л о в н а. Секретарша в научном учреждении. Чем-то похожа на Ларису, хотя куда больше ее обтесана и даже, возможно, кончила какой-то институт. Женщина, которая привыкла все брать — мебель, вещи, дефицитные продукты, мужчин. Когда ощутила сопротивление в Павлике, пошла ва-банк. Если Павлик не станет профессором, она его со временем бросит.

Н е ч и п о р е н к о. Респектабельный политик. ПроЙдоха, отлично понимающий, что всю жизнь занимается пустым делом, но в этом деле можно преуспеть. Стяжатель. Заграница и Лариса — моменты стяжательства. Официально — гладкий обитатель президиумов, в действительности — эпикуреец и сластолюбец, но жадный и мелкий.

Б а р м е н. Вялое существо с потными руками, презирающий весь недостаточно богатый мир. Хам и лентяй. Типичный дворовый прошлого века. Мгновенно и без усилий переходит от ленивой спеси к холуйству.

Т а м а р а. Очаровательная, несколько растерянная от робкого неумения общаться с людьми. Ей всегда приходится кого-то о чем-то просить, но она так и не научилась это делать и совершенно не умеет использовать для этого свои женские прелести. Ей кажется, что она всем за все обязана. Ей нужен мужчина, которого она будет боготворить или спасать. И не суть важно, кто этот мужчина на самом деле. Ее муж сбежал к какой-нибудь Ларисе, потому что не смог соответствовать тому образу героя, что Тамара из него выковывала.

М а р и н а. Дочь Тамары. Подросток, сильно избалованный мамой, которая сделала из нее предмет робкого обожания и поклонения. Если за нее не взяты как следует, девочка может погибнуть от ощущения собственного величия. И

чем больше Тамара, охваченная постоянным чувством вины перед дочерью, у которой нет отца и которой она не может дать всех «заслуженных» ребенком благ, будет хлопотать вокруг Дашеньки, тем больше Даша будет наглеть. Любому это видно с первого взгляда. Только не Тамаре.

М и л и ц и о н е р. Существо простое, мелкое, но крепкое телом. Совершенно непонятно, что он получил в обмен за душу.

Е в г е н и я О с и п о в н а. Модный тренер по теннису. Ее дьяволу даже покупать не надо — сама прибежит и еще дьявола купит. Так что она не жертва дьявола, а союзник.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двор в современном спальном районе. На скамейке сидит Ольга Ивановна в строгом учительском платье. Рядом Женя. Ольга Ивановна внимательно читает глянецовый журнал. Женя дремлет, вытянув ноги. Суббота, разгар дня, шебечут воробьи, перекликаются дети, из открытого окна несется музыка. За сценой проносится мотоцикл.

Ж е н я. Слыхали? Это Володька Седой. Во, блин! Дня в своей поганой жизни не проработал. Откуда у него бабки на «Харлей-Дэвидсон»?

О л ь г а И в а н о в н а. Украл... но нас с тобой это не касается.

Ж е н я. Еще как касается! Жду не дождусь, когда он в лепешку! Вот напьюсь на его поминках.

О л ь г а И в а н о в н а. Лучше, Женя, купите себе «Харлей-Дэвидсон» и расширяйтесь в свое удовольствие.

Ж е н я. А вы будете пить на моих поминках? Тормози, бабуся!

О л ь г а И в а н о в н а. Чем губить свои нервы завистью, вы послушайте! *(Читает.)* Предлагается недорого круиз на остров Мадагаскар. Чернокожие красавицы, охота на диких лемуруров, поиски пиратских кладов в пятизвездочном отеле, выступление рок-группы «Ватник в томате». Шоп-рейсы в Занзибар. У вас не найдется четырех тысяч долларов?

Ж е н я. Столько баксов. Да на них можно год пить не просыхая!

О л ь г а И в а н о в н а. Представляете, лемуры... Ночью они раскрывают бездонные карие глаза и смотрят на звезды...

Ж е н я. И чего это Сашок запропастился?

Ольга Ивановна. Отсутствие жизненной цели — вот порок нынешней молодежи.

Появляется дьявол. Он элегантен, вежлив, но излишне суетлив.

Дьявол. Простите, что прервал вашу увлекательную беседу, господа. Но я ищу дом шестнадцать, корпус два.

Ольга Ивановна. По второму Затопленскому?

Дьявол. По улице Чекистов.

Женя. Один черт.

Ольга Ивановна. Прежнее название ушло вместе с эпохой, которая его породила.

Дьявол. Надеюсь, что вы ошибаетесь.

Женя. За угол направо. *(Показывает пальцем в нужном направлении.)*

Ольга Ивановна. Странный тип. Вам не кажется, что чем-то пахнет?

Женя. Ну, чем еще может пахнуть?

Ольга Ивановна. Серой. Как от нечистой силы.

Женя. Сашок! Ты куда провалился? Мы тебя ждали! Ну, достал?

Появляется Сашок. Присаживается на лавочку.

Сашок. Пустой номер.

Женя. Но ты же говорил!

Сашок. Его дома нет.

Женя. И чего я с вами связался? Пошел бы к «Ручейку» — кто-нибудь бы мне наверняка поставил.

Сашок. Иди.

Женя. Ты же знаешь! Хорошие люди уже приняли, только мы развлекаемся.

Ольга Ивановна. Молодые люди, не ссорьтесь. Поодиночке мы с вами как тонкие пруттики. А втроем — мы уже веник.

Сашок. Не знал, что вы стихами балуетесь, тетя Оля.

Ольга Ивановна. Поэзия — это крик души. Души, высохшей от жажды.

Женя. Смотри, кто идет. Лариска! Во, блин, — по улице Пиккадилли я шла ускоряя шаг! Сашок, ну Сашок, ты чего сидишь! Это шанс!

Сашок. Не пойду.

Ольга Ивановна. Я разделяю ваши чувства, Сашок, но сейчас вы обязаны откинуть ложную скромность. Вы представляете интересы гибнущего коллектива. *(Она подталкивает Сашку.)* Известны случаи, когда врачи заражали себя чумой и гибли ради человечества. А человечество ставило им памятники.

Сашок *(вынужден подняться и сделать несколько шагов к Ларисе, которая остановилась, увидев его)*. Привет, Лара.

Лариса. Привет, если не шутишь.

Сашок. К матери ходила?

Лариса. А ты все бездельем мучаешься?

Сашок. Сегодня суббота.

Лариса. А мне Зинка говорила, что ты уволился.

Сашок. Все-таки интересуешься?

Лариса. Хочешь не хочешь, доносят.

Сашок. Ну и как у тебя дела? Довольна? Новый муж не поколачивает?

Лариса. У меня все есть. Все в порядке. Я упакована.

Сашок. Может, познакомишь?

Лариса. Это как же ты себе представляешь? Познакомься, мой бывший супруг. Человек никакой. Тридцать три несчастья. Я с ним пять лет промучилась. А теперь он у тебя тысяч двадцать попросит.

Сашок. Ну зачем так сразу?

Лариса. А потому что ты ко мне подошел, чтобы мелочи трельнуть. Я же по глазам вижу.

Сашок. Я просто так подошел.

Лариса. Просто так ты бы не подошел. Я же тебя лучше всех знаю. Тебя *(она показывает в сторону скамейки)* бригада подслала. А ты, видите ли, никому отказать не можешь. Ну сколько тебе нужно? Десятку? Двадцать? А может, десять баксов? У меня есть.

(Она хочет открыть сумочку. Ольга Ивановна и Женя напряженно следят за разговором со скамейки и тщетно прислушиваются. Когда же Лариса открывает сумочку, Ольга Ивановна даже приподнимается со скамейки.)

С а ш о к. Нет, не надо, я так, спросить хотел...

Л а р и с а. Может, тебе десять баксов мало? Я тебе и двадцатку дам. И полсотни. У тебя же за комнату два месяца не плачено. Я все про тебя знаю.

С а ш о к. Ну ладно, Лариса, привет, я пошел. Кланяйся своему новому благоверному.

(Он поворачивается и идет к скамейке. Лариса протягивает ему вслед зеленую купюру, потом машет рукой и прячет ее в сумочку. Она быстро уходит.)

Ж е н я *(вскакивает со скамейки и устремляется к Сашку)*. Ты что? Почему не взял? Она же давала!

С а ш о к. Ничего она не давала. У нее песка в Сахаре не допросишься.

О л ь г а И в а н о в н а. Значит, меня начало обманывать зрение. Ваша бывшая супруга достала из сумочки зеленый платочек. Маленький такой платочек.

Ж е н я. Псих ты, Сашок.

О л ь г а И в а н о в н а. Я допускаю, что выдача зеленой бумажки сопровождалась унижительными условиями. В таком случае мы не имеем морального права осуждать нашего друга и собутыльника.

С а ш о к. А сколько у нас есть?

Ж е н я. У меня пятерка. И еще надо бутылку молока купить.

О л ь г а И в а н о в н а. Я могу ассигновать четыре тысячи рублей. Пенсия послезавтра.

С а ш о к. А у меня раз... две тысячи пятьсот...

Они сдают деньги Ольге Ивановне. Она пересчитывает.

О л ь г а И в а н о в н а. Семь тысяч пятьсот рублей. Ну что ж, это не так плохо, как казалось вначале.

Ж е н я. Надо было у Лариски взять. Ведь давала, блин, давала! Я сам видел.

Ольга Ивановна. Женя, вы не правы. У нас так мало принципов, что приходится за них держаться.

Сашок. Дурачье вы. Не в принципах дело. Откуда у меня принципы? Не дала бы она. Я бы руку протянул, а она бы прятала.

Ольга Ивановна. Ты так не думаешь, Сашок. Но Бог тебе судья.

Женя. А я на той неделе у автобусной остановки три тысячи нашел.

Сашок. Одной бумажкой?

Женя. Ага.

Сашок. Все ясно.

Женя. А ты не придирайся. Откуда я помню, сколько там бумажек было?!

Ольга Ивановна. На семь тысяч чего-нибудь можно купить. Если повезет. Надо на оптовке пошукать.

Женя. Давай бабки, я побежал. *(Уходит)*

Выходит дьявол, останавливается, лезет в карман за зажигалкой, закури-вает, бумажник падает на землю. Дьявол не замечает этого и идет дальше. Но за лавочкой, на которой сидят Ольга Ивановна и Сашок, он замирает и прислушивается к их разговору.

Ольга Ивановна. Сашок, я давно собиралась с тобой поговорить. На правах твоей бывшей учительницы и соседки. Я же тебя с раннего детства знаю. И ты мне всегда нравился.

Сашок. Закурить найдется?

Ольга Ивановна достает пачку «Примы». Сашок берет сигарету.

Ольга Ивановна. Вы ведь по-своему интересный человек, независимый, я бы даже сказала — с душевными порывами.

Сашок. ...Но свершить ничего не дано.

Ольга Ивановна. А вот я не верю! Я помню, как ваша покойная мама показывала мне ваши детские рисунки. У вас были начатки таланта. Я тогда так и сказала Марье Петровне...

Сашок хлопает по карманам в поисках зажигалки, дьявол из-за спины протягивает руку с горячей зажигалкой, Сашок прикуривает.

Сашок *(оглянувшись)*. Спасибо.

Дьявол. Я всегда готов помочь человеку в нужде.

Ольга Ивановна. Молодой человек, я к вам обращаюсь, уйдите, пожалуйста!

Дьявол. Я вам мешаю, Ольга Ивановна?

Ольга Ивановна. Вот именно! От вас пахнет-серой. Уйдите, а то я милицию позову.

Сашок. Ну, тетя Оля, зачем вы так? Ничем от него не пахнет.

Дьявол. Вы правы, добрая женщина. Судя по всему — время еще не пришло. Но события ускоряют свой бег, не так ли, мадам?

(Он уходит.)

Ольга Ивановна. У тебя нет жизненного опыта. Но я понимаю — от этого типа надо держаться подальше. В любой момент он может превратить тебя в таракана. Возможно, он — инопланетянин.

Вяло бредет Женя.

Ольга Ивановна. Ну что? Есть туркменское сладковатое?

Женя безнадежно отмахивается, спотыкается о бумажник, потерянный дьяволом, наподдает его ногой. Потом смотрит под ноги, делает шаг вперед и замирает, наклонившись над находкой.

Сашок. Ты чего?

Женя поднимает руку, заставляя Сашку не вмешиваться в процесс охоты на бумажник. Он начинает совершать круг возле него, подобно энтомологу над редкой добычей. Он готов уже броситься на бумажник, но спохватывается и обводит взглядом двор. Опасности нет.

Сашок. Что? Змею увидел?

(Он поднимается и идет к Жене.)

Женя. Тшшш!

Ольга Ивановна. Он нашел сто тысяч!

Женя поднимает бумажник и, неся его на вытянутой руке, подходит к скамейке.

Женя. Какой-то фраер посеял.

Ольга Ивановна. Потрясающая логика! Она делает честь сообразительности нашего друга. Секрета нет. Его потерял неприятный пришелец.

Женя. Чечен?

Ольга Ивановна. Вы видели и беседовали с ним. И я могу утверждать это наверняка, потому что за последние полчаса никто мимо клумбы не проходил.

Женя. Нет! Вы мне мозги не пудрите! Этот бумажник здесь с утра валяется. А может, со вчерашнего дня.

Сашок. Тетя Оля права. Мы тут ходили. Наверняка бы заметили. Давай сюда.

(Он отбирает бумажник у Жени.)

Сашок. Надо вернуть.

Женя. Ты охренел, что ли? Он же ничей.

Ольга Ивановна. А что вы предлагаете, Женя? Мне всегда интересно наблюдать, как работает ваш небольшой мозг.

Женя. Бабки вынем, а бумажник — в кусты. Простое дело!

Ольга Ивановна. Какое трагическое отсутствие фантазии!

Сашок. Я сейчас!

Женя. Стой!

(Женя пытается ринуться за ним, но Ольга Ивановна крепко хватает его за рукав.)

Ольга Ивановна. Остановитесь, Женя. Вы ничего не поняли. Сашок действует в лучших традициях европейской культуры.

Женя. Чего?

Ольга Ивановна. Объясняю как пенсионер культурного значения. Сашок намерен догнать владельца бумажника и вернуть ему собственность. Если Сашок рассудил правильно, то владелец бумажника вознаградит его. У нас с вами будут деньги и чистая совесть.

Женя. Дурак я, что вам показал.

Ольга Ивановна. Ты не поднимешься выше лавочника. Ты спешишь схватить рубль сегодня, хотя завтра мог бы получить миллион.

Возвращается Сашок. Он несет бумажник.

Женя. Ну вот, а я уж сдрейфил.

Сашок. Нет его нигде.

Женя. А может, это не он был?

Ольга Ивановна. Теперь мы вынуждены сдать бумажник в милицию. А это куда менее выгодно.

Женя *(пытается вырвать бумажник у Сашка)*. Давай сюда. Не ты нашел, не тебе решать.

Ольга Ивановна. Жадность — неразумное чувство. Жадный всегда беден, так учил Петрарка.

Сашок. Он не от жадности, он выпить мается.

Ольга Ивановна. Это порочное желание. А желания, как учил Будда, ведут к разочарованиям. Если мы будем потрошить чужие бумажники, то никогда не достигнем nirваны, то есть вечного блаженства.

Женя. Ты не крути, тетя Оля.

Ольга Ивановна. Я предлагаю законный, то есть легитимный выход из положения. Он может умеренно разрешить наши финансовые затруднения и в то же время оставить нас по сю сторону закона.

Сашок. Правильно излагаешь, тетя Оля.

Ольга Ивановна. Вот видишь, Сашок уже догадался. А ты, простая душа, все еще сомневаешься.

(Она берет бумажник и открывает его.)

Женя. А чо?

Ольга Ивановна. Наша цель — изъять из бумажника визитную карточку пострадавшего.

Женя. А?

Сашок. Мы к нему домой бумажник отнесем и он отстегнет чирик, а то и лимон. Это зависит от того, насколько важные документы лежат в бумажнике.

Женя. А зачем он отстегнет?

Сашок. Потому что в его сердце воспрянет вера в человечество.

Женя. А если не отстегнет?

Ольга Ивановна. В любом добром деле есть элемент риска.

(Она уже раскрыла бумажник, просматривает одно за другим его отделения. Вытащила стопку сложенных бумажек, больше там ничего нет. Ольга Ивановна даже встряхивает бумажник — ничего!)

Ольга Ивановна. Странно.

Женя. Что, и десятки нету?

Ольга Ивановна снова садится на скамейку, достает из сумочки очки, надевает их и кладет пустой бумажник рядом с собой на скамейку
Сашок берет бумажник, мнет в пальцах, нюхает.

Ольга Ивановна. Не надо, нанюхаетесь еще.

Сашок. Кожа хорошая.

Ольга Ивановна. И сера. Но не в этом дело.

Сашок. Немного серы. А дело в том, что нормальный человек не носит с собой пустой бумажник. Или почти пустой.

(Он смотрит, как Ольга Ивановна вытаскивает одну из бумажек, что хранились в бумажнике.)

Женя. Читай, не тяни! Может, там его адрес?

Ольга Ивановна. Нет, на бумажке не адрес... Дело куда хуже. Здесь чужой адрес

Женя. Наводчик, да?

Ольга Ивановна. Слушайте: «Я, Спикухин Эдуард Иванович, номер паспорта такой-то, настоящим подтверждаю, что передал дьяволу мою бессмертную душу в обмен на оказанные мне услуги». Подпись... кажется, кровью. Адрес: Большая Тимофеевская, дом три, квартира шесть.

Женя *(оборачивается, ведет пальцем по воздуху. Замирает)*. Вот в том доме.

Ольга Ивановна. Именно так. И больше вас, Женя, ничего не удивило?

Женя. А что должно удивить?

Сашок. Другую записку посмотрите, тетя Оля.

Ольга Ивановна разворачивает другую бумажку и читает ее.

Ольга Ивановна. «Я, Нечипоренко Семен Семенович, номер паспорта такой-то, передаю свою бессмертную душу

товарищу дьяволу в обмен на оказанные мне важные услуги». Есть и адрес...

Женя. Стой! Я догадался. Они все офигели! Ведь Бога нет! Я в школе проходил.

Сашок. В последнее время общественность сильно сомневается. Особенно бывшие секретари обкомов. Их хлебом не корми, дай свечку в церкви подержать.

Ольга Ивановна. Бога, может, и нет. Но дьявол точно существует. *(Она разворачивает третью расписку.)* Те же слова, того же цвета кровь. Господи, до чего все примитивно. Никакого воображения! *(Она по очереди разворачивает бумажки и кладет их стопочкой на скамейку рядом с бумажником.)* Шесть бессмертных душ! Попались, голубчики. То-то он мне сразу не понравился.

Сашок поднимает бумажки по очереди, просматривает их.

Женя. Эх, попался бы он мне! Я бы ему сказал!

Ольга Ивановна. И что бы ты ему сказал?

Женя. Гони лимон, а то в отделение отведем!

Ольга Ивановна. Как мудро! А если он откажется, то и в самом деле его в милицию отведем, ты как полагаешь?

Женя. Не, в милицию это я так сказал, чтобы припугнуть. В милиции они все себе возьмут. Будем сами искать.

Сашок. Ну как, поговорили?

Женя. Внимание, у Сашка идея!

Сашок. Надо вернуть расписки.

Ольга Ивановна. Я тебя, Сашок, не поняла. Кому вернуть, если мы его адреса не знаем?

Сашок. Не дьяволу, а тем, кто расписки писал.

Женя. Это же розыгрыш, блин! Нету дьявола!

Сашок. погоди ты! Понимаете, у них, может, были такие трагические обстоятельства, что пришлось душу продать. Как Фауст. У каждого может быть. А теперь они спохватились, но поздно.

Ольга Ивановна. Понимаю. И тутходишь ты, молодой и красивый, и говоришь приятным голосом: «Вы тут

душу никому не уступали? Тогда возьмите обратно, вашу душу дьявол обронил на улице...» Да ты понимаешь, что ты несешь?!

С а ш о к. А я все-таки схожу. Все равно делать нечего, денег нет.

О л ь г а И в а н о в н а. Как учил Гегель, каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает. Мне бы никогда не пришло в голову отдавать дьяволу душу.

С а ш о к. А мне приходило. И недавно. Если бы ко мне подвалил дьявол, когда Лариска ушла, я бы не задумываясь отдал. Да все что угодно бы отдал!

Ж е н я. Ну ты-то известный псих. А у психов души не бывает — ха-ха!

О л ь г а И в а н о в н а. Чувствуешь: наука в лице Жени вынесла отрицательный вердикт.

С а ш о к. Да поймите же — у них все обошлось, все путем. А души уже нет!

Ж е н я. И в чем разница? Ты скажи, есть разница? Вот у меня души нет. Это медицинский факт.

С а ш о к. Ты уверен?

Ж е н я. А как же?

С а ш о к. А мне кажется, что с душой как-то лучше.

Ж е н я. Вот такие душевные и попадаются! Не было бы у тебя души, не отдал бы Лариске квартиру за комнату в коммуналке... Шучу, шучу, не нало руками махать.

О л ь г а И в а н о в н а. Женя, не напрягай головку. Отдохни. Ты сегодня уже много думал... А тебя, Сашок, я хочу предупредить как старший товарищ. Ты вступаешь в борьбу со страшной силой. И победить ты в ней не сможешь.

С а ш о к. Вспомнили о своей комсомольской молодости, тетя Оля?

О л ь г а И в а н о в н а. Наверное, в этом есть что-то общее... Бессилие.

С а ш о к. Как в кино. Ты с гранатой, а на тебя танк...

Ж е н я. Если ты пошел, я с тобой.

С а ш о к. Это еще что за жертва?

Женя. Да не жертва! Мы входим. Ты говоришь — прими-май, фраер, расписку. Он тебе — мерси с вафлями, держи лимон. А если он не говорит, тут я и говорю, гони, грю, блин, лимон.

Сашок. Нет, так не пойдет.

Женя. Так пойми, блин, мы к вечеру виской по уши зальемся!

Ольга Ивановна. Я полностью поддерживаю Сашу. Торговать расписками такого рода — неэтично. Значит, все-таки решил пойти?

Сашок. Схожу, что ли? Все равно делать нечего.

Ольга Ивановна. Только не пытайся убедить меня, что отправляешься в этот бессмысленный поход от безделья.

Сашок. Отчего же?

Ольга Ивановна. Надо бы сказать красиво, да язык не поворачивается.

Женя. Трахнутый.

Ольга Ивановна. Сашок, оставь нам свою долю. Может, мы кого-нибудь еще третьим возьмем. Надо же выпить за твой успех.

Сашок достает деньги, передает Ольге Ивановне, Женя тянется за бумажником.

Женя. А я себе этот бумажник возьму, лады? Я одного жмурика знаю, в ларьке торгует, прикольные штучки собирает, хочет крутым показаться. За такой бумажник он мне пол-лимона отвалит. Импорт, черная кожа... Дай внутри погляжу. А то я уже нарывался — снаружи как у людей, а внутри «маде ин Чайна». Пошли, тетя Оля.

Ольга Ивановна. Я не намерена участвовать в твоих махинациях, Женя. Мне видится что-то сомнительное в том, чтобы торговать бумажником дьявола у винного ларька.

Женя. Он же пустой. И ничего не написано.

Сашок. Я пошел.

Ольга Ивановна. Иди с Богом. (*Крестит Сашку*). Я, конечно, по воспитанию неверующая, но к концу жизни у каждого появляются сомнения.

Они расходятся в разные стороны. Сашок читает на ходу одну из расписок. Некоторое время на сцене пусто.

Затем входит дьявол. Он осматривается. Принюхивается. Наклоняется над скамейкой. Он — собака, взявшая след. Метнулся к клумбе. Пусто. Возвращается к скамейке, проводит пальцами по тому месту, где лежал бумажник. Подумав немного, решительно направляется в ту сторону, куда ушли Ольга Ивановна с Женей.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Сашок подходит к двери, сверяет номер с распиской. Потом звонит. Звонок изображает неожиданную мелодию. Затем раздается голос Спикухина.

Спикухин (голос его звучит через усилитель, искаженно, от этого возникает зловещий эффект). Вам кого?

Сашок. Мне к Спикухину. Эдуарду Ивановичу.

Спикухин. Назовите свое имя и отчество, а также дело к Спикухину.

Сашок. Я по личному делу. Вы меня не знаете.

Спикухин. Кого я не знаю, принимает мой секретарь. А по личным делам попрошу в офис. Или по факсу. С десяти до пяти.

Сашок. У меня не факсовый разговор.

Спикухин. Спикухин два раза не повторяет.

Сашок. Ну не хотите, не надо. Я для вас старался.

Спикухин (после паузы). А ты один?

Сашок. Вы же к глазу приклеенный. Видите, что я один.

Спикухин. А если второй в лифте остался?

Сашок. Плодотворная идея. Остался и уехал на первый этаж.

Спикухин. А я тебя не знаю.

Сашок. Вот это уже разговор. Но товарищ дьявол вас хорошо знает.

Спикухин. Тише!

С шелчком отключается динамик. Наступает тишина. Потом начинают шелкать и звенеть замки и засовы. Дверь со скрежетом раскрывается. Мы в гостиной Спикухина. Гостиная тесно уставлена наглой импортной мебелью, на стенах зеркала в золоченых рамах, на стене плохая, но в размере подлинника копия картины «Утро в сосновом бору». Вся комната — мечта разбогатевшего идиота. Спикухин в парчовом халате, стриженный под ноль с челкой, показывает гостю на диван.

С п и к у х и н. Ты меня, конечно, извини, но в нашем деле нужна конспирация. Разные люди ходят. Некоторые завидуют,

С а ш о к. Есть чему позавидовать. Сами придумали или дизайнеров нанимали?

С п и к у х и н. Садитесь. Садитесь, господин... как вас именовать? Кофе? Виски? Мартини?

(Он делает шаг к бару, открывает его — там батарея бутылок. Начинает звучать музыка. Не ожидая ответа от гостя, Спикухин наливает из бутылки с виски по полному стакану и ставит на столик.)

С п и к у х и н. Внимательно слушаю.

С а ш о к *(достает из кармана расписку Спикухина и протягивает хозяину квартиры).* Ваш почерк?

Спикухин долго изучает записку, заглядывает с обратной стороны, снова читает, шевеля губами.

С п и к у х и н. А чего?

С а ш о к. Подпись ваша?

С п и к у х и н. Ну вы же знаете! *(Он кидает расписку на стол, как раскаленную.)*

С а ш о к *(смелея от подобострастия Спикухина).* Ну как же это получается? Взрослый человек. Зарабатывает, а такие бумажки раздает незнакомым людям? А если это авантюрист? А если узнают ваши сотрудники? Неужели вам не будет стыдно?

По мере развития монолога в Спикухине происходит перемена. Он теряет робость, наливает себе в стакан, хлопает залпом и, когда Сашок замолкает, Спикухин начинает рассуждать вслух.

С п и к у х и н. Нет... не из ихней компании. Взгляд не тот... даже не знает, чем я занимаюсь... А может, он из органов? Он же из органов! Слушай, ты из органов?

С а ш о к. Да ты что!

С п и к у х и н. Вот и видно, что не из органов. Тогда признавайся, откуда ты взял эту ксиву?

(В последних словах Спикухина звучит неприкрытая угроза. Сашок почувствовал опасность и хватается со стола записку. И вовремя — в следующий момент рука Спикухина уже пронеслась над пустым столом. Сашок вскакивает с дивана и отступает.)

С а ш о к. Так дело не пойдет.

(Он пытается пробиться к двери, но Спикухин перекрывает ему путь. В толкотне и суете опрокидывается кресло, падает ваза...)

С п и к у х и н. Урка ты! Шестерка! А ну отдай! Урою!

С а ш о к. Если отдам, то тем более урешь.

(Сашок бежит к двери, дергает ее — но дверь заперта основательно. Он еле успевает ускользнуть от Спикухина и врывается в уборную, на двери которой прибит бронзовый писающий мальчик. Дверь захлопывается. Сашок упирается в нее спиной, а ногами в унитаз. Борьба переходит в стадию динамического равновесия. Спикухину дверь не взломать, а Сашку не выбраться из ловушки. Спикухин отходит от двери.)

С п и к у х и н. Тебя как зовут?

С а ш о к. Александром.

С п и к у х и н. Сашок, а ты где бумагу достал? Кто ее тебе дал?

С а ш о к. Не имею права.

С п и к у х и н. Сашок, а что ты с ней делать намылился?

С а ш о к. Думаю. Теперь не знаю.

С п и к у х и н. А раньше чего хотел?

С а ш о к. Я к тебе как к человеку шел, понимаешь? Я думал, отдам тебе расписку, а ты мне спасибо скажешь.

С п и к у х и н. А потом?

С а ш о к. А потом — до свидания и прощай.

С п и к у х и н. Сколько?

С а ш о к. Ты что имеешь в виду?

С п и к у х и н. Сколько мое спасибо стоит?

С а ш о к. Вот тупой! Я к тебе как к человеку шел. Я же как **пашел** ее, сразу подумал — вот загремел человек к дьяволу в лапы. Надо же помочь. Мы, люди, как одна семья, понял?

С п и к у х и н. Ты из гуманитарной помощи, да?

С а ш о к. Даже слова такого не знаю.

С п и к у х и н. И так, запросто хотел отдать?

С а ш о к. Ну сколько тебе повторять!

С п и к у х и н. А может, ты из органов?

С а ш о к. Слушай, выпусти меня, ради Бога.

С п и к у х и н. А бумажку отдашь?

С а ш о к. На что она мне сдалась! Жуй ее с маслом.

С п и к у х и н. Тогда суй под дверь.

С а ш о к. Чего?

С п и к у х и н. Расписку мою.

С а ш о к. А ты выпустишь?

С п и к у х и н. Отдашь — выпущу, не отдашь — позвоню самому товарищу Д. Пожалеешь, поздно будет. Он, прости, жалости не знает.

Сашок задумывается. Спикухин, как заточенный в клетку тигр, бродит возле двери. Потом решительно идет к телефону, поднимает трубку. Из-за двери доносится голос Сашка.

С а ш о к. Не хочется отдавать. Ты меня обидел.

С п и к у х и н *(не опуская трубку)*. Ну извинюсь я, блин буду, извинюсь!

С а ш о к. Обидел ты меня.

С п и к у х и н. Ладно, сколько?

С а ш о к *(после новой паузы)*. Десять гринов.

С п и к у х и н. Десять баксов за пустую бумажку, можно сказать, за шутку? Она же фальшивая! Десять тысяч. Десять тысяч честных рублей!

С а ш о к. Пять баксов.

С п и к у х и н. Четыре бакса.

(Так как из-за двери не отвечают, Спикухин вынимает из кармана кипу зеленых бумажек, ищет в ней, вытаскивает одну.)

С а ш о к. Ну договорились?

С п и к у х и н. Держи.

(Спикухин заталкивает под дверь бумажку, в ответ оттуда выползает расписка. Спикухин откидывает крючок и отступает в глубь комнаты. Сашок выходит, разглядывая добычу.)

С а ш о к. Слушай, это же два грина!

С п и к у х и н. Прости, друг, не было покрупнее. Не сотню же тебе давать.

С а ш о к. Так дай двадцать тысяч нашими!

С п и к у х и н. Вот гляжу я на тебя, и стыд к горлу подступает. Ты ж пятнадцать минут о своем бескорыстии распинаясь. Я, блин, бесплатно, блин, душу, понимаешь, хочу твою облегчить. Говорил так?

С а ш о к. Кем мне быть — бесплатно хотел отдать, но когда ты тянуть начал, я думаю — вот жлоб, пускай раскошелится.

С п и к у х и н. Так ругаться нельзя. Деньги ценить надо.

С а ш о к. Да возьми ты свои два бакса.

С п и к у х и н. Деньгами ты у меня не разбрасывайся.
(Засовывает купюру Сашку в карман.)

С а ш о к. Ну вот, не хотел бесплатно, получилось хуже, чем бесплатно.

С п и к у х и н. Давай примем по маленькой на дорожку?

С а ш о к. Только по одной.

(Сашок снова садится на диван, Спикухин наливает — себе вдвое больше, чем гостю.)

С п и к у х и н. За знакомство! Напугал ты меня. Я думал, что ты из органов.

С а ш о к. Нет, я не из органов.

С п и к у х и н. А может, меня тебе заказали?

С а ш о к. А за что?

С п и к у х и н. Это ты прав. Наказывать меня не за что. У меня крыша... не поверишь — до самого неба! Но если ты из органов...

Они выпивают еще по бокалу.

С а ш о к. Нет, я не из органов. Я на улице его бумажник нашел. Дай, думаю, помогу Спикухину, ведь даже если он сволочь, без души ему одиноко, правда?

С п и к у х и н. Я решил, что ты из органов. Вернее, сначала я решил, что ты и есть товарищ Д. Только в другой форме. Проверка. А потом вижу — вроде бы из органов.

Они еще выпивают.

С а ш о к. Нет, я не из органов. У меня двоюродный брат, Сеня, в милиции служит. Полковника на «Волге» возит. В Орле. Я, может, к нему поеду.

С п и к у х и н. А как ты начал говорить — где вы работаете? Где вы работаете? Значит, блин, не из органов.

Еще выпили.

С а ш о к. Ты ее сожги. Я тебе ее и принес, чтобы ты сжег. Сначала думал, может, сам сожгу, потом не решился. Вдруг я сожгу, а ты от этого загнешься. Так что ты сам жги.

С п и к у х и н. Не понял.

С а ш о к. Сожги и свободен.

С п и к у х и н. А потом?

С а ш о к. И душа снова твоя.

С п и к у х и н. Давай не будем о душе, добро? Ты лучше выпей. Ты мне помог, я тебе за это заплатил. Ты деньги не потерял?

С а ш о к. Все путем (*хлопает себя по карману*).

С п и к у х и н. Сашок, ты мне симпатичен. Вот только одно...

С а ш о к. Ну хочешь, я тебе паспорт покажу!

С п и к у х и н. Не удивляй (*выдвигает ящик под баром, оттуда вываливает детали женского туалета, потом стопку паспортов*). Что такое паспорт? Заплатил и пользуйся. Тебе какой? Вот смотри, Мигель Сервантес — Схили.

С а ш о к. Чили?

С п и к у х и н. Не перебивай. Оребрин Сребринов. Македония. Еще один Мигель Сервантес — посмотри, откуда?

С а ш о к. Гваделупа.

С п и к у х и н. Видишь, это тебе не какая-нибудь Гватемала. Я там в кризисе был. Нищета — не поверишь! Ну есть, конечно, контрасты. Хочешь, тебе расскажу, как я душу отдал? Только выпьем, добро?.. Во, блин, виска кончилась. «Наполеон» будешь? Нормальный коньяк.

С а ш о к. А «Столичной» нет?

С п и к у х и н. «Столичную» вчера Гурген употребил. Гургена знаешь? Авторитет. Если я сказал — значит авторитет.

Ты в зону ходил? Не ходил, ну и порядок, все у нас впереди. Я те все культурно объясню, ты поймешь. Я человек чистый, доверчивый, ты у любого спроси — меня на восемь кусков кинули, я к солнцевским — они включили счетчик. Молодой я был, необученный, набежало восемьдесят. Понимаешь? Мне фирму продавать? А кто возьмет? Тут Мудрило дает факс! Ты его не знаешь? Ну — ты счастливый фраер. Мудрило мне по факсу передает — еду! Чтобы был в конторе. Идет меня пришить — мне с ним не рассчитаться. Все! Кранты! Уже шаги в коридоре — я даже завещание оставить не успел — ох, думаю, «мерс» кому останется? Уж лучше бы я в школе учился, инженером стал, бедствовал бы, как все, картошку сажал — и на хрен мне этот «мерс»? Все. Идут. Ты пей, я и сейчас переживаю.

С а ш о к. Мне хватит. Дел еще много.

С п и к у х и н. Тебе кто велит пить? Тебе сам Спикуха пить велит, сам Бегемот. Бандиты меня кличут бегемотом. Шутка, сечешь?

С а ш о к. Секу.

С п и к у х и н. Все. Кранты. А тут в дверь не они входят, а этот чернявый. Я думал — чеченец. Во потеха! Я ему тогда говорю — ты вали, блин, отсюда, пришьют по недоразумению. А он так садится: ножка на ножку... Ты ведь его не видел?

С а ш о к. Почему. Мы знакомы.

С п и к у х и н. Слушай, а может, ты не нашел бумажник? Может, ты его свистнул? Во даешь, кореш!

С а ш о к. Честное слово — нашел. Ну кем мне быть!

С п и к у х и н. Только не божиться. Товарищ Д категорически возражает.

С а ш о к. А я не боюсь.

С п и к у х и н. Мое дело предупредить. И не перебивай. Значит, он сел и так вежливо спрашивает: вы, говорит, ждете гостей? А я понимаю — ему — чистую правду! Идут, говорю. К сожалению. А он мне говорит, я, grit, их уже задержал немного, они, значит, замерли, grit, и ждут моего окончательного решения. А что, спрашиваю, можно сделать? Он, grit, возможны варианты. У меня небо засветилось в алма-

зах, просвет, понимаешь? Я говорю — что изволите? Я, грит, в обмен на твою паршивую жизнь могу взять твою душу. Черную, грит, душонку — и лыбится, кем мне быть — юморной, понимаешь? Вынимает бумажку и бритвочку — тут я просек — обман! Он меня шить будет здесь, в кабинете! Я хотел в окно уходить, с шестого этажа, а он так спокойно: чем ты подписывать со мной договор собираешься? Я говорю — а хрен его знает, может быть, чернилами? А он, грит, — где, грит, ты видел, чтобы договор о передаче дьяволу души подписывали чернилами, где, грит?

С а ш о к. Нигде. Я знаю.

С п и к у х и н. Мне терять нечего. А я спрашиваю — палец или горло? Шутка, понял? А он не шутит. Учти, он никогда не шутит, у него, пойми, нет чувства юмора, не выдали. И не пьет. Он мне палец надрезал — честно. Мы в пепельницу накапали. Я подписал — у него и ручка с пером нашлась старинная. Может, Фаберже, понял? Я подписался — а за дверь шум. А теперь, он говорит, я уйду, а они придут. Только ты не дрейфь, ты им вели отсюда выматываться. Я те гарантирую. Пожал мне руку, взял бумажку и наружу. А тут эти входят, киллеры. И стоят. А я их спрашиваю — вы чего стоите, вам чего надо? И жду — будут стрелять или что? Ведь я не до конца ему поверил.

С а ш о к. И они ушли?

С п и к у х и н. Они сперва выпили со мной. А потом Мудрило, он лично пришел меня мочить, садится, понимаешь, и спрашивает: выпить чего будет? Я ему наливаю, а он мне говорит: нет проблем. Если что — звони, кричи, ручкой помаши — мы здесь будем. Выпили мы с ним. Его киллеры в дверях стоят, карманы оттопыренные. А этот, Мудрило, говорит, прости, если что. И еще говорит, что виллу купил на Кипре рядом с моей, чтобы моя Клавка в гости к ним заходила, кем мне быть! В гости, говорит, пускай твоя Клавка заходит. Я ему вслед думаю — дождался один! Вот тебе!

С а ш о к. И что? Ушли?

С п и к у х и н. Ушли. А на Кипр они с бабой прилетали, к Клавке с визитом, — ё-мое! Девочку, говорят, нашу хотим в

английский колледж со спецуклоном — что посоветуете? Ты пей, если ты не из органов, то пей.

С а ш о к. Спасибо, я свое уже принял.

С п и к у х и н. Ох иногда нравишься ты мне!

С а ш о к. Какой есть. А что ты с распиской будешь делать?

С п и к у х и н. Верну ее товарищу Д. Ты думаешь, мне жить не хочется? Извинюсь, понимаешь, скажу, недоразумение, один чудило попался, пионер всем пример!

С а ш о к. Страшно тебе жить, да?

С п и к у х и н. А кому не страшно?.. Нет, не так говорю — не страшно мне. *(Кричит.)* Не страшно мне! Чего бояться?

С а ш о к. А душа?

С п и к у х и н. Слушай, Сашок, только честно, а у человека есть душа? Я в последнее время книги стал читать, журналы — видишь шкаф? Я как мимо лотка иду — всегда философию беру. Там много всего.

С а ш о к. И что решил?

С п и к у х и н. В основном признают все существование высшей силы. Но я-то знаю — все это шутка.

С а ш о к. Это ты неожиданно перевернул. А то что же ты продавал?

С п и к у х и н. А ничего я не продавал!.. И вообще — тебе идти пора. Давай, канай отсюда.

С а ш о к *(поднимается, идет к двери)*. Но ведь он тебе заплатил? Заплатил? Ты до сих пор живой.

С п и к у х и н. А я, может, сам по себе живой.

С а ш о к. Я тебе не верю. И думаю, лучше сожги и живи спокойно.

С п и к у х и н. Ну, ты даешь! Так теперь даже в «Спокойной ночи, малыши» не призывают. Да ты разве не понимаешь, что я еще сотню тысяч набрал. И все они уже там! На Кипре. Мне теперь одно дело повернуть, последнее, самое последнее. И я тоже на Кипр. И паспорт уже есть, только я по-ихнему не умею. Еще одно дело — и все, с концами.

С а ш о к. А там еще одно дело подвернется?

С п и к у х и н. А я не соглашусь. Всех пошлю и не соглашусь. Завязано! Мне бы Клавку обеспечить.

С а ш о к. Другие обеспечат.

С п и к у х и н. А пошел ты! *(Угрожающе бросается к нему, Сашок выскользает на лестницу, Спикухин высовывается в дверь и смотрит вслед...)* Тупой ты, Сашок. И на всю жизнь бедным останешься. Я бы тебе за эту ксиву лимон отвалил... два лимона...

Хлопает дверь подъезда. Сашок ушел. Спикухин возвращается в гостиную, стоит посреди комнаты, думает. Смотрит на расписку. Потом прячет ее в карман, а сам открывает записную книжку, ведет пальцем по странице и набирает номер телефона...

С п и к у х и н. Товарищ Д? Это точно товарищ Д? А то голос не похож. Ага, точно сотовый, я не просек. Товарищ Д, это Эдик вас тревожит. Вы меня помните? Товарищ Д, тут ко мне один хмырь заходил... так точно, предлагал вернуть? Вернул...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Квартира Дарьи Павловны.

П а в л и к. Моей супруги нет дома. Но с минуты на минуту... Если вас не затруднит, не будете ли вы так любезны снять верхнюю обувь? Дарья Павловна очень бережет паркет. Вы простите, пожалуйста...

(Он говорит это, выглядывая в коридор, который нам не виден.)

П а в л и к. Да-да, вот эти тапочки можно. Это мои тапочки. Заходите, с минуты на минуту...

Сашок входит в тесно уставленную антиквариатом комнату. Если помещение Спикухина было венцом современного барочного египетско-румынского великолепия, то у Дарьи Павловны вещи старинные, но разностильные. И с первого взгляда понятно, что муж здесь не хозяин. У него есть

свой уголок — там, у окна, стоит столик, на нем пишущая машинка, стопка книг и бумаги.

П а в л и к. Хотите чаю? Я мигом сделаю.

С а ш о к. Нет, спасибо. А она в самом деле скоро придет?

А то мне некогда.

П а в л и к. Да-да. Очень скоро...

Сашок садится, а Павлик проходит к своему столику, садится за него, хочет вроде бы вернуться к работе, потом спохватывается, вскакивает и с листом бумаги в руках возвращается к Сашку.

П а в л и к. Значит, вы... простите, не знаю вашего имени-отчества...

С а ш о к. Александр.

П а в л и к. Очень приятно. Павел Сергеевич. Очень приятно. Если вы курите, то курите, не стесняйтесь. Дарья Павловна курит. Вы по делу?

С а ш о к. По делу. А что ваша Дарья Павловна делает?

П а в л и к. Делает? Странный вопрос... вы давно знаете Дашу? Дарью Павловну?

С а ш о к. Нет, я же по делу.

П а в л и к. Конечно же, конечно. Извините, вы говорили.

(Он идет к машинке, кладет возле нее лист бумаги. Берет другой, оглядывается на Сашку. Потом раздраженно бросает лист на стол.)

П а в л и к. Сумасшедший дом! Истинно сумасшедший дом. Я ничего не понимаю!

(Он подходит к телефону, нервно набирает номер. Ждет ответа. Потом бросает трубку, словно она раскаленная. Идет к окну, стоит, смотрит во двор, барабанит по стеклу пальцем. Оборачивается к Сашку, который с интересом наблюдает за ним.)

П а в л и к. Простите, ради Бога. Простите.

(Снова идет к телефону, снова набирает номер. На этот раз, прокашлявшись, решается.)

П а в л и к. Это ты, Сонечка?.. Да, это я, твой папа. Ты уже из школы пришла... А по русскому спрашивали? А по математике? Ну почему же «тройка»? Не может быть, чтобы «тройка». Я думаю, что Мария Степановна к тебе несправедлива...

А мамочка дома? На работе? Конечно же, на работе. Я задаю совершенно глупые вопросы... Конечно. Сонечка, я еще в командировке. Да, я по междугороднему звоню... Нет, бывают такие звонки, когда кажется, что не по междугороднему, а на самом деле по междугороднему. Я же с автомата звоню!.. Нет, не надо, только, пожалуйста, не плачь. Сонечка, я тебя умоляю!.. Ну вот и молодец. Конечно же, позвоню... И мамочке позвоню... Ты, наверное, голодная? Согрей себе котлетку... До свидания. Только обязательно согрей котлетку...

(Павлик осторожно кладет на место трубку. Оборачивается, вспоминает о Сашке.)

П а в л и к. Простите, это личное... Вам неприятно слышать?

С а ш о к. Мне что... я же по делу... А что, дочка ваша?

П а в л и к. Дочка. Сонечка. Нет, ничего не говорите! Я буквально ничего не понимаю. Как будто кошмарный сон.

С а ш о к. В каком смысле не понимаете?

П а в л и к. Я отказываюсь понимать, что со мной происходит! Я готов повеситься. Честное слово, я не преувеличиваю. Вчера я взял бюллетень, потому что я более не в силах глядеть в глаза моим коллегам.

С а ш о к. Может, к экстрасенсу обратиться? Я слышал, они помогают. Или иглоукалывание.

П а в л и к. Спасибо за совет. Вы очень добры... Мне никто не поможет! Потому что я подлец! Нет, не возражайте! Я подлец! Я бросил Сонечку и Оленьку, я оставил Викторию, которая буквально ангел. Она мне не сказала ни одного бранного слова. Но почему? Почему так произошло? Ответьте мне, вы умный, интеллигентный человек, ответьте!

С а ш о к. Ну вы тут преувеличиваете... Я же не в курсе.

П а в л и к. Я сам во всем виноват. Да, я виноват! Я увлекся Дарьей Павловной. Дашей. Но мое увлечение оставалось в рамках, простите, банального служебного романа. Разве я мог предположить, что это так кончится?

С а ш о к. Чего кончится?

П а в л и к. Что я уйду из дома, что я брошу девочек и **Викторию**, что перееду по доброй воле в этот кошмарный дом! Вы только посмотрите вокруг! Разве нормальный человек может существовать в этой атмосфере неудержимой наживы и хапужничества?

С а ш о к. Бывает хуже.

П а в л и к. Хуже не бывает! Но вы мне все-таки ответьте! Почему я это сделал? Почему я здесь живу? Почему я должен мыть руки шесть раз в день и носить егерское белье?

С а ш о к. Чего носить?

Павлик засучивает штанину и показывает край кальсон.

С а ш о к. А может, вам обратно вернуться? Ваша **Виктория** покричит, покричит и успокоится. Жены всегда обратно принимают. Дело житейское.

П а в л и к. Вы не представляете себе **Викторию**! Она никогда не кричит. Она всегда молча терпит. Она рыдает ночами. Я представляю, как она укладывает наших девочек и потом, когда они заснут, плачет над их кроватками.

(Голос Павлика дрожит, он смахивает слезу.)

С а ш о к. Как говорил Гегель, каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает, слышали?

П а в л и к. Это Гегель?

С а ш о к. Говорят, Гегель.

П а в л и к. Очень точно! Именно в мой адрес. *(Он всхлипывает.)* Извините, нервы.

С а ш о к. Теперь у всех нервы. Нитратов много в овощах. Я сейчас у одного человека был, бык быком, а тоже на нервы жалуется.

П а в л и к. Как паровоз по рельсам. Как будто меня несет какая-то дьявольская сила. Даю вам слово, что еще за день до трагедии я ни сном ни духом не намеревался покинуть **Викторию**.

С а ш о к. Говорите, дьявольская сила?

П а в л и к. Вот именно. Я не давал себе отчета. Я пришел домой. Хотел смотреть сериал по телевизору, а вместо этого

черт меня понес. И я говорю Вике: сообщи детям, что я нашел свое счастье с другой женщиной. Но я же не хотел этого говорить!

С а ш о к. И давно это случилось?

(Он достает из кармана расписку и разворачивает ее.)

П а в л и к. Больше месяца назад... Нет, меньше месяца! Это было шестого. Шестого в двадцать часов двадцать минут. Часы висели над головой. Двадцать часов и двадцать минут. Я запомню это на всю жизнь!

С а ш о к. Шестого мая?

П а в л и к. Угу.

С а ш о к. Пятого она подписала. Подписала и на следующий день получила. Вот дела!

П а в л и к. Вы о чем?

С а ш о к. Она вас полюбила, да?

П а в л и к. Кто?

С а ш о к. Дарья Павловна. Даша.

П а в л и к. Она мне об этом говорит каждый день.

С а ш о к. А вы счастья не нашли?

П а в л и к. Никакого счастья!

С а ш о к. А как женщина? Ну, в постели она вас радует?

П а в л и к. Товарищ Александр, не будем об этом! Я стараюсь. Если я живу с женщиной в одной, простите, кровати, то что мне остается. Я стараюсь. Но это меня морально разрушает!

Слышно, как хлопает дверь. В комнату входит Дарья Павловна. Сашка она еще не видит.

Д а ш а. Павлик! Ты скучал без меня?

(Тут она замечает Сашку.)

Д а ш а. Это что за номер? Телевизионный мастер, да? Я вас на ту неделю вызывала.

С а ш о к. Мне поговорить надо. По личному вопросу.

Д а ш а. Погоди!

(Она подходит к мужу, берет в ладони его лицо, глядя в глаза.)

Д а ш а. На тебе лица нет. Буквально нет лица. Ты опять переживал? Эта гадюка опять звонила?

П а в л и к. Никто мне не звонил. Мне сюда никто никогда не звонит.

Д а ш а. Молчи, по глазам вижу, что звонила. Так что в следующий раз ты скажи ей, что если будет телефон обрывать, я ей ноги из задницы выдеру! Ясно?

П а в л и к. Честное слово, она ни разу не звонила!

Д а ш а. Значит, еще хуже — ты сам звонил!

(Она подходит к резному буфету, открывает его, там обнаруживается множество лекарств. Она вытаскивает несколько бутылочек и упаковок.)

Д а ш а. Сейчас выпьешь успокаивающего. Принеси воды. Только кипяченой.

Павлик покорно идет на кухню.

Д а ш а. Что за личное дело? Быстро.

С а ш о к. У меня есть для вас записка...

Возвращается Павлик.

Д а ш а. Открой рот.

Тот покорно открывает рот. Даша засыпает в рот таблетки.

Д а ш а. Запивай. Все проглотил? За щекой не оставил? Дай-ка пощупаю. А то потом выплюнешь. Я тебя, котик, уже всего изучила. Вчера смотрю, в унитазе две таблетки лежат. Фээргевские, представляете?

П а в л и к. Я все проглотил.

Даша ловко сжимает пальцами щеки Павлика, так что тот открывает рот, и по-вороньи заглядывает внутрь.

Д а ш а. Молодец.

(Она обнимает Павлика и прижимает к себе. Страстно целует его.)

Д а ш а. Я хочу тебя, мое счастье!

Сашок закашлялся, напоминая о себе.

Д а ш а *(отпускает Павлика)*. Ты еще здесь? Ладно. Павлик, иди в спальню, и ложись. Я проверю. У тебя мертвый час.

П а в л и к. Даша, мне надо обязательно кончить статью.

Д а ш а. Не будешь же ты печатать, когда мы разговариваем! Иди спать. Иди, мое солнышко.

Павлик уходит.

Д а ш а. Ну, выкладывай, быстро.

С а ш о к. Я по поводу расписки. Той самой, которую вы дали товарищу Д.

Д а ш а. Что? *(Подбегает к двери, закрывает ее, потом говорит почти шепотом.)* Что? Что-нибудь неправильно? Если что, я перепишу.

С а ш о к. Нет, все в порядке, не волнуйтесь. Я ее вам обратно принес.

Д а ш а. Как так принес?

С а ш о к. Нашел на улице и принес. Чтобы вы ее уничтожили.

Д а ш а. Зачем уничтожила?

С а ш о к. Ну чтобы это самое... чтобы душу спасти.

Д а ш а. Шутишь, что ли?.. Ага, я знаю откуда ты!

С а ш о к. Нет, я не из органов.

Д а ш а. Из каких таких органов? Ты от этой гадюки! От Вики! Как она узнала? Ну? Пришибу!

С а ш о к. Хватит меня пришибать. Все сразу — пришибать. Я сам по себе. Я пришел вам помочь. Вы даже не представляете, как это опасно, — вы же теперь остались без души. И это видно.

(Сашок показывает в сторону двери.)

Д а ш а. Нет, голубчик, не провоцируй меня. Обратного хода не будет! Я на жертвы пошла. Я отдала свою душу ради простого человеческого счастья! Ради того, чтобы сделать одного дорогого мне человека счастливым. И учтите, Павлика я никому не отдам. Я его на ключ запру, я ему, если надо, глаза выколю. Но не отдам! Я его обогрела, одела, отмыла — ты не представляешь, каким запущенным он мне достался. Так что катись отсюда, голубчик, со своими гнусными предложениями.

С а ш о к. Внесем ясность. Я теперь понимаю, что вы обменяли свою душу за Павлика. И думаете, что сделали его счастливым.

Д а ш а. Может, он это еще не всегда понимает. Но поймет.

С а ш о к. Ничего он не поймет, только с ума сойдет. Неужели вы не видите, что вы его в тюрьму взяли? Что он несчастный, даже плачет. Он своей Сонечке звонит, про уроки спрашивает.

Д а ш а. Чего? Сонечке звонит! Тайком от меня? Он же мне обещал!

(Даша бросается к спальне. Но Павлик уже вышел и стоит босиком в дверях.)

П а в л и к. Ты мне хотела что-то сказать?

Д а ш а. Я хотела тебе сказать, что ты низкий предатель. Что ты не ценишь любви! Что ты ничего не понимаешь — я отдала тебе душу и тело.

С а ш о к. По части тела это, наверное, правда, а вот душу она отдала не вам...

Д а ш а. Молчать! Убью!

(Даша хватается со стола торшер и как фурия несется на Сашку. Тот отпрянул, отступает к двери.)

П а в л и к. Дашенька! Не волнуйся! Тебе вредно! Молодой человек, уходите!.. Мы сами разберемся...

Д а ш а. Убью! Грабитель!

Сашок ретируется. Он стоит на лестнице перед входной дверью в квартиру. Размышляет. Перебирает листочки.

С а ш о к. Может, хватит? Если расписались, значит, им так хотелось... А может, еще одну попробовать? Ведь есть же человек, который раскаялся, мучается, а я приду и скажу — вот ваше спасение... Ну, ладно, в последний раз!

(Сашок уходит. Через несколько секунд дверь осторожно приоткрывается, в нее высовывается голова Даши с телефоном в руке.)

Д а ш а. Нет, ушел уже... Лет за тридцать, среднего росточка, в джинсовом костюме, поношенном, совершенно не про-

изводит никакого впечатления. Ну что вы, я сразу доложила... как можно, я понимаю, что испытание! Надеюсь, я его выдержала? С честью? Ну, слава... нет, нет я не произношу этого слова, только когда волнуюсь. Слушаюсь, сразу доложу!

Дверь захлопывается.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Квартира современная, как говорится, после «евроремонта». Итальянская мебель, палас, на стене нечто купленное на вернисаже, но во всем — беспорядок. Господин Нечипоренко собирается за рубеж. Господин Нечипоренко пытается закрыть чемодан, он уж и прыгает на нем, и садится, и тянет на себя.

Нечипоренко. Кисуля! Кисуля, помоги мне, ангел мой!

Лариса отвечает из кухни.

Лариса. Иду, моя пташка! Только курочку поставлю в гриль.

Звонит телефон.

Нечипоренко. Меня нет дома!

Телефон перестает звонить. Нечипоренко замирает. Из кухни кричит Лариса, которая там взяла отводную трубку.

Лариса. Тебя Матвей Фомич.

Нечипоренко. Матвей Фомич, как приятно слышать твой голос! Да, вот собираюсь, готовлюсь... Присяду на дорожку, обязательно присяду. Ну что ты, я вообще почти не употребляю... шутишь, Матвей, у меня молодая жена красавица, расстанусь с ней — с болью в сердце... А может, у тебя будут пожелания? Как отсталая страна? Там камешки есть, очень неплохие камешки. Меня они не интересуют, а тебе могли бы пригодиться? Ну как хочешь. Буду помнить, буду,

ты тоже молись. Спасибо. Ты не представляешь, с каким чувством внутреннего удовлетворения я принимаю твои сердечные напутствия! *(Кидает трубку на рычаг.)* Какая сволочь! Он же на место министра связи с Западом метит! А ведь инструкторами в соседних райкомах работали. Комса, молодая, чистая...

(Набирает номер.)

Не ч и п о р е н к о. Виктор? Это я, Семен. Слушай, мне эта сволочь Матвей позвонил. Скажи, что ему от меня нужно? Ты так думаешь? Так вот, ты будешь в парламенте? Подойди к нему так незаметно... ну ты умеешь. Подойди и скажи — чтобы под Нечипоренку не копать. Он тоже копнуть может. И пускай Матвей со своей сраной фракцией и не пыжится! Он не представляет, какая у меня крыша! Я не сегодня-завтра буду президентом. А что? Нет, я не задаюсь. Я рассуждаю трезво. Какая сейчас ведущая идея? Идея — национальная! Кто сейчас нужен? Патриот. А кто первый патриот — я, мой голубчик, я! Да ты не рассуждай, не рассуждай, ты подойди так тихонечко к Матюше и скажи — Сеня велел кланяться. Ну лады, лады. Я тебе камушки привезу. Там, говорят, дешевые опалы. Нет, я икру беру, они там на икру хорошо клюют. Водка наша уже не в моде. Нет, не беспокойся, привезу. Высшего сорта. Так что я тебя оставляю, так сказать, в лавке. Чтобы все было как штык! *(Вешает трубку. Он устал. Закуривает.)* Никому нельзя верить.

Л а р и с а *(выглядывает из кухни)*. Сейчас цыпленочек будет готов. Две минутки. Да на тебе лица нет.

Не ч и п о р е н к о. Ты мне лучше помоги чемодан застегнуть.

Они наваливаются на крышку чемодана вдвоем.

Не ч и п о р е н к о. И кому это нужно? И смокинг, и причиндалы!

Л а р и с а. Ты теперь — государственная фигура, мой кисонька. Терпи. Я тоже буду терпеть.

Не ч и п о р е н к о. Да держи ты, размазня! В президентши намылилась?

Л а р и с а. А то что? Могу и получше найти. Ты же знаешь, меня президент Неустройбанка вчера на презентации за ляжки хватал.

Н е ч и п о р е н к о. Это ты всерьез?

Потом они стараются застегнуть чемодан так, что получается нечто вроде танца под разговор.

Л а р и с а. Еще как всерьез.

Раздается звонок в дверь.

Н е ч и п о р е н к о. Это ко мне, от Сидорова. Ты иди на кухню.

Лариса уходит. Чемодан сразу открывается. Какие-то книги, бумаги выползают наружу. Нечипоренко бросается было ловить их, потом машет рукой и спешит к двери. Входит Сашок.

С а ш о к. Я к вам на минутку.

Н е ч и п о р е н к о. И без тебя знаю, что не обедать. Принес?

С а ш о к. Принес. А он вам уже звонил?

Н е ч и п о р е н к о. Звонил, еще утром звонил. За мной вот-вот машина придет, а тебя все нету. Где?

С а ш о к (*хлопает себя по карману*). Вот здесь.

Н е ч и п о р е н к о. Сколько же их там у тебя? Я десяток банок заказывал.

С а ш о к. Банок?

Н е ч и п о р е н к о. Десять банок свежайшей черной икры, спецпосола, в подарок от Сидорова. Ну что ты уставился как баран на новые ворота? Некогда мне с тобой расслаживаться. За мной сейчас машина придет.

С а ш о к. Не знаю я Сидорова. В глаза его не видел. Я другое имел в виду.

Н е ч и п о р е н к о. Черт знает что! Это уже граничит с издевательством! У меня нет ни одной свободной минуты, а ты приходишь неизвестно с чем.

С а ш о к. Я в ваших интересах пришел.

Нечипоренко. В моих интересах взять у тебя десять банок икры и успеть к самолету.

Сашок. И куда самолет?

Нечипоренко. В Нью-Дели с пересадкой до Бутана. Меня ждет общественность этого небольшого, но свободолюбивого государства.

Сашок. Я не от Сидорова. Я по делу товарища Д.

Нечипоренко. В каком смысле... по делу товарища Д? Вы хотите сказать, что его... того? А вы подумали, что скажут дерьмократические газеты?

Сашок. Ничего не случилось с вашим товарищем Д. Гуляет на свободе.

Нечипоренко. Мне он с самого начала не понравился. Что-то в нем не наше, вы меня понимаете.

(Нечипоренко, размышляя, рассказывает по комнате, поглядывая на Сашка, потому что еще не решил, как себя вести.)

Сашок. Зачем же вы расписку подписывали? Крови своей не пожалели?

Нечипоренко кладет на телефон подушку с дивана.

Нечипоренко. Я буду с вами предельно откровенен. Я не знаю никакого товарища Д. Я никогда не имел счастья встречать товарища Д. Я даже на расстоянии не видел товарища Д... Я не понимаю, что меня, депутата Государственной Думы от Христианско-национального союза, может связывать с каким-то товарищем Д?

Сашок. Настоящий депутат? Так вы за душу депутатство получили?

Нечипоренко. Во-первых, я уже был депутатом. Во-вторых, я выполнил свои обязательства перед товарищем Д. Ко мне не может быть претензий.

Сашок. А он чего-то просил?

Нечипоренко. Никто ничего у меня не просил. *(Телефон начинает звонить из-под подушки.)* Меня нет дома! Никому!

Телефон перестает звонить. Слышен голос из кухни, но трудно разобрать, что там говорят.

С а ш о к. И не переживаете?

Н е ч и п о р е н к о. В каком смысле?

С а ш о к. Что без души остались? Все-таки народный избранник, да еще от Христианско-национальной партии. Вам без души никак нельзя!

Н е ч и п о р е н к о. Тшшш! У меня жена такой ранимый человек! Она может услышать... это ее погубит. Даже предстоящая разлука со мной для нее невыносимая травма.

С а ш о к. Ну вот, все-таки переживаете. Наверное, вы не потерянный человек, если о других думаете.

Н е ч и п о р е н к о. Я всегда о других думаю. Я профессионально о других думаю. Но мне нечего скрывать. Я русский человек с большой буквы.

С а ш о к. Вот и замечательно. Значит, я по правильному адресу пришел. У меня для вас большая радость.

Н е ч и п о р е н к о. Еще чего не хватало!

С а ш о к. Вы душу продавали?

Н е ч и п о р е н к о. Тише!

Из кухни доносится голос Ларисы.

Л а р и с а. У меня все готово!

Н е ч и п о р е н к о. Подожди. У меня конфиденциальный разговор.

С а ш о к. Кто у вас там?

Н е ч и п о р е н к о. Жена. А что?

С а ш о к. Голос знакомый. Ладно, вернемся к нашим баранам. Вы душу продавали?

Н е ч и п о р е н к о. Никогда! Я ее уступал из благородных побуждений.

С а ш о к. Вот она, ваша душа, держите.

Неверными движениями Нечипоренко отыскивает на диване пиджак, достает из кармана очки, надевает их и начинает читать расписку. Руки его трясутся.

Н е ч и п о р е н к о. А где печать? Здесь нет печати.

С а ш о к. Разве вам мало? Ваша расписка? Тогда берите.

Н е ч и п о р е н к о. То есть как так берите?

С а ш о к. Берите, а то уйду.

Н е ч и п о р е н к о. И что я вам за это должен?

С а ш о к. Спасибо.

Н е ч и п о р е н к о. Товарищ, каким образом эта грязная писулька попала к вам в руки?

С а ш о к. Самым простым. Шел по улице, увидел бумажку, отнес хозяину.

Н е ч и п о р е н к о. Возьмите ее и никогда больше не подсовывайте мне фальшивок. Я же знаю, что это работа Матвея.

С а ш о к. Да не знаю я Матвея.

Н е ч и п о р е н к о. Тогда еще хуже — демократов? Признавайтесь, чья это провокация?

С а ш о к. Делайте вы, что хотите, а я пошел.

Н е ч и п о р е н к о. Стойте! Должен ли я вас понимать в том смысле, что вы не от товарища Д? И не от Матвея? И не от Гайдара? Правда ли, что вы заявили сюда по собственной инициативе?

С а ш о к. Все. Я пошел.

Нечипоренко замерев смотрит на то, как Сашок идет к двери.

Н е ч и п о р е н к о. Гражданин, вернитесь! Вы забыли здесь свою бумаженцию!

С а ш о к. Это же ваша бумаженция. Можете анализ крови сделать.

Н е ч и п о р е н к о. Вы меня неправильно поняли. Я вам уже ясно выразился. Я — член центрального комитета Христианско-националистической партии и член думской комиссии по культам, достаточно ясно сказал, что все написанное в этой бумажке — чепуха. Ха-ха — че-пу-ха!

С а ш о к. А чего написано?

Н е ч и п о р е н к о. Провокатор!

Сашок идет к двери, Нечипоренко догоняет его и пытается всучить ему расписку, Сашок сопротивляется.

Так они и борются в дверях, как семья Лаокоонов. В этот момент в комнату входит Лариса. Увидев, что его жена в комнате, Нечипоренко отчаянным усилием заталкивает бумажку в карман Сашку, а сам отскакивает обратно. Лариса, конечно же, сразу узнает Сашка.

Л а р и с а. Сашок? Что ты здесь делаешь?

С а ш о к. Да так... зашел по делу.

Л а р и с а. Выслеживал, да? Ревнуешь, поганец? Думаешь, откупаться буду?

Нечипоренко хватается за сердце и пошатывается.

Н е ч и п о р е н к о. Я ничего не понимаю. Мне плохо! У меня приступ ишемической болезни сердца!

Л а р и с а. В спальне, в моей тумбочке валидол. Пойди, положи под язык, пройдет.

Н е ч и п о р е н к о. Нет, сначала пускай он убирается вон!

Л а р и с а. Он у меня как миленький уберется!

Нечипоренко уходит в другую комнату.

Л а р и с а. Ну что, не ожидал? Думал, что я такого же, как ты, плебея выберу? Это с моими-то внешними данными! Ты что, забыл, что я в Таганроге на конкурсе красоты вице-мисс была? Как ты опустился! Выслеживать любимую женщину!

С а ш о к. Ничего ты не поняла, Ларка. Я знал, что у тебя муж, но не интересовался. Ты же все равно отрезанный лоскут. На что мне?

Л а р и с а. На то, чтобы шантажировать мое счастье.

С а ш о к. Шантажировать? Лариска, ты же меня знаешь!

Л а р и с а. Но если не шантажировать, то зачем? Зачем приперся?

С а ш о к. У меня было личное дело. К господину Нечипоренко. Вот и пришел.

Л а р и с а. Что же это, прости, за дело, если ты внешне здорового человека довел до сердечного приступа? А что, если врачи его снимут с самолета? Ты что не понимаешь, на что пришлось Сене пойти, чтобы получить государственный визит на уровне министра? Ты подумай, кому в Бутане нужны наши националисты? Ты не представляешь, какой титанический труд мы совершили с Сеней? Одних презентаций около сорока! А ты... из жалкой ревности! Ну зачем ты так низко пал, Сашок?

С а ш о к. Честное пионерское слово. Под салютом всех вождей — помнишь, так меня бабушка учила?

Л а р и с а. Ты свою покойную бабушку не тронь. Она настоящей пионеркой была! А ты докатился до банального шпионажа. Любишь, что ли?

С а ш о к. Кого? Тебя?

Л а р и с а. Значит, любишь... Нет, не любишь! Любил бы — не пил! Любил бы — устроился на хорошую работу. Не разрывал бы мое сердце! Ты думаешь, я от тебя по доброй воле ушла? Да ты своим поведением толкнул меня к этому трагическому поступку!

С а ш о к. Да не люблю я тебя! Ушла — и слава Богу. Я как раз собрался новую жизнь начать. Только без тебя.

Л а р и с а. Не любишь?

С а ш о к. Не люблю.

Л а р и с а. А раньше что говорил?

С а ш о к. Раньше любил.

Л а р и с а. И ничего в твоём сердце не осталось?

С а ш о к. Ты пойми — я к твоему Сене пришел, а не к тебе. Я и не знал, что ты здесь теперь живешь. И не интересовался. Я к нему пришел!

Л а р и с а. Какие могут быть дела у почти бомжа к члену парламента и будущему президенту!.. Ага, ты от Сидорова! Ну от того, который взятки черной икрой дает! Неужели нанялся разносить?

С а ш о к. Бери выше. Я разносчик, но у такого хозяина, что ты умерла бы от зависти.

Л а р и с а. Нет, опять врешь. Если бы ты у Сидорова работал, то с утра на лавочке бы не ошивался, рубли бы не стрелял.

С а ш о к. Сказать тебе? Честно?

Л а р и с а. Честность — лучшее оружие!

С а ш о к. Я от товарища Д.

Л а р и с а. Это еще кто такой?

С а ш о к. А в вашей семье о нем никогда не говорили? Подумай хорошенько. Неужели от тебя скрывают такие знакомства?

Нечипоренко возвращается в комнату.

Нечипоренко. Я все слышал! Не впутывайте Ларису и свои грязные интриги. Она в самом деле никогда ничего не слышала о товарище Д. Лариса — женщина сильных и чистых чувств.

Сашок. Это как так?

Лариса. Ты всегда был подлецом. Сеня, молчи, он все равно не поймет.

Нечипоренко. Мне все известно. Мне известно, что вы были тем камнем на Ларисиной шее, который тянул ее все дальше, вниз. Теперь, когда она избавилась от камня, вы нашли ее. Деньги? Вам нужны деньги?

Лариса. На что ему деньги? Он все пропьет.

Нечипоренко. Сколько вам нужно? Только учтите, что все мои деньги я зарабатываю честным путем, у нас с Ларисой каждый доллар на счету. Я не могу подвести моих спонсоров. Но ради спасения счастья нашей семьи я готов вам заплатить.

(Он обнимает Ларису за плечи и тянет к себе. Лариса сопротивляется.)

Сашок. И сколько стоит счастье вашей семьи? Мне только что в одном доме за это лимон предлагали.

Нечипоренко. Лариса, он сошел с ума!

Сашок. Ну вот, оказывается, что Лариска этого не стоит.

Нечипоренко. Чувствами не торгую!

Сашок. Ну не съездите разок в этот ваш Непал...

Нечипоренко. Бутан!

Сашок. А деньги мне отдадите...

Нечипоренко. Вы ничего не понимаете! Для нашего движения принципиально важно укрепить сейчас союз со здоровыми силами в Бутане!

Сашок. Лариска, он за тебя и рубля не даст!

Нечипоренко. Вон! Вон отсюда, пока я не вызвал милицию! Вы не представляете, какие у меня связи!

Сашок. Значит, расписку оставляем у меня? Ну и Бог с вами. Только я должен предупредить тебя, Лариска, что ты связалась с человеком, у которого нет души. Продал он душу!

Л а р и с а. Я сюда не за душой пришла. Мне человек нужен!

Н е ч и п о р е н к о. Я категорически отрицаю существование души как объекта купли и продажи. Еще в бытность мою инструктором горкома...

Л а р и с а. Сеня, ты переутомился.

Н е ч и п о р е н к о. Я вообще никогда и ничего не продаю. Я не склонен вступать в темные сделки. Вы забываете, что я народный избранник!

С а ш о к. Типичный клиент дьявола.

Л а р и с а. При чем здесь душа? При чем здесь дьявол? Сеня, ты можешь мне объяснить?

Н е ч и п о р е н к о. Не бойся, дорогая, я тебя не отдам тому подонку!

С а ш о к. Ну я пошел. Расписку куда отдадим? На телевидение или в газету «Совершенно секретно»?

Н е ч и п о р е н к о. Куда угодно! Мы будем смеяться вам в лицо. Вот так: ха-ха-ха!.. Лариса, у тебя курица горит! Неужели ты не чувствуешь?

Л а р и с а. Да пускай она горит синим пламенем! Я хочу знать, что здесь происходит?

Н е ч и п о р е н к о. Ничего не происходит. Я не позволю тебе устраивать свидания с бывшими мужьями в моей квартире.

Л а р и с а. Я устраиваю свидания с кем хочу и тебя не спрашиваю. Кстати, эта квартира наполовину моя!

Н е ч и п о р е н к о. Так... а может, ты вышла за меня из-за денег? Может быть, ты — часть этого злодейского заговора?

Дым заволакивает комнату.

Л а р и с а. А из-за чего? Из-за твоих прекрасных глаз, что ли? Тоже мне, хахаль нашелся! Маленький гигант большого секса!

Н е ч и п о р е н к о. Я не вернусь к тебе из Бутана!

Л а р и с а. И не старайся. Меня ты здесь не найдешь!

С а ш о к. Я пойду плиту выключу, ладно? *(Уходит на*

Нечипоренко. О, я наивный человек! Я пошел на сделку с собственной совестью ради министерского кресла. Для тебя, ведьма, для тебя!

Лариса. Врешь! Как всегда, врешь! Всю жизнь врал. Я тебе нужна, чтобы по презентациям таскать! А будет выгодно, ты меня в постель бандиту подложишь.

Нечипоренко. Я все понял — это у тебя нет души!

Лариса. Даже не знаю, чем ты еще не торговал!

Звонит телефон. Но звонит странно, как звонок в квартиру.

Сашок *(из кухни)*. Открыть?

Нечипоренко. Всем стоять! Это Он звонит. Это его звонок!

Лариса. Не подходи. Я с тобой разговариваю. Потом пускай перезвонит.

Нечипоренко поднимает трубку.

Нечипоренко. Депутат Нечипоренко у телефона... Так точно, он здесь! Я как раз хотел выразить вам свое мнение — я крайне удивлен, как могло случиться, что совершенно конфиденциальная информация просочилась к некомпетентным людям?.. Какое испытание? Меня не надо испытывать! Моя преданность не вызывает сомнения.

Сашок входит из кухни и слушает разговор.

Нечипоренко. Но что мне теперь делать? Как так ничего не делать? Меры приняты? Понял... Я на вас надеюсь... Нет, никакие сомнения меня не посещали. Ну как можно! До встречи в Бутане? Вы и там будете?.. Спасибо, вы сняли такой груз с моей души... ха-ха, конечно же, не с моей, а с вашей!

(Положив трубку, продолжает, обращаясь к слушателям.)

Нечипоренко. Вот все и обошлось. Вот и ладушки.

Лариса рыдает на диване.

Лариса. Не подходи, убью!

Нечипоренко. Это нервы, моя кисочка. Но ты и меня должна понять. Я на взводе — через час машина, самолет ждать не будет... а тут такое нелепое событие. Лариса...

С а ш о к. Я пошел?

Н е ч и п о р е н к о. Вы еще здесь, молодой человек?

С а ш о к. Значит, она вам больше не нужна?

Н е ч и п о р е н к о. Вы кого имеете в виду? Если Ларису, то мы и без вас разберемся, Дон Жуан доморощенный!

С а ш о к. Вы отлично знаете, что я не Ларису имел в виду. Что вам Лариса — нужно будет, смените ее на другую кисочку или зяблика. А вот второй расписки не будет. Душа у человека одна. Она дается ему только раз в жизни.

Н е ч и п о р е н к о. Философия вам не к лицу. Небось, ПТУ кончали?

С а ш о к. Нет, десять классов одолел.

Л а р и с а. Не слушай его, Сеня, его со второго курса университета выгнали.

С а ш о к. По-моему, супруги помирились. У тебя на кухне все выгорело.

Л а р и с а. Сеня, я сделаю тебе бутерброд с колбасой. *(Убегает на кухню.)*

Н е ч и п о р е н к о. Идите, идите, рыцарь. Вас уже ждут.

С а ш о к. Где ждут? Внизу или в подъезде?

Н е ч и п о р е н к о. Где нужно, там и ждут.

С а ш о к. А что? Может, даже интересно. Встретимся, поговорим. *(Идет к двери.)*

Н е ч и п о р е н к о. Я вам не завидую.

С а ш о к. В худшем случае расстанусь с телом. Душу прибережем. А вам уже торговать нечем.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Шашлычная на открытом воздухе. Круглые столики под белыми с красным зонтами, реклама «Кока-колы», «Мальборо», «Употребляйте «ксилит» без сахара». Посланец Сидорова с «дипломатом», в котором лежат банки с икрой, сидит за столиком и пьет пиво. За другим столом две молодые женщины. В сторонке стоит телефон-автомат. В нем Тамара. Входит Сашок. Он нервничает, оглядывается. Он ждет встречи с дьяволом и трепещет перед ней. За стойкой вялый молодой человек в красной футболке с надписью «Мальборо». Сашок подходит к стойке.

С а ш о к. «Жигулевское» есть?

Б а р м е н. Не держим. Могу предложить «Баварию» или «Гиннесс».

С а ш о к. На два бакса!

Бармен открывает бутылку и пододвигает к Сашку, не скрывая своего презрения. Тамара выходит из будки, роется в сумочке. Сашок смотрит на нее. Тамара обращается к бармену.

Т а м а р а. Простите, у вас жетона для телефона не будет?

Б а р м е н. Не держим.

Сашок перегибается через стойку.

С а ш о к. А там разве не жетоны?

Б а р м е н. Не суйтесь, гражданин, куда не просят.

Сашок хватает один жетон, передает Тамаре.

С а ш о к (*бармену*). Это как раз моя сдача.

Б а р м е н. Вот позову сейчас милицию!

С а ш о к. Зови.

(Берет бутылку и идет к столику. Тамара спешит за ним и протягивает ему две банкноты.)

Т а м а р а. Возьмите, пожалуйста, две тысячи. Я вам так благодарна.

С а ш о к. На что мне ваши рубли? Да я при желании вас золотом осыплю.

Т а м а р а. Тем более возьмите. Мне не нужно золото.

С а ш о к. Если у вас проблемы, наша фирма вам поможет.

Тамара кладет деньги на столик, за который уселся Сашок, и сама спешит к телефону. Входит дьявол. Он выглядит несколько иначе, чем при первом появлении. Он в черных очках, у него загнутые, как у Сальвадора Дали, усы. Он подходит к стойке, делая вид, что никого не видит. Сашок смотрит ему вслед. Он узнал. Дьявол смотрит на Тамару.

Т а м а р а. Тогда я вам из дома позвоню. Спасибо, что хотели мне помочь...

(Она выскальзывает из будки и спешит прочь. Сашок встает было и хочет уйти, но потом меняет решение, садится вновь, наливает из бутылочки в бумажный стаканчик и пьет маленькими глотками.)

Д ь я в о л. Большой «Будвайзер» и омара пожирнее.

Бармен суетится, хлопает дверцей холодильника, наливает из бутылки, звенит тарелками.

Б а р м е н. А шашлычка не желаете? Из вырезки. Сам привез. Так и чувствовал, что заглянете.

Д ь я в о л. Омары не выносят шашлыков.

Б а р м е н. Вам креслице вынести?

Д ь я в о л. Нет, я попросту, инкогнито. Я тут друга встретил, хочу поговорить в уединении.

(Дьявол подходит к столику Сашка, с милой улыбкой обращается к нему.)

Д ь я в о л. Вы позволите мне присоединиться, Александр Сергеевич?

С а ш о к. Милости прошу. Не знаю только, как вас называть.

Д ь я в о л. В этом мое преимущество перед вами.

С а ш о к. Ну тогда считайте, что мы познакомились.

Дьявол. А вы, я вижу, с чувством юмора.

Бармен выбегает из-за стойки, несет большую тарелку с омаром. Неуловимым движением стелет на стол скатерть, так что бутылочка Сашка перекочевывает на нее. Бармен накрывает на стол.

Сашок. У вас связи.

Дьявол. У меня везде связи. Без этого нельзя. Лишь страх рождает власть.

Сашок. Винтовка рождает власть.

Дьявол. Хорошо сказано. Кто сказал?

Сашок. Забыл я.

Дьявол. Беда с вами. Даже врать толком не умеете. Но меня-то вы, Александр Сергеевич, узнали?

Сашок. Как же можно!

Дьявол. А почему не трепещете?

Сашок. Я уже думал об этом. Наверное, потому, что мне нечего терять. Вот все люди вокруг, они перед вами на коленках. Они боятся, что вы их разлюбите, отнимете у них конфетку. А у меня нет конфетки.

Дьявол. Вранье! Каждому есть что терять. Одному — жене, другому — деньги, тебе — здоровье, жизнь! Всякому есть что терять.

Сашок. Вам тоже?

Дьявол. Как ни странно, мне тоже. Только позвольте мне не сознаваться, что именно. Попробуйте омара, чудесный омар, только вчера плескался в Бискайском заливе. Знаете, я — поклонник рыночных отношений. При них проще. Десять лет назад я мог кушать такого же омара, но для этого надо было проникать в закрытый буфет Центрального Комитета. И жевать его тайком от народа. А это так утомительно!

Сашок. Вкусно. Как рак, только нежнее. И мяса больше.

Дьявол. Не стесняйся. Мы живем только дважды.

Сашок. Плагиат.

Дьявол. Не знаю такого слова, но я придумал это выражение лет шестьсот назад. Иногда так скучно все знать заранее!

Сашок. Если знали, зачем придумывали? Или вы только шестьсот лет назад родились?

Дьявол. Не говори глупостей. По сути вещей, мои возможности велики, громадны, но не безграничны.

Сашок. Это я понимаю — иначе зачем бумажник терять?

Дьявол. Пей пиво, пей. У Геры прямая труба из Мюнхена. Туда идет наш природный газ, а обратно — пиво для моего потребления.

Сашок. Не хочется отвечать, не надо.

Дьявол. Почему не хочется? Очень даже хочется.

Сашок. И как же вы умудрились бумажник потерять?

Дьявол. Большинство моих клиентов, надо сказать, отдают мне души за бесценок. Даже удивительно, чем их можно соблазнить.

Сашок. Ну понимаю, с каждым может случиться накладка.

Дьявол. Я могу совершать ошибки. Но даже в этих ошибках я велик. Исправляя их, я исправляю Вселенную.

Сашок. Не убедили вы меня.

Дьявол. Пейте пиво.

Сашок. Пью.

Дьявол. И мне не верите?

Сашок. А почему вы должны мне правду говорить, если она для вас невыгодна? Может, вы и не дьявол вовсе?

Дьявол. Что-то подобное вам внушила алкоголичка-библиотекарша из шестого подъезда. Я — инопланетный пришелец. Зачем тогда мне ваши души?

Сашок. А кто сказал, что вы в самом деле купили души?

Дьявол. Вы сегодня были в трех домах. Во всех трех случаях я выполнил мою сторону договора. Спикухин уже настолько обнаглел, что купил Дом-музей Толстого в Ясной Поляне, а денег не заплатил.

Сашок. На что ему дом-музей?

Дьявол. Казино открывает. «Под колесами электрички».

Сашок. Врешь. Не было тогда электричек.

Дьявол. Это мы с тобой знаем, а Спикухин из второго класса за хулиганство вылетел. Он до Толстого не добрался... А что, Толстой в самом деле был приличным писателем?

Сашок. Я давно его не перечитывал.

Дьявол. С вами, интеллигент, все ясно.

Сашок. Омар приличный.

Дьявол. Приличный, приличный. Посмотрим, кто у нас еще? Дарья Павловна? Дарья Павловна тоже получила, что хотела.

Сашок. Ее Павлик по семье переживает. Тайком дочке звонит.

Дьявол. Трогательно, просто жуть. Но это его проблемы. Переходим к вашему сопернику.

Сашок. А вы знаете, что у нас жена общая?

Дьявол. Я бы не назвал ее общей. Она принадлежит Нечипоренко душой и телом. Вас там не предусмотрено.

Сашок. Да стоит мне свистнуть...

Дьявол. Не горячитесь. Я могу вам помочь. Если переживаете, отдайте мне вашу душу, получите Ларису. И кинем мы этого депутата.

Сашок. Вы здесь все с ума посходили. Да я только-только вздохнул по-человечески и чтобы снова в этот ад крошечный возвращаться? Нет уж, пускай Нечипоренко расхлебывает.

Дьявол. А какая женщина! Второе место, вице-мисс Таганрога!

Сашок. Проехали.

Дьявол. Ничего подобного. Мне вашу душу захотелось.

Сашок. Вам зачем?

Дьявол. Да поймите вы — это моя работа. И оценивается она по числу уловленных душ. Чем больше вас, грешных, тем больше у меня шансов получить повышение. Я же — черт служивый, извините за выражение. И жизнь у меня хоть и не бесконечная, но не всегда сладкая.

Сашок. А за потерю бумажника получите выговор?

Дьявол. Лучше, чтобы об этом у нас не узнали.

Сашок. Черт, скажи мне...

Дьявол. Все-таки я не черт. Черты — существа простые, шантрапа. Я же своего рода интеллигент. Я дьявол с перс-

пективами на получение высокого разряда. И на брудершафт с тобой не пил.

С а ш о к. Если ты такой интеллигент, то скажи мне — есть в самом деле душа или нет?

Д ь я в о л. Тут вступает в дело чувство. Скажи, вот ты как сам чувствуешь?

С а ш о к. По-разному. Когда в школе учился, у нас Витьку Горюнова из пионеров выгнали, когда он сказал, что в Бога верит. Тогда я, конечно, не верил. А вот когда увидел, как руководство нашей страны по свечке взяло и в церковь пова-лило, то засомневался. А теперь не знаю.

Д ь я в о л. А мое существование тебе не подсказывает?

С а ш о к. А может, вы в самом деле инопланетянин? Или фокусник? Дэвид Копперфильд из Одессы?

Д ь я в о л. А ну-ка брось свои улыбочки! Я — абсолютное зло. И если мы с тобой попали временно в комическую ситуацию — ах, дяденька, бумажник посеял! — то учти, что я своих ошибок не повторяю. А раз я зло, то расплачиваются за мои ошибки другие. И последнее: душа есть. У твоих новых знакомых она была и теперь лежит в моем холодильнике. А свою душу ты мне отдашь добровольно. Еще пива!

Бармен будто ждал сигнала на старте, мчитя с пивом. Посланец Сидорова слышал последние слова Дьявола и испугался. Он спешит, допивает пиво.

Д ь я в о л. Все вы выращены в атмосфере атеизма. Значит, ваш разум не утверждает себя в борьбе и сомнениях, а кушает манную кашу трусливых безбожников. Получается любопытный парадокс: с одной стороны, все знают, что души нет, потому с младенчества учили. С другой — недавно им сообщили, что душа все-таки есть, но сказали об этом самые бездуховные люди на свете. Так что теперь вы подозреваете о существовании души, но как постыдной субстанции — чего-то вроде хвоста.

С а ш о к. У вас есть хвост?

Д ь я в о л. Давай не отвлекаться. Я хотел сказать, что ваши души — как бы мертвые души. Ты читал гениальный роман Николая Васильевича?

С а ш о к. «Мертвые души»?

Д ь я в о л. У нас пользуется спросом... Мои клиенты воспринимают мое появление как игру. Они догадываются, что я, как Чичиков, скупаю нечто несуществующее, а потому не ценное. Значит, это — игра. А раз игра, то почему не принять участие? Почему не поставить на кон такую безделицу? Я говорю: принимаю вашу ставку, товарищ! А за фикцию я вам подарю нечто настоящее, реальное — деньги, власть, жратву, порнуху! Обмен, с нашей точки зрения, неэквивалентный. Вы все уверены, что меня обдурили... Как мне славно скупать души в мире, где их нет! Я так распустился, что стал бумажники раскидывать! Шутка.

С а ш о к. А некоторые не думают, что продешевили?

Д ь я в о л. Человек — великий самоутешитель. Спикухин безобразничает, а сам себя утешает: значит, мои конкуренты меня пожалели, или у них зрение испортилось. Или даже, может, я стал таким крутым, что все бандиты Москвы от меня разбежались. Я — везунчик! Или возьмем Геворкяна... Он ходит и думает — и как вовремя моя жена умерла от естественных причин!

С а ш о к. Геворкяна не знаю.

Д ь я в о л. Значит, еще не успел познакомиться. Мерзопакостный тип.

С а ш о к. Я предлагал, но никто не захотел расписку сжечь. Удивительно?

Д ь я в о л. А тут вступает в дело другая логика: а вдруг этот самый дьявол есть? А вдруг я ему в самом деле продал душу? Нет, лучше не рисковать. И они сразу к телефону бегут — спрашивают: это испытание? Ведь они не могут поверить, что я «посеял» их бумажник, потому что не придавал ему значения. Ведь сама расписка ничего не стоит. Она — формальность. Душа — в надежном месте. С распиской ли, без — ты мой раб. Но рабы бывают разные. Бывает просто раб, а бывает друг. Помощник, который и сам имеет шансы получить бессмертие. Сашок, уступи мне свою душу.

Становится темнее, будто кафе накрыла туча. Дьявол говорит словно в рупор.

Дьявол. Будешь моим спутником, как доктор Фауст! Весь мир мы с тобой облетим! Сталин умер бы от зависти. Ты не думай — слово черной силы нерушимо!

Сашок. Я уже много знаю. Меня обмануть трудно.

Дьявол. Много знаешь? Чепуха! Есть душа или нет?

Сашок. Не знаю.

Дьявол. Вот видишь, до чего тебя честность довела.

Сашок. Ну есть, есть, есть! Но ведь не ты правишь миром!

Дьявол. На этот счет существуют различные мнения. Например, некто утверждал, что владыкой мира будет труд. Нелепо, правда?

Сашок. Я пойду, ладно?

Дьявол. Трусишка ты, вот кто. Ну постарайся поглядеть на себя разумным взором. Жизнь у тебя не удалась. Тебе скоро сорок, а ничего, кроме комнаты в общей квартире, ты не заработал. Механик ты плохой, не любишь ты свою работу. Вспомни, как ты сегодня утром с друзьями рубли на выпивку собирал. Лариску ты любил... не отмахивайся, и сейчас любишь. А ушла она от тебя. К недостойному хмырю ушла. Без моей помощи новую бабу тебе не найти.

Сашок. Не тороплюсь.

Дьявол. Материальное положение мы исправим немедленно. *(Вытаскивает из кармана толстую пачку долларов и кладет перед Сашком.)*

Сашок. Вроде бы вы обо мне все узнали, а ничего не понимаете.

Дьявол. Томление духа, да? Лермонтов нашелся! Так мы тебя быстро на наш свет отправим. Из гранатомета в лоб! Но есть альтернатива!

Дьявол поднимает руку и шелкает пальцами. Бармен несет к ним с подносом, уставленным бутылками и банками с пивом, — мечта современного алкоголика. Поставщик от Сидорова с поклоном открывает «дипломат», и из него высыпаются банки с черной икрой. Две девушки, что сидели за крайним столиком, сбрасывают верхние одежды и начинают исполнять фротический танец, грохочет музыка. Это такая небольшая вакханалия городского масштаба, исполненная во вкусе нового русского.

Дьявол. Еще женщин! Красавиц! Фотомоделей!

Сашок. Стойте, стойте, мы о главном не подумали.

Дьявол. Я думаю обо всем.

Сашок. Я не могу продать вам душу. При всем желании.

Дьявол. Этого быть не может!

Сашок. Мне же ничего от вас не нужно! В самом деле. Вы в душу к человеку влазить умеете? Что там у меня? Какое желание? Не даром же мне ее вам отдавать.

Дьявол (*человеку Сидорова*). Давай, собирай свои банки и брысь к Нечипоренке, он уже извелся. Музыка, стоп! Девки, одевайтесь, конец комедии. Батька думать будет.

Наступает тишина. Девыцы собирают по полу предметы одежды и рассыпанные украшения.

Дьявол. Я тебе делаю предложение. Я тебе дарю вечную молодость.

Сашок. И я помолодею?

Дьявол. Нет, останешься таким как есть. Не такой уж ты и старый.

Сашок. А как я проверю?

Дьявол. Получишь от меня документ. Конечно, не сразу — такие предложения на Земле делаются раз в двести лет. Надо будет утвердить в центре, ну ты понимаешь... Но я на хорошем счету, мне не откажут.

Сашок. Я с самого начала заподозрил — ты не фигура.

Дьявол. Я? Не фигура? Да ты же блоха у моих ног... Как ты посмел!

Дьявол поднимает руку, раздается гром, сверкают молнии, гудит ветер. В ужасе убегает человек Сидорова, прячется за стойку бармен, подхватывая вещи, уносятся девыцы. Сашок пытается прикрыть от бури тарелки.

Сашок. Кончай! Тарелки побьешь! Кончай, Азазела!

Ветер утихомиривается, гром стихает.

Дьявол. Наш разговор не окончен.

Сашок. Всегда рад побеседовать.

Дьявол. Я найду к тебе ход. Сегодня же найду. Это дело моей чести!

С а ш о к. Не исключаю. Может, и найдешь.

Дьявол протягивает руку и шелкает пальцами.

С а ш о к. Конечно, совсем забыл. Надо же платить за угощение.

(Сашок вынимает расписки, протягивает дьяволу.)

Дьявол. Ты не жалея, все равно никто от расписки не откажется. Я тебе это гарантирую.

С а ш о к. Я уже убедился. Только бумажника у меня нет...

Дьявол. Я его уже вернул.

Дьявол вынимает знакомый нам бумажник и, открыв, вбрасывает в него расписки. Кладет во внутренний карман пиджака.

С а ш о к. Смотри, не «посей» снова.

Дьявол. Попрошу меня не тыкать. Мы с тобой детей не крестили.

С а ш о к. Это вряд ли было возможно.

Дьявол. Не понимаешь разве, что это поговорка? Все-таки ты тупой, Сашок.

С а ш о к. Значит, не потеряешь?

Дьявол. Я ошибаюсь только раз.

С а ш о к. Как сапер?

Дьявол. Как командующий фронтом. Платят солдаты... я не прощаюсь.

Гром, молния, темнота. Свет зажигается. Дьявола нет.

С а ш о к. Ну что за любовь к дешевым световым эффектам!

Все тихо, мирно, бармен за стойкой протирает стаканы. Входит Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна. Сашок! Ты живой?

С а ш о к. Что со мной сделается, тетя Оля?

Ольга Ивановна. Я тебя умоляю! Если ты еще не ходил по этим адресам, забудь! Не суйся туда ни в коем случае!

С а ш о к *(бармену)*. Два пива попрошу.

Бармен *(не глядя)*. Пива не завезли.

С а ш о к. Я кому говорю?!

Бармен. Простите, обознался.

Ольга Ивановна. Сашок, да послушай ты! Ты же не представляешь!

Сашок (*бармену*). Спасибо, сколько я должен?

Бармен. Не беспокойтесь, за все заплачено.

Сашок. Так что у вас стряслось?

Ольга Ивановна. Женя... Женя тот бумажник к магазину понес. Я рядом стояла. Как вот с тобой. Он покупателя нашел, вынимает бумажник... Я собственными глазами видела, протягивает он бумажник, а покупатель превратился в крокодила. Представляешь? Он пасть раскрыл и бумажник цапнул. Наш Женя кричит крокодилу: «Ты куда, гадюка? Отдай вещь»... И тут наш Женя вспыхнул синим пламенем, ну точно как газовая конфорка. Охватил огонь нашего Женю...

Сашок. При чем тут крокодил? Он сильно обгорел?

Бармен. Бабка твоя рехнулась.

Ольга Ивановна. В больницу отвезли. Я в «скорой» была...

Сашок. Может, кровь надо сдавать?

Ольга Ивановна. Спасибо, не нужно... скончался наш Женя.

(*Она отхлебывает пиво из кружки.*)

Сашок. Женька? Умер? Ты уверена?

Ольга Ивановна пьет пиво и, всхлипывая, кивает.

Ольга Ивановна. Против этой силы нельзя подниматься... Не знаю, пришелец он или крокодил, но он сильнее нас.

Сашок. Ничего себе, друг у меня. Будешь, говорит, помощником. Жабой?

Ольга Ивановна. Ты что говоришь? Ты не переживай.

Сашок. Не нужна мне ваша вечная молодость! Я тебе покажу! Я тебе такого черта покажу!

Бармен. Товарищ, у нас не выражаются.

Сашок. Да заплачу я тебе за пиво, заплачу...

Бармен. У тебя денег нет. Иди, уже закрыто.

(*Он опускает железные жалюзи.*)

Ольга Ивановна. Сашок, ты не переживай. Все мы порем.

Сашок вытаскивает из кармана бумажку, смотрит на нее с удивлением.

Сашок. Забыл отдать... это же надо! Или это не случайность? Он же не может всегда побеждать.

Ольга Ивановна. Сашок, миленький, скажи старухе, что ты задумал?

Сашок. Он думает, что я под кровать спрячусь. Тетя Оля, уходи от греха подальше.

(Он убегает со сцены. Ольга Ивановна смотрит ему вслед. Бармен выбирается из-за стойки и бежит к телефону-автомату.)

Ольга Ивановна. Спешешь сообщить?

Бармен. Я вас не понимаю.

(Кидает жетон и набирает номер.)

Ольга Ивановна подходит ближе.

Бармен. Занято.

Ольга Ивановна. Одумайся, молодой человек. Доносчики плохо кончают.

Бармен. А что я могу? Мне приказано. Вы не знаете, какая это сила!

Ольга Ивановна. Дай-ка.

(Она берет у него трубку и резко рвет на себя. Трубка отлетает. Ольга Ивановна кидает ее в сторону.)

Бармен. Дура! Ты понимаешь, в какое положение меня поставила?!

(Он бежит со сцены.)

Ольга Ивановна. Боюсь, что мне тебя не догнать.

(Бежит следом за ним.)

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Звучат телефонные звонки. Слышно, как набирают номер телефона, слышны сигналы занято, сигналы свободно и тот особый сигнал, которым звонит дьявол. Квартира Тамары мала, стандартна — впрочем, мы можем о ней лишь догадываться по тесноте в махонькой прихожей и малогабаритной кухне. Квартира пуста. Слышно, как звонит телефон — особенным, дьявольским звонком. Но никто не отвечает. Когда телефон прекращает звонить, слышно, как поворачивается ключ в замке. Входит Тамара. Она заносит на кухню тяжелую сумку с продуктами, затем быстро раздевается, снова бежит на кухню, включает плиту, заскакивает в туалет, выбегает. Картина «хозяйка дома спешит приготовить обед». Когда она рубит капусту, раздаётся звонок в дверь.

Т а м а р а. Ой! Я ничего не успела.

(Бежит к двери, открывает ее. За дверью Сашок.)

Т а м а р а. Это вы?

С а ш о к. А вы что, здесь живете? Ну, совпадение!

Т а м а р а. Если вы за жетоном... *(И тут же сама смеется.)*

С а ш о к. Почти что за жетоном. С процентами. Можно к вам?

Т а м а р а. А что случилось?

С а ш о к. Ничего не случилось.

Т а м а р а. Только правду! Что с Мариночкой?

С а ш о к. С Мариночкой, наверное, ничего. Дело у меня к вам. Личное.

Т а м а р а. Чего же мы здесь стоим? Заходите на кухню, ничего? Я обед готовлю.

С а ш о к. Отлично. Я же на минутку.

Т а м а р а. Может, вам чаю сделать?

С а ш о к. Нет, не стоит.

Т а м а р а. Вы говорите, говорите, а я буду заниматься, ничего?

С а ш о к. Нормально. Так вы будете Тамара Викторовна?

Т а м а р а. Конечно, я.

С а ш о к. А другой Тамары Викторовны здесь не проживает?

Т а м а р а. Ни в коем случае. Вы очень странный. Вас как зовут?

С а ш о к. Александр. Можно — Сашок.

Т а м а р а. Мне не нравится Сашок. В нем что-то детское. Можно, я вас буду Александром называть?

С а ш о к. Ничего не понимаю. Все вроде сходится и ничего не сходится. Вам кто-нибудь звонил? Предупреждал?

Т а м а р а. Вы меня пугаете. Я же только что перед вами пришла.

С а ш о к. Это хорошо.

Т а м а р а. Вы, пожалуйста, говорите, зачем пришли. Это не значит, что я против. Я очень рада, что вы пришли. Вы мне симпатичны. Но вы так странно себя ведете, что я начинаю бояться.

С а ш о к. Ладно. Лучше сразу разругать. Скажите мне, Тамара, вы душу кому-нибудь продавали в последнее время?

Т а м а р а. Ах! Это ужасно, да?

С а ш о к. Вы знаете товарища Д?

Т а м а р а. Да... знаю.

С а ш о к. Я вам обратно расписку принес. Берите свою душу.

Т а м а р а *(по инерции продолжает чистить картошку, сама того не замечая)*. Ой, как плохо... я такая невезучая! Значит, он передумал?

С а ш о к. Никто ничего не передумал. Все в порядке. Ко мне попала ваша расписка. В ней написано, что вы продали душу этому самому товарищу Д. А я нашел. Случайно нашел. Я сразу несколько расписок нашел. Сначала я к другим людям пошел, и знаете, никто не захотел свою душу обратно взять. Я думал — ну и ладно, пускай живут как хотят. Хочешь лучше человеку сделать, а он буквально на тебя с топором. Я все расписки сдал ему обратно, а одна случайно осталась. Ваша. Я бы, может, и не поехал. Но сильно рассердился. На товарища Д. Он моего знакомого погубил. И я тогда решил — нет, хоть одного человека спасу! Не может же быть, чтобы все были Спикухиными?

Т а м а р а. Какими?

С а ш о к. Не важно. А теперь я рад. Может, он меня и прикончит, но я хоть одного человека спасу. Берите расписку. Жгите.

(Он кладет расписку на стол.)

С а ш о к. Все. Вы свободны, Тамара! А я пошел! Только сожгите или в унитаз. А то он снова заберет.

Тамара стоит, прижав к груди кухонное полотенце. В глазах ужас.

С а ш о к. Что? Не хотите? Что вас держит?

Т а м а р а. Мариночка... Мариночка моя, доченька...

С а ш о к. Что с ней?

Т а м а р а. Она могла погибнуть. Честное слово.

(Тамара рыдает, и Сашок не выдерживает, подходит ближе. Тамара склоняет голову ему на грудь и тихо плачет.)

С а ш о к. Ну ладно, ну обойдется... я же не знал.

Т а м а р а. Я Мариночку без отца растила, все ей отдавала... а когда это случилось, я поняла, что лучше сама умру... И тут он пришел, этот товарищ Д. И предложил мне помочь. Он спас моего ребенка. Неужели моя душа стоит дороже, чем счастье ребенка?

С а ш о к. А вы-то в душу верите?

Т а м а р а. Конечно, верю... и очень боюсь... Так страшно, так страшно!

С а ш о к. Ну ничего, Том, мы придумаем что-нибудь!

Т а м а р а. Нет, пожалуйста, Александр, отдайте ему расписку. Пускай все останется, как прежде. Не губите моего ребенка!

С а ш о к. Том, ты не думай... я же понимаю... Я, прости, не в курсе. Я думал, ты, как остальные, для себя. А как девочка, выздоровела?

Т а м а р а. Что? Выздоровела?

Звонок в дверь. Сашок насторожился. Прижался спиной к косяку двери. Тамара метнулась к двери. Сашок схватил со стола расписку. Сжал в кулак. Звонок звучит оглушительно, с надрывом.

С а ш о к. Погоди, если за мной... меня нет! *(Он пытается удержать Тамару.)*

Т а м а р а (*вырывается*). Нет-нет, это она, она пришла.

Сашок хватает скалку. Ждет. Тамара открывает дверь. Входит Мариночка. Ей лет двенадцать. Она в роскошной спортивной куртке, джинсах, через плечо сумка с теннисными ракетками. Никаких следов страшной болезни.

Т а м а р а. Мариночка, ну как? Что нового?

М а р и н а. Мазер, я смертельно устала. Не приставай с вопросами.

Т а м а р а. Конечно, дай я тебе помогу раздеться.

М а р и н а. А это что за явление?

Т а м а р а. Это ко мне, дядя Александр. Он по делу.

М а р и н а. Привет. Вид не фирменный. Так, стирол без сахара...

Т а м а р а. Сейчас поужинаешь, я цветную капусту купила...

М а р и н а. Быстренько, котлету и фрукты. Я убегаю.

Т а м а р а. Куда? У тебя же режим.

Марина направляется к ванной.

М а р и н а. Мама, не выступай. Меня ребята ждут — у Светки Поляковой видео будем смотреть. Шестая серия «Звездных войн».

Т а м а р а (*пока дочь в ванной, она накрывает*). Вы меня простите, Александр, мы с вами потом чайку попьем, вы не сердитесь, пожалуйста.

Дочь выходит из ванной, вытирает руки, кидает полотенце на спинку стула, осматривает стол, как гроссмейстер шахматный столик.

М а р и н а. Манго купила?

Т а м а р а. Нет манго, деточка, я на рынке была, а манго нету. Я завтра куплю.

М а р и н а (*усаживаясь за стол и принимаясь за еду*). Только учти, если Евгения Осиповна узнает, как в доме обеспечивают мою диету, она будет недовольна!

(*Тут Марина замечает, что Сашок стоит все в той же странной позе у стены со скалкой в руке.*)

М а р и н а. А может быть, вы грабитель? Только у нас грабить нечего, кроме моих ракеток.

Т а м а р а. У нас очень хорошие ракетки. Настоящий «дан-лоп».

С а ш о к (*смущенно кладя на место скалку*). Неужели настоящий?

М а р и н а. Вы мамин сексуальный партнер? Да не надо краснеть!

Т а м а р а. Дочка, ну разве можно?

М а р и н а. Я не возражаю. Хоть меня, скажу я вам, нашли в капусте. Где сок?

Тамара протягивает стакан. Саша кивает ей — не переживай!

М а р и н а. На нитраты проверяла?

Т а м а р а. Конечно, доченька.

М а р и н а (*выпивает сок на ходу*). Привет, мазер! Счастли-во развлекаться с дядей Александром!

Т а м а р а. Но ты не поздно придешь? Ты же еще уроки не делала.

М а р и н а. Переживут. Они должны гордиться тем, что я учусь в этой школе. А то Евгения Осиповна меня быстро переводит в другую. Где понимают.

Т а м а р а. Тебя завтра могут вызвать...

(*Она бежит за Мариной в прихожую.*)

Т а м а р а. Ты мне обязательно позвони. Если будешь задерживаться, то позвони.

Хлопает дверь. Тамара так и остается стоять перед дверью, держа стакан с недопитым соком, что Марина сунула ей, уходя. Тамара возвращается на кухню, она очень устала и грустна.

С а ш о к. Ну я пойду, ладно?

(*Он держит расписку в руке.*)

Т а м а р а. Вы меня извините...

С а ш о к. Только скажите, какой болезнью ваша дочка страдала?

Т а м а р а. Страдала? Какой болезнью?

С а ш о к. Но вы же душу отдали? За что?

Т а м а р а. Ах, вы меня не поняли. У Мариночки талант. Она может стать большой теннисисткой. Это все тренеры гово-

рили. Но она была в тупике. Она занималась у Тропинина, а это не дает никаких шансов. Был только один выход — устроиться к Евгении Осиповне. Но вы представляете, что это значит?

С а ш о к. Совсем не представляю.

Т а м а р а. У Евгении Осиповны министры в очереди годами стоят! Она трех чемпионок Союза вырастила. Это школа! Школа!.. Но как мне было попасть к ней?

С а ш о к. Ясно. А я думал — смертельная болезнь.

Т а м а р а. Типун вам на язык!

С а ш о к. И из-за этого вы...

Тамара склоняет голову.

С а ш о к. Да это же последняя глупость! Тупость какая-то!

Раздается телефонный звонок. Тот самый, дьявольский. Тамара хочет идти к телефону.

С а ш о к. Не бери трубку! Это меня ищут!

Т а м а р а. Но это он, товарищ Д! Я не могу. В любую минуту он может передумать...

С а ш о к. Не пушу.

(Обнимает Тамару.)

Она вырывается. Но в какой-то момент встречается взглядом с Сашком и замирает, как пойманная птичка.

Т а м а р а. Не надо... Александр. Пожалуйста, не надо...

Но они остаются стоять в объятиях. Телефон взвизгивает и замолкает. После паузы Тамара осторожно освобождается. Сашок делает шаг в сторону.

С а ш о к. Не зря я все-таки назло ему пошел.

Т а м а р а. Почему назло?

С а ш о к. Сейчас он меня на улице подстержет. Пойду я.

Т а м а р а. Александр, не уходите, пожалуйста. Еще немножко. Мне что-то так страшно. Давайте чаю попьем.

С а ш о к. Я обязательно приду. Ты просто не понимаешь, что случилось. Он мне говорил — что у меня нет смысла в жизни. Теперь есть!

Т а м а р а. А какой смысл?

С а ш о к. Потом скажу. Вот записка. *(Он снова кладет ее на стол.)* Сожги ее. А я пойду, приму огонь. Не хочу их на тебя выводить.

Т а м а р а. А может быть, все же останетесь...

(Она идет за ним в прихожую. Сашок дотрагивается пальцами до ее щеки.)

С а ш о к. Еще не вечер.

(Он открывает дверь. За дверью стоят люди. Они входят в квартиру. Сашок отступает перед ними. Это Спикухин, депутат Нечипоренко, незнакомый человек, бармен, Даша, еще кто-то... В их молчании и уверенном движении есть страшная угроза. Сашок бросается обратно на кухню. Хватает со стола записку. Сжимает в кулаке. Оборачивается. Остальные уже в прихожей. Сашок хватается скалку.)

С п и к у х и н. Брось палку. Не поможет. Нас много, а ты один.

С а ш о к. Не играет значения.

(Он отступает к плите — так что рука сзади над кастрюлями.)

Хлопает дверь. Входит последний — товарищ Д.

Д ь я в о л. Сашок, Сашок, я же тебя предупреждал. Как ты посмел меня обмануть?

С а ш о к. В чем дело?

Д ь я в о л. Как наивно! Как по-человечески. Ты забываешь, что я всеведущ и всесилен.

С а ш о к. Всесильные бумажниками не раскидываются.

Д ь я в о л. Это было испытание. Для тебя и для моих... друзей. Верни добровольно расписку этой женщины, и тогда я решу, как тебя наказать.

Н е ч и п о р е н к о. Давай, давай, у меня через час машина в аэропорт!

С а ш о к. У меня ничего нет.

С п и к у х и н. Врет он! У него! Я по глазам вижу!

Д ь я в о л *(обращаясь к Тамаре)*. Он вернул вам расписку?

Т а м а р а. Я не взяла. Я же понимаю, что нельзя.

Дьявол (*глядит ее по голове*). Молодец, верю, что ты будешь матерью чемпионки Уимблдонского турнира.

(Дьявол обращается к остальным.)

Дьявол. Займитесь им! Чтобы расписку найти! Быстро!

Спикухин. Во рту, во рту смотри!

И вся компания набрасывается на Сашка. Как стая волков, они рвут его. Летят обрывки Сашкиной одежды. Тамара в ужасе отступает, вжимается в стену. Дьявол наблюдает за схваткой, сложив руки на груди и ухмыляясь.

Даша. Он кусается!

Нечипоренко. Вот тебе, вот тебе!

Еще какие-то неразборчивые крики, возня, визг.

Тамара. Нельзя же так. Ну пожалуйста, прекратите!

(Она пытается вмешаться в схватку. Дьявол ее тянет к себе.)

Дьявол. Тамара, не вмешивайся. У него была расписка. Значит, мы должны ее найти. Иначе судьба твоей дочери будет ужасна.

Тамара. Нельзя же человека бить! Давайте я его попрошу — он отдаст.

Дьявол. Поздно.

Резкий уверенный звонок в дверь. Все сразу замирают.

Дьявол. Тамара, открой.

Тамара идет к двери. Дьявол за ней. Остальные кучей держат Сашка. За дверью стоит милиционер.

Тамара. Простите, вам кого?

Милиционер отодвигает ее.

Милиционер. Кого надо. Что здесь происходит?

Дьявол спокойно отодвигается, пропуская милиционера на кухню.

Милиционер. Кто же его так?

Он обводит толпу строгим взглядом, и продавцы душ начинают пяться. Поднимается легкий гул оправданий.

Тамара. Товарищ милиционер, он же ничего плохого не сделал. Пожалуйста, прекратите это безобразие. Ведь интеллигентные люди, а как себя ведут!

М и л и ц и о н е р. Интеллигентные люди ведут себя по-разному, от обстоятельств. *(Оборачивается к Дьяволу.)*

М и л и ц и о н е р. И что, молчит?

Д ь я в о л. Упорствует. Займитесь, пожалуйста. Но чтобы без этого...

М и л и ц и о н е р. Вы же знаете, товарищ Д, мы следов не оставляем. Мы хорошую школу прошли... Лишние — еще шаг в сторону. Дайте мне воздуха и света. Я же работаю, а не в бирюльки играю.

Когда остальные, подвинувшись, вжались в стену кухни, милиционер приподнимает Сашка за ворот и, придерживая рукой, на весу бьет ему в живот. Сашок охает и теряет сознание.

М и л и ц и о н е р. Вот видите.

Д ь я в о л. Хорошая школа. Как следует общите его.

М и л и ц и о н е р. Включая анал?

Д ь я в о л. Я тебя не понял.

М и л и ц и о н е р. Имеется в виду анальное отверстие.

Д ь я в о л. Дурак же ты, сержант. Если бы он... то спустил бы в унитаз. Кому нужна расписка после... простите, анала?

Милиционер начинает обыскивать Сашка. Дьявол отводит в сторону Тамару.

Д ь я в о л. Поймите меня, Тамарочка. Мне не нужна расписка — я не сомневаюсь в вашей преданности.

Т а м а р а. Правильно. Куда же мне теперь без вас?

Д ь я в о л. Но важен принцип. Ни одно хорошее дело не должно остаться безнаказанным. вспомните, к чему он подхитил? Куда мог положить? В туалете он побывал?

Т а м а р а. Ну я, честное слово, не смотрела!

Д ь я в о л. Ложь. Человек впервые в доме. Он всегда спросит у хозяйки, где у вас удобства?

С а ш о к *(приходит в себя)*. Для удобства гостей...

Д ь я в о л. Ну что он говорит? Кто-нибудь понимает?

С а ш о к. *(С трудом.)* Для удобства гостей во всех домах одинаково... не надо спрашивать.

Евгения Осиповна (*незаметно вошла, когда все склонились над Сашком*). Какая чудесная компания! Ты звал меня, мой зайчик?

Дьявол. Вот, полюбуйся!

Тамара. Евгения Осиповна! Я не ожидала! У меня даже не убрано... Вы только не думайте, Мариночки дома нет.

Евгения Осиповна. Вот и славно. Детям вредно смотреть на насилие. Оберегайте, Тамара, идеалы вашего ребенка. Наша с вами задача — сеять доброе и вечное.

Нечипоренко. Я уже буквально опоздал в Бутан.

Дьявол. Вот и повезло тебе.

Нечипоренко. Вы не понимаете. Вы, наверное, забыли...

Дьявол. Я ничего не забываю. И вижу в будущем... через шесть часов, при посадке в Нью-Дели, твой рейс потерпит крушение. Все пассажиры погибнут. Как тебе нравится эта перспектива?

Нечипоренко. Вы уверены?

Дьявол. Если останешься живым, то прочтешь в завтрашней газете.

Нечипоренко. Не может быть! Это какая-то ошибка. Вы не проверите мой билет?

Дьявол (*отводит небрежно руку Нечипоренки в сторону и затем обнимает Евгению Осиповну за плечи. С ней он подчеркнуто нежен, она — не жертва, а приятельница*). Видишь этот полутруп? Он меня обидел.

Евгения Осиповна. И до сих пор жив?

Дьявол. Он мне нужен живым. Я хочу, чтобы он признался, куда спрятал расписку о душе. Будь любезна, лисичка, мобилизуй свою интуицию. Мне нужна твоя интуиция. Куда этот мерзавец спрятал расписку?

Евгения Осиповна присаживается на корточки перед Сашком, брезгливо открывает пальцами ему рот.

Евгения Осиповна. Проглотил, мой мальчик?

С а ш о к. Но я прожевал.

Д ь я в о л. Прямо детский сад!

Н е ч и п о р е н к о. А как же я полечу в Бутан, если мой самолет разобьется?

Д ь я в о л. Погляди в билет. Там завтрашняя дата. Завтра ты летишь, завтра!

Н е ч и п о р е н к о. Но вы гарантируете безопасность?

Д ь я в о л. Какой дурак! А ну пошли все отсюда!

Е в г е н и я О с и п о в н а (*подождет, пока остальные выметутся*). Мне тоже идти, мой зайчик?

Д ь я в о л. Не запирай ночью калитку.

Е в г е н и я О с и п о в н а. У тебя есть золотой ключик, мое сокровище!

(*Евгения Осиповна уходит.*)

Д ь я в о л. Ну и чего же ты добился?

С а ш о к. Я ничего не хотел добиться.

Т а м а р а. Простите, товарищ Дьявол, но я хотела спросить вас о том самолете? Он правда разобьется?

Д ь я в о л. Разумеется.

Т а м а р а. И люди погибнут?

Д ь я в о л. А как же!

Т а м а р а. Но это же такой грех!

Д ь я в о л. Не тебе рассуждать о грехах!

Тамара, рыдая, убегает из комнаты.

Д ь я в о л. Сашок, знаешь, почему я тебя оставил в живых?

С а ш о к. Не знаю.

Д ь я в о л. Потому что я наблюдателен. И знаю, что отныне ты в моей власти.

С а ш о к. Почему?

Д ь я в о л. Ты хвалился тем, что неподвластен мне. Потому что тебе ничего не нужно. Теперь все изменилось.

С а ш о к. Ну отстаньте от нее! У вас и без нас столько душ!

Д ь я в о л. Мне очень не хватает твоей души. Я даже не стал отнимать у тебя ее расписку, когда мы были в кафе. Я

позволил тебе прийти сюда и пожалеть ее... Ну как, сейчас будем писать или погодим?

С а ш о к. Ничего у вас не выйдет.

Д ь я в о л. Зря, что ли, тебя колотили?

С а ш о к. Ничего не изменилось.

Д ь я в о л. Еще два часа назад тебе было все равно, попадет ли Тамара под машину или выиграет сто тысяч в лотерею. Изобьют ли Мариночку хулиганы или она станет чемпионкой России. А теперь ты отдашь мне душу. Если не сейчас, то через два дня. Ты подаришь мне свою бессмертную душу за безопасность этих двух неблагодарных куриц, которых ты будешь лелеять остаток своей короткой жизни. И до последнего мига будешь ломать голову, судьба ли их бережет или заложенная твоя душа. До свидания, Сашок! Скоро увидимся.

(Дьявол уходит.)

Сашок подходит к окну и смотрит ему вслед. Затем открывает крышку кастрюли.

С а ш о к. Тамара, иди сюда, я тебе фокус покажу.

Входит Тамара, прижимая к лицу платок.

Т а м а р а. Он ушел?

С а ш о к. С концами.

(Сашок опускает пальцы в суп и достает оттуда мокрую бумажку.)

Т а м а р а. Это что такое?

С а ш о к. Твое проклятие, твое тяжелое прошлое. Твоя расписка! В суп они поглядеть не догадались!

Т а м а р а. Сашок, не надо! Не надо его сердить.

С а ш о к. Надо.

(Он идет в туалет, открывает дверь и спускает воду.)

Т а м а р а. Ты ужасный человек... ты всех нас загубил.

С а ш о к. Пусть другие живут без душ. Но ты должна иметь душу. Ты же мать! Какой пример ты ребенку даешь?

Т а м а р а. Александр, как вы можете!

С а ш о к. Тома, талант в нашем обществе всегда пробьет дорогу. В любой секции.

Т а м а р а. Евгения Осиповна ее выгонит.

С а ш о к. А я никогда не доверю ей нашего ребенка. И я уж прослежу за этим. Главное — ребенку нужна твердая рука. Ребенку нужен отец.

Т а м а р а. Александр, неужели вы не понимаете...

С а ш о к. Тома, слушай меня внимательно. Нельзя бояться. Он же не всесильный. Ты же видела, как я его обманул! И сейчас я сорву другую его операцию.

(Сашок подходит к телефону и набирает номер.)

С а ш о к. Это аэропорт Шереметьево-2? Слушайте меня внимательно. В самолет, вылетающий через час в Нью-Дели, заложена бомба. Это не розыгрыш. Это серьезно.

Т а м а р а. Вы такой смелый. Они проверят? И найдут?

С а ш о к. Наверняка проверят. Они обязаны. Иди, согрей суп. Я страшно проголодался.

Т а м а р а. Сначала я вам ванну напущу и раны промою. Вы не стесняетесь?

С а ш о к. Наоборот. Помнишь, как меня Маринка определила?

Т а м а р а. Помолчи раз в жизни!

Они уходят в ванную. Шумит вода. Громко шумит, так что когда телефон начинает звонить, особенным дьявольским звонком, они не слышат. Телефон звонит снова. Обычным звонком. Перед дверью в квартиру появляются омоновцы в масках. К двери подходит Марина, которая возвращается домой.

М а р и н а. Вы что здесь делаете?

О м о н о в е ц в м а с к е. Отойди, девочка. Сейчас здесь стрельба будет.

М а р и н а. Это очень любопытно. А почему?

О м о н о в е ц. А потому, что здесь заперся террорист, который заложил бомбу в самолет Москва — Нью-Дели.

М а р и н а. И взорвалась?

О м о н о в е ц. В последний момент успели обезвредить.

М а р и н а. Наверное, это новый мамин знакомый. Он с первой минуты мне показался подозрительным. Сексуальный маньяк.

(Марина ключом открывает дверь.)

Омоновцы падают на пол. Из ванной выходит Сашок, и полотенце на плечах. Немая сцена. И в тишине начинает звонить телефон. Подьявольски, особым звонком.

Занавес.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ
КИР БУЛЬЧЕВ

ИМЕНИНЫ ГОСПОЖИ
ВОРЧАЛКИНОЙ

КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ
С ЭПИЛОГОМ

ОБЪЯСНЕНИЕ

В 1771 году русская императрица Екатерина II попала в Ярославле в чумной карантин. За недели вынужденного бездействия она написала несколько пьес. Сегодня эти пьесы трудно читать и вряд ли возможно поставить на сцене. И хоть во многом они превосходили творения русских драматургов XVIII века, за пределами своего времени они не существуют.

Я прочел одну из этих пьес — «Именины госпожи Ворчалкиной» и, сохранив название, изобретателя, двух дочерей и мысль об отмене свадеб, написал новую пьесу. Императрица благосклонно согласилась на мое соавторство, а также на появление в пьесе исторических персон, о которых в 1771 году она и представления не имела.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ворчалкина Акулина Панкратьевна. Вдовая помещица средней руки, сорока с лишним лет, блюстительница обычаев. Бережлива и порой скаредна. Себе на уме.

Христина. Старшая дочь Ворчалкиной. Резка в движениях, быстра в походке. Предпочитает конную езду и охоту мужскому обществу. Туманно мечтает о судьбе амазонки.

Прелеста. Младшая дочь Ворчалкиной. Существо нежное, трепетное и влюбленное в бедного солдата Гавриила Романовича Державина.

Державин Гавриил Романович. Солдат Преображенского полка на побывке по болезни у своего дядюшки Дремова. Влюблен в Прелесту и мечтает о близости с Евтерпой. Армейская карьера его не привлекает, хотя на вид он брав и воинственен.

Радищев Саша. Юноша шестнадцати лет, родственник Ворчалкиной, пребывающий у нее на время семейных неурядиц дома. Склонен к радикальному образу мыслей.

Некопейкин Сидор Иванович. Разорившийся купец, прожектер, слоняется по господским усадьбам, а уж на именинах хоть и нежеланный, но первый гость.

Дремов Серафим Пантелеевич. Дядя Гавриила Державина, сосед Ворчалкиной и давнишний ее приятель. Резонер и добряк.

Ф е н т и ф л ю ш и н Амадей Семенович. Сосед Ворчалкиной. Уверяет, что получил титул маркиза от неаполитанского короля за таинственные заслуги. Почти разорен, но скрывает свое прискорбное состояние.

Гремышин Константин Игнатьевич. Помещик. Надеется поправить дела с помощью приданого дочери Ворчалкиной.

Петрова Анна Петровна. Молодая женщина приятной внешности и обхождения. Жертва печальных обстоятельств.

Матрена Даниловна. Ее тетка, статная, как императрица. Сопровождает племянницу в путешествии.

Граф Владимир Орлов. Министр. Друг императрицы. Вернулся из Лейпцига, где изучал право.

Слуги, челядь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Ворчалкиной. Просторно, но небогато. Судя по окнам, этот барский дом недалеко ушел от большой избы.

За окном вечер, снег.

Прелеста стоит у окна, вглядывается в синеву.

С а ш а сидит на диване в изяшной позе и читает книгу.

Прелеста. Показалось. Я думала, что дремовский колокольчик узнала. Ты меня слышишь?

С а ш а. Я тебя не слушаю. Хоть ты мне и кузина, но девушка неумная и влюбленная.

Прелеста. Ты ужасный нахал, Саша. Но скажи мне искренне, есть ли на свете настоящая чистая любовь?

С а ш а. Ты не знаешь жизни, Прелеста. На смену векам идеальным пришло время холодного расчета и корыстолюбия. Как я жалею иногда, что поздно родился! Все революции позади, все великие люди померли.

Прелеста. А ты?

С а ш а. Мне уже шестнадцать, а я еще ни одного подвига не совершил.

Прелеста. Саш, а Саш, скажи, бывает чистая любовь?

С а ш а. Ты хочешь спросить, бывает ли чистая любовь у солдата к помещичьей дочке?

Прелеста. Гаврила не солдат, а капрал.

С а ш а. Все равно — народная косточка, обреченная всю жизнь тянуть лямку бедняка. Может ли солдат думать о любви!

Прелеста. А он такой умный и такой красивый...

Входит Христина в костюме для верховой езды с хлыстом в руке.

Христина. Это кто у нас красивый?

С а ш а. Она о Гавриле переживает.

Христина. Выбирать себе мужчину по красоте безнравственно. Ведь ты, сестра, надеюсь, не коня выбираешь!

Прелеста. Христя, как можно возлюбленного мужчину с конем равнять?!

Христина. Конь — благородное животное. А любой мужчина — жалкий обманщик. Ему бы плод сорвать, нашим сладким соком упиться, а потом шкурку на помойку выкинуть.

Саша. Браво, Христя!

Христина. А ты не думай, Саша, что отличаешься от остальных мужчин чем-то, кроме возраста. Еще год-два — и станешь таким же, как Гремыхин.

Саша. Только не это!

Прелеста (*снова вглядывается в синеву за окном*). Ну почему они не едут?

Христина. Погода прегадка! Метель надвигается.

Прелеста. Значит, мне за Гаврилу не выйти?

Саша. И не надейся. Пока твоя мамаша старшую дочку, Христину, с рук скинет, о свадьбе не мечтай. Не положено младшую поперед старшей отдавать.

Прелеста. Христя, выйди замуж, а?

Христина. За кого мне в этой глуши выйти? За Фен-тифлюшина? Пуркуа па, экскьюзе муа! Или за Гремыхина — подать мне кабана на ужин! Нет, лучше уж я буду в одиночестве скакать по полям.

Прелеста достает платочек, вытирает глаза.

Саша. Твой Гаврила нищий солдат. И не быть ему генералом, потому что для генерала ему не хватает батюшки генерала.

Прелеста. Лучше в девках помру, чем от Гаврилы откажусь.

Христина. А я бы желала выйти за девушку, которая верхом умеет скакать, речку переплывает и из пистолета белке в глаз попадает.

Саша. Белку-то зачем убивать?

Христина. Начнем с белки, а кончим мужчинами!

Прелеста (*кидается к окну*). Едут!

Христина (*тоже смотрит в окно*). Вроде бы Фентифлюшин.

Саша. Маркиз самозванный. Лучший жених в этих краях. Теперь не почитаешь.

Христина. А ты чем зачитался?

Саша. Плутарх. Читала?

Христина. Только время задаром терять.

Христина и Саша уходят. Прелеста возвращается к окну

С одной стороны входит Фентифлюшин, скидывает шубу на руки слуге, с другой появляется госпожа Ворчалкина. Фентифлюшин целует ей ручку

Фентифлюшин. Не опоздал ли я? Чай, вы уже обедаете?

Ворчалкина. Ну как же без вас за стол садиться?

Фентифлюшин. Ваш дом — сокровище, право! Никогда не опоздаешь! Как он мил! Ма фуа, как он мил! Как не придешь, все вовремя. А во мне такая истома — сейчас бы за стол сесть.

Ворчалкина. Что же такая усталость вас, батюшка, одолела?

Фентифлюшин. Вчера всю ночь в карты играли. Лег я ме куше в шестом часу апре минут. А сегодня такая мигрень, так в носу грустно, что сказать не можно.

Ворчалкина. Может, проследуете за мной принять рюмочку настойки?

Фентифлюшин. О, экселлант! Ваша настойка на всю губернию имеет славу.

Уходят. На пустую сцену выходит Некопейкин. Под мышкой он держит амбарную книгу.

Некопейкин проходит к столику у дивана, на котором стоит ваза с печеньем. Берет печенье, оглядывается, высыпает в карман несколько штук. За этим занятием его и застает Прелеста.

Прелеста. Вы меня удивляете, Сидор Иванович. Зачем себя на позор выставляете? Вас же на именины не звали, а вы явились!

Некопейкин. А скажи мне, Прелеста, чем я хуже всех этих деревенских маркизов? Они все голь перекатная, а я человек выдающийся. Меня могут сенатором назначить, а твой Гаврила все будет в капралах лямку тянуть.

Прелеста. Неправда, Гаврила скоро будет полковником! Он тогда вас выпороть велит!

Некопейкин. Меня пороть нельзя, я лицо купеческого звания.

Прелеста. Купец — так и торгуйте!

(А сама снова к окну бежит. Посмотреть.)

Некопейкин. В любом деле людей много. Толкаются, локтями друг дружку под дых колотят. А у меня профессия особенная. Такого второго нет.

Прелеста. Почему же все говорят, что вы пустой человек?

Некопейкин. А из зависти! Половина злых дел на свете от зависти происходит. У меня, Прелеста, и батюшка был такой же идеалист. Он скончался с честью, хоть и в долговой тюрьме. Меня тоже было в полицию забрали, но по малолетству отпустили. И стал я свободен, правда, безденежен. И нашел в себе особенный талант — составлять проекты. Ты себе представить не можешь, как чист и волен человек, когда пуст карман и кошелек. Да я готов теперь все государство осчастливить, а отдельного человека и подавно! Хочешь, я тебе наугад проект прочту?

Прелеста. Извольте.

Некопейкин *(читает)*. Об употреблении крысыих хвостов с пользой.

Прелеста. Ах, какой ужас!

Некопейкин. В этом проекте я доказываю, что крысыих хвосты можно с пользою употреблять на кораблях вместо тонких веревок. Для длины надобно их свивать с пенькой. А прочность их из того видна, что хвост крысий вдсятеро против толстоты тягость держать может. Случалось ли вам держать крысу за хвост? Она ведь гораздо толще своего хвоста, однако он никогда не оторвется.

Прелеста. Ну хватит, хватит, я поняла.

Некопейкин. А вот государственного значения ты не поняла. Ведь я предвижу великую пользу городу Петербургу от моего проекта. Ловкие люди, чтобы разбогатеть, ударятся в охоту на крыс, которые в результате довольно уменьшатся и меньше пакостей в домах делать будут.

Прелеста. А вы можете проекты о любви делать?

Некопейкин. Проще простого!

Прелеста. Так осчастливьте меня.

Некопейкин. Не могу, так как женат на Марфе Дмитриевне, которая хоть и живет со мной в разлуке, считается законной женой. Несмотря на вашу прелестную красоту, увольте!

Прелеста. Да как вы могли о себе такие надежды иметь! Я люблю Гаврилу Романовича и буду верна ему по гроб жизни. Поэтому я намерена выйти замуж за предмет моей страсти.

Некопейкин. Так он же солдат, без гроша в кармане. Ваша мать никогда не позволит такого мезальянса.

Прелеста. К тому же я младшая сестра. И у меня последняя надежда на ваш проект. Вон сколько их у вас в папке лежит. Поищите для меня спасение!

Некопейкин (*открывает папку и думает*). Разумеется, такой проект у меня быть должен. Где же он... А что я с этого буду иметь?

Прелеста. Я приданое получу. Копейка с рубля будет ваша.

Некопейкин. Копейка с полтинника.

Прелеста. Вы проект отыщите.

Слышен звук колокольчика. Прелеста снова несется к окну.

Прелеста. Ой, это Гремыхин. Видеть его не желаю.
(*Убегает из комнаты.*)

В сенях слышны голоса. В гостиной появляется Ворчалкина. Гремыхин, дородный мужчина средних лет, топчется в дверях, оббивая нагайкой сапоги от снега.

Гремыхин. Поздравляю дорогую хозяйшку!

Ворчалкина. Как погода, как доехали?

Гремышин. Метет, Акулина Панкратьевна. Метет, людей снегом заметает, люди по степи блуждают, по лесу блуждают, готовы Богу душу отдать. Я, можно сказать, спас госпожу Петрову, они с пути сбились и чуть волкам на зуб не попали.

(Жестом приглашает в комнату двух замерзших дам.)

Петрова. Простите нас, ради Бога, но если бы не этот мужественный господин, вернее всего мы попали бы на корм волкам.

Ворчалкина. Господь с вами, что вы говорите! Да вы раздевайтесь, грейтесь, пошли в столовую, наливочки моей попробуете. У меня нынче именины, гостями будете.

Матрена Даниловна. Беда какая! А у нас ни подарочка для вас, ничего нету. Мы налегке путешествуем, из Ярославля, там карантин по поводу чумы. Так что мы собрались в Петербург.

Ворчалкина. У вас там имение будет?

Петрова. Имение наше под Ярославлем, но дела требуют нашего присутствия в столице.

Ворчалкина *(уводя гостей)*. И что же за дела, позвольте полюбопытствовать?

Петрова. Тяжба у нас из-за наследства...

Гремышин следует за женщинами. На сцену выбегает Некопейкин.

Некопейкин. Саша, Сашенька, куда ты запропастился?

Саша. К вашим услугам.

Некопейкин. Серьезное дело наклеывается. У меня есть заказ на проект, а я такого проекта в своей папке найти не могу.

Саша. А я чем могу помочь?

Некопейкин. Третью прибыли твоя.

Саша. Половина. При условии, что дело благородное.

Некопейкин. Третью и ни копейки больше, потому что дело благородное.

Саша. А сколько в этой трети будет?

Некопейкин. Я сам по копейке с рубля получу, а приданое Прелесты, как всем известно, пятнадцать тысяч серебром. Мне — сто пятьдесят целковых, а тебе пятьдесят рублей.

С а ш а. Мало.

Н е к о п е й к и н. Ты не торгуйся, может, и помощи от тебя не дождусь.

С а ш а. Выкладывайте.

Н е к о п е й к и н. Задача: как устроить Прелесте счастье в жизни? Как ее отдать за Гаврилу?

С а ш а. Ничего не выйдет.

Н е к о п е й к и н. За такой пессимистический проект ты и полушки не получишь.

С а ш а. Гаврила тоже ничего не получит. Потому что в нашем государстве бедность — препона на пути к счастью. Бедному человеку пути нет!

Н е к о п е й к и н. А Михайло Ломоносов? Он же академиком стал!

С а ш а. А где второй Ломоносов?

Н е к о п е й к и н. Значит, отказываешься помочь?

С а ш а. Наоборот. Я в шесть лет дал себе клятву — посвящать жизнь освобождению русского народа от гнета помещиков и знати. И для этого потребуются немалые средства.

Н е к о п е й к и н. И какой твой проект?

С а ш а. Украсть невесту и опорочить. Потом тайно обвенчать ее с Гаврилой в соседней деревне.

Н е к о п е й к и н. Ничего из этого не выйдет. Гаврила скорее убьет нас с тобой, чем посмеет покуситься на репутацию Прелесты. Нет, не так он воспитан!

С а ш а. Тогда мою тетку Ворчалкину придется убить.

Н е к о п е й к и н. Зачем?

С а ш а. Есть человек — есть проблема, нет Ворчалкиной — нет проблемы.

Н е к о п е й к и н. А кто ее убивать будет?

С а ш а. Ты и убьешь.

Н е к о п е й к и н. Славно ты устроился. Меня на виселицу поведут, а ты мой гонорариум получишь?

С а ш а. Надо подумать. Я тебе вечером сообщу о своем решении.

Некопейкин. Ох, незадача.

За окном слышен колокольчик. Значит, приехали гости. Саша уходит. В гостиную входят Гавриил с дядей Дремовым. Их встречает Ворчалкина.

Ворчалкина. А вот и самые дорогие гости! Серафим Пантелеевич, неужели собрался почтить вниманием старую каргу?

Дремов. Ну как можно, Акулина! Разве мы с тобой не вчера только босиком по лугам бегали? Жизнь к закату катится, теперь вся она в наших детях... Поздравляем тебя!

Ворчалкина. Что касается детей, то у тебя, старого греховодника, их отродясь не было.

Дремов. Мне Гаврила вместо сына.

Ворчалкина. Не весьма удачный сын.

Дремов. А ты послушай, какие он стихи пишет. На твои именины написал.

Ворчалкина. Ах, мне эти солдатские вирши ни к чему! Пускай твой племянник своим делом занимается. Глядишь, и в офицеры произведут.

Державин. Разрешите, Акулина Панкратьевна! Это короткие стихи.

Ворчалкина. Потом, потом, у меня на кухне пироги вот-вот подгорят. Повар новый, ненадежный. А ты, Серафишка, отведай наливочки с мороза.

Ворчалкина уводит Дремова, а Державин остается в недоумении с бумажкой в руке. От другой двери его рассматривает Анна Петрова.

Анна. И что же за стихи пишет наш капрал?

Державин. Ах, это безделица.

Анна. Впервые вижу солдата, который пишет стихи.

Державин. Они недостойны вашего внимания.

Анна. Я равнодушна к современному стихосложению. Однако предпочитаю французскую поэзию нашей, которая, по мне, слишком тяжеловесна и дидактична. Ни Михаил Васильевич Ломоносов, ни Сумароков не вызывают во мне душевного волнения.

Державин. Я вас понимаю. Пора менять российский стих. Надо приблизить язык поэзии к языку обыденному. Ведь мы с вами говорим просто и понятно.

Анна. Как я вас понимаю!

Входит Прелеста.

Прелеста. Гавриил Романович, я вас заждалась. Как вы могли, приехавши, меня не посетить?

Державин. Любезная моя Прелеста, когда бы мне успеть, если я пять минут как вошел в этот дом?

Прелеста. Ты должен был сломя голову ко мне бежать. Неизвестно, сколько мне осталось жить на этом свете!

Державин. Что случилось? Беда? Болезнь?

Прелеста. Не будь глупеньким! Все куда проще. Как только нас разлучат, я покончу с собой.

Державин. Только не это. Я тут же последую за тобой!

Анна. Молодые люди, вы разрываете мне сердце своими стенаниями. Расскажите, что приключилось? Что за горе вас гложет?

Прелеста. Простите, но я вам не представлена.

Анна. Зовут меня Анной Петровной, я владею имением под Ярославлем, но отправляюсь в Петербург по делам. Едет со мной Матрена Даниловна, моя наперсница и компаньонка.

Матрена Даниловна *(вливает в гостиную с блюдцем, на котором лежит яблоко)*. Откушай, Анюта.

Анна *(берет яблоко)*. А ваша фамилия?

Державин. Капрал Преображенского полка Державин, на побывке у дядюшки. Вскоре возвращаюсь в полк.

Анна. Стихи попрошу!

(Она произносит эти слова так властно, что Державин покоряется.)

Прелеста. Это мне?

Державин. Это поздравление твоей мамаше, которое она принять от меня и даже выслушать не пожелала. Потому что я беден.

Входит Саша Радишев.

С а ш а. Я подтверждаю слова этого бедного солдата. Злонамеренные родители готовы торговать счастьем своих детей ради выгоды и своего благополучия. Вот пример этих голубков. Они ведь могут погибнуть, не расцветши. Нет справедливости в государстве Российском!

М а т р е н а Д а н и л о в н а. Это что еще за Цицерон?

П р е л е с т а. Это Сашенька, наш кузен. Он у нас после пансиона живет.

М а т р е н а Д а н и л о в н а (*похлопывает Сашу по щеке*). А что, он очень мил! Анечка, возьми его себе в пажи.

С а ш а. Я уже паж Христины и верен своей прекрасной даме.

А н н а. Вот какова моя соперница!

Тут и входит Христина в костюме амазонки.

Х р и с т и н а. Кто звал меня?

М а т р е н а Д а н и л о в н а. Еще одно чудо красоты. Ты откуда, дитя?

Х р и с т и н а. Я на конюшню ходила. Что-то лошади волнуются. Метели боятся.

М а т р е н а Д а н и л о в н а. И охота была тебе на мороз выходить? Что, у вас дворовых нету?

Х р и с т и н а. Что они понимают? Это же мужчины!

А н н а. Bravo! В вашем тоне я услышала благородное презрение к мужскому племени.

Х р и с т и н а. Разве это племя заслуживает лучшего отношения?

Анна протягивает ей руку.

А н н а. Я и полчаса в этом доме не нахожусь, а стала обзаводиться друзьями и единомышленниками. Должна признаться, что и сама плохо отношусь к мужскому полу. Потому что я им оскорблена.

М а т р е н а Д а н и л о в н а. Вот именно. Да будь моя воля, я бы ему руки-ноги оторвала! Такой вертопрах, простите за выражение! А так увлекал, так увлекал...

А н н а. Все! Забыли о тяжелом прошлом! Теперь у меня в жизни иная задача. Я должна посвятить себя борьбе за права угнетенных и оскорбленных женщин. Я должна помогать другим людям найти свое счастье!

С а ш а. И кстати, не забудьте о миллионах бедняков, которые питаются редькой и квасом и служат рабами пресыщенным боярам.

А н н а. Bravo! Как это смело! Но боюсь, что в Петербурге такая вольность мыслей не будет иметь успеха.

Входит Некопейкин.

Не ко п е й к и н (*видит только Сашу. Идет на него, как статуя Командора из пьесы «Дон Хуан»*). Есть проект! Я придумал. Отойди, выслушай меня.

С а ш а. Я занят нужным разговором.

Не ко п е й к и н. Неужели тебе неинтересно?

С а ш а. В данный момент нет.

Не ко п е й к и н. И пятьдесят целковых тебе не нужны?

С а ш а. Нет, нет, нет! Принципы не продаются!

А н н а. Что это за господин такого странного облика?

Не ко п е й к и н. Бывший купец второй гильдии Некопейкин, однако сейчас первый в мире составитель проектов.

Христина намеревается уйти. Анна догоняет ее, хватая за руку, привлекает к себе, обнимает за плечи.

А н н а. Не торопись, амазонка. (*Оборачивается к Некопейкину.*) Продолжайте, сударь.

Не ко п е й к и н. В этой амбарной книге сложены дюжины важнейших проектов. Разрешите огласить?

Х р и с т и н а. Он забавный, право.

Не ко п е й к и н. «О действии морем или морским путем против зингорцев». Нет, не то...

А н н а. Вы уж простите мою женскую темноту. Кто же такие зингорцы?

Не ко п е й к и н. А Бог их знает. Вот интересный проект: «Об извозе зимой в степных местах на куропатках, где их много, а лошадей мало».

Матрена Даниловна. Так ты дурак, бабушка?!

Некопейкин. Ни в коем разе! Ценный проект на первый взгляд неучу может показаться неубедительным. На деле же следует заглянуть в его нутро. И вам откроется государственный интерес. Например: «О построении секретного флота».

Саша. Секретного флота? Это что-то мудреное.

Христина. А пользы, как всегда, никакой.

Матрена Даниловна. А ты, божий человек, своими словами нам расскажи да покороче.

Некопейкин. Во-первых, надлежит с крайним секретом и поспешением построить две тысячи линейных столупчатых кораблей. За казенный счет.

Саша. А народ пусть голодает?

Христина. Саша, помолчи. Не старайся быть глупее Некопейкина.

Некопейкин. Ехать на тех кораблях на неизвестные острова, которых в Океане чрезвычайно много, и там променять весь товар на черно-бурых лисиц, коих на тех островах, конечно же, бесчисленное множество. Привезши же эти лисицы сюда, отправить их в Англию, где в них недостаток, и получить более семидесяти миллионов рублей чистого барыша.

Анна. Спасибо, дурак. Мы обязательно еще с тобой поговорим. Ты свободен.

Некопейкин. Нет, я не свободен, потому что должен поделиться одним своим проектом с Сашей.

Саша. Говори при всех. У меня здесь нет секретов.

Некопейкин. Как Гавриилу Романовичу добиться руки Прелесты?

Прелеста. Говори, Некопейкин.

Державин подходит к возлюбленной, и они стоят перед Некопейкиным, взявшись за руки.

Некопейкин. Если на одну невесту отыщется два и более жениха, то лучшего из них следует выбирать на дуэли. Я признаю, что это средство жестокое, приводящее к крово-

пролитию, но, если ограничить себя гуманными мерами, то отвергнутые женихи, оставшись в живых, будут оглашать округу горестными воплями и никакого покоя в мире не будет. А так со смертью каждого второго жениха у невест сомнений не останется.

Прелеста. А если моего Гаврилу убьют?

Некопейкин. Это риск, как в любом новом деле. Но лучше пускай второй, нежеланный, останется, чем никакого.

Матрена Даниловна. А ты дурак, дурак, да хитрый.

Некопейкин. В этом моя беда. Завистники сразу чувствуют величие скромной персоны и кидаются на меня, как стервятники.

Входит Ворчалкина.

Ворчалкина. Дорогих гостей просим в столовую на ужин.

Анна. Акулина Панкратьевна, я тут прочла стихи, написанные по случаю ваших именин достойным молодым человеком, и нашла их заслуживающими внимания. Подарите минуту поэту!

Ворчалкина. Какое там минуту! Пирогі стынут!

Анна. Гавриил Романович, прочитайте, сделайте милость!

Остальные издают возгласы в пользу этих слов, и Ворчалкиной приходится подчиниться.

Державин (*приняв из руки Анны Петровны листок, читает*).

Живущая в кругах небес
У существа существ всех сухих,
Кто свет из вечной тьмы вознес
И твердь воздвиг из бездн борющихся,
Дщерь мудрости, душа богов!
На глас моей звенящей лиры
Оставь гремящие эфиры
И стань среди моих стихов!

Пауза.

Потом раздаются аплодисменты. Аплодируют Анна, Матрена Даниловна, хлопает в ладошки Прелеста, аплодируют Христина и Саша. Некопейкин хотел было захлопать, но перехватил грозный взгляд Ворчалкиной и замер с протянутыми вперед руками.

Ворчалкина. Ну что ж, спасибо, опозорил при всем народе! Такие подлые слова подобрал, такие слова... Как я людям в глаза смотреть буду!

Ворчалкина уходит в столовую. Остальные постепенно тянутся за ней.

Прелеста. Не расстраивайся, Гаврюша. Эта мадам Петрова нарочно заставила тебя стихи читать, чтобы маму раззадорить. Может, она и не желает нашего счастья, а, наоборот, хочет нас погубить!

Анна. Милая девочка, твои слова — полная чепуха. Когда я просила твоего кавалера прочесть стихи, я была уверена, что ледяное сердце мадам Ворчалкиной оттает.

Христина. Наша мама не понимает поэзии. Я тоже не понимаю, но не кричу из-за этого на моих гостей. Может, потом придет какой-нибудь поэт, и мы все начнем стихи читать, а то и писать. Но нам с вами до такого светлого дня не дожить.

Прелеста. Лучше бы ты, Гаврюша, бросил это занятие. Вот и мамочку обидел. И еще многих людей наобижаешь своими виршами. И тебе никогда офицерского чина не получить.

Анна. Ах, нет пророка в своем Отечестве! Вы — люди деревенские, неотесанные, и того не понимаете, что, может, уже грядет на Руси свой первый поэт! Вот этот юноша со взором горящим, может, и есть наш мессия!

Прелеста. Не дай Бог! Вы же не понимаете, Анна Петровна, что такие дикие слова ему, как елей на рану! Он ведь спит и видит, как бы мундир скинуть да опозорить себя и свой род фиглярством. Вы что, хотите, чтобы он приживалкой при богатом барине жил? А я так и ссохлась бы в постылом девичестве?

Анна. Господин Ломоносов в Петербурге академиком стал. Даже Третьяковского в академики выбрали. А чем Гавриил Романович хуже?

Прелеста. Он лучше, клянусь, лучше! А как поскачет впереди своего полка на боевом коне, все женщины России от зависти ко мне полопаются! Я люблю мужчину, а не поэта!

Анна. А ты что думаешь, Гаврила?

Державин. Мне любовь Прелесты всех стихов дороже! Конечно, я буду стремиться к военной карьере. Потерплю. Осел останется ослом, хотя осыпь его звездами. Где должно действовать с умом, он только хлопает ушами. Это я о себе самом сочинил.

Анна. Ну неужели никто здесь не видит, что рождается гений?

Саша. Анна Петровна, не ждите от своих родственников и знакомых понимания великих истин. Не доросли они до этого! Пока Россия сохраняет крепостничество, она останется в стороне от столбовой дороги прогресса, помяните мои слова!

Анна. Ты мне нравишься, паж! Так бы и выпорола тебя!

Прелеста (*тянет Державина к дверям столовой*). Пойдем, пойдем, ты ее не слушай. Она же не понимает, каково нам в провинции жить. И если я тебя себе добуду, то не с ее помощью, а супротив ее желаний, потому что не верю я ей, как ягненок не должен верить волку.

Державин (*уходя следом за возлюбленной*).

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой!
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

Анна. И что ты думаешь, Матрена?

Матрена Даниловна. По всем статьям подходит, по всем буквально статьям, я даже и не ожидала. Однако проверить в действии не представляется возможным.

Анна. Глупая моя, проверять можно, когда он сам попросит.

Они уходят в столовую следом за остальными.

И когда все скрываются в столовой, свет в гостиной становится слабее, а из-за дверей доносится пение скрипки и голоса пирующих. Слышен

чей-то голос: «За здоровье именинницы мужчины пьют стоя! Ура!» Кто-то запекает, перебивая скрипку, звенит посуда, разбился бокал. Создается ощущение того, что гостей куда больше, чем на самом деле.

На просцениум выходят Фентифлюшин с Гремяхиным.

Ф е н т и ф л ю ш и н. Се террибль! Такая, простите, жара немислимая.

Г р е м ы х и н. Послушай, Фентифлюшин, долго тому быть, что я не могу с тебя долг получить? Ты ведаешь, что играл я с тобой честно, что ты проиграл мне немало, и я на половине выигрыша с тобой примирился? Ну когда ты намерен деньги мне отдать?

Ф е н т и ф л ю ш и н. Я, право, тебе заплачу.

Г р е м ы х и н. Слышали мы эти слова! А денег-то не вижу. Весьма бессовестно ты со мной поступаешь.

Ф е н т и ф л ю ш и н. Правда! Как ты прав, Гремяхин! Будь я мерзавец, если через неделю не верну все до копейки. Даже если придется отцовский дом продать и пойти нищим с котомкой, пуркуа па, по ля авеню.

Г р е м ы х и н. Ты меня образованием не дави. И мерзавцем ты себя уже называл, а с тех пор много месяцев прошло.

Ф е н т и ф л ю ш и н. Слушай, а что, если ты меня публично назовешь плутом и лжецом? Тебе легче станет? А хочешь сукиным сыном меня назвать?

Г р е м ы х и н. Ой и назову! Еще как назову! Потому что не верю ни единому твоему слову.

Ф е н т и ф л ю ш и н. Будь я проклят! Давай я тебе сейчас напишу письменное дозволение называть меня обманщиком, если за неделю я с тобой не разминусь (*достает блокнот и пишет карандашом*).

Гремяхин в растерянности принимает вексель.

Г р е м ы х и н. Такого векселя я еще не встречал.

Ф е н т и ф л ю ш и н. Я тебе больше скажу — мне скоро большие деньги привалят. Некопейкин обещал проект про-
вернуть. Ты же знаешь, у него особая папка есть.

Г р е м ы х и н. А я о Некопейкине ни единого доброго слова не слышал...

Фентифлюшин. Завистники! Замучили человека. А нам без него не обойтись.

Гремышин. Раньше обходились, и сейчас переживем.

Фентифлюшин. Все-таки беда — с необразованными людьми разговаривать. Вы в жизни изящества не понимаете. Я знаю, мон ами, где деньги лежат, а он нам подскажет своим проектом, как их оттуда вынуть и обратить в нашу пользу. Ты иди, пируй, там гуся несут. А я с Некопейкиным антре ну побеседую. Позови его.

Гремышин уходит, а Фентифлюшин доволен собой, проходит несколько па в танце.

Появляется Некопейкин. В одной руке папка, в другой баранья кость, которую он обгрызает.

Некопейкин. Поесть не дадут. А я, может, с утра не емши.

Фентифлюшин. Мне нужен твой проект. А я готов с тобой деньгами поделиться.

Некопейкин. Откуда же у вас могут быть деньги? У вас если чего заводится, вы сразу же в карты просаживаете. У вас челядь босая ходит, а по кухне тараканы бегают да от голода с потолка падают.

Фентифлюшин. Вот это лишнее, мон пейзаж! У меня тараканов на кухне испокон века не было.

Некопейкин. Значит, давно голодаете.

Фентифлюшин. Ты, холоп, меня оскорбляешь!

Некопейкин. Мы из купеческого звания.

Фентифлюшин. Тогда и служи нам, столбовому дворянству. Знаешь ли ты, что по королевству Неаполитанскому мой отец получил звание маркиза со всеми вытекающими последствиями. Стой!

Некопейкин. Стою.

Фентифлюшин. Велю тебе немедля предъявить проект, направленный к моему обогащению.

Некопейкин. А я не желаю! Я не слуга тебе, маркиз неаполитанский!

Фентифлюшин. Копейку с каждого рубля!

Некопейкин. А рубль где?

Фентифлюшин. Вот раскрывай папку и ищи!

Некопейкин раскрывает папку и начинает листать проекты.

Некопейкин. Вот есть у меня проект, как в городе Кяхте учредить морской порт, первейший и самый безопасный в мире.

Фентифлюшин. А где эта Кяхта?

Некопейкин. В бурятских землях.

Фентифлюшин. Так сколько оттуда до моря скакать?

Некопейкин. Недели три или четыре. Если лошади хорошие.

Фентифлюшин. Так как же там морской порт устроить, если моря нет?

Некопейкин. Безопасный порт. Попробуй его отыщи!

Фентифлюшин. Забудем о чепухе. Найди проект, как мне разбогатеть, и я тебя озолочу.

Некопейкин просматривает проекты.

Некопейкин. Вот проект, совсем свежий. Сделан по заказу господина Гавриила Державина.

Фентифлюшин. За какие же деньги этот нищий солдат тебя нанял?

Некопейкин. Я думаю с приданого процент взять.

Фентифлюшин. За кем же он приданое получит?

Некопейкин. За Прелестой.

Фентифлюшин. Кто же за него Прелесту отдаст? Она ведь младшая. Пока Ворчалкина Христину не сбудет, сидеть Прелесте в девках.

Некопейкин. Вот поэтому он и согласен за мой проект большие деньги платить.

Фентифлюшин. И что ты придумал?

Некопейкин. А придумал я, чтобы Гаврила Романович всех других женихов Прелесты на дуэль вызывал, а как он есть мужчина сильный и фехтовальщик славный, то он наверняка других женихов перебьет. И госпоже Ворчалкиной ничего не останется, как за него Прелесту выдать.

Ф е н т и ф л ю ш и н. Какой макабр! Какое оскорбление здравого смысла! Эту фантазию ты сейчас придумал?

Н е к о п е й к и н. Не знаю, как с точки зрения макабра, но я сам видал, как Гаврила Романович свою шпагу за сараем точил!

Ф е н т и ф л ю ш и н. О, мон дье! А пре муа а ла луж!

Н е к о п е й к и н. Может, вам тоже жениться?

Ф е н т и ф л ю ш и н. Не раньше, чем ваш солдат отбудет к своему полку.

Входит Державин. Он никого не видит, идет к окну и что-то шепчет. Фентифлюшин бросается прочь, сбивает Некопейкина. Немая сцена. Затем Державин оборачивается к ним и, уперев палец в грудь дрожашего Фентифлюшина, читает.

Д е р ж а в и н.

Я связь миров повсюду суших,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества.
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб!
Я червь — я Бог!

(И последние слова звучат так грозно, что Фентифлюшин прячется за портьеру.)

В дверях появляется Анна, за ней Матрена.

Анна хлопает в ладоши. Державин, смутившись, уходит.

А н н а. Солнце русской поэзии взошло!

М а т р е н а Д а н и л о в н а. А какой мужик! Какой мужчина! Так бы и затащила его в угол и высосала всю кровь по капельке.

А н н а. Ты что, паучиха, что ли?

М а т р е н а Д а н и л о в н а. Хуже. Я баба. Причем с большим жизненным опытом. Чего и тебе, Аннушка, желаю.

А н н а. Неужели ты еще не поняла, что жизненный опыт любви только помеха. Каждая твоя встреча начинается с пустого места, растет, как младенец в колыбели, и потом при-

нимается тебя душить. И ты тянешься к возлюбленному, а он ускользает к другой, потому что она моложе тебя, слаще и глупее. Скажи, на что женщине ум?

Матрена Даниловна. Он дан нам в наказание. И тому примеров я могу привести множество. Покойная Клеопатра через своих мужиков смерть от гадюки приняла. Большого ума была женщина! Не нам чета.

Анна. А ты не сравнивай. В любви каждая из нас Клеопатра. Мужики одинаковы. Мы для них — легион, а для нас каждый из них — царь и господин.

Матрена Даниловна. И раб при этом. Потому что если его в рабстве не держать, он радости от любви не получит. Радость для раба — обладать королевой.

Анна. А потом отмстить ей с молоденькой служанкой. Знаешь, Матрена, я тут подумала, что княжнам не изменяют с герцогинями, герцогиням изменяют с девками-чернавками.

Матрена Даниловна. И как тебе этот Гаврила?

Анна. Уступаю его тебе, моя славная наперсница.

Матрена Даниловна. А Прелесту нам с тобой не жалко?

Анна. Ты не поняла меня, Матрена. Я вижу в этой девушке воплощение всего лучшего, что таилось во мне десять лет назад.

Матрена Даниловна. Пятнадцать.

Анна. Пять лет назад! Никому не позволю Прелесту обидеть! Ни один волосок не упадет с ее головки. И я сделаю все, чтобы она получила своего Гаврилу. Гаврила должен быть счастлив, судьба русской поэзии висит на волоске.

Матрена Даниловна. А чего ты мне насоветовала?

Анна. Я тебе насоветовала подарить поэту клочок счастья. Тело такой женщины, как ты, должно быть телом музы. А у поэта может быть несколько муз.

Матрена Даниловна. А не может так случиться, что ты в его лице мстишь всем мужчинам и в первую очередь обидевшему тебя?

А н н а. Матрена, не старайся показаться умнее себя самой. Это опасно.

М а т р е н а Д а н и л о в н а. Значит, твоего интереса в нем нет?

А н н а. Нет и не будет. Меня интересует только поэзия. Слова «ямб» и «хорей» заставляют меня пускать слюни. Но Бог не дал мне настоящего дара. А ему, Гаврюше, дал! Милый ты мой мальчик, талантливый ты мой.

(Анна кружится в танце.)

М а т р е н а Д а н и л о в н а. Нет, пожалуй, не стоит мне соблазнять этого солдатика. Поэзия поэзией, а постель постелью. Может быть, утешится моя девочка?

А н н а. А Христину я так понимаю, так понимаю! Нет мужчины, который бы превзошел красотой и верностью обычного коня. Слышала, как он сказал: «Я царь — я раб! Я червь — я Бог!» Столетия пройдут, наши имена забудутся, а на углах улиц, на площадях русские люди будут эти чеканные строки повторять.

Саша выглядывает из столовой.

С а ш а. Куда вы пропали! Сейчас уже сладкое подавать будут.

А н н а. Спасибо, мой мальчик.

(Обнимает его за плечи, на ходу поворачивается к Матрене Даниловне.)

А н н а. Присмотрись к этому мальчику. Он далеко пойдет.

М а т р е н а Д а н и л о в н а. Чего мне смотреть, Анята, мое дело свечу держать, а уж амурными ласками пускай ваше молодое поколение занимается.

Они уходят, а из-за занавески появляется Фентифлюшин.

Фентифлюшин подкрадывается к двери в столовую и машет рукой.

Из зала появляется Гремыхин.

Г р е м ы х и н. Ну и что? Нашел проект, чтобы нам разбогатеть?

Фентифлюшин. Сначала он сказал, что нам надо жениться.

Гремыхин. Правильно. Хорошо сказал. А ты чего ответил?

Фентифлюшин. Я спросил, врет он или деньги нам заплатит?

Гремыхин. А он что?

Фентифлюшин. А он меня чуть не убил. С помощью своего друга Гаврилы Державина. Который по Прелесте истрадался.

Гремыхин. Опасный человек!

Фентифлюшин. Он ему проект подсказал, что нужно всех женихов на дуэлях перебить, а самому остаться.

Гремыхин. А ты чего?

Фентифлюшин. А я ему говорю: «Стой!»

Гремыхин. А он?

Фентифлюшин. А он как закричит: «Я царь — а ты раб!» Представляешь, это он мне, наследному маркизу неаполитанскому? Он, видите ли, царь, а я для него раб!

Гремыхин. Позор! Такого солдата батогами надо! Ты мне его завези на конюшню, а я прикажу его батогами!

Фентифлюшин. Серый ты человек, а того не понимаешь, что у нас с тобой теперь один путь — жениться на сестрах Ворчалкиных, прежде чем Державин нас с тобой перебьет и сам женится.

Гремыхин. Эх, давно я об этом подумывал, да медленно. А ты теперь меня как бы под зад коленкой подтолкнул. Мне без их приданого дальше жить нелегко.

Фентифлюшин. Бон, экселлант, что ты мне в этом признался, сосед. Я без их приданого вообще по миру пойду.

Гремыхин. Где Некопейкин?

Фентифлюшин заглядывает в столовую и вытаскивает в гостиную Некопейкина. На этот раз он с куском торта в руке и измазан кремом.

Фентифлюшин. Мы обдумали твое предложение и решили — копейка с рубля приданого будет твоей.

Некопейкин. И все такие щедрые. С ума можно сойти. А если у меня подходящего проекта нет?

Фентифлюшин. Придумаешь, апрему а ля луж. То есть после меня как бы лужа. Нам надо сделать так, чтобы госпожа Ворчалкина своих дочек за нас в одночасье отдала.

Некопейкин. Не отдаст. Народ вы несолидный, а приданое немалое.

Гремыхин. Вот и думай. Если с проектом выйдет, быть тебе тоже небедным.

Некопейкин. Ты чудак-человек, неужели не понимаешь, что Ворчалкина вам дочек не отдаст, даже если небо на землю упадет!

Гремыхин. А ты небо на землю не роняй, это лишнее. Много народу подавит.

Фентифлюшин. Подумай о своей спокойной старости.

Некопейкин. А если откажусь?

Гремыхин. Не советую, кончишь дни у меня на конышне. Мои люди тебя из-под земли выкопают.

Фентифлюшин. Делай, как велют.

Они уходят в столовую, а Некопейкин начинает расхаживать по гостиной и думать, потом кричит.

Некопейкин. Саша! Сашок! Иди сюда, дело есть!

Саша. Ты вызывал меня, дух изгнанья?

Некопейкин. Не болтай чепухи! Нам с тобой нужен проект. Как жениться на сестрах Ворчалкиных.

Саша. Так мы же его придумали! Державин вот-вот шпигой проколет всех соперников.

Некопейкин. А соперники нам вдвое больше отстегнут

Саша. Дай-ка я попробую угадать, кто же с тобой говорил! Неужто это Гремыхин и один неаполитанский маркиз?

Некопейкин. Так ты же знал!

Саша. Нет, это у меня такая метода преступления раскрывать. Называется дедукция. Тебе такого слова вовек не выучить.

Некопейкин. А я и не стремлюсь.

С а ш а. Значит, что мы имеем? Мы имеем двух дураков помещиков, которые, конечно, не лучшие женихи, но и не чета нашему Державину — все же знать волостная.

Н е к о п е й к и н. И оба в разорении, так что за деньги готовы душу продать. Невест с приданым — раз-два и обчелся. Ворчалкины — лучшая добыча, да их мамаша не спешит с дочками расстаться. Ждет достойных женихов.

С а ш а. Правильно, мой друг. Значит, единственный выход для наших женихов — поторопить Ворчалкину.

Н е к о п е й к и н. Как так поторопить?

С а ш а. Госпожа Ворчалкина должна сообразить, что ей нужно срочно отделаться от дочерей. Иначе случится неприятность.

Н е к о п е й к и н. Что же может произойти? Неужели землетрясение?

С а ш а. Вот ты изобретатель, надежда науки российской, **собственный** Невтон и Платон. Придумай такую катастрофу.

Н е к о п е й к и н. Что ж, задача достойная меня!

Они уходят. Появляются Дремов и Ворчалкина.

Д р е м о в. Но будь справедлива! Ведь ты же бесприданницей была, твой покойный бригадир тебя за прекрасные глаза взял.

В о р ч а л к и н а. А разве я ему плохой женой была? Разве я ему хозяйство не поставила, доходы не преумножила, пока он германцев бил, разве я ему красавиц не вырастила?

Д р е м о в. А раз так, не стой на пути их счастья.

В о р ч а л к и н а. Счастье, мой друг, понятие относительное. Я когда за одноглазого бригадира замуж шла, все подушки искусала. И ты знаешь почему. Из-за тебя, дурачина!

Д р е м о в. А что я мог сделать?

В о р ч а л к и н а. Я думала, руки на себя наложу. Я мечтала знаешь о чем? Чтобы ты прискакал на вороном коне, увез меня в лес и сделал со мной, что пожелаешь... Как мне плохо было! Я ж тебе больше двадцати лет об этом не говорила. У нас все мирно, все как у людей.

Дремов. Вот видишь!

Ворчалкина. Ничего не вижу. И видеть не желаю. И знаешь, почему я дочкам свою судьбу желаю? Потому что когда я пообвыкла да смирилась, стала домашней животиной, то поняла: ничего бабе не нужно, как выйти замуж за богача, жить в большой усадьбе, растить детей и кушать вкусные яства. Я — лентяйка.

Дремов. А ведь ты картинки рисовала, мы с тобой ходили звезды считать, созвездия угадывать.

Ворчалкина. Ты, мой возлюбленный дурак, не понимал, что и картинки эти, и созвездия были моими тебе подарками.

Дремов. Мы могли быть счастливы.

Ворчалкина. И я бы всю жизнь ляжку тянула, в бедной избе жила. Одно слово, что господский дом, а в земле на три венца. Да и мясо только по воскресеньям — сплошной пост. И дети наши пошли бы в солдаты, как твой племянник Гаврила. Но Бог миловал, избавил от жизни с любимым мужчиной. Избавил!

Дремов. Ты решила оставить Прелесту в расстроенных чувствах?

Ворчалкина. Чтобы потом она воспряла и забыла о солдатике, от которого никакой пользы, только вирши и дрянки на шпагах.

Дремов. И кого же ты ей в женихи прочишь?

Ворчалкина. Посмотрим, поглядим...

Дремов. Болтуна Фентифлюшина? Пропойцу Гремыхина?

Ворчалкина. Нет, им-то мои дочки не достанутся. Я дожусь настоящих вельмож. Спешки нет, девки мои еще молодые. Найдутся, прибегут. Сначала Христину охомутаем, потом за Прелесту возьмемся.

Дремов. Акулина, я тебя нашей бывшей любовью заклинаю!

Ворчалкина. Тоже мне, ворожея выискалась! Не хочу, чтобы из-за любви моя дочь всю жизнь в бедности прозябала.

Или ты думаешь, они приданое с тобой за компанию проедать будут?

Анна выглядывает из столовой. Она слушает разговор. Она вообще мастер слушать чужие разговоры.

Анна. Простите, конечно, что я вмешиваюсь, но мне кажется, что молодой человек, о котором идет речь, имеет возможности достичь в будущем значительных успехов в карьере и особенно в стихотворчестве.

Ворчалкина. Ну вот, советчица явилась! Если такая прозорливая, вы бы, мадам, сами и выходили за Гаврилу замуж! Или тоже ищете себе мужа побогаче?

Анна. Какая это пошлость, госпожа Ворчалкина! Мой муж, скончавшись, оставил мне значительное состояние, которое позволяет мне не думать о новом замужестве.

Ворчалкина. Утешайте себя, утешайте!

Анна. Если бы я захотела, то очередь женихов к моей опочивальне выстроилась бы версты на три.

Ворчалкина. Ну и репутация у вас, милочка! Все сбегутся!

Анна. К сожалению, я не могу вызвать вас на дуэль.

Ворчалкина. Почему же — на скалках! Славный получится бой.

Анна. Мой учитель словесности советовал: если ты в расстройстве чувств или в нервном состоянии духа, начинай считать. Считай до ста. Один-два-три-четыре-пять-шесть...

Ворчалкина. Не отдам я Прелесту за вашего Гаврилу. Не отдам и дело с концом!

Анна. Подождите одно мгновение, Акулина Панкратьевна. Послушайте строки, принадлежащие перу Гаврилы Романовича. Неужели они не вызовут отклика в вашем сердце?

Она разворачивает листок, а из раскрывшегося веера выпадает серебряная ложечка, чего Анна и не замечает. Но Ворчалкина смотрит на ложку, как легавая на дичь.

Анна.

Как их ланитами золотыми
Иль из кристальных вод купален между дров,

От солнца, от людей под скромным осененьем
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев...

Ах, какая божественная музыка звучит в этих строках!

Ворчалкина поднимает ложку и рассматривает ее.

Ворчалкина. Тут мой герб, кабан под ракитой. Откуда это у вас?

Анна. Наверное, пирожное кушала и рассеянно в весру сунула. А что?

Ворчалкина. А то, что давно у нас ложек серебряных не воровали.

Анна. Господи, какая серость! Какая глубокая провинциальная серость! Дворяне не крадут ложек.

Ворчалкина. А я не обвиняю. Я только увидела, вот и все. Так что могу вам дать совет. Как рассветет, да метель уляжется, я бы на вашем месте наш дом покинула.

Анна. Не собираюсь злоупотреблять вашим гостеприимством.

Ворчалкина. Уже злоупотребили.

Анна. Если бы не непогода, тотчас бы вас покинула.

Ворчалкина. Никто вас не неволит...

Анна возмущенно уходит.

Ворчалкина рассматривает ложку.

Ворчалкина. Она мне с самого начала не понравилась.

Некопейкин входит, на ходу записывая в амбарную книгу свои мысли.

Некопейкин. Вы что сказали?

Ворчалкина. Скажи, Некопейкин, есть ли у тебя проект, чтобы серебряные ложки не воровали?

Некопейкин. Такого проекта в записи нет, потому что он мне в голове известен.

Ворчалкина. Ну говори!

Некопейкин. Думал я об этом, потому что воровство ложек — наша национальная трагедия. И я пришел к выводу, что к каждой ложке надо прикреплять по колокольчику. И

чем крупнее ложка, тем больше колокольчик. А уж на уполовник коровий колокол повесим.

Ворчалкина. Ну и дурак же ты, сосед! Как это можно вытерпеть? Ты представляешь ли себе, каково будет эти ложки мыть? Какой звон из кухни пойдет! Да и колокольчики подороже ложек скажутся.

Некопейкин. Ваша правда, немного недодумал...

Ворчалкина. А жаль. У меня как раз рубль завалился...

Некопейкин. Акулина Панкратьевна, остановите неразумные шаги свои! Настоящее решение уже близко! Сейчас... сейчас...

Ворчалкина. Ну ты меня уморишь! Ну прямо насадка, яйцо несущая. Смотри, в штаны чего не урони.

Некопейкин. Догадался! Давайте сюда целковый. Надо во всех ложках дырки просверлить. Тогда их воровать перестанут. Кому нужна ложка с дыркой?

Ворчалкина. И в самом деле — кому? А мне, хозяйке, она на что?

Некопейкин. А вы, когда употребляете, будете снизу пальчиком затыкать! Дайте ложечку, я покажу!

(Берет ложку и показывает, как затыкать дырочку.)

Ворчалкина. Ну насмешил ты меня. Но целкового не получишь, ты же не с первого раза придумал.

Некопейкин. А я и не ждал благодарности. *(Печально уходит.)*

Ворчалкина. Чего-то не хватает. Рубль здесь... Ложка! Ложку во второй раз украли! *(Бежит за Некопейкиным и кричит.)* Отдай ложку! Отдай немедленно!

На сцену выходит Саша.

Саша. Кажется, решение близко... Где мой далекий наперсник? Посмеемся над отсталостью и жадностью угнетательских слоев нашего общества. Они не заслуживают другой участи.

Некопейкин выбегает с другой стороны.

Некопейкин. Сашка! Какое счастье! Держи и спрячь. *(Протягивает ему ложку.)*

С а ш а. Что это?

Н е к о п е й к и н. Мой гонорариум за последний проект.

С а ш а. А если меня с ним поймают, то решат, что я у тетки ложки ворую. *(Возвращает ложку Некопейкину.)* Мне кажется, что я решил задачку с нашими женихами. И проект этот гениален.

Н е к о п е й к и н. Все мои проекты гениальные.

С а ш а. А ты здесь при чем?

Н е к о п е й к и н. А чей же это проект?

С а ш а. Мой.

Н е к о п е й к и н. Так ведь все знают, что изобретатель проектов — я! Ты же не можешь прийти к тетке или перед народом стать и сказать: «Я изобретатель проектов!»

С а ш а. Ты послушай. Значит, наша с тобой задача напугать мою тетку Акулину, женщину жадную и суеверную. Губернатором ее пугать — дело пустое. Губернатора она не испугается. Значит, надо пугать ее самим Петербургом.

Н е к о п е й к и н. Правильно, и я так думал.

С а ш а. Должен быть императорский указ.

Н е к о п е й к и н. Правильно! О чем?

С а ш а. О запрещении жениться.

Н е к о п е й к и н. Как?

С а ш а. О запрещении жениться на... десять лет!

Н е к о п е й к и н. Почему?

С а ш а. А потому что в России слишком много населения развелось, уже лошадей на всех не хватает, реки обмелели, рыбы почти не осталось, зубры в лесах попрятались — беда от перенаселения.

Н е к о п е й к и н. Именно беда!

С а ш а. Значит, императрица подписала указ о том, что ближайшие десять лет свадьбы запрещаются и новые дети рождаться не будут. А если кто родит, то топить ребеночка в реке, как кутенка, а мать с отцом на костер!

Саша вошел в раж, стоит в позе трибуна, а Некопейкин уже верит ему и ужасается.

С а ш а. Указ этот входит в силу с Рождества, то есть через две недели. И если кто не успел пожениться, сидеть ему и куковать. Все!

Н е к о п е й к и н. Ну не может быть! Чтобы наша матушка императрица на такую жестокую меру против собственного народа пошла, я не поверю!

С а ш а. А кто тебя просит верить? Главное, чтобы Ворчалкина поверила.

Н е к о п е й к и н. Что... Ах ты стервец, ах ты шалун! Ах ты светлая голова! Быть тебе губернатором!

С а ш а. Нет, я буду великим бунтовщиком, меня будут тираны опасаться, а от моих слов троны станут шататься и падать в разные стороны. А пока что пойдем получать свои деньги.

Н е к о п е й к и н. Ничего нам не получить, пока приданое они не добудут.

С а ш а. Никуда они от нас не денутся. Попробуют только сжульничать, вот весь свет и узнает, какой ценой они себе невест получили.

Н е к о п е й к и н. А что же дальше делать?

С а ш а. Дальше каждый из нас станет этот слух распространять. Но не как случайный слух, что по небу носится, а как верное известие, чтобы не было сомнений.

Н е к о п е й к и н. Вот именно! Возьми, я тебе ложку дарю.

С а ш а. Нас, борцов за счастье человечества, не купишь! Пошли страшную новость людям нашептывать.

Н е к о п е й к и н. А ну как не поверят? Уж очень глупый проект, глупее, чем про крысьи хвосты.

С а ш а. Еще как поверят. Людям, чем нелепее ложь, чем страшнее, тем легче они попадают на удочку, потому что сами этого желают. И учти, из исторических сочинений следует, что великие люди приходили к власти на лжи грубой, а потому привлекательной. И мы перевернем этот мир легким нажатием пальца.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же гостиная через полчаса или чуть более. Именины госпожи Вирчалкиной продолжаются. Играет маленький оркестрик, начались танцы. Танцующие пары, меняясь партнерами, выплывают из широких дверей в гостиную, делают круги, затем снова уплывают в столовую. По мере движения танцоры обмениваются репликами.

Гремыхин. Вы слышали новость?

Матрена Даниловна. Неужели турки снова шалят?

Гремыхин. Указ вышел. Уже подписан императрицей Екатериной Алексеевной. На десять лет все браки в государстве запрещены.

Матрена Даниловна. Это еще почему?

Гремыхин. А потому что слишком много народу разилось. Скоро жрать будет нечего.

Матрена Даниловна. Нет, быть такого не может!

В танце Матрену Даниловну подхватывает Саша.

Матрена Даниловна. Ну и чепуху он мелет!

Саша. Кто мелет?

Матрена Даниловна. Да этот громила ваш местный.

Саша. Гремыхин. И что же он сказал?

Матрена Даниловна. Будто вышел указ, чтобы десять лет свадеб не играть.

Саша. Чепуха, чепуха... А вчера к нам фельдъегерь заезжал, говорил, что не десять, а восемь лет. Ну кому верить?

Матрена Даниловна. Какой еще фельдъегерь? Он!

Саша. Что случилось, простите?

Матрена Даниловна. А то, что ты меня за зад щипнул. Где это видано, чтобы отрок шестнадцати лет взрослую женщину за зад щипал?!

Саша. Вы обиделись? Вам больно? Вам неприятно?

Матрена Даниловна. Не в этом дело, а в разнице в возрасте.

Саша. Мы скроем ото всех наш возраст.

Матрена Даниловна. Ох и далеко пойдешь, паж!

Следующей с Сашей танцует Христина.

Христина. Беда, Сашок! Не знаю, что и делать!

Саша. Что случилось?

Христина. Указ вышел! Я погибла.

Саша. Объясни, не рыдай, моя повелительница.

Христина. Эта старая идиотка — наша царица — велела все свадьбы запретить.

Саша. Так радуйся. Ты же сама мне говорила, что скорее за коня выйдешь, чем за мужчину.

Христина. Как ты не понимаешь, мой паж, что теперь моя мать с перепугу нас поспешит замуж вытолкать. И стану я... Даже страшно подумать! Стану я повелительницей Топких Лужков, славного имения господина Гремыхина.

Они расстаются. Следующим с Христиной танцует Державин.

Державин. У меня нет слов. Я уйду на войну с чеченцами, чтобы живым не возвращаться.

Христина. Возьми меня с собой. Я буду биться рядом и вместе с тобой упаду на камни.

Державин. Тебя никто не пустит. Тебя завтра замуж отдадут. Теперь уж твоя мамаша ждать не будет. Ей надо, чтобы через две недели вы были пристроены.

Христина. Но как проверить — может, это ложный указ?

Державин. В нашем государстве императорские указы не проверяются. Один мальчик проверил — и где он висит?

Христина. Ты хоть в такой момент можешь обойтись без шуточек?

Державин. Мне и самому не до шуток...

Пары снова меняются, и дальше Державин танцует с Прелестой.

Державин. Расстаешься ты со мной...

Прелеста. Надо что-то делать!

Державин. Это неизбежный рок!

Прелеста. Неизбежного рока не бывает.

Державин. Во стенании жестоком... Вот именно — во стенании жестоком!

Прелеста. Ты сошел с ума от горя! Но я тебя не отдам им на поругание. Я разрушу их злодейские планы! Украли меня, пока не поздно!

Державин. Скорби не могу снести. Послушай, как получается:

Неизбежным уже роком
Расстаешься ты со мной,
Во стенании жестоком
Я прощаюся с тобой!

Прелеста. Как тебе не стыдно! Ты наши с тобой муки превращаешь в рифмы! *(Она отталкивает Державина от себя.)*

Танец кончается, музыканты настраивают инструменты.

Ворчалкина в стороне разговаривает с Дремовым.

Ворчалкина. Ну скажи, это злая шутка?

Дремов. Я убежден в этом. Кому-то не нравится мой Гаврила.

Ворчалкина. А если это не шутка?

Дремов. Шутка, шутка.

Ворчалкина. Тогда я погибла. Через десять лет им будет по тридцать. Пожилые женщины. Тридцатилетних престарков мне не сбыть. Но выбора-то нет!

Дремов. Есть выбор — мой Гаврила.

Ворчалкина. Чтобы больше этого имени в моем присутствии не произносить! Забыли и забыли!

Фентифлюшин. Разрешите выразить вам, Акулина Панкратьевна, мое искреннее сочувствие, экскюзе муа, так сказать.

Ворчалкина. Ну ладно, ладно, чего пришел?

Фентифлюшин. Чтобы протянуть руку помощи.

Ворчалкина. Мне не до твоей помощи, маркиз. У меня семейное несчастье.

Фентифлюшин. Неужто? Так я по этой части и приблизился к вам, тещенька дорогая.

Ворчалкина. Ты как меня обзываешь?!

Фентифлюшин. В надеждах, Акулина Панкратьевна. В сладких надеждах на получение руки вашей дочери.

Ворчалкина. Какой такой дочери?

Фентифлюшин. Да любой!

Ворчалкина. Ну ты, видно, совсем рехнулся! А любовь?

Фентифлюшин. Они мне обе любви. Да и какая может быть любовь, если на десять лет все свадьбы под запрет пошли.

Ворчалкина. Вранье все это! Кто нам такую глупость мог принести. Неужто эта Анька и ее тетка-кабаниха Матрена?

Фентифлюшин. Верно, есть такой указ. Только я молчал о нем, не смел вас огорчать.

Ворчалкина. Ох, не верится! Наверное, ты, как и я, только что об этом услышал. А кто же мне первым сказал? Дай Бог памяти...

Фентифлюшин. Я свое предложение сделал. Подумайте, Акулина Панкратьевна.

Ворчалкина. У меня их две, а ты, маркиз, один.

Фентифлюшин. Будет и второй.

Делает знак Гремыхину, который уже готов к подходу.

Тем временем гости оттанцевались, разошлись по гостиной и занялись разговорами.

Гремыхин. Уважаемая Акулина Панкратьевна, желаю сделать вам официальное предложение.

Ворчалкина. От тебя толку еще никто не видел. Ты же первый в уезде бездельник.

Гремыхин. Я много думал в последнее время, ночами не спал, ворочался...

Ворчалкина. И много у вас клопов?

Гремыхин. Клопы, конечно, клопами, но я мыслил.

Ворчалкина. Час от часу не легче. О чем мыслил?

Гремыхин. Жениться пора, остепениться желаю.

Ворчалкина. На ком же, если не секрет, жениться?

Г р е м ы х и н. Конечно, желательнее на Прелесте, она послушнее, но если есть сомнения, возьму и Христю. Она по хозяйству полезней.

Ф е н т и ф л ю ш и н. Один плюс один равняется два. Два жениха, обе дочери пристроены, императорский указ мы выполним, но сначала поженемся. Это ля манифик!

В о р ч а л к и н а. Нет, никогда! Ни при каких обстоятельствах!

Ф е н т и ф л ю ш и н. Указ вступает в силу через две недели. А за две недели надо платья пошить, флердоранж изготовить, одна фата чего стоит! Нет, можем не успеть!

Г р е м ы х и н. Успеем, точно успеем. Как приданое посчитаем, так и за дело.

В о р ч а л к и н а. Какое еще приданое? Какое может быть приданое у бедной вдовы?

Ф е н т и ф л ю ш и н. Какое будет, такое будет. Нам много не нужно, лужок да лесок, речка да две печки, очень интересан!

В о р ч а л к и н а. Я в полном недоумении...

Д р е м о в. Я в жизни немало чепухи слышал. Если верить всему, с ума сойдешь.

В о р ч а л к и н а. Не скажи. Я тоже жизнь прожила, и у меня так получалось, что если весть плохая, если она против людей направлена, то скорее всего это и есть правда.

Д р е м о в. Чепуха!

В о р ч а л к и н а. А вот когда умные и неумные люди начинают кричать, что это чепуха, то тем более следует насторожиться. Против чепухи у нас громко кричать не принято. А вот если это правда...

Д р е м о в. Что же тогда будет?

В о р ч а л к и н а. Если это правда, то бывать в нашем доме двум свадьбам!

Н е к о п е й к и н *(услышав эти слова)*. А я разбогатею. Наконец-то судьба ко мне повернулась.

А н н а. Мне сказали, что вы, Акулина Панкратьевна, ложным слухам поверили. Так вот, я вас заверяю: это не болсе как слухи. Я вам слово даю!

Ворчалкина (*уходя*). Спасибо. Еще как спасибо. И если у меня оставались сомнения, то теперь, после слов этой змеи, их нет. Вы поглядите на нее — ни кожи ни рожи. Не удивлюсь, если она окажется просто старой девой с претензиями.

Анна тем временем подбегает к Державину, который стоит рядом со своим дядей и Прелестой. Неподалеку Христина.

Анна. Действуй, Гаврила. Я ждала, думала, утрясется, уляжется, ан нет — ничего не утряслось!

Державин. Я готов действовать.

Анна. Я велю запрячь наши сани. Тут, должно быть, есть какая-нибудь деревня с церковью, где вас тайно обвенчают.

Прелеста. Ах, как романтично! Такая деревня есть, верст двадцать за лесом. Нас обвенчают, Гаврила!

Дремов. Это денег стоит.

Фентифлюшин (*который подслушивал*). И позора на все семейство. Я полагаю, мон ами, своим долгом обратить внимание хозяйки дома на то, какие заговоры зреют за ее спиной.

Дремов. Пойдите вы отсюда подальше, маркиз.

Фентифлюшин. Пойду, пойду, церковная крыса. И тебе не удастся твой злодейский план.

Когда он уходит, остальными овладевает уныние. Они смотрят, как Фентифлюшин наушничает хозяйке дома, и та в гневе оборачивается к Анне.

Ворчалкина (*громко, чтобы в любом конце гостиной было слышно*). Ну доберусь я до нее! Начала с ложек, а теперь и до моей дочки добралась!

Анна. Ваше злодейство будет отомщено. Вы так жестоки к собственным дочерям, словно отдаете их на растерзание львам на римском ристалище, чтобы посмотреть, выживут или погибнут.

Ворчалкина. Для их блага, истинно для их блага.

Она удаляется победительницей, за ней Фентифлюшин, изгибается, как в танце.

В дверях Ворчалкина останавливается и говорит, обращаясь к несчастным жертвам своих решений.

В о р ч а л к и н а. Пошлите за портным в Переяславль! Заказываем подвенечные платья.

В гостиной остаются Анна, Матрена, Державин, Дремов, Христина и Саша.

Их разговор слышен и Некопейкину, который им незаметен.

М а т р е н а Д а н и л о в н а. Не следует ли нам, Анечка, после таких слов покинуть этот дом?

А н н а. Ни в коем случае и по двум причинам. Первая, на дворе ночь, в лесу волки, в степи метель и мороз. Вторая, я не дам в обиду моих новых друзей. Мы должны придумать, как их спасти. Притом срочно. Где Некопейкин?

В это время Некопейкин с Гремяхиным выходят на авансцену сбоку. Они слышат этот призыв, но пока остаются невидимыми.

Н е к о п е й к и н. Может, пойти, помочь людям?

Г р е м ы х и н. А вот это тебе, лисий хвост, невыгодно. Ты им поможешь, нашу свадьбу расстроишь и никогда с нас своего состояния не получишь. А получишь по шее. Хорошенько подумай, рабская душа, стоит ли тебе бежать на крик той просвистелки и лишиться расположения не только моего, но и госпожи Ворчалкиной. Эта Петрова приедет и уедет, а тебе с нами оставаться.

Н е к о п е й к и н. Как справедливо, ой как справедливо!

Он поворачивается и уходит. За ним, удовлетворенно улыбаясь, следует Гремяхин. Не докричавшись Некопейкина, Анна обращается к Саше.

А н н а. Может, тебе придет в голову умная мысль?

С а ш а. А стоит ли? Я вовсе не уверен, что вами владеет забота о счастье Прелесты.

А н н а. Не спеши, мой паж. Я преклоняюсь перед талантом и перед любовью. Причем не знаю, что меня влечет более. Я сама человек несчастный, глубоко обиженный мужским обманом. Поэтому цель моей жизни — покровительствовать тем молодым людям, чье счастье находится под угрозой.

С а ш а. Вот видите, на самом деле вас не интересует личность солдата Державина, а только его талант. А то, что он мучается от социальной несправедливости, вы об этом задумались?

А н н а. Александр, не говори красиво. Это может тебя в жизни на каторгу привести. Не все люди так же либеральны и терпимы, как наша нынешняя императрица.

С а ш а. Вы знаете, как задеть мужчину!

А н н а. Ой знаю! Только в конце концов мужчины оказываются сильнее меня. И знаешь почему? В душе женщины живет наслаждение поражения. Мы готовы сдать еще в самом начале боя. И лишь очень глупые мужчины ставят на нашу силу и пытаются нас ублажить. Нас не ублажать, а пороть надобно! Так что давай, мальчик, борись с несправедливостью, освобождай крестьянство от нашего помещичьего гнета, а мне оставь поэзию и любовь.

Д е р ж а в и н. Разумеется, вы, Анна, как всегда правы. Позвольте прочесть вам отрывок из стансов, который показался мне удачным.

Руки, грудь, уста и очи
Я целую у тебя,
Не имею больше мочи
Разделить с тобой себя.

А н н а. И все-таки Гаврила — настоящий талант и, может, даже завтрашний день русской поэзии. Забудут обо всех, включая меня, а его имя будет золотом гореть на мраморных скрижалях.

С а ш а. Если вы так считаете и если вы бескорыстны, то и спасайте его.

А н н а. Но как? Моего женского умишки на такие экзерцисы не хватает. Матрена, ты ведь в интригах всю жизнь провела...

М а т р е н а Д а н и л о в н а. Что ты, Аннушка, мои интриги то на конюшне, то на скотном дворе.

А н н а. На скотном дворе, а уж тем более на конюшне, страсти кипят не хуже, чем при дворе Клеопатровом. Помнишь, как кучер Еремей Семена оглоблей забил?

Матрена Даниловна. Как же, как же!

Анна. Никто не желает помочь Гавриле с Прелестой. Никто...

Матрена Даниловна. Да как же указ императорский отменить?

Анна. А что, если и не отменять его? Пускай себе указ указом. Но ведь в каждом указе есть исключения. Например, пишет наш губернатор указ, чтобы собак на базарную площадь без поводков не впускать. А потом полицмейстер пишет к нему разъяснение. Собак не пускать, а глубокоуважаемого пса господина губернатора не только пускать, но и поощрять к испражнениям.

Саша. А в этом что-то есть. Что-то...

Державин. В испражнениях?

Саша. В исключении из указа.

Анна. Молчи. Дай самой догадаться!

Саша. Правильно, Анна!

Матрена Даниловна (*будто уже прочла мысль своей Аннушки*). Гаврила, у тебя почерк хороший?

Державин. А почему я?

Прелеста. Ах, ты не хочешь на мне жениться? Не могу же я писать, как курица лапой.

Матрена Даниловна. Ясно все, как день. Гаврила Романович, садись и пиши. Саша, носи чернила и бумагу, да получше, веленевую с водяным знаком, а то попадемся, еще и в полицию угодим.

Саша. Уже бегу. Одна нога здесь, другая там.

Матрена Даниловна. Начинаем сочинять!

Все сближают головы и шепчутся.

Входит Фентифлюшин.

Фентифлюшин. Пуркуа па? Что здесь имеет место быть?

Державин делает два шага к нему.

Державин. Дуэли захотел, маркиз? Так ты дуэль у меня получишь.

Фентифлюшин. Ну какая может быть дуэль? *(Отступает.)*

Державин возвращается к группе заговорщиков. И не замечает, как через некоторое время на месте Фентифлюшина появляется Некопейкин.

Подслушивает.

С другой стороны вбегает Саша с листом бумаги и чернильницей.

Матрена Даниловна смотрит на свет, ищет водяной знак. Лист раскладывают на столе. Державин садится за стол.

Анна. Указ будет сокращенный, потому что не для высоких особ. Так что пиши: Мы, Божьей милостью Екатерина Алексеевна, императрица всяя Руси Великия, Малыя и Белья, повелеваем...

(Голос Анны крепнет, и мы можем здесь почувствовать, как она входит в роль императрицы.)

Анна. Повелеваем. Во изменение нашего предыдущего указа о запрещении в государстве Российском всех свадеб на десять лет... Нет, вы только подумайте, бред сивой кобылы...

Державин. Это писать?

Анна. Да ты с ума сошел! Это я для истории... На десять лет. Написал? Разрешаю в виде исключения сыграть немедленно свадьбу между Гавриилом Романовичем Державиным, капралом моего Преображенского гвардейского полка, и дворянской девицей Прелестой Ворчалкиной. Теперь, отступя, внизу: место для росписи и число. Дано в Санкт-Петербурге декабря 6-го числа 1771 года от Рождества Христова. Написал? Отлично!

Саша. Красиво. Тебе не стихи, а указы писать.

Матрена Даниловна. Все будет, дайте только срок. *(Игриво щиплет Державина, тот даже подпрыгивает.)*

Прелеста. Если у вас всех в Ярославле такие нравы, то мы без ваших услуг обойдемся.

Анна. Не обойдетесь. Давай мне сюда перо. Окуни поглубже, только таракана из чернильницы не зацепи.

Анна садится за столик, примеривается гусиным пером...

С а ш а. Анна Петровна, погодите. Вы же не знаете, как Екатерина Алексеевна расписывается.

А н н а. А кому до этого дело? Ты думаешь, что Акулина когда-нибудь видала настоящую подпись?

Она уверенно расписывается. Подпись длинная, с завитушками.

Д е р ж а в и н. Славно. Сама твоя подпись, Анна, совершенна!

Некопейкин слышал весь этот разговор. Незамеченный он отступает из комнаты.

Саша дует на лист и сворачивает его трубочкой.

А н н а. Кто понесет, господа? Мне нельзя, я у хозяйки не пользуюсь доверием. Она полагает, что я у нее ложки таскаю.

П р е л е с т а. Наверное, я понесу. Мама думает, что я глупенькая.

С а ш а. А откуда, скажешь, ты указ взяла?

П р е л е с т а. Нарочный привез.

М а т р е н а Д а н и л о в н а. А вот и ваша мамаша идет. Давайте отойдем в сторонку.

Входит Ворчалкина.

П р е л е с т а. Маменька, тебе письмо!

В о р ч а л к и н а. Это еще откуда?

П р е л е с т а. Может, с именинами поздравляют?

В о р ч а л к и н а. Чтобы кто-то у нас на бумагу потратился? Быть того не может. Откуда эта бумага появилась?

П р е л е с т а. А разве ты, мама, не слыхала, как сани подъезжали? А в санях фельдъегерь.

В о р ч а л к и н а. Кто в санях?

П р е л е с т а. Фельдъегерь в мундире. Он бумагу отдал, а сам дальше умчался. У него дела срочные.

В о р ч а л к и н а. Чудеса, да и только. И без конверта? И без сургучной печати? *(Рассматривает бумагу. Читает по складам.)* Мы, Божьей милостью... А ну, кто у нас самый грамотный? Дремов, пойдн сюда. Читай, только медленно. Тут поздравление мне с именинами.

Д р е м о в. Мы, Божьей милостью Екатерина Алексеевна, императрица и самодержица всея Руси Великия, Малыя и Белья, повелеваем во изменение нашего предыдущего указа о запрещении в государстве Российском всех свадеб сроком на десять лет, разрешаю в виде исключения сыграть немедля свадьбу между Гаврилой Романовичем Державиным, капра-лом моего Преображенского гвардейского полка, и дворян-ской девицей Прелестой Ворчалкиной. Число и подпись...

В о р ч а л к и н а. Ты, небось, шутишь, чтобы племяннику своему помочь! Ах ты, старый плут!

Д р е м о в. Да разве вы подпись нашей божественной императрицы не распознаете?

В о р ч а л к и н а. Подписи я не знаю... Прелеста, скажи еще раз, откуда эта бумага к нам в дом попала?

П р е л е с т а. Менее получаса назад перед нашим домом остановились сани, в них сидел фельдъегерь, он велел пере-дать письмо... Да вы, наверное, слышали, как он подъезжал!

Д р е м о в. А что, не исключено, что и подъезжал!

В о р ч а л к и н а. У меня голова идет кругом, со всех сторон заговоры и интриги. Хоть кто-нибудь бы мне помог!

Ф е н т и ф л ю ш и н. Я готов, я здесь!

В о р ч а л к и н а. Тогда читай. А то я Дремову не доверяю.

Ф е н т и ф л ю ш и н. Вы же знаете, ма шер, что я куда лучше по-французски могу читать, чем на этом террибль вар-варском языке московитов.

Ворчалкина протягивает ему письмо. Фентифлюшин, шевеля губами, читает его. Подходит и Гремышин, тоже смотрит.

Ф е н т и ф л ю ш и н. О, нон, это инкредибль. Такого указа быть не может!

П р е л е с т а. Но ведь он есть. И подпись настоящая!

Г р е м ы х и н. А вот с этим надо будет серьезно разобраться.

В о р ч а л к и н а. Нет от вас никакого толка! И вы не можете мне сказать, настоящий это указ или подделка.

Г р е м ы х и н и Ф е н т и ф л ю ш и н *(вместе)*. Подделка!

Д р е м о в. Да откуда вам знать? Я-то сам думаю, что ваш указ про десять лет запрета на свадьбу втрое хуже подделка. Никто того указа и в глаза не видел.

Фентифлюшин. Был тот указ. В этом же написано: «во изменение». Во изменение того указа! А если бы того указа не было, что тогда изменять?

Ворчалкина. Идите все прочь! Все мне надоели. Я же портного уже хотела заказать! Так все славно выходило... А тут полное безобразие.

Все уходят, а вместо них появляется Некопейкин.

Некопейкин. Уважаемая Акулина Панкратьевна, у вас не найдется займы ста рублей?

Ворчалкина. И этот туда же!

Некопейкин. Соглашусь и на червонец, но ни копейки меньше. Вы же нас, Некопейкиных, знаете. Мы доходим до последней черты, а потом твердо так произносим: «Ни шагу назад, ни копейкой меньше!»

Ворчалкина. Я же сказала всем уйти! Я переживать буду!

Некопейкин. Только этот листок, умоляю, не порвите и не сожгите.

Ворчалкина. С чего же я должна его рвать?

Некопейкин. Берегите его! Он большой доход вам принесет в суде!

Ворчалкина. А почему в суде?

Некопейкин отводит ее в сторону.

Некопейкин. Потому что я видел, как этот указ писали. Да еще над вами надсмехались.

Ворчалкина. Кто писал?

Некопейкин. Ну хоть червонец!

Ворчалкина. Неделью бесплатно на кухне будешь жрать до отвалу.

Некопейкин. А вы не забудете?

Ворчалкина. Говори, зачем пришел?

Некопейкин. Этот указ придумала Анна Петрова. И диктовала его Державину. Он и написал — его рука!

Ворчалкина. Вот мерзавец! А как они подпись императрицы раздобыли?

Н е к о п е й к и н. А за царицу Петрова и расписалась.

В о р ч а л к и н а. Так... Иначе я и не думала. Начала с ложек, потом решила весь мой дом ограбить. Ну она у меня в холодной посидит! Ну она клопов в уездной тюрьме покормит!

Н е к о п е й к и н. Она же дворянского звания!

В о р ч а л к и н а. Когда такое тяжкое преступление, как подделка царской росписи, совершилось, то не жить этой гадюке на белом свете! Это же бунт! Праву руку долой! Левую ногу долой! Левую руку долой — голову отрубили!

Н е к о п е й к и н. Зачем же так строго?! Ну отрубили бы голову — и дело с концом — а то руки-ноги... Может, они пошутили?

В о р ч а л к и н а. Пошутили с целью меня ограбить? Моих дочерей обесчестить? Нет, не выйдет! Эй, Фентифлюшин, Гремяхин, все сюда!

Гремяхин и Фентифлюшин словно за дверью ждали призыва — тут же вбежали в гостиную.

В о р ч а л к и н а. Я торжественно подтверждаю, что отдаю вам руки моих дочерей, моих кровинушек. Но и вы защитите честь моего дома! Велю вам — схватите и закуйте в железа помещицу Петрову Анну за бунт против меня!

Ф е н т и ф л ю ш и н. Это рискованно, Акулина Панкратьевна. За нее Державин вступится, а у него шпага и пистолет.

Г р е м ы х и н. Не переживайте, мамаша, будет сделано. Мы сейчас наших кучеров позовем и вместе с народом скрутим этих... Их двоих надо скрутить — она же здесь вместе с теткой.

Ф е н т и ф л ю ш и н. А как с Державиным быть? Он буйный.

В о р ч а л к и н а. Не посмеет он закону перечить. Все же солдат, а не генерал. К тому же я Дремова предупрежу, он человек тихий, понимающий. Увидите его, зовите ко мне.

Фентифлюшин с Гремяхиным уходят широкими шагами государственных людей.

В о р ч а л к и н а. Все, кончились твои игрушки, Анна Петровна. На кого руку подняла? На порядок, на обычай рус-

ской земли! Можно сказать, на самое святое! (*Хочет разорвать указ, но потом спохватывается.*) Бумага хорошая, пригодится еще.

Входит Дремов.

Дремов. Что за шум? Куда твои женихи побежали? Дворовых кличут, словно на войну.

Ворчалкина. Подошло время действий, и мне нужно, чтобы ты понял, на чьей ты стороне. На стороне ли русского народа или вместе с его врагами — басурманами?

Дремов. А в чем между ними различие?

Ворчалкина. Наши люди всегда правы, а ихние — всегда виноваты. Больше разницы и не надобно.

Дремов. А я тут при чем?

Ворчалкина. Сейчас люди Гремыхина и Фентифлюшина, которые есть мои союзники, будут хватать и заковычивать в железа подлую бабу Анну Петрову и ее спутницу Матрену. А я тем временем посылаю человека в уезд, чтобы прислали воинскую команду и взяли этих баб куда надо — слово и дело государево.

Дремов. Чем же они тебе не угодили?

Ворчалкина. Мало, что она ложки ворует. А уж что она государевы указы подделывает, тому нет прощения.

Дремов. Может быть, с благородной целью?

Ворчалкина. Ах ты, старый сводник! Думаешь, твоему Гавриле моя Прелеста достанется? Чепуха! Я тебя и позвала, чтобы ты внушил этому недорослю хорошее поведение. Кинется на помощь преступницам — я добьюсь, чтобы и он в кутузку угодил. Ты мое слово знаешь.

Дремов. Окстись, подруга! Разве так счастье устраивают?

Ворчалкина. Счастье не устраивают. Счастье вручают, как ключи от рая. А ну иди, передай Гавриле мое приказание — пусть сидит ниже травы, тише воды.

Дремов. Ох, пожалеешь ты об этом, Акулина.

Ворчалкина. Никогда! Те, кто приказывает, об этом не жалеют.

Дремов уходит.

Через сцену пробегает Анна, за ней Матрена, потом Гремяхин, Фентифлюшин и слуги.

Ворчалкина. Ату их!

Кидается наперерез, сталкивается с Матреной, и они падают на диван.
Тут Фентифлюшин догоняет Анну.

Схватка, крики.

В дверь лезет Державин, на нем виснут дядя Дремов и Прелеста.

Саша появляется в других дверях и кричит.

Саша. Как вам не стыдно, сатрапы! Вы подняли руку на беззащитных женщин, вся вина которых заключалась в борьбе за права обездоленных! Руки прочь!

Ворчалкина. Помолчи, тебя еще здесь не хватало. Розги по тебе плачут!

Саша. Вот единственный ответ, до которого снисходят тираны. Но недолго вам пользоваться плодами нашего бесправия!

Ворчалкина в гневе топает ногой, и Саша отступает в тень.

Гости Ворчалкиной стоят перед ней растрепанные, избитые, помятые, красные. Гремяхин с Фентифлюшиным горды собой. Руки пленниц связаны за спиной.

На сцене появляется Некопейкин. Но не спешит подходить.

Матрена Даниловна. Немедленно освободите нас! Вы руку подняли на столбовых дворянок.

Ворчалкина. На столбовых воровок!

Фентифлюшин. На столбовых фальшивомонетчиц!

Гремяхин. Я думаю, что холодный подпол — лучшее место для них.

Некопейкин (*вдруг решает вмешаться в этот хор и петушком, петушком выскакивает на передний план*). Вы только посмотрите — ну точно мокрые курицы! И как их только в приличный дом допустили! Если под юбками поглядеть, там не только ложки, там и подносы могут быть спрятаны или даже самовар, который на той неделе распаялся.

Гремяхин. А это надо поглядеть! (*Счастливо хохочет. Он вообще много и счастливо хохочет.*) Позволь, Акулина Панкратьевна, я под юбками поищу.

Матрена Даниловна. Одумайся, мерзавец! Когда я до тебя доберусь, судьба твоя будет ужасна.

Гремыхин. И в чем же ее ужас?

Матрена Даниловна. А есть у меня особый ножичек, я им быков и дураков оскопляю!

Анна (*останавливает ее жестом и обращается к Ворчалкиной*). Вы еще не удосужились объяснить, в чем же нас обвиняют?

Ворчалкина. Вас, голубушка, обвиняют в государственном преступлении. В корыстных целях и в сговоре с солдатом Державиным вы подделали государственный указ и даже изобразили, Господи прости, подпись государыни. За это четвертуют!

Анна. Неужели?

Матрена Даниловна. Я не желаю больше этого терпеть!

Анна. Погоди, тетушка. Может, это и есть настоящее жизненное испытание. Ведь человек открывается лучше всего, когда над ним висит дамоклов меч смерти или иная угроза. Мы сейчас все узнаем. (*Она оборачивается к Ворчалкиной*.) Надеюсь, вы понимаете, госпожа Ворчалкина, что в подпол нас посадить вы не посмеете. Это может вам большим горем обернуться. Подумайте: если губернатор узнает, что его родственницу в подвале держат? И смертью угрожают?

Ворчалкина (*без особого убеждения в голосе*). Не знаешь ты никакого губернатора! Все это выдумки! Может, вы даже и не дворянки!

Анна. А вот доказывать это мы будем не здесь и не сейчас.

Ворчалкина. Да не собиралась я вас в подпол сажать. Что же мы — дикие турки, людей в подвале держать? Нет, я вас просто выгоню на мороз — и поминай как звали. Вот именно так я и сделаю!

Некопейкин. Нет, мало этого! Вы их сначала разденьте догола, а потом выгоняйте. Волки вам спасибо скажут.

Матрена Даниловна. А твою поганую рожу я тоже запомню.

Некопейкин. Видите, видите, до чего распустилась! Сам бы разорвал!

Матрена Даниловна. Да руки коротки.

Анна. Хорошо, мы уходим. Велите сани запрягать. Но хочу задать вопрос: нет ли среди вас людей, кто желал бы разделить с нами трудности пути и невзгоды? Подумайте, две слабые женщины скоро окажутся в диком лесу, и некому их защитить. Неужели на Руси перевелись витязи?

Саша. Почему перевелись? А я?

Христина. Ты — мой паж, и без меня никуда не двинешься.

Саша. Нет, двинусь!

Христина. Дурачок, я и без тебя знаю, что двинешься, потому что сзади меня на коня сядешь. Мы вместе поскачем, только не упади. Мальчишка. Я пошла — буду ждать верхом возле ваших саней.

Ворчалкина. Если посмеешь так поступить — ты не дочь мне!

Христина. Знаю и иду на такое решение, мамаша, потому что жить человеку надо с собственной совестью, а не с Фентифлюшиным.

Христина хочет уйти, но Анна ее останавливает.

Анна. погоди, Христя, дай я тебя поцелую. И знай, что отныне ты сестра мне.

Фентифлюшин. Не смей мою невесту целовать!

Христина уходит из комнаты и, проходя мимо жениха, так стегает его хлыстом, что тот, съжившись, чуть не падает.

Фентифлюшин. Это мизерабль! Саваж, да, именно саваж!

Саша идет за Христиной.

Ворчалкина. Сашка, если ты так сделаешь, завтра же к матери тебя верну!

С а ш а. Мы, революционеры, сами решаем свою судьбу и судьбу Отечества.

Д е р ж а в и н. Простите, Анна Петровна, что я не первым свое решение высказываю, но мне требовалось время, чтобы обдумать. Ведь я предан справедливости и не терплю унижения других людей. Но притом я не свободен, и не исключено, что Прелеста может неправильно понять мое решение сопроводать вас в темный лес.

П р е л е с т а. Я все правильно поняла, не бойся, мой возлюбленный. Не останусь же я в этом паршивом отчем доме на растерзание Гремышину, когда ты в лесу с Анной Петровной будешь амурами заниматься. Ты думаешь, я не вижу, что ее вовсе не поэзия интересует, а твое прекрасное тело!

А н н а. Чепуха, чепуха и еще раз чепуха! Ты, Прелеста, не знаешь о поэзии ничего достойного. И это тебя оправдывает.

П р е л е с т а. Зато я о жизни много знаю. У нас конюх Матвей три раза по ягоды с Дарьей ходил. А теперь Дарью Тимофей из дома выгнал. Так что раз верхом я не могу скакать, ищите мне место в ваших санях, госпожа Петрова.

Д р е м о в. Но вы можете с Гаврилой в моей кибитке уместиться.

П р е л е с т а. Но там же свечки нет! Темно...

Г р е м ы х и н. О чем речь, не понимаю! Какая кибитка? Куда моя невеста собралась?

А н н а. Есть еще желающие разделить со мной мою участь?

Н е к о п е й к и н. На меня можете не пялиться! Я остаюсь на стороне народа и справедливости. Да здравствует здоровый домострой, долой распутство!

Анна направляется к дверям, но тут Ворчалкина не выдерживает.

В о р ч а л к и н а. Хватит! Ты меня, змея подколодная, вообще без дочерей оставить хочешь? А я тебя жалела! Я тебя на волю отпустила после такого преступления! В подпол ее! Безжалостно! И утром, прежде чем отправить в уезд, выпороть обеих — по сто плетей, чтобы месяц не сели и не встали.

Гремышин с Фентифлюшиным и слугами хотят увести пленниц.

Державин (*вытащив шпагу*). Только через мой хладный труп!

Саша (*отламывает ножку у стола*). Я рядом с тобой до конца!

Они вдвоем встают на пути женихов.

Ворчалкина. Люди! Все сюда! Никакой пощады!

Слуги хватают спасителей, а Гремяхин с Фентифлюшиным тянут женщин из комнаты.

И тут все замирают, потому что издали, быстро набирая силу и становясь все звонче, слышен переклик бубенчиков, отдаленные крики и пронзительный вой трубы.

Дремов. Это что такое?

Некопейкин. Вернее всего, это полиция из Переяславля скачет, чтобы этих поганых преступниц в уездную тюрьму препроводить.

Он идет навстречу грохоту и музыкальной буре. Некопейкин распахивает двери.

Некопейкин. Добро пожаловать!

Сметая его с пути, в комнату врываются несколько кавалергардов в сверкающих шлемах, с шашками и палашами наголо.

Они образуют коридор по направлению к связанным Анне и Матрене Даниловне.

И по этому коридору от двери шагает невероятной красоты и роскоши кавалергард в шлеме со страусиными перьями и золотой кирасе.

Он делает несколько шагов вперед и медленно опускается на одно колено.

Граф Владимир Орлов. Прости нас, матушка государыня Екатерина Алексеевна, что не успели вовремя. Сначала инкогнито твое берегли, а потом в метели с дороги сбились.

Анна. А я и не серчаю. Зато мы такое приключение испытали, в жизни не было ничего смешнее! Велите меня развязать...

Затемнение.

ЭПИЛОГ

Та же гостиная в доме Ворчалкиной.

Прошло некоторое время, может, час или два. По крайней мере императрица успела переодеться и привести в порядок прическу.

Она стоит в стороне, рядом с ней Владимир Орлов, возможно, сменивший наряд на более скромный. По гостиной проходят, пробегают придворные, слуги и прочие мелкие чины. В дверях стоят часовые — кавалергарды.

Во время беседы Екатерины с Орловым к ней подходит доктор и нащупывает ее пульс. Ассистент доктора стоит рядом и держит песочные часы, с которыми доктор и сверяет свои наблюдения.

О р л о в. Но ведь Вольтер, государыня, писал, что предательство следует карать сильнее, чем подлость или воровство, потому что оно опаснее для судеб государства, чем вторжение Тамерлана.

Е к а т е р и н а. Так ли, граф? Мне Вольтер писал иначе. Он полагал, что предателя можно использовать, если он полезен. Ведь знание его подлой души уже делает его почти безопасным.

О р л о в. Не вижу примера в твоём окружении. Ты же сама, государыня, сказала, что твои друзья тебя не подвели и ты этим довольна.

Е к а т е р и н а. А сейчас увидишь и недруга. Приведите ко мне Некопейкина!

По комнатам, по господскому дому несется с перехватами клич:
«Некопейкина... Некопейкина...»

Некопейкин появляется в сопровождении кавалергарда.

При виде императрицы Некопейкин падает на колени и пытается вжаться в пол, что ему не удается. Он ползет к ногам императрицы.

Е к а т е р и н а. Вот это и есть тот мелкий предатель, о котором я тебе, граф, говорила. Он умудрился предать меня в самый опасный момент, и, если бы не твое своевременное появление, я могла бы из-за него лишиться жизни.

Н е к о п е й к и н. Никогда! Она бы не посмела! А я бы измыслил проект, как вас спасти.

Е к а т е р и н а. Он лишился разума от корысти.

О р л о в. Разреши его заковать?

Е к а т е р и н а. А что, я думаю, он заслуживает каторги.

Н е к о п е й к и н. Прости, матушка. Клянусь, что в последний раз!

О р л о в. Может, ему сразу голову отрубить? Чего на такого кормежку тратить?

Е к а т е р и н а. погоди, посмотрим, может ли от него быть польза. Если ты, Некопейкин, сейчас здесь измыслишь проект, который окажет помощь в фискальном сыске и моем благополучии, может быть, я тебе сохраню жизнь. Ну, вставай и излагай.

Н е к о п е й к и н (*с трудом поднимается, потом опять падает на колени*). Государыня, я лучше так постою...

О р л о в. Изобретай проект, а то время не ждет.

Н е к о п е й к и н. На благо империи Российской я предлагаю такой проект. В каждый дом поставить ящик с дыркой впереди. В ящик посадить особо обученного и верного человека. Как пробьет шесть часов и обыватели придут домой с полей или из установления, этот человек будет открывать задвижку в ящике, высовывать изнутри морду и рассказывать правильным голосом все нужные новости, как внутренние, так и иностранные. Чтобы все обыватели слушали одни и те же вести и никаких сомнений не имели. В этих новостях...

Постепенно Некопейкин входит в раж, встает с колен и начинает помогать себе жестами.

Некопейкин. Образ твоего величества, императрица, должен быть воспет благожелательно и, возможно, стихами и изображении Гаврилы Державина. Потом же, закончив говорить новости, специальный человек закроет дырку в ящике, оставив небольшую щель, и продолжит свое наблюдение за обитателями того дома с тем, чтобы вовремя и достойным случаем языком изложить доклад главному фискалу государства...

Долгая пауза.

Орлов. Ящик, морда в ящике... А где мы найдем столько фискалов?

Екатерина. А вот это твоя забота, ты у нас министр юстиции.

Орлов. А что с этим делать?

Екатерина. Наказать, как и намеревались. Ибо он есть ничтожный червь, поднявший руку на императрицу, который хоть и добра, но никому ничего не забывает.

Орлов. Увести негодяя!

Некопейкин. Голубушка императрица! Я те каждый день по проекту буду представлять! О путешествии вокруг Земли с залетом на Марс в ракете, подобной фейерверковой. О достижении морских глубин в железном снаряде...

Он бьется в дверях, стараясь докричаться до императрицы.

Некопейкин. О постройке железной дороги между Петербургом и Москвой, чтобы кареты на ней тащил паровой котел братьев Черепановых!

Некопейкина уводят.

Екатерина. Посмотри, когда будут пороть, чтобы ничего ему не повредили. В Петербурге выбери его в члены-корреспонденты Академии наук, а затем засекреть, словно Железную Маску во Франции. И пусть каждый день по проекту представляет и думает, что покупает себе этим жизнь.

Орлов. Мудра ты, матушка, но недобра.

Екатерина. У меня было тяжелое детство, игрушки к полу прибывали. Кто у нас следующий?

Орлов. Женихи, матушка, которые тебя ловили и терзали.

По его сигналу вводят Гремыхина и Фентифлюшина.

Екатерина. Ну, каково вам, герои?

Они кидаются к ее ногам и воют.

Екатерина. Герои, воистину герои! Думаю, что на каторгу их за нападение на особу царских кровей посылать не будем. Каторгу жалко. Даже не знаю, какое бы им наказание придумать? Да помолчите, герои! Как бедную женщину мучить — вы тут как тут, а как отвечать за свои паскудные деяния, так вас нет как нет.

Входит Матрена Даниловна. Становится позади императрицы.

Екатерина. Отдадим-ка вас в солдаты вместо Гаврилы Романовича, чтобы наша армия не обезлюдела. Ну как?

Матрена Даниловна. Только разреши мне, матушка, вот этого Гремыхина к себе в возок на дорогу в Петербург взять. Пускай греет старую бабку.

Фентифлюшин. Я тоже хочу!

Матрена Даниловна. Ты, немощный, не мешай.

Гремыхин. Я вам готов служить с утра до вечера, как прикажете.

Матрена Даниловна. Дурак, мне с вечера до утра служить положено. Не знаешь ты, зачем я при государыне состою?

Гремыхин. А зачем?

Матрена Даниловна. А для испытания вашего брата на мужскую силу.

Она уводит Гремыхина, Фентифлюшин плетется сзади, а Екатерина оборачивается к Орлову.

Екатерина. Ох, не подозревает этот дурак, что его ждет! Кочешь на спор — до Петербурга ему живым не добраться.

Орлов. Принимаю твоё пари, государыня. Считаю, что доберется, но импотентом.

Екатерина. Послушай, граф, я тебя больше за границу отпускать не буду. Откуда ты таких диких слов нахватался? Что это такое «импотент»?

Орлов. Это по-европейски значит — видит око, да зуб неймет в женском вопросе.

Входит Христина.

Христина. Государыня, моя мать просится к вам в ноги пасть.

Екатерина. А стоит ли?

Христина. Ни в коем случае не стоит! Будет она околесицу плести, только наше с вами время отнимать.

Екатерина. Быть по-твоему. Пускай Акулина сидит у себя в имении и носа наружу не кажет.

Христина. Мне коня моего дозволейте взять?

Екатерина. И не думай! Я тебе белого аргамака в Петербурге подарю.

Христина. И не мечтала о таком.

Екатерина. А я ничего без пользы и смысла не делаю. Будешь ты у меня капитаншей амазонской роты. Дело серьезное.

Христина. Не обману!

Екатерина. Знаю, а сейчас, когда поедем, будешь и сестрой присматривать. Я ей счастье обеспечила, жениха достала, сама чуть через это голову не потеряла и не хочу теперь, чтобы она глупостями себе прекрасную головку засоряла.

Христина. Но вы слово сдержите?

Екатерина. Вот вы все такие! Чуть к человеку привнешься, он сразу начинает сомнения выказывать. Я, как обещала, дом новобрачным подарю рядом с моим летним дворцом и, может, даже соединю их крытым переходом.

Христина. Это еще зачем?

Екатерина. А вдруг мне захочется стихи послушать, в рифмах поговорить с умным человеком, с талантливым русским поэтом?

Христина. А свадьба скоро?

Екатерина. Не торгуйся, капитан амазонской роты! Помолчи лучше.

Прелеста стоит в дверях и слушает.

Е к а т е р и н а (*заметив девушку*). Подойди сюда, дитя мое.

П р е л е с т а (*подходя и целуя протянутую ей руку*). Спасибо, ваше величество, за заботу и подарки. Только можно я с Гаврилой в кибитке в Петербург поеду?

Е к а т е р и н а. И не мечтай. Мы будем о высоких материях разговаривать. Время пролетит незаметно.

П р е л е с т а. Тогда можно мы с ним здесь останемся?

Е к а т е р и н а. Я порой не понимаю людей. Где Державин? Немедля сюда!

Державин уже стоит, ждет своей очереди.

Е к а т е р и н а. Гаврила, тебе мое общество приятно?

Д е р ж а в и н. Как никакое другое, ваше величество.

Е к а т е р и н а. Согласен ли ты до Петербурга со мной в кибитке ехать?

Д е р ж а в и н. Почту за честь, государыня.

Е к а т е р и н а. А вот твоя невеста Прелеста возражает и даже хочет, чтобы ты здесь остался.

Д е р ж а в и н. Здесь?

Е к а т е р и н а. И от свадьбы на весь Петербург отказался, и от дворца на Фонтанке отказался, и от полковничьего чина, и от тысячи душ крепостных, и от собрания сочинений в кожаных переплетах. И остался здесь в глуши, в бедности, и растили бы вы с Прелестой полдюжины золотушных детишек и ездили в гости к твоему дяде Дремову...

Д р е м о в. Я бы тебе не посоветовал такой жизни.

Д е р ж а в и н. Ты на самом деле, Прелеста, желаешь моей гибели ради любви к тебе?

П р е л е с т а. Я уж и не знаю, чего желаю. Только желаю тебя, милый, сохранить.

Е к а т е р и н а. Не съем я его. Учти разницу между благодеяниями и любовью. Я действую в интересах государства. И твой Гаврила теперь не только наш с тобой, но и государственная собственность.

П р е л е с т а (*тихо рыдая*). Поехали, милый, в Петербург, поехали скорее. Только со мной в одном возке.

Х р и с т и н а. Нет, сестренка, поедешь со мной вместе, будем с тобой обсуждать твою супружескую жизнь в столице.

Е к а т е р и н а. Где Саша, где мой верный паж?

С а ш а. Я здесь.

Е к а т е р и н а. Познакомьтесь. Это Саша Радищев, юный радикал, а это граф Орлов. Он только что из Лейпцига, изучал там право и поднабрался непонятных слов. Ты, Саша, знаешь, кто такой импотент?

С а ш а. Знать не знаю, и быть импотентом не желаю, потому что вернее всего это представитель эксплуататоров и угнетателей трудового народа.

Е к а т е р и н а. Замечание, не лишнее смысла. Так вот, граф Орлов тебя приспособит в пажеский корпус, а после отправишься в Германию изучать философию. И чтобы, когда вернешься в Россию, всей этой глупости по поводу освобождения крестьян, у тебя в голове не водилось. Обещаешь, мой мальчик?

С а ш а. Ничего я не могу обещать, потому что у меня есть принципы.

Е к а т е р и н а. Ничего, обломаем твои принципы. Сядешь в кибитку с графом и будешь с ним разговаривать о мировой философии. Иди, иди... И все идите. Наша история чудесно закончилась, теперь впереди дорога и целая жизнь впереди. И будем мы все любить друг друга, и будет в России справедливость. А ты, Прелеста, кончай реветь! Не люблю, когда глупые девчонки режут. Умей отстоять своего кавалера, и тогда и тебя буду уважать.

П р е л е с т а. А как?

Е к а т е р и н а. Подсказки не будет.

Екатерина уплывает со сцены.

На опустевшую сцену выходит растрепанная, несчастная Ворчалкина.

Видит Прелесту.

В о р ч а л к и н а. Спешу, дочка, за своим призрачным счастьем. Ведь вся эта история крутилась вокруг твоих интересов. Вот и докрутилась.

К Ворчалкиной подходит Дремов.

Д р е м о в. Считаю, тебе повезло, что императрица тебя помиловала.

За окнами начинает играть оркестр.

Через гостиную проходят уже одетые в шубы или зипуны все герои.

Сначала проплывает Екатерина. За ней Матрена Даниловна, которая ведет на цепи Гремыхина. Фентифлошина ведут два кавалергарда, он в солдатской шинели и гренадерке.

Державин ведет под руку Прелесту. Христина сзади подгоняет сестру плеткой.

Граф Орлов с Сашей горячо обсуждают проблемы народной свободы.

Некопейкин с трудом тащит свои кандалы.

В о р ч а л к и н а. Слава Богу, что все так хорошо кончилось. И мы на свободе.

Звонят бубенцы. Гаснет свет.

Занавес.

КРОКОДИЛ НА ДВОРЕ

КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

квартира № 1

Колюшкин Семен Семеныч. Средних лет упитанный некрасивый мужчина.

квартира № 2

Кресс Эдуард Борисович. Ихтиолог. Одержимый человек.

Кресс Галина Платоновна. Директор рыбного магазина. Крупная, красивая, внешне веселая дама.

квартира № 3

Мушина Елена Ивановна. Миловидная добрая женщина лет пятидесяти, работает счетоводом. В жизни ей мало везло, и она хочет, чтобы повезло другим.

Мушин Саша. Сын Елены Ивановны, бывший дальнийбойщик, теперь таксист, уставший от ответственности и безнадёжности.

Геня. Невеста Саши, найденная им в лесной речке. Русалка. Разумеется, неграмотная, смотрит сериалы, капризна, сама не знает, чего желает.

квартира № 4

Плошкин Николай Лукьянович. Пенсионер. За шестьдесят, еще крепкий мужчина, не прочь жениться, изъяс-

няется скучно и казенно, служил в армии, выше майора не поднялся.

Доктор

Местный житель

Спектакль идет с двумя занавесами. Первый занавес изображает нижние этажи стандартной панельной башни с подъездом в центре. Когда он раздвигается, то внутренний занавес представляет собой лестничную площадку с лифтом и двумя парами квартир по сторонам. Слева квартиры 1 и 2, справа — 3 и 4.

Когда действие переносится в одну из квартир, то раскрывается та часть внутреннего занавеса, что несет на себе изображение соответствующей двери, так что зритель догадывается, в какую из квартир мы вошли.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ночь, в стороне горит фонарь. По звукам проезжающих автомобилей можно догадаться, что недалеко пролегает улица.

Картина совершенно мирная.

И вдруг тишину пререзает отчаянный кошачий визг, словно сошлись коты в мартовской драке. Потом визг переходит в странный звук, в котором смешались хруст и чавканье...

Все стихло. Лишь слышен отдаленный мерный гул.

Из подъезда выбегает Колюшкин с хлыстом в руке. Подобно Карабасу Барабасу, он хлещет кнутом по асфальту. Потом кидается направо.

С другой стороны медленно идет тень громадного крокодила.

Крокодил исчезает за углом башни.

Следом за крокодилом шагает Кресс с фонариком в руке.

Лучом фонарика он елозит по земле, разыскивая следы. И уходит следом за крокодилом за угол дома.

Дверь в подъезд приоткрывается.

Возвращается крокодил.

Он уверенно входит в приоткрытую дверь.

Дверь хлопает. Возвращается Колюшкин. Тоже входит в дверь.

Тишина. Наконец вернулся и Кресс.

Он прячет фонарик и идет домой.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Следующий день. К вечеру. Солнце заходит. На скамейке у подъезда сидит Кресс. Он прислушивается: сверху, из открытого окна доносится репортаж о футбольном матче. Рядом с Крессом на скамейке стоит желтый портфель.

Взрыв шума на стадионе, крик комментатора.

Кресс вскакивает, задирает голову. Он готов взобраться на скамейку.

Подъезд открывается, и выходит Плошкин с большим ведром в руке. Ведро тяжелое, оттягивает руку. Плошкин смотрит на Кресса с подзрением. Он на всех так смотрит.

К р е с с. Здравствуйте.

П л о ш к и н. А вы что здесь делаете?

К р е с с. Вообще-то я живу здесь. Но ключи дома оставил. Специально в институте отпросился, а ключи оставил. И Галины дома нет. У вас какой телевизор?

П л о ш к и н. Нет у меня телевизора. Вредно телевизор смотреть.

К р е с с. Жалко. А я уж надеялся.

П л о ш к и н. Да если бы и был, разве я пустил бы к себе чужого человека? У меня ценности дома!

К р е с с. А может, ваш ключ к моей квартире подойдет?

П л о ш к и н. У меня ключ по спецзаказу, норвежский рыболовный. На такие замки склады с лососиной запирают.

Плошкин уходит, вода плещется в ведре, оттуда выпрыгивает рыбка. Кресс кидается за рыбкой. Плошкин оборачивается, они сталкиваются. Плошкин оказывается проворнее. Он кидает рыбку обратно в ведро.

К р е с с. Любопытно, откуда она у вас?

П л о ш к и н. В аквариум несу, племяннику.

К р е с с. Откуда, откуда, откуда?

П л о ш к и н. В зоомагазине купил — откуда еще?

К р е с с. Адрес магазина?!

Как привязанный он шагает за Плошкиным,
а Плошкин все ускоряет шаг.

Кр е с с. Сколько стоит?

Плошкин не отвечает, переходит на бег.

Но умудряется не врезаться в Галину Кресс. Зато ее муж с ней сталкивается.

Г а л и н а. Ты куда? Разве у тебя футбол кончился?

Кр е с с. Ты ключ принесла! Спасибо...

Он хочет бежать дальше за Плошкиным, но тот уже исчез.

Кр е с с. Ну что же ты его не задержала?

Г а л и н а. Ты футбол хотел смотреть?

Кр е с с. Футбол? Конечно, футбол. А знаешь, что у него в ведре было?

Г а л и н а. Вода.

Кр е с с. Принус симбиозис. Правда, меня смущает окраска. Лиловые полосы на жабрах.

Г а л и н а. Ты бы спросил.

Кр е с с. А он не хотел отвечать. Бежал быстрее лани.

Г а л и н а. На лань он не похож. Пошли домой?

Из подъезда выходит Елена Ивановна.

Е л е н а И в а н о в н а. Здравствуйте. Я в магазин собралась. Может, вам чего купить?

Г а л и н а. Ну зачем же так? Теперь продуктов всем хватит.

Кресс вырывает у нее ключи и скрывается в подъезде.

Е л е н а И в а н о в н а. Не знаю, не знаю. Раньше я сто двадцать получала. И Саша приносил. Ни в чем себе не отказывали.

Г а л и н а. Что в магазине дали, в том и не отказывали.

Е л е н а И в а н о в н а. А в чем отказывать? Даже на отпуск оставалось. Каждый год в Крым. А теперь — где Крым? Подарили.

Г а л и н а. А ваш сын работает или учится?

Е л е н а И в а н о в н а. Поздно ему учиться. Тридцать лет. А он в институт поступал, но тут Геня появилась. И сразу наше материальное положение пошатнулось.

Они замолкают, и слышно, как мерно доносится отдаленный шум.

Е л е н а И в а н о в н а. Это у Плошкина в квартире.

Г а л и н а. Мне кажется у него станок стоит, может быть, трикотажный.

Е л е н а И в а н о в н а. Не думаю.

Г а л и н а. У вас он рядом. Наверное, спать мешает?

Е л е н а И в а н о в н а. Мы привыкли.

Из подъезда выходит Колюшкин. Ведет на цепочке крупного кота.
Второй высовывается из-за пазухи.

Г а л и н а. Моцион?

К о л ю ш к и н. Добрый вечер. В воспитании живых существ главное — режим, питание и свежий воздух.

Один из котов издает угрожающее мяуканье.

К о л ю ш к и н. Он у меня любого пса разорвет. Большая внутренняя ярость заложена в этом небольшом хищнике.

Е л е н а И в а н о в н а. Вы вроде раньше их просто выпускали.

К о л ю ш к и н. До вчерашнего дня. Но сегодня ночью имела место трагедия. Кто-то разорвал на куски, буквально на куски Барсика. Лучшего бойцового кота, можно сказать, прирожденного киллера.

Е л е н а И в а н о в н а. На каждого киллера найдется антикиллер.

К о л ю ш к и н. И я его найду. И растерзаю. *(Колюшкин уходит.)*

Е л е н а И в а н о в н а. Он мне неприятен. Он жестокий человек.

Г а л и н а. А я думаю, что он обыкновенный мужчина, который нашел свое дело. Любимое дело. Как и мой Эдик, он поглощен своим любимым делом без остатка.

Е л е н а И в а н о в н а. И все-таки трудно любить такое дело — разводить котов-киллеров. В этом есть что-то противоестественное. А ваш супруг кто по специальности?

Г а л и н а. Эдуард — ихтиолог. Вернее, даже ветеринар по болезням рыб. Но он увлечен другими проблемами, как бы вторичными.

К дому подходит Саша. Он несет абажур.

С а ш а. Здравствуйте.

Е л е н а И в а н о в н а. Ты что, премию получил?

С а ш а. Нет, у Юры Митина занял.

Е л е н а И в а н о в н а. Ну сколько можно испытывать человеческую снисходительность? Пошли, пошли. До свидания, Галина Платоновна.

Все они входят в подъезд.

Внешний занавес поднимается.

Следом за ним раскрывается внутренний занавес в той части, где нарисована дверь к Мухиным — в третью квартиру.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Обстановка в квартире Мухиных бедная, вещи остались большей частью тех времен, когда был жив муж Елены Ивановны. А вот новых вещей почти нет. Даже лампа над столом в бумажном абажуре.

С а ш а. Геня, смотри, что я купил!

Е л е н а И в а н о в н а. Наверное, дорогой.

С а ш а. Умеренно. Геня, ты не утонула?

Геня наконец появляется в комнате. Она в халатике, волосы распушены, она производит впечатление больной, несчастной девушки, при том жалеет себя и подчеркивает свое состояние. Ей нравится, что Елена Ивановна и Саша постоянно чувствуют себя перед ней виноватыми.

Г е н я. Мне сегодня нездоровится. Здесь першит... А ты что принес?

С а ш а. Вот, абажур. Ты жаловалась, что тебе без абажура неуютно. Видишь, я его здесь повешу.

Г е н я. Ты с ума сошел! Он же оранжевый! Неужели ты не знаешь, что оранжевый цвет меня как бы раздражает. У меня от него глаза болят. Скажи, ты нарочно купил такой абажур, чтобы меня мучить?

С а ш а. Геня, не волнуйся. Ну не будем мы вешать этот абажур.

Г е н я. И купим другой?

С а ш а. И купим другой. Голубой. Хочешь голубой?

Г е н я. И откуда же у тебя деньги на голубой? Что, снова Юра Митин даст?

С а ш а. Извини. Я этот сдам и возьму голубой. Я ведь хотел теплее цвет, чтобы уютней, понимаешь? Но сменим. Завтра пойду и сменю. Я чек сохранил.

Г е н я. Я иногда поражаюсь твоему легкомыслию. У меня как бы нет купальной шапочки, халат еле держится, даже шлепанцы старенькие. Ты видишь? А он покупает абажур. Наверное, иностранный.

С а ш а. Турецкий. Дешевый.

Г е н я. Вот видишь, дешевый! А знаешь, что говорила моя мама? Мама всегда говорила: мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи.

Е л е н а И в а н о в н а. Генечка, не волнуйся, тебе вредно волноваться.

С а ш а. И врать не стоит — твоя мама кинула тебя в воду и забыла о тебе. Как она могла тебе советы давать?

Г е н я. Глупый, мы с ней потом встретились, она мне столько всего интересного рассказывала. А потом ее убили... Из нашей кожи сумки делают. *(Картинно рыдает и убегает из комнаты.)*

Е л е н а И в а н о в н а. Зря ты так девочку обидел. Она же нервная.

С а ш а. Иногда ее фантазии меня достают... ведь это все ее выдумки.

Е л е н а И в а н о в н а. Девочка росла без матери, и конечно же, у нее появились фантазии. Любому ребенку нужна семья, а что у нее было?

Саша подходит к двери в другую комнату и стучит.

С а ш а. Геня, открой, я прошу прощения. Извини меня.

Г е н я. Не открою. Ты уже тысячу раз прощения просил. *(Заходится в кашле.)*

Е л е н а И в а н о в н а. Надо срочно вызывать доктора. Не нравится мне этот бронхит.

С а ш а. Может быть, платного?

Е л е н а И в а н о в н а. У нас свой, участковый, говорят, неплохой.

С а ш а. А вдруг он заметит что-нибудь в ее организме. Ведь мы так старались, мама...

Е л е н а И в а н о в н а. Мы не можем рисковать здоровьем Гени.

Г е н я *(выходит к ним)*. Вам все равно какое у меня здоровье. Мне надо на свежий воздух, к воде.

Е л е н а И в а н о в н а. Где ее найдешь? Еще апрель, вода холодная.

Г е н я. А вы меня на Черное море отвезите. Или на Кипр. По телевизору такая реклама. Кипр! Там все отдыхают.

Е л е н а И в а н о в н а. Ты же знаешь, у нас пока денег нет.

Г е н я. Заработайте, украдите, в конце концов! Я что, просила меня в Москву привозить?

С а ш а. Ты бы померла.

Г е н я. Это твоя теория. Может, ты притворился, что мне так плохо, чтобы утащить и соблазнить.

С а ш а. И до сих пор не соблазнил?

Г е н я. А я не хотела.

Е л е н а И в а н о в н а. Дети, дети, зачем ссориться? Все будет хорошо. Ты весну у нас проживешь, а вот летом мы тебе найдем место. Чистое.

Г е н я. Снова в лес хотите меня отправить? Чтобы я в глуши погибла? Вы же так сделали, что я к телевизору привыкла. Саша обещал меня в вечернюю школу устроить. А теперь все — убирайся в свой лес? Я на вас в суд подам.

С а ш а. Ну что я могу поделать! Ты же сама мне не хочешь помочь! Тебе телевизор зачем нужен?

Г е н я. Чтобы смотреть.

С а ш а. Что смотреть? Конкретно, что?

Г е н я. Сейчас сериал начинается.

С а ш а. Это зрелище для кошек, а не для людей. Там ни одной мысли нет. А ты хоть одну разумную передачу посмотрела? Учебную?

Г е н я. Перестань меня травить. Лучше я умру! Да, конечно, я скоро умру, и вы от меня избавитесь.

Е л е н а И в а н о в н а. Вряд ли Саша хотел от тебя избавиться, когда тащил из речки.

Г е н я. Я уже ничего не знаю! И никому не верю. Может, вы меня съесть хотите? Известны такие случаи.

С а ш а. Неизвестны такие случаи. А вот один Отелло задушил одну Дездемону, потому что она надоела ему своим глупым нытьем.

Г е н я. Она была русалкой?

С а ш а. История об этом умалчивает.

Г е н я. А что сделали с Отеллой?

С а ш а. Книги надо читать.

Г е н я. А по телевизору про него показывали?

Е л е н а И в а н о в н а. Может, ты покушаешь немножко? Я картошки поджарила на подсолнечном масле.

Г е н я. У меня нет аппетита. А что сделали с Отеллом?

С а ш а. Его посадили в тюрьму.

Г е н я. Всего-то? Он Дездемону задушил из-за пустяка, а его только в тюрьму. Я бы его тоже задушила. Нельзя русалок уничтожать. Им место в Красной книге.

Е л е н а И в а н о в н а. А может, ты хочешь погулять?

Г е н я. Наверное, дождик начинается.

Е л е н а И в а н о в н а. Погуляешь, аппетит нагуляешь. А Саша пока обед подогреет.

Г е н я. А ветра нет?

С а ш а. Ты же молодая! А всего боишься.

Г е н я. Всего! А ты не способен к жалости. Пошли, баба Лена. И когда умру, ему станет стыдно.

С а ш а. А ты куртку надень. А то продует.

Г е н я. Вот назло тебе не надену.

Сама берет с полки куртку и натягивает.

Она первой идет к двери. Уверенно, будто сомнения покинули ее.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Елена Ивановна с Геней выходят на улицу. Вечерет.

Е л е н а И в а н о в н а. Куда пойдём? Хочешь, в сквере погуляем? Или — на пруд?

Г е н я. Пойдем куда-нибудь, только недалеко.

Они едва успевают дойти до угла дома, как навстречу им шагает Кр е с с, который несет сумку с пивом.

К р е с с. Наши выиграли. Вы слышали?

Е л е н а И в а н о в н а. Поздравляю. Вы, наверное, очень рады?

К р е с с. Не то слово.

Е л е н а И в а н о в н а. А это Геня. Геня, это Эдуард Борисович. Наш сосед. Ихтиолог по пресноводным болезням рыб.

К р е с с. Просто Эдуард, просто. Называйте меня просто Эдуардом. Что-то вы такая бледненькая.

Г е н я. Я не бледненькая. Я буквально как бы зеленая. Эта жизнь не для меня.

Е л е н а И в а н о в н а. Геня родом с севера, привыкла жить на свежем воздухе, а у нас, в Москве, сами понимаете, разве это воздух.

К р е с с. Экологическая катастрофа. Вот именно. Только пивом и спасаюсь. Вы любите пиво?

Г е н я. Не выношу!

К р е с с. Я тоже. А волосы вы красите?

Г е н я. Я такой родилась.

К р е с с. Вот именно. Такой родилась.

(Он идет к дому.)

Е л е н а И в а н о в н а. Может, домой вернемся?

Г е н я. Не хочу домой. Пошли на рынок.

Е л е н а И в а н о в н а. Но Сашенька будет с обедом ждать.

Г е н я. Подождет. А мы всякой зелени купим.

Е л е н а И в а н о в н а. Погоди тогда здесь, я кошелек возьму.

Возвращается в подъезд.

Идет с прогулки Колюшкин. Один кот на поводке, второй за пазухой.

Геня пугается, вскакивает с ногами на скамейку.

К о л ю ш к и н. Вот чудачка, мои зверюшки людей не трогают, они на другую дичь натасканы.

Слышно злобное кошачье шипение.

К о л ю ш к и н. Ну, маленькие мои, ну крошки, это девушка! Не трожь, тебе говорю!

Г е н я. Саша!

Но из дома выбегает не Саша, а Кресс. В руке старинная книга в кожаном переплете.

К р е с с. Я из окна увидел. А ну, уберите своих зверей! Видите, девушка боится.

К о л ю ш к и н. Я лучше знаю, кого убирать, а кого оставлять! Мои коты без приказа ни на кого не кидаются.

К р е с с. Так дайте им приказ ползти домой, а то я им ноги обломаю!

К о л ю ш к и н. Ты что вдруг взъерился? Таких, как она, на любом перекрестке — ложкой можно хлебать.

К р е с с. Что вы понимаете! Эта девушка, возможно, занесена в Красную книгу!

Геня осторожно спрыгивает со скамейки и тут ей навстречу выходит Елена Ивановна.

Е л е н а И в а н о в н а. Что случилось? Кто тебя обидел?

Г е н я. Эти животные хотели меня сожрать!

К о л ю ш к и н. Чепуха, Елена Ивановна. Вы же меня знаете! Разве мой кот хоть кого-нибудь сожрал или даже царапал?

Е л е н а И в а н о в н а. Бог вас знает. Но люди и собаки вокруг исчезают и некоторые на вас думают.

Колюшкин тянет своих зверей к подъезду.

К о л ю ш к и н. За такую клевету я вас знаете куда упеку?

К р е с с. Учтите, что я свидетель того, как вы натравливали животных на детей.

К о л ю ш к и н. Еще чего не хватало. Уж с котом не выйдешь погулять! А вы знаете, что этой ночью я недосчитался одного сиама? Жуткой преданности мне был кот. Возможно, предотвратил покушение. У меня на него были выгодные предложения! *(Уходит.)*

К р е с с. Опасный человек. Я бы на вашем месте не выпускал девушку одну.

Он подходит к Гене — само внимание.

К р е с с. Ты так запыхалась. Ты вообще кошек не любишь?

Г е н я. И волков не люблю. А людей просто ненавижу.

К р е с с. У тебя было трудное детство?

Г е н я. Детство как детство.

К р е с с. А твои родители?

Г е н я. Мои родители, как и все родители, как бы наматали икру и снова кинулись к своим играм и хороводам. Вы же понимаете!

Из подъезда выходит Саша.

Е л е н а И в а н о в н а. Ты куда?

С а ш а. С ребятами в кинга сыграем.

Е л е н а И в а н о в н а. Генечка, пошли домой, уже вечереет. Ты можешь простудиться. Видишь, как ты кашляешь. Вы, Эдуард Борисович, не обращайтесь внимания, у девочки жар. Я даже доктора вызвала. Районного. Обещал до восьми быть.

К р е с с. Правильно. Совершенно правильно! Доктор необходим таким существам, как ваша Гена. Совершенно необходимо. И если понадобятся лекарства или, может быть, диетическое питание, вы не стесняйтесь, по-соседски я ради Гени на многое пойду.

Е л е н а И в а н о в н а. Спасибо большое, но мы оба с Сашей работаем, нам хватает.

Геня. Хватает, но не всегда. Мне, например, так хочется ананаса, а никто мне как бы не покупает ананасов.

Елена Ивановна. Постыдись людей, Геня. Я завтра же куплю тебе ананас.

Геня. Когда после напоминания, это совсем не так сладко, как кажется.

Елена Ивановна уводит Геню. Геня оборачивается и смотрит на Кресса. Видно, с ней еще не говорили так мягко, так заискивающе.

Кресс. Неужели? Неужели такое счастье? И так близко от собственного дома? Такого везения не бывает... и я должен все проверить...

Кресс усаживается на скамейку, потом поднимается, начинает мерить шагами площадку перед домом. Он садится, раскрывает большую старинную книгу и читает, водя пальцем по страницам.

Кресс. Вот именно! Именно так!

(Смотрит на часы.)

Кресс. Безобразие. Наша медицина никуда не годится. Где ваша пунктуальность, господин доктор?

Идет доктор. Совсем иного сложения и внешности мужчина, нежели Кресс. Кресс отступает с его дороги, но доктор обращается к нему.

Доктор. Скажите, пожалуйста, это дом шесть корпус два?

Кресс. Может быть. Я не здешний.

Доктор. Ага, вон написано! Видите — дом шесть корпус два.

Направляется к подъезду. Он входит в подъезд.

Кресс за ним.

Кресс. А вы — доктор?

Доктор. Я участковый врач. Направляюсь по вызову в квартиру номер три.

Кресс. Совершенно верно.

Он входит в подъезд следом за доктором.

Вечер. Уже тихо, только слышно, как работает какой-то станок у Плошкина.

Потом из подъезда доносится короткий крик.

Доктор. Как вы смеете... прекратите...

Тишина.

Внешний занавес раскрывается.

Лестничная площадка.

Доктор связан, во рту кляп. Он засунут в шель между лифтом и распределительным шкафом.

Кресс в белом халате, с саквояжем звонит в третью квартиру.

Дверь раскрывается. Его встречает Елена Ивановна.

Кресс входит. Мы видим, что он в рыжем парике, темных очках. Совсем непохож на себя.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Квартира Мухиных.

Кресс (*стараясь говорить низким голосом*). Где наша больная?

Елена Ивановна. Руки здесь мыть — на кухне.

Кресс. Руки? Я сегодня уже мыл. Давайте, давайте, мне некогда с вами прохлаждаться.

Елена Ивановна. Геня, ты уже в ванну успела залезть! Ну зла на тебя не хватает. Ты же знала, что доктор пойдет. Зачем в ванну залезла? Доктор, садитесь. Может, чаю хотите?

Кресс. Чаю я не хочу. Я хочу больную.

Елена Ивановна. Кого же вы мне напоминаете? Я вас раньше не встречала?

Кресс. Может быть, уже вызывали?

Елена Ивановна. А вы не помните?

Кресс. Вас много, гражданка.

Входит Геня. Опять в халатике, волосы по плечам.

Геня. Ну иду, иду, зачем меня вызывали?

Елена Ивановна. К тебе доктор пришел.

Геня. Вижу. Вы ко мне?

Кресс. Что вас беспокоит?

Елена Ивановна. Хронический бронхит.

Кресс. Тогда давайте для начала заполним историю болезни.

(Открывает портфель доктора и начинает в нем копаться, на пол падает стетоскоп, тонометр, бумаги, разлетаются рецепты.)

Кресс. Так, дайте мне лист бумаги! Что, у вас бумаги дома не найдется?

Геня с Еленой Ивановной собирают содержимое портфеля. Кресс не смотрит на них. Он начал писать.

Кресс. Больная, год и место рождения?

Геня. Примерно лет восемнадцать назад, а может, двадцать.

Кресс. Точнее.

Геня. Куда уж точнее.

Елена Ивановна. Геня происходит из глухой деревни, ее родители скончались, и поэтому не сохранилось документов.

Кресс. И где же эта таинственная деревня?

Елена Ивановна. Вологодская область, Великогуслярский район. На реке Гусь.

Кресс. Чем болела в детстве?

Геня. Чесоткой. У нас многие чесоткой болели. Потом кожа стала облезать.

Кресс. И какой вам поставили диагноз?

Геня. А кому ставить-то? Но я понимаю теперь — интоксикация организма. Как бы отравление. Там химкомбинат по производству стирального порошка поставили. От этого порошка весь район как бы вымер. Зато, говорят, порошок был исключительный. Смешно, правда? У меня мама померла и все тетки.

Кресс. А ваш отец?

Геня. А кто их, мужиков, у нас помнит?

Кресс. Типичный случай. Я об этом неоднократно читал в специальной литературе. А Магнус Великолепный специально указывает. И на что жалуется?

Елена Ивановна. Кашель. Бронхит. Я же сказала!

Кресс. А с вами, гражданка, никто не разговаривает. Помолчите. Я пришел к больной, а не к вам.

Геня. Правильно. А то они все время меня как бы учат и учат.

Кресс. Давайте вас послушаем.

Геня. Давайте.

Кресс. Разденьтесь до пояса.

Геня. Зачем?

Кресс. А то как же я буду вас слушать.

Геня. Я буду говорить, а вы слушайте.

Елена Ивановна. Может, в следующий раз?

Кресс. Следующего раза не будет. Если станете сопротивляться, я вызову «скорую помощь». Кстати, психиатрическую. Это вам что-нибудь говорит?

Елена Ивановна. А за что? Что мы сделали?

Кресс. А вот это мы посмотрим. Раздевайтесь.

Елена Ивановна. Делай, раз велят.

Геня скидывает халат и остается в трусиках и лифчике. Кресс жестом велит ей снять лифчик. Геня оглядывается на Елену Ивановну, та только руками разводит.

Доктор отыскивает в портфеле стетоскоп и не очень ловко начинает слушать Геню.

Кресс. Дышите. А теперь не дышите. Снова дышите. А вот здесь не дышите.

Геня. Ой, щекотно!

Кресс. Забудьте о щекотке.

Геня. Я ваши руки как бы знаю.

Кресс. Помолчи, мое солнышко.

Геня. Я устала дышать.

Елена Ивановна. А ты отдохни. Доктор, ну пожалейте Генечку. Ей трудно, пускай отдохнет.

Кресс. Пускай отдохнет. А теперь дай-ка я твою головку осмотрю.

Елена Ивановна. Не надо! Там все в порядке.

Кресс. Открой рот и скажи «А»!

Геня. Аааа.

Кресс. Еще раз.

Елена Ивановна. Что у нас?

Кресс. Пока сказать не могу.

(Он берет руками голову Гени и начинает прощупывать кожу за ушами девушки.)

Кресс. А ну-ка что у нас за ушками? Вдохните? И подышите ушками.

Елена Ивановна. Она совершенно нормальная.

Кресс. Мамаша, попрошу не притворяться. У вашей девочки совершенно нормальные жабры. Скажите на милость, откуда у русского ребенка могут получиться жабры?

Елена Ивановна. Ума не приложу. Но знаю, что у Гени бронхит, и вы должны дать лекарство от бронхита.

Кресс. От бронхита, говорите? Ха-ха-ха.

Елена Ивановна. И не надо над нами издеваться. Мы простые люди, и если что не так, то лучше объясните, чем издеваться.

Геня. Мне за ушами как бы шекотно.

Кресс. Еще бы, воздух сушит. А вы в ванночке любите лежать?

Геня. Кто не любит!

Кресс. Любите?

Геня. А где еще лежать?

Кресс. На кровати.

Геня. В ванне лучше.

Елена Ивановна. Генечка у нас и на кровати спит, вы не думайте.

Кресс. А что же я думаю?

Елена Ивановна. Бог вас знает.

Кресс. Кто отец ребенка?

Геня. Она — моя бабушка.

Кресс. Гражданка Мухина, покажите мне свои уши.

Елена Ивановна. Еще чего не хватало. Я совершенно нормальная женщина.

Кресс. Значит, ваша Геня ненормальная?

Елена Ивановна. Вот уж этого я не говорила.

Кресс ошупывает голову Елены Ивановны. Та вырывается. Кресс удовлетворен.

Кресс. Так кто же отец ребенка?

Елена Ивановна. Не помню.

Кресс. Вот ответ, достойный советской женщины. А вы, Геня, раздевайтесь дальше.

Геня. Совсем?

Кресс. Ладно, оставьте трусики... пока.

Елена Ивановна. Может быть, не стоит...

Геня. Ничего, пускай смотрит.

Кресс (*негромко*). Я готов смотреть всегда. Согните ножку в колене.

Геня садится перед ним и протягивает ногу, кладя пятку на колено доктору.

Кресс. Вот именно этого я ожидал. Чем выводите чешую с ног?

Геня. Пятновыводителем «Триумф», вы знаете его? Показать?

Кресс. Это же опасно! Можно такую экзему заработать!

Геня. А вы что посоветуете?

Кресс. Я посоветую прежде всего не идти против природы! Природа наградила вас чешуей на ногах и берегите ее! Чешуя, девушка, дается человеку однажды.

Геня. Но я ведь не человек!

Кресс. Чепуха. Вы относитесь к человеческому племени, хоть и редкой его разновидности. Мы с вами можем дать потомство.

Геня. Мы с вами?

Кресс. Я в переносном смысле.

Геня. Вы думаете, не надо было чешую сводить?

Кресс. Я в этом убежден.

Их разговор постепенно приобретает интимный характер, как будто Елены Ивановны в комнате нет. Той становится неприятно, и она вмешивается.

Елена Ивановна. Геня шутит. Какая еще может быть чешуя на ногах!

Кресс отрывает от икры девушки нечто маленькое, как блеска, и показывает Елене Ивановне.

Кресс. И как это называется?

Геня. Мне холодно.

Кресс. Гражданка, ваша внучка, без всяких сомнений, русалка.

Геня. И что в этом плохого?

Кресс. Ничего плохого. И среди русалок встречаются приличные люди. У меня долгое время были подозрения, что моя собственная жена русалка, но в последние годы я вынужден был отказаться от своих подозрений.

Елена Ивановна. Значит, русалкам можно замуж за человека выходить?

Кресс. Все равно что узбечкам.

Елена Ивановна. И дети будут?

Кресс. Как пишет Магнус Великолепный в своем труде, изданном впервые в 1576 году и ныне забытом, русалки могут размножаться как люди, то есть, простите, традиционным способом.

Геня. Вы мне расскажете потом?

Кресс. А в экологически трудные моменты или в периоды стихийных бедствий русалки порой переходят к рыбному способу, то есть мечут икру.

Елена Ивановна. Какой ужас!

Геня. Не бойтесь, со мной этого не случится.

Елена Ивановна. Вы выпишете нам лекарства?

Кресс. Я сам принесу. Куплю и принесу. Потому что я против того, чтобы привлекать к Гене излишнее внимание других людей. Это может стать опасным.

Елена Ивановна. Спасибо, доктор.

Кресс. Я завтра приду. После шести.

Елена Ивановна. А что пока посоветуете?

Кресс. Беречься от простуды и больше фруктов.

Отчаянный звонок в дверь.

Кресс. У вас окно без решеток?

Елена Ивановна. Разумеется, без решеток. Что у нас воровать?

Звонок звенит без перерыва.

Затем в дверь начинают молотить.

Кресс старается открыть окно. Геня заливается смехом. Елена Ивановна бросается к ней, опасаясь, что она не в себе.

Наконец Крессу удается раскрыть окно и он выпрыгивает наружу. Черные очки остаются на полу, затем халат влетает снаружи в комнату, как птица.

Елена Ивановна в полной растерянности бежит к двери. В комнату врывается доктор, сидевший связанным у лифта.

Доктор. Где он? Где этот мерзавец и грабитель? Где этот убийца? Скорее дайте мне телефон, я позвоню в милицию.

Тут он видит на столе свой чемоданчик и кидается к нему. Начинает проверять, все ли на месте.

Потом бежит к окну.

Доктор. Тут невысоко. Но, надеюсь, он сломал ногу. И халат мой помял, даже испачкал. Нет, вы посмотрите, он его испачкал! *(Он натягивает халат.)*

Елена Ивановна. Зачем ему это понадобилось?

Доктор. А вы вещи проверяли? Телевизор, радиолу? Под видом врачей порой работают обычные грабители.

Геня. А он не грабитель. Я его узнала.

Елена Ивановна. Что? Он местный? Откуда ты его узнала?

Доктор. Немедленно звоним в больницу.

Геня. Нет, не звоним. *(Она уже оделась. Снова в халатике.)*

Елена Ивановна. Вы руки мыть будете?

Доктор. И на что жалуемся?

Елена Ивановна. У нас бронхит.

Доктор. У вас тоже?

Елена Ивановна. Только у Гени.

Доктор. Вот с ней я и поговорю. На что жалуетесь?

Геня. Кашель, слабость, печальные мысли и чесуя на ногах.

Доктор. Раздевайтесь... нет, не вся. Только до пояса. Покашляйте. Все ясно. Купите в аптеке бальзам Биттнера. И спросите там каких-нибудь капель от кашля.

Елена Ивановна. Что-нибудь серьезное?

Доктор. Ничего серьезного. Сезон неудачный, весна.

Геня. А ноги смотреть будете?

Доктор. Зачем?

Геня. Чесуя.

Елена Ивановна. Доктор пришел по поводу бронхита.

Геня. Правильно. По поводу бронхита.

Доктор. На визиты надо теперь выезжать с автоматчика-ми. Тебя могут убить в подъезде.

Елена Ивановна. Значит, ничего опасного?

Доктор. Обычные недомогания молодости. Все пройдет, как с летних пам-пам дым.

Геня. Доктор, я русалка, и мне очень трудно жить в городе.

Доктор. Смешно. У вас и жабры есть?

Геня. За ушами.

Елена Ивановна. Генечка, не надо так переживать. У тебя, наверно, температура поднялась.

Доктор. Я понимаю шутки. Понимаю, понимаю! Счастливо оставаться. У меня еще четыре визита. И кого только не встретишь в моей профессии. Я тут позавчера одну старушку осматривал, даже трудно ее старушкой назвать, отлично сохранилась. Представляете, оказалась привидением. А ее му-

чает артрит, она ничего не может поделать, привидение с артритом. Ха-ха.

Геня. Сказки. Привидений не бывает.

Доктор. Русалок тоже.

Геня. А тот, первый доктор сказал, что я отношусь к тому же виду, что сухопутные люди.

Доктор. А вы лучше проверьте, что из вещей пропало.

Геня. Он был хороший. У него руки мягкие.

Доктор делает Елене Ивановне знак, чтобы она отошла с ним к двери. У дверей, понизив голос, он говорит.

Доктор. Русалка или привидение, но дело серьезное. Бюсь, что она долго не протянет. Серьезный случай.

Елена Ивановна. Но ведь есть лекарства?

Доктор. Говорят, в Японии что-то изобрели. Но у них, как вы знаете, одни саламандры остались, русалок давно уже всех перебили. Они из них пирожки делали.

Елена Ивановна. Какой ужас!

Доктор. Жаль девушку. Мне всех жаль.

Геня (*кричит из комнаты*). Баба Лена, что он там тебе говорит? Что я скоро умру, да?

Елена Ивановна. Если дорого, мы постараемся денег занять.

Доктор уходит.

Елена Ивановна (*сразу оборачивается к Гене*). Кто был тот первый доктор? Ты его откуда знаешь?

Геня. Я пошутила. (*Уходит в ванну, на ходу отбрасывая халатик.*)

Елена Ивановна берет сумку, надевает плащ.

Елена Ивановна. Я дойду до рынка, пока не закрылся, у нас на завтра даже молока нет. И хлеб кончился.

Геня не отвечает.

Елена Ивановна. Никому не открывай.

Она уходит, и слышно лишь, как мерно работает какая-то машина в квартире Плошкина.

Потом раздаётся звонок в дверь.

Геня вынуждена вновь надеть халатик на мокрое тело и открыть дверь.
За дверью Кресс. Он в парике, но без очков.

Геня. Привет. Вы чего? Бабы Лены дома нет.

Кресс. А я к тебе. Лекарства принес.

Геня. Как обещали? Ну заходите, заходите и рассказывайте, зачем вы хулиганили?

Кресс. Мне хотелось на вас как следует посмотреть.

Геня. И понравилась?

Кресс. А как догадалась?

Геня. Руки не изменить. Руки у вас те же самые.

Кресс. Старый наивный дурак! Как я мог дать такую промашку! И Елена Ивановна тоже заметила?

Геня. Нет, она испугалась, а я не испугалась. А какие вы мне лекарства принесли? Вкусные?

Кресс достает коробку конфет.

Кресс. Шоколадные конфеты уважаете?

Геня. Разве можно уважать конфеты? Конфеты надо есть.

Кресс. Тогда ешь.

Геня. А можно, я не буду их бабе Лене показывать?

Кресс. Не показывай.

Геня. А можно, я их Саше не покажу?

Кресс. Не показывай.

Сам Кресс при этом ходит вокруг Гени, осматривает ее, трогает и даже пощипывает. Геня не обращает внимания, она занята своими мыслями.

Геня. Щекотно... Я Саше не покажу, потому что Саше это не понравится. Он как будто мой хозяин, а я его любимец. Вы знаете, что такое любимец? Это домашнее животное. Почему вы там меня трогаете? Мне там щекотно.

Кресс. Только щекотно?

Геня. Нет, не только.

Кресс. А ты Расскажи мне, как ты сюда попала.

Геня. А вы знаете, что это тайна?

К р е с с. От меня у тебя не будет тайн.

Г е н я. Почему?

К р е с с. Потому что я тебе нравлюсь.

Г е н я. Какая глупость! Вы старый и совсем некрасивый.

К р е с с. А еще?

Г е н я. А еще вы умеете командовать и люди вас слушают-ся. Я никого не слушаюсь, а вас слушаюсь.

К р е с с. Вот видишь. Это выгодно выделяет меня среди твоих поклонников.

Г е н я. У меня нет поклонников. У меня только Саша, а он мне надоел. Знаешь почему?

К р е с с. Почему?

Г е н я. Он слишком часто говорит слово «извини». Как будто всегда передо мной виноват. А это раздражает. Тебя бы тоже раздражало. А как тебя зовут?

К р е с с. Эдуардом Борисовичем.

Г е н я. Эдик, а чего тебе от меня надо?

К р е с с. Пока сам не знаю. Сначала ты расскажи, как здесь оказалась, а потом посмотрим.

Г е н я. Мы вологодские. А эти сволочи химкомбинат построили на Потье. Пока вы совещались, как сохранить животный мир — это я тоже животный мир! — мы и вымерли. Не первый и не последний случай.

К р е с с. А потом?

Г е н я. Сашок тогда дальнобойщиком работал. По мосту переезжал и увидел меня у самого берега в бессознательном состоянии. Вытащил, откачал. Еще мое счастье, что я двоякодышащая. И живучая как кошка.

К р е с с. Это тебе потом рассказали?

Г е н я. Елена Ивановна. Она меня воспитывает и хочет сделать человеком. Только побаивается, что я ее любимого Сашеньку заграбастаю. Ну какая из меня жена! Чуть что — в ванну, не читаю, не стираю, хозяйство не веду.

К р е с с. Вам нужен состоятельный ответственный мужчина. Чтобы мог о вас заботиться, вывозить вас к морю...

Г е н я. К морю...

К р е с с. На песчаный пляж...

Кресс держит Геню за руку, привлекает ее к себе.

Геня покорно приближается к нему.

К р е с с. Перед нами открывается широкая дорога к жизни.

Слышно, как звякает звоночек — предупредительно...

Г е н я. Саша!

К р е с с. Увидимся, моя прекрасная леди!

Он кидается к тому же окну, сквозь которое вылезал недавно. Входит Саша. В руке у него голубой абажур.

С а ш а. Что случилось? На тебе лица нет.

Г е н я. Ничего... жарко...

С а ш а. Это только кажется, что жарко, а на улице гадчайшая погода. *(Он подходит к окну и выглядывает.)* Любопытно, кто это весь газон под окном вытоптал, словно стадо слонов резвилось. Надо будет решетки на окна поставить. Точно, надо поставить решетки.

Г е н я. А меня ты спросил?

С а ш а. Почему я должен тебя спрашивать?

Г е н я. Очень просто. Я не хочу жить в тюрьме. Может быть, я захочу убежать. Как мне убежать, если ты хочешь сделать настоящую тюрьму. Тебе-то легко, ты не знаешь свободы. Вы, люди, только по тюрьмам и привыкли жить. Как я тоскую по воле! Наверное, я готова к любому убежать, кто мне свободу пообещает.

С а ш а. Ты свободная. Ты живешь у нас потому, что пока еще тебе некуда деваться. Как только я как следует заработаю...

Г е н я. Я это уже полгода слышу!

С а ш а. И еще услышишь. А если ты хочешь попасть в зоопарк или в институт, где тебя разберут на молекулы, — добро пожаловать!

Г е н я. Какой ты жестокий.

С а ш а. Я не жестокий, я терпеливый.

Г е н я. Ты ждешь, когда мне исполнится восемнадцать лет, чтобы надо мной надругаться, да? Ты хочешь сделать меня своей сексуальной рабыней!

С а ш а. Откуда ты этого бреда нахваталась?

Г е н я. Откуда все нахватываются. Я днем популярные передачи смотрю. Ты даже не подозреваешь, сколько интересных вещей нам, пленницам мужского шовинизма, рассказывают.

С а ш а. Хочешь — уходи! Дверь открыта, окно открыто.

Г е н я. Я бы ушла, но Елена Ивановна этого не переживет.

С а ш а. Ну хорошо, хорошо, извини меня. Я не прав. Скажи, как тебе этот абажур?

Г е н я. А что в этом абажуре?

С а ш а. Ты же хотела голубой.

Г е н я. В самом деле?

С а ш а. Ты забыла?

Г е н я. Я ничего не забываю. Просто это сейчас уже несущественно. Как ты умеешь подменять важные проблемы спорами по пустякам!

С а ш а. Я просто надеюсь, что когда-то в один прекрасный день ты меня полюбишь. Может, не так, как я тебя, может, просто как друга...

Г е н я. Учти, я никогда тебя не полюблю. Во-первых, я всегда ощущаю непреодолимую разницу в возрасте.

С а ш а. Где ты так говорить научилась?

Г е н я. Все там же. И пожалуйста, не прячься в кусты и раз в жизни дослушай меня. Ты фактически вдвое старше меня. Ты мне почти что в отцы годишься.

С а ш а. А во-вторых?

Г е н я. А во-вторых, ты мне неприятен физически. Ты меня поцеловал, и оказалось, что у тебя очень невкусные слюни!

С а ш а. Вот уж никогда не думал... и мне об этом никто не говорил.

Г е н я. А я сказала. И я живу до лета. Летом буду искать себе чистый водоем. Понял?

С а ш а. Понял.

Г е н я. Ты куда?

С а ш а. Пойду погуляю. Дома не хочется сидеть.

Г е н я. Если ты сейчас уйдешь, ты рискуешь меня не застать, когда вернешься.

С а ш а. Извини. Делай как знаешь.

Он уходит.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Саша выходит из квартиры, и внутренний занавес опускается.

Затем опускается внешний занавес, и Саша оказывается перед подъездом. Уже стемнело и загорелся фонарь.

Саша садится на скамейку и закуривает.

Появляется его мать.

Е л е н а И в а н о в н а. Сынок, ты почему здесь?

С а ш а. Видишь, курю.

Е л е н а И в а н о в н а. А я думала, что ты бросил. Ты же говорил, что бросил.

С а ш а. Из экономии бросил.

Елена Ивановна садится с ним рядом.

Е л е н а И в а н о в н а. Снова с Генечкой поссорился?

Саша кивает.

Е л е н а И в а н о в н а. Будь к ней терпимей. Подумай, какая она одинокая. Ведь она никому не верит.

С а ш а. Мы достаточно для нее сделали.

Е л е н а И в а н о в н а. Это тебе так кажется, а она об этом не думает. Хуже нет — сделал благодеяние на пятак, а требуешь на рубль благодарности.

С а ш а. Я ничего не требую.

Е л е н а И в а н о в н а. Требуешь. Любви, внимания — ты хочешь, чтобы она была по твоему образу и подобию.

С а ш а. Пойду погуляю.

Елена Ивановна. Не стоит, пошли домой, чайку поьем. Представь себе, сидит наша Генечка совсем одна на всем белом свете и некуда ей деваться. Пошли, Сашенька.

Саша. Сейчас докурю и пойдем.

Елена Ивановна. Вот и хорошо. А у меня знаешь, что случилось?

Саша. Что?

Елена Ивановна. Иду я по рынку, уже поздно, скоро он закрывается, захожу в рыбный ряд и вдруг — кого, ты думаешь, я вижу?

Саша. Колюшкин котами торгует.

Елена Ивановна. Еще смешнее... а может, и не смешнее. Я вижу нашего Плошкина. Продает раков, крупные такие раки. Зеленые. По полсотни штука, представляешь себе?

Саша. Значит, в нашем пруду выследил. Крупные, говоришь?

Елена Ивановна. Вот такие.

Саша. Вот и молодец. Пенсионер, а старается, подрабатывает.

Елена Ивановна. Вот это меня и смущает. Он же майор в отставке. Он такой гордый по части денег и, видно, достало его, что он стал раками торговать. А я сдуру автоматически поздоровалась. Знаешь, что случилось? Он под прилавок присел — так ему стыдно стало. А я, старая дура, думаю, ну зачем так человека смутила?

Саша. Обойдется. Торгуешь — торгуй. У нас любой труд почетен.

Елена Ивановна. Я-то это понимаю, но для него травма. Что теперь делать, не представляю.

Саша (поднимаясь). Только, мать, не вздумай у него прощения просить. Ты не виновата в его делах.

Елена Ивановна. И зачем я только поздоровалась?!

Саша. Я пошел, а ты задержись.

Елена Ивановна. Почему же?

Саша. Вон твой торговец идет.

Саша скрывается в подъезде.

Елена Ивановна оглядывается и видит Плошкина с пустым ведром.

Плошкин. Хорошо, что я вас встретил.

Елена Ивановна. Вы только не думайте, что я нарочно вас выслеживала или осуждаю.

Плошкин. Я совершил неправильный поступок и раскаиваюсь.

Елена Ивановна. Ну зачем вы так!

Плошкин. У меня появились возможности несколько подкрепить свою пенсию. И я пошел на рынок, но для меня это занятие настолько мучительное. Вы не представляете, и чуть было не убеждал, но потом люди стали покупать моих раков, и я был вынужден остаться. И тут вы идете! Это было крушением.

Елена Ивановна. Ну почему же крушением? Я вас не осуждаю.

Плошкин. А я сам себя осуждаю. Я воспитан в строгих традициях. Военный человек торговлей не занимается. Советский офицер.

Елена Ивановна. Но ведь вы в отставке.

Плошкин. Это меня не оправдывает.

Елена Ивановна. А пенсия у вас большая?

Плошкин. Почему это вас интересует?

Елена Ивановна. Меня это, честно говоря, не интересует. Я знаю, что пенсии у военных небольшие, и хотела сочувствие проявить.

Плошкин. Спасибо за сочувствие. Мне его от вас особенно приятно слышать. Может, я на другого жильца и внимания не обратил бы, но в ваших глазах так не хочется ронять себя.

Елена Ивановна. А вы и не роняете.

Плошкин. Нет, роняю. Я же за вами полгода производу наблюдение, с тех пор как сюда въехал. Вы женщина с чувством собственного достоинства и при наличии положительных качеств. Можно сказать, идеальный спутник жизни для одинокого пожилого мужчины.

Елена Ивановна. Видно, не идеальный, если мой-то благоверный меня покинул с младенцем на руках.

П л о ш к и н. Если бы я встретил его, то обязательно вызвал бы на дуэль. А может быть, наоборот, — проникся бы к нему сожалением. Да, именно так! Он погубил свою жизнь. Отказаться от счастья, что может быть ужасней!

Е л е н а И в а н о в н а. Вы что-то в философию ударились. Не рано ли?

П л о ш к и н. Это не философия. Я прожил жизнь в одиночестве и казнию себя за это. Долгие годы жилищные и прочие условия были неблагоприятные, и некоторые женщины, которые вызывали во мне симпатию, не желали связывать судьбу с армейским офицером, которого судьба кидала по гарнизонам. А потом жизнь подошла к пенсионному возрасту. И оказалось, что я не свил себе перманентного гнезда.

Е л е н а И в а н о в н а. Но это еще не страшно. Мужчина вы крепкий, не очень старый, еще найдется вам спутница жизни. Вы поглядите вокруг, сколько пожилых и средних лет женщин, которые будут рады связать с вами жизнь.

П л о ш к и н. А какую попало мне не надо. Я же консерватор, я приглядываюсь, присматриваюсь. Я могу месяцами наблюдать, пока приму решение.

Е л е н а И в а н о в н а. Вот и присматривайтесь. Тем более что у вас теперь и пенсия есть, жилплощадь. Так что за вас любая пойдет.

П л о ш к и н. Что касается благосостояния, то с недавних пор я обнаружил источник доходов, который пока дает мне лишние деньги. Только я не могу никак сообразить, как им должным образом воспользоваться, и посоветоваться не с кем.

Е л е н а И в а н о в н а. А вы поговорите с Эдуардом Борисовичем. Он человек образованный, в институте работает.

П л о ш к и н. Образованность еще не определяет качества человека. Можно быть простым армейским майором в отставке и превосходить качествами профессора, вот именно!

Е л е н а И в а н о в н а. Наверняка вы найдете себе советчика.

П л о ш к и н. В вашем лице!

Елена Ивановна. Ну я-то при чем?

Плошкин. Потому что я имею к вам расположение. Потому что я симпатизирую вам, как только может мужчина симпатизировать женщине вашего возраста.

Елена Ивановна. Ну как же так можно! Мы с вами почти незнакомы.

Плошкин. Неправда. Я вас уже полгода наблюдаю. Именно так. И знаю все о вашем семейном положении и трудностях, связанных с проживанием на вашей жилплощади девушки Гени, привезенной вашим сыном Александром так легкомысленно.

Елена Ивановна. Давайте не будем его осуждать?

Плошкин. Осуждать надо всегда, в этом есть гражданская позиция. И если поступки даже вашего сына вызывают во мне протест, я буду его крепко критиковать.

Елена Ивановна. Ну вот еще один критикан. И почему же людям так интересно, что происходит у соседей?

Плошкин. Вам же интересно! Меня сегодня Галина из второй квартиры спрашивала, а что это у вас в квартире шуршит. Ну скажите, какое ее дело до того, что шуршит у меня в квартире? А не занимаетесь ли вы кустарным промыслом? Нет, не занимаюсь и не ваше это дело! Человек ищет счастье, он нашел дорогу к нему. И знаете, что такое счастье?

Елена Ивановна. Я так и не узнала.

Плошкин. Счастье — это свобода делать что хочешь. Всю жизнь я делал то, что мне велели. Всю жизнь мне давали за это пайку. Жри и молчи. Но если мне подарили небольшую свободу, маленькое счастье — почему я должен таиться и врать?

Елена Ивановна. А может быть, и не стоит?

Плошкин. Хорошо советовать тому, кто не имеет представления. А я ломаю голову, потому что мне дали счастье, мне дали свободу, но мне никто не рассказал, что делать дальше. И я знаю, что мое счастье — это, простите, государственная тайна и, возможно, связанная с происками западных дер-

жав. Но мне плевать на западные державы. Я жду, когда отнимут? И успею ли я что-то сделать!

Елена Ивановна. Но вы меня просто запутали. Голова идет кругом. Ну как я могу вам помочь при полном моем сочувствии.

Плошкин. Вы сможете, если я решусь вам открыться. Но мне трудно это сделать. Где гарантия, что вы та, за кого себя выдаете? Может, здесь многие специально подселены, чтобы выслеживать меня?

Елена Ивановна. Ну, Господь с вами, не надо так волноваться.

Плошкин. Вы думаете, конечно, что я сошел с ума и у меня развивается мания преследования. Это не так. И я вам докажу.

Елена Ивановна. А пока я домой пойду, хорошо?

Плошкин. Идите, идите. Я тоже должен подумать. Надо принять решение и поделиться свободой. А можно ли поделиться свободой? Это вопрос философского характера.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Елена Ивановна и Плошкин входят в подъезд.

Перед квартирами на лестничной площадке они останавливаются.

Плошкин. Разрешите, я к вам загляну. Мне еще надо поговорить.

Елена Ивановна. Если можно, в следующий раз. Мне еще надо к соседям зайти. Мне Галина Платоновна один рецепт обещала. Хочу завтра моих угостить. Воскресенье ведь.

Плошкин. И вы надолго?

Елена Ивановна. Не знаю, честное слово не знаю.

Плошкин идет к себе. Он открывает дверь, и шум в его квартире становится отчетливой. Он проскальзывает внутрь и закрывает дверь.

Елена Ивановна оглядывается, потом звонит к Крессам.

Ей открывает Галина.

Г а л и н а. А я думала, что Эдик.

Е л е н а И в а н о в н а. Простите, вы мне как-то обещали рецепт галушек.

Г а л и н а. Да вы заходите, заходите.

Мы впервые в квартире Крессов.

Оказывается, это морской музей.

Там есть и аквариум, и чучела рыб, и картины, их изображающие.

Е л е н а И в а н о в н а. Это ваш супруг занимается?

Г а л и н а. Он увлеченный человек. Да вы садитесь, садитесь, в ногах правды нет.

Е л е н а И в а н о в н а. Все говорят — и вы говорите, увлеченный, а чем, если не секрет?

Г а л и н а. И не поверите. Мой Эдик изучает все, что касается русалок. Он, поницаете, вбил себе в голову, что русалки еще сохранились. Вычитал о них всякую чепуху в труде Магнуса Великолепного, хотите, покажу? *(Она снимает с полки тяжелый том в кожаном переплете.)* Здесь все, что только возможно. И даже картинки есть.

Она кладет книжку на журнальный столик, и Елена Ивановна осторожно начинает ее листать. Порой она перестает слушать Галину, потому что засматривается или даже зачитывается какими-то строчками.

Г а л и н а. Вам чаю сделать?

Е л е н а И в а н о в н а. Нет, спасибо. Никогда я не думала, что столько можно о русалках написать.

Г а л и н а. Это книга века семнадцатого. Тут все главное собрано. Остальные, как Эдик говорит, только списывали с нее и перевирали.

Е л е н а И в а н о в н а. И нашел он русалку?

Г а л и н а. Все-таки я сделаю вам чаю.

Е л е н а И в а н о в н а. Ни в коем случае, поздно уже. Я еще должна на завтра суп сделать и второе. *(Она снова листает книгу.)* И нашел ваш супруг русалку?

Г а л и н а. Он сначала думал, что нашел. В моем лице. Даже забавно. Я по лесу шла, с корзинкой. По грибы ходила. И через речку по бревну переходила. Вдруг его увидела. Ис-

пугалась от неожиданности, потеряла равновесие — и бух в речку!

Сама она приносит чашки, разливает чай по мере рассказа.

Елена Ивановна продолжает читать труд о русалках.

Г а л и н а. Хорошо еще, что неглубоко было. Но вода-то холодная! Тут он меня и засек. Я бултыхаюсь, кричу, зову на помощь, а он вокруг бегаёт и тоже суетится, а я не понимаю, почему он меня не вытаскивает. Я только потом узнала, что он решил, будто нашел русалку. Будто я в речке жила. То есть нашел мечту своей жизни. И пришлось мне самой выкарабкиваться. И тут я в него влюбилась. Представляете? Вы пейте чай, «ахмад», с бергамотом.

Е л е н а И в а н о в н а. Но вы рассказали ему, что вы не русалка?

Г а л и н а. Смешная история. Но представьте себе девушку, которой понравился взрослый мужчина. А этот мужчина ей объясняет, что ищет русалок, а если найдет русалку, то вывезет ее в Москву на исследование. А я живу в том проклятом поселке без всяких перспектив. Вернулась туда после библиотечного техникума. С ума сойти, даже мужиков настоящих нет. Хоть лешего соблазней.

Е л е н а И в а н о в н а. И были у вас лешие?

Г а л и н а. Этого добра сколько хочешь. Но даже при страшном женском голоде не советую связываться.

Е л е н а И в а н о в н а. То есть вы не сказали ему, что вы обыкновенная?

Г а л и н а. Но я и соврала. Он меня допрашивал, за ушами копался, волосы под лупой смотрел и остался в недоумении. А чтобы меня не потерять — все лучше я, чем ничего, — решил меня увести и жениться. Вот и живем.

Е л е н а И в а н о в н а. Но ведь теперь он знает?

Г а л и н а. Мужчины странно устроены. Он знает, что я не русалка, но без меня он станет совсем одиноким и несчастным. Все мы ищем счастья. Пока Эдик не отыщет настоящую

русалку, он будет почти счастлив со мной. И я надеюсь, что русалок на свете нет. А вы как думаете?

Елена Ивановна закрывает книгу.

Она видит на комодке оранжевый парик. Подходит.

Берет парик в руки.

Елена Ивановна. А это что такое?

Галина. Мой парик. Старый парик. Я его все выбросить собиралась. А почему он здесь оказался?

(Она берет парик у Елены Ивановны и раздумывает, куда его положить.)

Елена Ивановна. Я пойду, пожалуй? Поздно уже, а мне еще суп на завтра варить.

Галина. Конечно, конечно.

Она не замечает, как в задумчивости Елена Ивановна взяла том о русалках.

Она подходит к дверям, и тут навстречу ей дверь открывается и входит Кресс.

Кресс. Добрый вечер. В гости к нам?

Елена Ивановна. Я за рецептом приходила.

(Показывает Крессу том о русалках.)

Кресс. Ясно, ясно.

Проходит в комнату. Елена Ивановна ушла.

И вдруг Кресс соображает, что только что унесли книгу о русалках.

Кресс. Рецепт! Да вы с ума посходили!

(Он кидается на лестницу. Оттуда слышен его неразборчивый голос. Галина так и стоит с париком в руке. Кресс возвращается с лестницы, прижимая к груди том о русалках.)

Кресс. Ты что же мою драгоценность отдаешь?

Галина. Она сама взяла. Ну как играли? На мизере не попался?

Кресс. Я не играл. Я думал.

Галина. Что произошло? Я по глазам вижу, что-то произошло.

Кр е с с. Я должен поделиться с тобой решающей новостью.

Г а л и н а. Может, не надо?

Кр е с с. Надо. Я ее нашел!

Г а л и н а. Русалку? Но ведь их не бывает!

Кр е с с. Когда ты со мной познакомилась, то рассуждала иначе.

Г а л и н а. И где же ты ее отыскал?

Кр е с с. Трудно поверить. Я чувствовал, что в нашем доме что-то неладно. Я даже ночью с фонариком обследовал окрестности. И находил странные вещи. То пилу рыбы-пилы в мусорном ящике, то тень крокодила. Что-то странное... А нашел ее совсем в самом обычном месте. В соседней квартире.

Г а л и н а. Геня?

Кр е с с. Вот именно.

Г а л и н а. Но она же еще совсем ребенок.

Кр е с с. Русалки с детства русалки. Возраст не помеха.

Г а л и н а. Тебе показалось.

Кр е с с. Не только жаберные щели за ушами, но рудиментарная чешуя на ногах. Представляешь! И она ее старается свести средством от волос на ногах — «Триумфом». Это же можно все загубить.

Г а л и н а. И что ты намерен делать?

Кр е с с. Ума не приложу. Ты же знаешь, что она нужна мне как объект исследования. Я один из последних ихтиологов на Земле, который верит в существование русалок. И теперь я ее не выпущу из моих когтей, чего бы это ни стоило.

Г а л и н а. Украдешь ее?

Кр е с с. Если надо, украду.

Г а л и н а. А Саша, а Елена Ивановна?

Кр е с с. Им придется посторониться.

Г а л и н а. А если она не захочет становиться твоим кроликом?

Кр е с с. Придется.

Он изменился. Если в первых картинах Кресс был чудаком-ученым, то теперь он фанатик, готовый на все.

Г а л и н а. А обо мне ты подумал?

К р е с с. Интересы науки в высоком понимании этого слова важнее, чем твои личные интересы.

Г а л и н а. Но я не только жила с тобой четверть века, я не только позволяла тебе делать анализы, исследовать меня, резать и колоть...

К р е с с. И все безрезультатно. Потому что с самого начала ты меня обманула. Знала, что ты не русалка, но все же навязалась мне. И вот пришло к тебе наказание. Заслуженное, учти, наказание!

Г а л и н а. Мне собирать вещи?

К р е с с. Попрошу без иронии. Мы будем вести себя как цивилизованные люди. Если придется, разменяем квартиру. К тому же я буду очень богат. И не только из-за нобелевки, которую получу, но и потому, что русалочий эликсир крайне необходим людям. Человечеству. А я живу ради человечества. И жертвую ради человечества нашим с тобой бытом.

Г а л и н а. Ах, ты меня ради человечества хочешь бросить? А если бы Геня не была молоденькой и хорошенькой, то ты, педофил, также бы за ней кинулся?

К р е с с. Какая наивность. Да открой ты Русалочью книгу и найди на шестьдесят четвертой странице самую главную ценность русалочьего племени для людей. И это к возрасту русалок имеет лишь самое отдаленное отношение.

Г а л и н а. Плевала я на твою книгу!

К р е с с. А зря! Иначе бы ты знала то, о чем давно пора бы тебе догадаться. Кровь русалок несет в себе неизвестный науке гормон сиренофорин, дающий не только омолаживающий эффект, но и, по сведениям античных авторов, дарующий бессмертие. И я в шаге от славы и сказочного богатства!

Г а л и н а. Я сейчас же звоню в милицию!

К р е с с. И что же ты намерена сообщить милиции? Что твой муж хочет пить кровь молодой соседки? Или что соседка — русалка? Да ты первой загремишь в психушку.

Г а л и н а. Я немедленно уезжаю!

К р е с с. К маме; в Замухранск? Оставайся пока здесь. Я привык к тебе. Может быть, ты мне будешь помощницей

Г а л и н а. Свечку вам держать?

К р е с с. Мы договоримся. Ты ведь не чужой мне человек.

Г а л и н а. Я убью тебя. Я говорю это совершенно серьезно.

К р е с с. Не посмеешь. У тебя нет руководящей идеи. А вот я могу убить всякого, кто станет на моем пути, потому что я человек идеи! Путеводной звезды!

Г а л и н а. Ты человек своего кармана.

К р е с с. Не упрощай. Ты прожила со мной много лет и знаешь, что я всегда искал свою русалку. И раз мне улыбнулось счастье — я буду за него бороться. Каждый человек в нашем доме стремится к своему счастью. Мне оно улыбнулось. Так надо схватить его, пока улыбка не исчезла с лица.

Г а л и н а. Ты хочешь построить свое счастье на горе других?

К р е с с. А разве бывает иначе? Разве Ленин строил счастье пролетариев не на крови других пролетариев?

Г а л и н а. Иди спать, может, к утру развеется?

К р е с с. Еще чего не хватало... У меня есть одна идея.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

На лестнице.

Кресс быстро выходит из дома на лестницу.

Звонит в дверь к Колюшкину. Тот встречает его с котом в руках.

К р е с с. Вы еще не спали?

К о л ю ш к и н. Ко мне нельзя, животные отдыхают.

К р е с с. Я на минутку. Скажите, вы принимаете заказы на убийство?

К о л ю ш к и н. Да вы с ума сошли. Я в жизни никого не убил. И даже не повредил.

К р е с с. А ваши коты?

К о л ю ш к и н. Коты — другое дело. Коты твари неразумные. Как я их натренирую, так и будут себя вести. А что, есть идеи?

К р е с с. Мне надо незаметно убрать человека.

К о л ю ш к и н. Незаметно не получится, обычно от моих кошек много крови остается. Но мы постараемся. Учтите, это дорого стоит.

К р е с с. Я за ценой не постою.

К о л ю ш к и н. Что, у жены хахаль появился? Она баба складная.

К р е с с. При чем тут моя жена? Мне нужно ликвидировать одно препятствие внутри нашего дома.

К о л ю ш к и н. Внутри нашего дома заказов не принимаю. Не плюй в колодец.

К р е с с. Я плачу вдвое.

К о л ю ш к и н. Чего мы на лестнице стоим? Заходите, гостем будете. Это же не телефонный разговор.

Они уходят в квартиру Колюшкина.

Из своей квартиры выходит Плошкин. Подходит к двери третьей квартиры. Открывает Елена Ивановна.

Е л е н а И в а н о в н а. Что-нибудь случилось?

П л о ш к и н. Надо поговорить.

Е л е н а И в а н о в н а. Так заходите, заходите, не стесняйтесь.

П л о ш к и н. Нет уж, это вы выходите.

Е л е н а И в а н о в н а (*выходит на лестницу*). Вы иногда меня пугаете.

Плошкин закрывает за ее спиной дверь и влечет ее к своей двери.

Е л е н а И в а н о в н а. Что вы мне хотите показать?

П л о ш к и н. Сейчас вы ознакомитесь с моим счастьем, с моей свободой, перед которой я остаюсь в недоумении. Не знаю, как мне себя вести и не с кем поделиться. Поймите, то, что вы сейчас увидите в моей квартире, — абсолютная тайна для всех, кроме вас.

Е л е н а И в а н о в н а. Может, не стоит?

П л о ш к и н. Каждый человек должен иметь друга. Должен иметь доверчивую душу рядом. Иначе одиночество ста-

новится невыносимым. Пошли со мной, я хочу вам открыться. В знак полного доверия.

(Он открывает дверь и шум становится громким.)

П л о ш к и н. Не бойтесь и не стесняйтесь.

Они уходят в квартиру Плошкина.

Открывается дверь напротив. Выходит Кресс. Колюшкин молча стоит в дверях.

К о л ю ш к и н. Нет, нехорошее дело мы с вами запланировали.

К р е с с. Другого выхода нет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Мухиных. Утро. Мухины завтракают.

С а ш а. Ты что, мама, сама не своя?

Е л е н а И в а н о в н а. Есть причины.

С а ш а. Что-то связанное с Геней?

Е л е н а И в а н о в н а. Как ни странно, нет.

Геня тоже пьет чай.

Г е н я. Она вчера к соседу ходила, у которого шум за стеной. А вернулась как неживая. Ты не видел, ты спать лег.

С а ш а. И что ты там, мама, увидала?

Е л е н а И в а н о в н а. И не говори. Мне доверились и я сказать ничего не могу.

С а ш а. Странно. Такой человек, а у него тоже тайны есть. Вчера доктор рецепты выписал? Давай мне, я после работы выкуплю.

Г е н я. Он потом лекарства принес. В смысле витамины.

С а ш а. И где же они?

Г е н я. Я их съела.

Е л е н а И в а н о в н а. Что ты говоришь. Это же опасно!

С а ш а. Странный доктор.

Е л е н а И в а н о в н а. Очень странный доктор. Ты доел, Сашенька, я тебя провожу.

С а ш а. Зачем меня провожать?

Е л е н а И в а н о в н а. Я сама до булочной дойду. А Геня пока посуду вымоет.

Когда Геня остается одна, слышен стук в стекло.

Геня бежит к окну и открывает его. Видна голова Кресса.

К р е с с. Привет. С добрым утром, красавица!

Г е н я. Здравствуйте. Вы соскучились?

К р е с с. Очень соскучился. Протяните вашу ручку. Какая красивая ручка! Я жду не дождусь того дня, когда мы с вами будем вместе и уедем отсюда, на далекие острова.

Г е н я. Ой, не говорите так, а то Саша услышит.

К р е с с. Зачем он тебе нужен? Он ничего не понимает. А я все понимаю.

Г е н я. Про жизнь?

К р е с с. Про то, что нужно красивой русалке. Ведь это великое умение и даже талант ухаживать за русалкой, угождать ей, ласкать ее... разве этот молодой бездельник сможет обеспечить тебе достойную жизнь?

Г е н я. А вы сможете?

К р е с с. Более того — ты станешь богатейшей русалкой в мире! У тебя будет своя яхта.

Г е н я. И я буду с нее нырять?

К р е с с. Позволь мне твою руку. Я поцелую ее.

Г е н я. Пожалуйста, только осторожно.

К р е с с. Это будет щекотно.

Г е н я. Ой! Больно же!

К р е с с. Потерпи чуть-чуть. Капелька крови... от тебя не убудет. Возьми ватку, приложи.

Г е н я. Я вас боюсь. Вы обещали яхту, а сам палец укололи.

К р е с с. Мы должны обследовать тебя, чтобы ты была здоровой. Ты помнишь, что я доктор? Дай другой пальчик.

Внутренний занавес закрывается, и мы оказываемся на лестничной площадке. Елена Ивановна разговаривает с сыном.

Е л е н а И в а н о в н а. И тут я посмотрела на комод — а там лежит рыжий парик! Тот самый парик, который на фальшивом докторе был. А если поискать, то и черные очки найдутся...

С а ш а. Значит, получается, что он не только занимается русалками, но и знает уже, что Геня — русалка. Что же делать?

Е л е н а И в а н о в н а. А что мы можем поделывать?

С а ш а. Надо уезжать. Если он врачом и прикидывался, значит, у него какие-то планы. Подумать только — плохие планы. Но куда денешься — если квартиру менять, он успеет ее отнять у нас.

Е л е н а И в а н о в н а. Почему ты думаешь, что он отнимет ее?

С а ш а. Он ихтиолог — это его работа, его карьера, она же для него не человек! Она рыба!

Е л е н а И в а н о в н а. Ну что ты говоришь!

С а ш а. Они ее исследовать будут, кровь брать... они ее убьют!

Е л е н а И в а н о в н а. Некуда бежать...

С а ш а. Собираем вещи и бежим. Куда угодно! Найдем работу, не помрем.

Е л е н а И в а н о в н а. Некуда бежать... Сашенька, скажи, пожалуйста, а человек может иметь лес? Поляну?

С а ш а. Почему нет? Если он богатый?

Е л е н а И в а н о в н а. Есть одно место, но я сказать об этом не имею права. Я слово дала.

С а ш а. Так не скажешь?

Е л е н а И в а н о в н а. Надо подумать.

С а ш а. Ну ладно, я пошел. Боюсь, как бы он не уговорил Геню. Она же доверчивая.

(Уходит.)

Елена Ивановна колеблется. Она делает шаг к двери Плошкина.

Неожиданно дверь распахивается, и Плошкин выходит на лестничную площадку.

Е л е н а И в а н о в н а. А я как раз хотела к вам позвонить.

П л о ш к и н. Вы никому не сказали?

Е л е н а И в а н о в н а. Ни боже мой. Я хотела только поделиться с вами.

П л о ш к и н. Потом поделимся. У меня произошло неожиданное событие. Скончалась тетя Феня в Симферополе. Я вылетаю туда.

Е л е н а И в а н о в н а. Какое горе! Пошлите мои соболезнования.

П л о ш к и н. Пустое. Я, простите за выражение, с тетей Феней в жизни не встречался.

Е л е н а И в а н о в н а. А почему же вы туда летите?

П л о ш к и н. Проще простого. У нее приватизированная половина домика, комната с кухней.

Е л е н а И в а н о в н а. И что же?

П л о ш к и н. Если я не прилечу туда к похоронам, то ее симферопольские племянницы все оттяпают себе.

Е л е н а И в а н о в н а. Вы простите меня, конечно, но зачем вам половина домика в Симферополе, если у вас есть квартира в Москве? И в ней дополнение.

П л о ш к и н. Не сравнивайте, Елена Ивановна. Домик в Симферополе — это законная реальность. Как бы синица в руках. А журавли — они могут улететь в любую минуту. Бывает добыча по чину, а бывает не по чину, что загадочно. Я мою здешнюю собственность берегу, а не знаю, зачем берегу. Я, может, и вас туда приглашал, потому что нет сил больше носить все в своем сердце. И когда мне телеграмма пришла из Симферополя: прилетай, спасай добро стоимостью четыре тысячи долларов, я понял — лечу! Потому что это понятное счастье, человеческого масштаба. А вас я оставляю моей хранительницей. Хранительницей тайны, потому что жизнь неожиданно сложила из нас с вами некую геометрическую фигуру, какую-то ось, которая может вскоре перерасти в союз, при условии, конечно, что вы оправдаете мои надежды.

Е л е н а И в а н о в н а. Вы так сложно говорите, что я не все поняла.

П л о ш к и н. Не важно. Вот ключи. Это от верхнего замка, а это от нижнего. А это финский замок от большой комнаты, вы меня понимаете? И никому ни слова.

Е л е н а И в а н о в н а. Но зачем мне? Не надо.

П л о ш к и н. Я не знаю, что может случиться. Протечка, засорение трубы, милиция придет... не дай бог! Мало ли за чем понадобится ваше участие.

(Он заставляет Елену Ивановну взять ключи.)

Елена Ивановна. А погулять у вас там можно?

Плошкин. Ну как вы не понимаете — вам все можно! Все! Я вам полностью доверяю.

Елена Ивановна. У меня тут возникла идея, вы меня, конечно, простите...

Плошкин. Ни в коем случае! Доверие надо хранить, а не нарушать. Я вернусь через два дня и мы поговорим, хорошо?

Елена Ивановна. Хорошо.

Плошкин. Помните — этот от верхнего замка, а этот от нижнего.

Плошкин уходит. Елена Ивановна возвращается к себе в квартиру.

КАРТИНА ВТОРАЯ

В квартире Мухиных.

Саша стоит у окна. Закрывает его.

Саша. Опять окно распахнула. Для тебя это наверняка простуда.

Геня. Пускай свежий воздух будет.

Саша. Дай лобик.

(Хочет потрогать лоб, Геня отшатывается.)

Геня. Не трогай меня. Твои прикосновения мне неприятны.

Саша. С каких это пор?

Геня. С самого начала. Я бы, может, тебя полюбила, а у тебя слюни противные.

Саша. Что ты несешь?

Геня. Ты старый и бедный. Ты отвезешь меня на Канарские острова?

Саша. В ближайшие годы не отвезу.

Геня. А есть люди, которые готовы это сделать.

С а ш а. Почему же?

Г е н я. Из-за моей сказочной красоты.

Елена Ивановна слушает эту перепалку в дверях и не вмешивается.

С а ш а. Насчет сказочной красоты — это преувеличение.

Г е н я. Вот ты ее не замечаешь и поэтому не любишь меня.

С а ш а. Неправда, я тебя люблю.

Г е н я. Я этого совершенно не вижу. Ты меня не покоряешь, в тебе нет никакой романтики. А девушке, оторванной от жизни и заключенной в твоей семье, так нужна свобода! Ты даже не представляешь, на что я готова пойти ради свободы.

С а ш а. А этот гипотетический принц, он, конечно, предлагал тебе и Канарские острова, и Гватемалу.

Г е н я. Да! И даже Хургаду!

С а ш а. Это еще что такое?

Г е н я. Я не знаю, но сказочное место для влюбленных. Там есть конкурс красоты, на котором я наверняка завоюю первое место.

С а ш а. И это он тебе успел рассказать? Как? Когда?

Е л е н а И в а н о в н а. А я знаю — когда. Когда он к нам в рыжем парике под видом доктора приходил.

Г е н я. И без рыжего парика тоже.

Е л е н а И в а н о в н а. Но он вдвое старше Саши. И у него жена есть.

Г е н я. Возраст нас с ним не пугает.

С а ш а. Значит, он — Эдуард Кресс. Ихтиолог по русалкам.

Г е н я. Он меня будет беречь, потому что он знает, как спастись русалок.

С а ш а. Интересно, жене он все это объяснил?

Е л е н а И в а н о в н а. Если и объяснил, то наврал.

С а ш а. Разумеется, и я сильно сомневаюсь в том, что он полюбил нашу Геню. Больше похоже на то, что ему выгодно. Это его карьера, это его открытие, ты — его добыча.

Г е н я. Пока что я — твоя добыча. И ты держишь меня в норе, как крот.

С а ш а. Это еще откуда?

Г е н я. А мне баба Лена сказку Андерсена читала. Там русалочку толстый крот держит в подземной темной норе, чтобы она ослепла и подохла.

Е л е н а И в а н о в н а. Ты все перепутала.

Г е н я. Я смысл не перепутала.

С а ш а. Извини, но я не умею воевать с кротами. Они под землей живут.

Г е н я. А может, крот — это ты? А он орел, который поднимет меня в небо.

С а ш а. Орлы сначала поднимают, а потом бросают на скалы.

Г е н я. Не смей клеветать. Ты же не можешь мне подарить воздух, берег, море, даже прудик.

С а ш а. Ты пойми — надо потерпеть. Я в июне получу повышение и мы с тобой уедем.

Е л е н а И в а н о в н а. Боже мой, а он хочет полдомика в Симферополе.

С а ш а. Ты о Плошкине?

Е л е н а И в а н о в н а. Счастье должно быть по размеру. Каждому человеку Господь дает по размеру. И если тебе счастье велико или мало, то лучше от него отказаться.

С а ш а. Мама, ты что-то заговариваешься.

Е л е н а И в а н о в н а. Я не заговариваюсь. Я раз в жизни хочу задуматься о том, зачем мы живем.

С а ш а. И зачем же?

Е л е н а И в а н о в н а. Мы бежим за счастьем. А счастье бежит от нас. И когда мы его догоняем, оказывается, что такое счастье нам не нужно. Геня, пойдем со мной, я хочу тебе показать одну вещь.

Г е н я. Далеко идти? А то ко мне гость собирался. Вернее, даже не гость, а человек, который обещает мне дать счастье.

Е л е н а И в а н о в н а. Видишь, она тоже говорит об этом.

С а ш а. А ты ему поверила?

Г е н я. Почему нет? Ты мне всегда говоришь — жди, жди, учись, ничего не обещаешь. А Эдик сразу пообещал, и я хочу этого. А мне нужно обещание счастья. Это почти счастье.

Е л е н а И в а н о в н а. Пошли, миленький. Если тебе не понравится, вернешься.

С а ш а. Мама, вы куда?

Е л е н а И в а н о в н а. Я совершаю преступление. И поэтому я не хочу тебе говорить, куда мы идем. Мне человек доверился, а я его обманываю. Пошли, Геня...

С а ш а. Вы скоро?

Е л е н а И в а н о в н а. Как получится.

(Она уводит Геню.)

В квартире тихо.

Саша раскрывает журнал.

Окно медленно раскрывается и раздается громкий шепот.

К р е с с. Ты здесь, моя любовь?

Саша медленно и неслышно подходит к окну. Он протягивает руку и резким усилием втаскивает в комнату Кресса. Тот переваливается через подоконник.

С а ш а. Воришку поймали.

К р е с с. Не смейте так со мной говорить. Я к вам не лазил. Я хотел поговорить с живущей у вас русалкой, которую я изучаю в научных целях.

С а ш а. О чем же поговорить?

К р е с с. О смысле жизни. О счастье, например. Каждый человек имеет право на счастье, и по нашей Конституции вы не имеете права держать взаперти свободного человека.

С а ш а. Вы обманываете девушку. Пользуетесь ее наивностью.

К р е с с. А вы держите ее взаперти и внушаете ей всякие глупости. Я открываю перед Ангелиной жизнь. Я покажу ей дальние дороги и дорогие отели.

С а ш а. Признайтесь, зачем она вам понадобилась на самом деле?

К р е с с. Я люблю ее!

С а ш а. Вранье. Вы ее до вчерашнего дня и не видели.

К р е с с. Я полюбил с первого взгляда и готов выкупить ее у вас.

С а ш а. То есть как выкупить?

К р е с с. За деньги. За американские доллары, за евро, за фунты стерлингов, наконец!

С а ш а. Вы же себе противоречите! Если она свободная, зачем вам ее покупать?

К р е с с. Вы тратились на ее проживание. Вы простые, небогатые люди, я должен вам помочь, и чтобы потом претензий не было.

С а ш а. Сколько стоит русалка на рынке?

К р е с с. Не в этом дело.

С а ш а. Сколько вы платите за молодую, хорошенькую девственную русалку?

К р е с с. Тысячу долларов!

С а ш а. Торги открыты. Кто больше?

К р е с с. Тише! Нас могут слышать.

С а ш а. Сто тысяч. Русалки теперь стоят по сто тысяч.

К р е с с. Вы с ума сошли! Таких цен не бывает.

С а ш а. И ни копейкой меньше!

К р е с с. Позовите ее и спросим в упор: кого она предпочтет?

С а ш а. Давайте спросим, предпочитает ли она того, кто ее спас и полгода выхаживал, или молодца, который вчера ее увидел и стал соблазнять.

К р е с с. Я не боюсь конкуренции. Зовите девушку!

С а ш а. Ее нет дома.

К р е с с. Врете! Она не выходила. Она где-то здесь.

Кресс мечется по квартире, Саша ему не мешает.

К р е с с. Вы ее спрятали! Вы ее увезли. Куда вы ее дели? Где вы ее прячете? В каком подземелье? Тысячу долларов за указание места, в котором ее прячут.

Кресс намерен выбежать на лестничную площадку, но Саша его останавливает.

С а ш а. Выход там же, где вход.

Он показывает Крессу на окно.

Кресс выбирается из дома.

Саша подходит к окну.

С а ш а. Давай, беги, ищи! Тысяча долларов! И откуда такие деньги у старшего научного работника?

И тут Саша отшатывается от окна с криком.

С а ш а. Это еще что такое? Отцепись ты от меня!

Он с кем-то борется, раздается кошачий крик.

Елена Ивановна входит в комнату.

Е л е н а И в а н о в н а. Что с тобой?!

С а ш а (*оборачивается от окна, лицо в крови, руки в крови*). Какой-то сумасшедший кот на меня прыгнул. Даже не лони-маю, откуда — с дерева, что ли?

Е л е н а И в а н о в н а. Надо окна закрывать. (*Подходит к окну.*) Это, наверно, Колюшкина кот. У него коты дикие, он их для кошачьих боев выращивает. Коты-убийцы, коты-киллеры.

С а ш а. Вот он чуть меня и не растерзал.

Снаружи раздается голос Колюшкина.

К о л ю ш к и н. Простите, вы моего кота не видели?

Е л е н а И в а н о в н а. А ваши коты не имеют дурной привычки на людей кидаться?

К о л ю ш к и н. Мои коты — киллеры, но по своим возможностям они могут растерзать лишь курицу или гуся. Однажды втроем они даже одолели пекинеса. Но вряд ли чело-века... вряд ли.

С а ш а. Чего же он на меня кинулся?

К о л ю ш к и н. А мне хорошо заплатили. Вот я и принял заказ.

Е л е н а И в а н о в н а. Какой заказ?

К о л ю ш к и н. Заказ убить сына вашего, Сашу.

Е л е н а И в а н о в н а. И вы приняли заказ?

К о л ю ш к и н. А почему бы и не принять? Я же знаю, что вашему Саше вреда не будет, а деньги большие.

С а ш а. Неужели тысяча долларов?

К о л ю ш к и н. Нет, так он не раскачался. Сто двадцать. За такие деньги только курицу и можно растерзать!

Е л е н а И в а н о в н а. А если у Саши начнется заражение крови?

К о л ю ш к и н. Все расходы беру на себя. И лекарства, и больницу. А знаете, почему я не волнуюсь? Потому что я своим котам когти карболкой протираю, борной кислотой зубы чищу.

С а ш а. Тогда отдавайте деньги.

К о л ю ш к и н. Какие деньги?

С а ш а. Сто двадцать долларов.

К о л ю ш к и н. Так дело не пойдет. Мне животных кормить нужно. Я заказ выполнил.

Саша перепрыгивает через подоконник и исчезает.

Слышны вопли котов и крики Колюшкина.

К о л ю ш к и н. Вы не смеете! Я их честно заработал! Чем я кормить зверюшек буду?

Е л е н а И в а н о в н а (*уходит от окна*). Зверюшки! Скажет тоже.

С а ш а (*возвращается в комнату*). Возьми, мама, это плата за мою кровь. Купишь Гене, что там надо.

Е л е н а И в а н о в н а. Я ей новые туфельки куплю и купальник. Лето надвигается.

К о л ю ш к и н (*из-за окна*). Я буду жаловаться! Я эти деньги заработал.

Елена Ивановна закрывает окно.

С а ш а. А где Геня? Ты где ее оставила?

Е л е н а И в а н о в н а. Геня не жалуется.

С а ш а. Она у Плошкина?

Е л е н а И в а н о в н а. Она там еще побудет, до обеда.

С а ш а. Мама, говори правду, что ты придумала?

Е л е н а И в а н о в н а. Не хочется мне говорить.

С а ш а. Мама!

Е л е н а И в а н о в н а. Ну пойдем, пойдем, я тебе покажу, что она делает, и сразу вернешься обратно. Хорошо?

С а ш а. Там посмотрим.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Опускается внутренний занавес, и на лестничную площадку выходят Елена Ивановна и Саша. Они проходят к двери в квартиру Плошкина. Когда дверь туда открывается, слышны удары — могучий станок совсем рядом.

Как только они скрываются, в подъезд входит, прихрамывая, Колюшкин. Он открывает дверь к себе, и слышно по мяуканью, что его коты спешат домой.

И тут же с улицы входит Кресс.

К р е с с. Ну и что? Удалось?

К о л ю ш к и н. Лучше не подходи, а то киллеров на тебя спущу.

К р е с с. Что случилось?

К о л ю ш к и н. Он у меня деньги отнял.

К р е с с. Почему? Если твои коты его растерзали, как он мог деньги отнять?

К о л ю ш к и н. Да отстаньте вы все от меня.

Он уходит к себе. Дверь закрывается.

Кресс стоит в задумчивости. Затем он подходит к двери Мухиных и начинает подслушивать. Ничего не слышит.

Шум из квартиры Плошкина привлекает его внимание.

Кресс подходит к той двери и толкает ее. Дверь приоткрывается.

Кресс не успевает войти, как навстречу ему выходят Саша с матерью и направляются к своей квартире. Они продолжают разговор, начатый у Плошкина.

С а ш а. Челуха, челуха, челуховина. Так не бывает, потому что так не может быть никогда.

Елена Ивановна. Я тоже сначала не поверила, но потом задумалась, если Гене это полезно, почему я должна лишать ее маленького счастья?

Саша. Дело не в этом, а в самой невозможности этого!

Елена Ивановна. Если он будет сердиться, я ему так и скажу — делайте что хотите, я виновата, только не обижайте девочку.

Саша. Но это может быть опасным. Любое неизвестное явление может стать опасным.

Елена Ивановна. Пока хорошо, пускай будет хорошо.

Саша. Я вернусь туда, лучше я буду рядом с ней.

Елена Ивановна. Сашенька, не делай этого, пожалей меня. Ведь если я нарушила обещание из-за Гени, это еще можно простить, а если тут и ты замешан, то это для меня непростительно. Тогда я тут же иду туда и забираю Геню.

Саша. Ну ладно, ладно, но через полчаса я вернусь.

Елена Ивановна. Я сама вернусь.

Кресс выходит из-за лифта, где он прятался.

Подходит к двери в квартиру Плошкина и слушает.

Потом толкает дверь. Оказывается, Елена Ивановна не заперла ее. Он исчезает за дверью.

Пауза. Приходит домой Галина. Она захотела было зайти к Мухиным, но передумала. Заходит к себе.

И тут из квартиры Плошкина быстро выходит Кресс.

Он хватается за голову.

Кресс. Какой ужас! Это невероятно! Это может погубить все мои планы. Что делать?

И тут из квартиры Плошкина выбегает Геня.

Геня. А я вас увидела. Вы заглянули, побегали вокруг и исчезли. Зачем вы туда ходили?

Кресс. Я искал тебя.

Геня. Зачем?

Кресс. Все, что ты там видела, — это фантом, это только кажется! Ни в коем случае этому нельзя верить. И вообще следует принять меры.

Г е н я. А сами говорили мне, что увезете.

К р е с с. Я реалист — я предлагал тебе руку и сердце, совместную жизнь. А не фокусы.

Г е н я. А я с вами не согласна, Эдуард Борисович. Потому что я вас насквозь вижу. Я вообще всех мужчин насквозь вижу. А почему ваши обещания лучше, чем плошкинские фокусы?

К р е с с. Вот ты как заговорила! Это и есть дурное влияние. И мне ничего не остается, как поставить тебя перед выбором: или ты со мной, или я принимаю меры и тебя перевезут ко мне силой.

Г е н я. Ах так! Ну и прощайте!

Она поворачивается и уходит снова к Плошкину.

Кресс вынимает из кармана сотовый телефон.

Он набирает номер.

К р е с с. Милиция? Дежурный? Я говорю от квартиры четыре дома шесть по Второй Неопалимовской. Здесь протечка канализации. Прошу срочно прислать бригаду. Квартира четыре... Нет, я не квартиросъемщик. Квартиросъемщик уехал куда-то, может, его и в Москве нет. Как я догадался? А так — проливается в нижние квартиры... Номер четыре. Что? Ну, конечно же, на первом этаже. Почему я псих? Не вешайте трубку.

(Он снова набирает номер.)

К р е с с. Диспетчерская? Я хочу сообщить — трубу провало в доме шесть по второй Неопалимовской. В квартире четыре. На каком этаже? Да на пятом! Не все ли равно. Пришлите слесарей.

Галина выходит из квартиры и неожиданно отбирает у мужа мобильник.

Г а л и н а. Хватит. Что ты интригами занимаешься? Какой потоп, какая протечка? Что тебе надо, авантюрист проклятый, охотник за девочками. Где твоя пассия?

Перед таким напором Кресс несколько скисает. Он показывает пальцем на квартиру Плошкина.

Г а л и н а. Она хоть знает, зачем тебе понадобилась?

К р е с с. Я полюбил ее!

Г а л и н а. От старости не спасешься, даже если твой Магнус Великолепный триста лет врет про сказочные превращения.

К р е с с. Научные факты требуют проверки.

Г а л и н а. Вот ты и проговорился.

К р е с с. Нет! Главное не в этом. Главное в том, что я полюбил ее.

Г а л и н а. И кинулся звонить в милицию. Что же там такое случилось, что ты перепугался? Ты испугался, что потеряешь ее. И я хочу понять почему.

К р е с с. Тебе там нечего делать. Я все равно ее верну. Без нее мне нет жизни. Если человеку достается счастье и оно хочет убежать от него — что остается делать?

Г а л и н а. И что же?

К р е с с. Держать его. Несмотря ни на что! Другой возможности не будет.

Г а л и н а. И плевать на остальных?

К р е с с. Что я могу поделаться с самим собой? Это болезнь. Любовь — всегда болезнь. Это как маленький хищник, вот здесь в животе. Он рвет мне внутренности.

Г а л и н а. Я должна увидеть.

К р е с с. Ты этим ничего не спасешь.

Галина уходит в квартиру Плошкина.

Кресс после секундного колебания за ней.

Появляется Колюшкин. Он выходит из дома одновременно с Плошкиным, который вошел в подъезд.

Он наблюдает, как Плошкин звонит к Мухиным.

Елена Ивановна открывает дверь.

Е л е н а И в а н о в н а. Ой, что случилось? Вы не уехали?

П л о ш к и н. Не уехал. И не поеду.

Е л е н а И в а н о в н а. Почему же? Да вы заходите, заходите.

П л о ш к и н. Я не буду заходить. Вы мне ключи верните.

Е л е н а И в а н о в н а. Конечно, конечно. Но что случилось?

Плошкин стоит, протянув вперед руку.

П л о ш к и н. А скажите, пожалуйста, на что мне эти поддомика с кухней в Симферополе, если я имею... если у меня есть!..

(Он показывает на свою дверь.)

Е л е н а И в а н о в н а. Но вы же сами недавно мне доказывали, что счастье должно быть по размеру человеку. А теперь вы себе противоречите!

П л о ш к и н. Я думал. На кой черт синицы, даже целая стая? У меня возникли некоторые идеи касательно использования имеющейся площади. И если хотите, я вам покажу.

Ключи были в руке у Елены Ивановны. Она их протягивает Плошкину, но не отдает.

Е л е н а И в а н о в н а. Я должна признаться, что нарушила слово.

П л о ш к и н. Вы кому-то рассказали? Я этого и боялся! Женщинам нельзя доверять. Ни в коем случае нельзя! Отдайте ключ! Кого вы пустили ко мне?

Е л е н а И в а н о в н а. Вы же знаете, как у Гени со здоровьем. И я подумала, что ей будет полезно побывать у вас.

П л о ш к и н. При чем тут Геня? Заводите сами у себя...

С а ш а *(выходя на шум)*. И как же вы предлагаете завести у себя такую штуку?

П л о ш к и н. А ты помолчи.

(Он кидается к своей двери. Начинает вертеть ключом в скважине. А дверь открывается.)

П л о ш к и н. Даже не заперла! Провокаторы!

Он врывается к себе. За ним движутся Мухины.

А замыкает эту процессию Колюшкин с котом на руках. Открывается первая дверь — в коридор. Шум громче. И страннее.

Плошкин распахивает дверь в комнату. Занавес стремительно раскрывается, и весь зрительный зал, а возможно, и весь город заливают ослепительное тропическое солнце.

Комната Плошкина не имеет ни стен, ни потолка — это берег моря!

Пологий берег спускается к полоске прибоя, в стороне растут пальмы, и дальнейший вид теряется в легкой дымке.

Именно море шумит, накатываясь на берег, и даже удивительно, что мы с самого начала об этом не догадались.

Величие зрелища потрясает настолько, что люди становятся тише и сдержанней.

П л о ш к и н. Они здесь... Все здесь. Сбежались, паразиты!

Для него открытие тайны — крушение надежд. Он оборачивается к Елене Ивановне.

П л о ш к и н. А сказала, что только Геня.

Е л е н а И в а н о в н а. Недосмотрела. Остальные сами пришли. Я их не звала.

Кресс с женой стоят ниже по берегу и смотрят вниз, где от воды к ним поднимается Геня.

Они слышат разговор сверху и поворачиваются к Плошкину.

П л о ш к и н. Немедленно покиньте мою территорию! Вас никто сюда не приглашал. Долой, долой!

К р е с с. Это почему? Вы что, купили море?

П л о ш к и н. Оно у меня в квартире, а не у вас. Значит, оно мое.

К р е с с. Еще надо проверить, возможна ли собственность на море в Российской Федерации.

П л о ш к и н. Я его приватизирую. Я уже документы подготовил.

К р е с с. Вот сюда придут работники органов и строго вас спросят — где вы сперли целое море!

П л о ш к и н (*обращаясь к Саше Мухину*). Ну что он говорит!

С а ш а. Он говорит дело. Случай беспрецедентный, и мы совершенно не представляем, какое это море и почему оно сюда проникло.

П л о ш к и н. Как так — какое?

С а ш а. А на Земле оно или, может, это космическое море на другой планете. В фантастике предусмотрены такие катак-

лизмы. И это море в любой момент может исчезнуть или придут его настоящие хозяева.

Плошкин. Какие еще хозяева?

Саша. Которые здесь живут.

Плошкин. Оно у меня уже второй месяц и никого я не видел.

Саша. И что — само образовалось? Вы не колдовали и не делали опытов?

Плошкин. Я проснулся утром — шумит, открыл дверь — оно здесь. Сначала я принял решение, что сошел с ума, но вскоре привык и понял, если мне дали море, значит, я его достоин. Я сорок лет прослужил в армии, дослужился до майорского чина, побывал в черт знает каких дырах. Должна же быть компенсация!

Кресс. Ага, в виде моря. И как вы его используете?

Плошкин. В этом проблема. Сначала я ловил рыбу, раков и крабов таскал, но я же понимаю, что это пустяки. Здесь крокодил живет, все норovit сбежать, а так ничего, мирный.

Колюшкин. Надо фирму создавать.

Саша. И какую же фирму?

Колюшкин. Привлекать капитал.

Плошкин. И не мечтай!

Колюшкин. А почему не мечтать? Мы все на этом этаже имеем право на море. Поглядите: тем концом оно как раз под квартиру Мухиных залезло, а дальше под меня. Все мы имеем право. И я что предлагаю — пока еще не решено, в какой форме мы будем эксплуатировать море, надо разделить его на участки. По числу квартир. Четыре квартиры, четыре участка. Вон от тех пальм до склада сетей — будет мой участок.

Саша. Надо шагами отмерить.

Колюшкин. Зачем?

Саша. Чтобы точно было. Двести погонных метров берега — разве это не идеальное решение? По числу душ!

К о л ю ш к и н. Никаких душ!

Он отправляется к хижине Плошкина и ищет там палку.

Плошкин собирался было помешать ему, но машет рукой.

П л о ш к и н. Все погибло. Так старался, благоустроивал, планы были развития, и все коту под хвост.

С а ш а. Колюшкиному коту-убийце.

Колюшкин слышит и откликается.

К о л ю ш к и н. Попрошу без шуток, иначе буду вынужден вас наказать.

С а ш а. Это как же?

К о л ю ш к и н. Путем уменьшения вашего земельного участка. На что имею право как председатель кооператива.

С а ш а. Вашей следующей задачей будет дележ участков на Луне. Справитесь?

Колюшкин не отвечает.

Е л е н а И в а н о в н а (*спрашивает Сашу*). И ты думаешь, это долго продлится?

(*Она показывает на море.*)

С а ш а (*обращается к Плошкину*). А тут всегда отличная погода или меняется?

П л о ш к и н. А тебе какое дело?

С а ш а. Если погода меняется, значит, похоже, что море настоящее, а если погода одинаковая, то, вернее всего, это виртуальное море. Не существующее нигде, кроме нашего воображения.

К р е с с (*тащит пилу рыбы-пилы*). Вот сейчас врежу тебе виртуальной пилой.

С а ш а. Не исключено, что и мы с вами жертвы виртуальной реальности. Под стать морю.

Е л е н а И в а н о в н а. Сынок, я тебя не понимаю.

С а ш а. И никогда не видели местных жителей?

П л о ш к и н. Нет их здесь.

С а ш а. И следов Пятницы не видели на пляже?

П л о ш к и н. Какая еще пятница?

Елена Ивановна. Погляди, сынок, там не облако надвигается?

Саша. А что, похоже, что и здесь бывают бури.

Налетает порыв ветра.

Елена Ивановна. Ге-е-еня! Вылезай из воды, буря идет.

Темнеет.

Саша спускается вниз, за Геней.

Кресс идет следом.

Кресс. И в самом деле, Геня, пора на берег. Мало ли какие там акулы водятся? Вот про крокодила говорили.

Геня стоит перед мужчинами.

Геня. Зачем вы меня делите?

Саша. Я тебя не делю.

Геня. Неправда. Вы оба думаете, что я кому-то из вас принадлежу. Но не потому, чтобы сделать мне хорошо, а все для себя самих. Я вам не игрушка, я вольная русалка.

Кресс. Ты не понимаешь — я тебя осчастливилу! Ты будешь царицей мира!

Геня. А ты, Сашенька, что обещаешь?

Саша. Ничего. Я люблю тебя.

Геня. Как мало нового! Это я от тебя уже слыхала.

Кресс. У меня есть большие средства и будут еще больше.

Геня. Ты мне обещал море. А у меня есть море и без тебя.

Кресс. Это ненадежное море. Оно может исчезнуть в любую минуту.

Геня. А какое другое не может исчезнуть?

Кресс. Я даю тебе гарантию.

Геня. Лучше я сама себе дам гарантию.

(Она идет к воде не оборачиваясь.)

Саша. Геня!

Елена Ивановна. Геня, так нельзя.

Геня. Спасибо вам, баба Лена, но у меня своя жизнь.
Кресс. Вы с ума сошли! Ты не имеешь права!

Кресс бежит за Геней.

Геня ныряет в воду и плывет прочь от берега.

Кресс кидается за ней, забыв раздеться.

Геня ныряет и исчезает из виду.

Кресс начинает захлебываться, его подхватывает приливная волна, небо все темнеет.

Кресс. Спаси-и-и-те!

Саша быстро раздевается.

Елена Ивановна. Не надо, сынок!

Саша кидается в море. Он вытаскивает Кресса; Плошкин с Галиной помогают выволочить ихтиолога на берег. Тот садится.

Кресс. А где Геня? Неужели вы дали ей уплыть!

Стало совсем темно, буря ревет, такое впечатление, что молнии разрывают небо.

Кресс. Она же утонет!

Галина. Она русалка, она не может утонуть.

Галина ведет мужа с берега к двери, что стоит рамой на берегу.

Колюшкин видит, как его кот бежит к выходу.

Колюшкин. Котик, киска, подожди меня!

Плошкин. Елена Ивановна, не пойди ли нам ко мне на кухню, чайку попьем, переждем непогоду, а там и решим.

Елена Ивановна. Поумнел, что ли, сосед?

Плошкин. Погоди, я корзину возьму, я в нее ракушек красивых набрал, можно будет на вернисаже продать.

Они уходят.

Елена Ивановна от двери оборачивается и перекрикивает шум ливня и ветра.

Елена Ивановна. Ты, сынок, не засиживайся, простудишься!

С а ш а. Не беспокойся, мама.
П л о ш к и н. Не вернется она.
Е л е н а И в а н о в н а. И я так думаю.

Саша остается на берегу один.

По берегу идет местный житель. Его внешний вид полностью остается на усмотрение режиссера. Он может быть папуасом, инопланетянином или же английским полицейским.

М е с т н ы й Ж и т е л ь. Я вам не советую здесь сидеть.
Берег скоро закрывается. Можете не успеть.

С а ш а. Жду русалку.

М е с т н ы й Ж и т е л ь. Нет более глупого занятия.

Уходит дальше.

А по краю воды идет тень крокодила.

Занавес.

Содержание

Кир Булычев. ВАНЯ + ДАША = ЛЮБОВЬ	5
Кир Булычев. ОСЕЧКА-67. <i>Трагедия в 12 картинах</i>	99
Кир Булычев. ТОВАРИЩ Д. <i>Комедия в двух действиях и шести картинах</i>	177
Екатерина Великая, Кир Булычев. ИМЕНИНЫ ГОСПОЖИ ВОРЧАЛКИНОЙ. <i>Комедия в двух действиях с эпилогом</i>	251
Кир Булычев. КРОКОДИЛ НА ДВОРЕ. <i>Комедия в двух действиях</i>	315

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чангарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10,
тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2,
тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

**Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10**

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Казань, Сибирский тракт, д. 11, тел. (8432) 78-23-20
- г. Казань, ул. Баумана, 13
- г. Новосибирск, ул. Б. Богатого, д. 260, тел. (3532) 10-17-86
- г. С.-Петербург, Невский пр., д. 116, тел. (812) 279-80-68
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Самара, пр. Ленина, д. 2
- г. Азов, б-р Петровский, д. 3
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Курган, ул. Гоголя, д. 61
- г. Курган, ул. Куйбышева, д. 87, тел. (3522) 22-36-23
- г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 50, тел. (3519) 37-55-65
- г. Магнитогорск, ул. Звонягина, д. 9
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Н. Новгород, ул. Литвинова, д. 25/32, тел. (8312) 77-99-44
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Новочеркасск, ул. Московская, д. 10, тел. (86352) 2-30-53
- г. Орел, Московское шоссе, д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18
- г. Ульяновск, ул. Врача Михайлова, д. 10
- г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 12
- г. Ульяновск, ул. Железной дивизии, д. 6
- г. Челябинск, ул. Кирова, д. 7
- г. Челябинск, пр. Ленина, д. 52
- г. Челябинск, пр. Ленина, д. 68
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Иркутск, ул. Ленина, д. 18, тел. (3953) 24-28-05
- г. Пермь, ул. Крупской, д. 42, тел. (3422) 22-91-17
- г. Тюмень, ул. Республики, д. 155, тел. (3452) 22-45-50
- г. Киров, ул. Комсомольская, д. 37
- г. Киров, ул. Пролетарская, д. 22а
- г. Н. Тагил, ул. Первомайская, д. 32, тел. (3435) 25-43-92
- г. Н. Тагил, ул. Дзержинская, д. 47

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Булычев Кир
Крокодил на дворе

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаккина
Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва,
г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр.32

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109 :

978 63.00

«Миры Кира Булычева» — не просто фантастика, на которой выросли поколения российских читателей. Не просто знаменитые, любимые много лет книги.

«Миры Кира Булычева» — это фантазия в свободном полете. Это юмор — то добрый и милый, то искрометный и озорной. Это — ОБАЯТЕЛЬНАЯ фантастика, фантастика причудливой игры воображения, парадоксальных, неожиданных сюжетов и симпатичных персонажей.

«Миры Кира Булычева» — книги, которые, прочитав раз, не забудешь уже никогда!

Кир Булычев — классик отечественной фантастики — творил, творит и БУДЕТ ТВОРИТЬ!

Перед вами — его произведения последних лет!

И снова с нами — его обаятельный, «фирменно» булычевский юмор, превращающийся, впрочем, теперь то в тонкую иронию, то в язвительную сатиру!

И снова с нами — полет воображения писателя, не имеющего в нашей НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ СЕБЕ РАВНЫХ!

Не пропустите!!!

ISBN 5-17-018636-3

9 785170 186365